ОБЩЕСТВО
НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура современной РОССИИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин,
Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

ОБЩЕСТВО НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: социальная структура современной РОССИИ

Под ред. Н.Е. Тихоновой

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕСЬ МИР»
2022

УДК 316.343.623
ББК 60.65(2Рос)
О 28

Рецензенты:

д.с.н. *Е.Р. Ярская-Смирнова,*
д.с.н. *Ю.В. Латов*

Книга подготовлена авторским коллективом в составе:

Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина,
А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

О28 **Общество неравных возможностей: социальная структура современной России** / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – 424 с.

DOI 10.55604/9785777708731
ISBN 978-5-7777-0873-1

Книга посвящена анализу социальной структуры российского общества. Авторы обращаются к относительно новому для российских исследований, но имеющему фундаментальные теоретико-методологические основания и популярному за рубежом подходу к анализу стратификации на основании соотношения жизненных шансов и рисков. Предложена методология построения вертикальной модели стратификации российского общества на основании учета места человека в четырех ключевых сферах жизни –экономического положения, ситуации на работе, возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также особенностей потребления и досуга. В центре внимания авторов при анализе массивов эмпирических данных двух «линеек» мониторинговых исследований (РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН) специфика и динамика этой модели, особенности повседневного бытия отдельных групп в ее составе, факторы, определяющие дифференциацию их жизненных шансов и рисков, а также межгрупповая мобильность.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

УДК 316.343.623
ББК 60.65(2Рос)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0873-1

© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Весь Мир», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

Раздел 1.
МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 17

Глава 1. **Теоретико-методологические подходы к анализу стратификации по жизненным шансам и рискам** 17

Теория М. Вебера: классическая трактовка жизненных шансов 18

Развитие классической трактовки жизненных шансов в зарубежной социологии 26

Эмпирические исследования социальной дифференциации российского общества 36

Выводы 42

Глава 2. **Методология и методика построения модели стратификации российского общества на основе оценки жизненных шансов и рисков** 45

Теоретико-методологические основания модели стратификации по жизненным шансам и рискам 47

Операционализация признаков места в модели стратификации российского общества 51

Интегральная модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам 59

Выводы 68

Глава 3. **Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность** 72

Особенности социально-демографического и социально-экономического состава разных страт 76

Динамика модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков 87

Межгрупповая мобильность и проблема устойчивости выделенных страт на микроуровне 94

Выводы 101

Глава 4. **Территориально-поселенческие особенности стратификации российского общества** 105

Особенности позитивной и негативной привилегированности жителей разных типов поселений в различных сферах жизни 105

Модели стратификации по жизненным шансам и рискам в разных типах поселений 121

Выводы 126

Глава 5. **Модель структуры российского общества на основе композиции жизненных шансов и рисков в различных сферах жизни** 128

Байесовский латентный классовый анализ и результаты оценок BLCA 132

Основные эмпирические классы российского общества 141

Выводы 150

Глава 6. **Соотношение негативной привилегированности и бедности** 153

Бедность и жизнь в условиях негативной привилегированности: соотнесение феноменов 156

Социально-демографический состав нижней страты и бедных «по доходам» 160

Специфика жизненных шансов и рисков бедных и представителей нижней страты 169

Выводы 174

Раздел 2.
ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 176

Глава 7. **Ресурсы и специфика повседневной жизни представителей разных страт** 176

Обеспеченность представителей различных страт экономическим ресурсом 178

Обеспеченность представителей различных страт другими видами ресурсов 190

Выводы 204

Глава 8. **Поведенческие стратегии россиян из разных страт по улучшению своего социально-экономического положения** 209

Теоретико-методологические предпосылки анализа поведенческих стратегий россиян 209

Общая распространенность различных действий по улучшению своего материального положения 213

Адаптационные стратегии россиян из разных страт 217

Динамика стратегий социально-экономической адаптации россиян в последние десятилетия 228

Выводы 235

Глава 9. **Факторы дифференциации жизненных шансов и рисков в современном российском обществе: регрессионный анализ** 238

Дифференциация работающих и неработающих россиян по особенностям их шансов и рисков 238

Выбор переменных и построение регрессионной модели 244

Факторы неравенства жизненных шансов и рисков 256

Выводы 258

Глава 10. **Специфика идентичностей, социального самочувствия и мировоззрения основных страт российского общества** 261

Особенности идентичностей россиян из разных страт 261

Социальное самочувствие, жизненные цели и социально-психологические особенности представителей массовых страт российского общества 267

Взгляды представителей разных страт на ситуацию в России 276

Выводы 279

Глава 11. **Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт** 284

Острота монетарных и немонетарных неравенств в оценках россиян 287

Оценка справедливости неравенств и запрос на их сокращение в разных стратах 293

Субъективная социальная структура российского общества 303

Выводы 305

Глава 12. **Запрос представителей разных страт к социальной политике** 308

Запрос россиян к государству как отражение их социокультурных особенностей 311

Особенности социально-экономического положения представителей массовых слоев как фактор формирования их ожиданий от социальной политики 322

Выводы 331

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 334

ПРИЛОЖЕНИЯ 353

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 398

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 417

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время во всем мире отмечается резкий всплеск интереса к теме неравенства. Если еще 10–20 лет назад эта проблема волновала западных ученых преимущественно в контексте международных сравнений, а негативные оценки неравенств относились к развивающимся странам, то начиная с 2010-х годов об «экстремальных» и «плохих» неравенствах всерьез заговорили уже и применительно к развитым странам. В еще большей степени обсуждение неравенств и их проявлений актуализировалось в связи с последствиями пандемии коронавируса. При этом в мировой науке появляется все больше работ, посвященных проблемам усиления не только неравенства доходов, но и неравенства возможностей между людьми. Уже не только специалистам становится очевидным, что неравенства могут иметь целый ряд непрямых негативных последствий – искажать стимулы к накоплению человеческого капитала, снижать социальную мобильность, способствовать утрате мотивации к труду, существенно препятствовать реализации многих других социально значимых общественных целей. Другими словами, чисто экономические неравенства постепенно уступают место неравенствам жизненных шансов в различных областях жизни. Одновременно с этим трансформируется и само пространство немонетарных возможностей и лишений – на фоне традиционных появляются новые их виды, а с точки зрения анализа социальной стратификации положение людей все чаще дифференцируется не только по тем возможностям, которые у них есть, но и по лишениям, которые они испытывают, или рискам, которые им угрожают.

Все это ставит новые вопросы при изучении социальной структуры современных обществ. Исследовательская парадигма современных исследований социальной структуры должна учитывать многомерный и подчас противоречивый характер социального неравенства, характеризующегося как монетарными, так

и немонетарными измерениями. При этом задачи таких исследований уже не могут ограничиваться лишь простым описанием различий (социальной дифференциации), а должны быть направлены на изучение социальной стратификации, т.е. композиции различных слоев и групп в контексте неравенства их жизненных возможностей и рисков, а также определение горизонтального или вертикального характера этой композиции. Отдельной задачей современного исследования проблем социального неравенства видится учет его национальной или региональной специфики. Ключевым здесь является вопрос о том, какая модель стратификационной системы характеризует конкретное общество или локальное сообщество.

Как известно, в современной научной литературе до сих пор не сложилось единого мнения о том, какая модель стратификации присуща современной России, хотя для отечественной социологии вопрос о социальном неравенстве вообще и социальной структуре российского общества в частности традиционно выступает одним из ключевых. Весьма распространенным взглядом на конфигурацию социального неравенства является убеждение, согласно которому современное российское общество – неклассовое. Главная аргументация данной позиции исходит из тезиса о том, что в капиталистическом обществе классовая принадлежность детерминируется через позицию в производственных отношениях, регулируемых рынком, однако в постсоветской России условия для этого либо еще не созданы, либо существенно деформированы под действием нерыночных сил.

Более взвешенная позиция состоит в том, что социальная структура российского общества складывается под влиянием как рыночных, так и нерыночных факторов. Осмысление этих процессов нашло свое отражение в многообразии теоретических взглядов на модель стратификации постсоветской России. Одни ученые говорят о ренессансе сословной стратификационной системы; другие указывают на ключевую роль отношений «власть–собственность» как базовой черты постсоветского неоэтакратизма; третьи применяют различные концепции классового анализа, утверждая, что в России уже сложились ядра классов, каждое из которых имеет свою специфику.

Авторы предлагаемой читателям монографии надеются, что их коллективный труд позволит прояснить ряд вопросов, относящихся к проблематике структуры современного российского общества. В монографии мы обращаемся к относительно новому для

российских исследований, но имеющему фундаментальные теоретико-методологические основания и берущему свое начало еще от работ М. Вебера подходу к анализу стратификации и социальной структуры на основании жизненных шансов[1].

Концепция жизненных шансов и рисков, на наш взгляд, имеет большой потенциал для исследований социальной стратификации. Жизненные шансы как признаки имеющихся дополнительных по отношению к средней существующей в обществе норме возможностей, а также жизненные риски как индикаторы определенных лишений или ограничений, также рассматриваемых как отклонения от социетальной «нормы», могут выступать в современном мире в качестве самостоятельных индикаторов для определения позиции индивида в социальной структуре, а не только являться следствием занятия им той или иной позиции. Пространство жизненных шансов и рисков многомерно; в нем можно выделить несколько ключевых «осей социальных координат», комплексно характеризующих положение индивида и не сводящих его только лишь к экономическому положению или позиции в производственных отношениях.

Подобный подход открывает широкие возможности для анализа социальной структуры и социальной стратификации современного общества. Доминирование в жизни определенных групп населения совокупных шансов или рисков позволяет выделить основные элементы вертикальной социальной иерархии – страты, качественно различающиеся своим положением в социальном пространстве. Анализ различных вариантов композиции жизненных шансов и рисков в разных сферах позволяет также построить модели социальной структуры общества, сочетающие вертикальную и горизонтальную стратификацию. Кроме того, такой подход позволяет четче представить себе структуру российского общества с учетом образа жизни и повседневных реалий составляющих его массовых социальных групп в условиях, когда не решен еще вопрос о самом типе этой структуры.

---

[1] Концепция жизненных шансов – краткое и условное ее название, поскольку самим М. Вебером учитывались как реальные жизненные возможности и потенциальные шансы человека, так и его реальные лишения и потенциальные риски. Однако устоявшееся в науке ее название связано именно с упоминанием жизненных шансов. Тем не менее, чтобы подчеркнуть более многогранный характер этой концепции, далее в книге мы будем говорить и о жизненных возможностях или жизненных шансах, и о депривациях (лишениях) и рисках. Во всех этих случаях речь будет идти об одном и том же подходе.

Особую актуальность целесообразности построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам, а также анализу особенностей отдельных групп в ее составе придает специфика нынешнего этапа социально-экономического развития страны. Период после выхода из экономического кризиса 2014–2016 гг. можно было охарактеризовать как «негативную стабилизацию» – доходы населения прекратили свое падение, однако их стабилизация произошла на более низком уровне, чем до кризиса. Последовавший за этим коронакризис привел к дальнейшему ухудшению социально-экономической ситуации, отразившемуся, в частности, в сокращении реальных доходов населения, усложнении ситуации на рынке труда, снижении показателей социального самочувствия граждан и пр. В этих условиях остро встают вопросы не только о количественных оценках уровня доходов россиян, но и о том, в чем проявляются в первую очередь отклонения депривированных слоев от социальной «нормы», какими шансами и рисками характеризуется повседневная жизнь различных групп, как их соотношение определяет доступные для россиян поведенческие стратегии, влияет на их оценку общественных неравенств и роли государства. Более того, поскольку возможности дальнейшего развития России в условиях глобальных технологических и социально-экономических трансформаций во многом зависят от потенциала ее населения, который, в свою очередь, тесно связан с возможностями и лишениями, характеризующими жизнь представителей разных социальных групп, то жизненные шансы и риски населения во многом определяют и «коридор возможностей» для различных сценариев будущего страны, влияя на готовность и возможности разных социальных групп поддержать тот или иной вектор развития, включаясь в инициативы, предлагаемые государством.

В теоретическом плане предложенный подход вносит вклад в дискуссию о новых индикаторах и механизмах стратификации, «работающих» в условиях современной России, а также характере сложившейся в ней социальной структуры. Несмотря на важность и фундаментальность этой темы, серьезных работ, посвященных поиску моделей стратификации современного российского общества и комплексной характеристике социальных групп в ее составе (особенностям их повседневной жизни, нормам и идентичностям, поведенческим стратегиям и т.д.), особенно с привлечением материалов недавних эмпирических исследований, почти нет. В последнее время в отечественной литературе традиционно больше вни-

мания уделяется отдельным социальным группам – например, бедным или среднему классу. При этом практически отсутствуют попытки комплексного анализа социальной структуры российского общества с учетом новых форм социального неравенства.

Важно отметить, что дискуссии об усилении неравенства в развитых странах часто обращаются к проблеме отрыва немногочисленной «верхушки» от основной массы населения. Это касается, прежде всего, концентрации доходов и богатства в руках верхних 1–5% населения – проблеме, безусловно, актуальной и для России. По степени концентрации доходов и богатства наша страна является одним из лидеров на международном фоне, о чем говорят данные целого ряда международных исследований[2]. Более того – о состоящей максимум из нескольких процентов населения страны «верхушке» общества говорят даже как о «правящем классе» или особом сословии. Однако проблема социальных неравенств, лежащих в основе социальной структуры современного российского общества, не сводится к противостоянию этой «верхушки» и массовых слоев населения. Она гораздо глубже и сложнее – ведь остальное население также сильно дифференцированно между собой, причем не только по доходам, но и по тем реальным возможностям и жизненным шансам, которые существуют в их жизни, а также тем депривациям и рискам, которым они подвергаются. Эти различия не так очевидны и не так «бьют в глаза», поэтому обычно не становятся предметом научного анализа, хотя заслуживают самого серьезного внимания. Именно к дифференциации массовых слоев населения в контексте неравенства возможностей в экономических и внеэкономических сферах мы и хотели бы поэтому обратиться в данной книге, оставив «за скобками» как верхние несколько процентов россиян, не попадающих в массовые опросы и характеризующиеся совсем иной моделью жизни, так и представителей «социального дна».

Общая логика предлагаемой читателю книги выстроена следующим образом. Первый раздел посвящен методологии и методике построения моделей социальной стратификации по основанию жизненных шансов и рисков с учетом как их многочисленности, так и их композиции[3]. В нем представлен подробный обзор исполь-

---

[2] Например, данные международной базы о неравенствах *World Inequality Database*, над которой работают Т. Пикетти с коллегами, отчеты *Credit Suisse* и др.

[3] Авторами глав, входящих в первый раздел книги, являются: В.А. Аникин (главы 1 и 5), Ю.П. Лежнина (глава 4), С.В. Мареева (главы 3 и 6), Н.Е. Тихо-

зующихся в российской и зарубежной литературе теоретико-методологических подходов к анализу жизненных шансов и рисков индивидов в различных областях. Затем описана авторская методология построения вертикальной модели стратификации российского общества на основании учета жизненных шансов и рисков в четырех ключевых сферах жизни (экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала, потребление и досуг). Предложенный подход позволил выделить три страты, различающиеся возможностями и лишениями, характеризующими их повседневность. Особое внимание уделено общей характеристике полученной модели социальной стратификации, в том числе ее специфике в пространственном измерении, а также динамике в последние годы. Представлен анализ состава трех страт и социальной мобильности их представителей. Отдельным фокусом внимания выступило также сравнение представителей наименее благополучной страты с бедными, выделенными в рамках официально принятого в России до 2021 г. подхода, основанного на использовании прожиточного минимума. В первом разделе представлены и результаты построения апостериорной модели структуры российского общества на основе композиции жизненных шансов и рисков в отдельных сферах, реализованного с помощью байесовских методов латентного классового анализа.

Второй раздел книги[4] посвящен детальному сравнительному анализу трех страт, выделенных на основе концепции жизненных шансов. В нем рассматриваются специфика ресурсообеспеченности их представителей, а также характерные для них социально-экономические адаптационные стратегии. Логичным продолжением этого сюжета стал анализ объективных и субъективных факторов, определяющих дифференциацию жизненных шансов и рисков, проведенный с помощью методов эконометрического анализа. Несколько глав второго раздела посвящены также субъективным особенностям выделенных страт – проанализированы нормы, ценности и идентичности их представителей, восприятие

нова (глава 2), Е.Д. Слободенюк (главы 3 и 6). В.А. Аникин и С.В. Мареева являются также авторами Введения к данной книге.

[4] Авторами глав, входящих во второй раздел книги, являются: А.В. Каравай (главы 8 и 9); Ю.П. Лежнина (глава 12), С.В. Мареева (глава 11), Н.Е. Тихонова (главы 7, 8, 10). Н.Е. Тихонова является также автором Заключения к данной книге.

ими социальной структуры и социальных неравенств в современной России, а также их запрос к социальной политике государства.

Реализация столь непростого замысла стала возможна в том числе благодаря использованию для анализа богатой эмпирической базы. Ее основу составили данные широко известного во всем мире Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за ряд лет с выборкой более 9000 респондентов в каждой волне, а также данные нескольких волн общероссийского Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015–2021 гг. (выборка в 2015–2018 гг. – 4000, в 2020–2021 гг. – 2000). Кроме того, в работе использовались данные ряда тематических общероссийских репрезентативных исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем, Института комплексных социальных исследований РАН и Института социологии ФНИСЦ РАН разных лет[5], выборка которых была разной по численности, но идентичной по построению выборке Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. За основу эмпирического анализа был выбран 2018 г., который позволил обеспечить, во-первых, прямое сравнение баз Мониторинга ФНИСЦ РАН и РЭЗ НИУ ВШЭ в силу сопоставимости использовавшихся индикаторов, и, во-вторых, как относительно стабильный некризисный год, позволяющий получить картину, не искаженную ситуационными социально-экономическими изменениями, которые с разной скоростью могли разворачиваться в разных социальных группах в другие годы. Однако по ряду сюжетов (там, где это позволял эмпирический материал) динамика отслеживалась нами до 2021 г. включительно.

В заключение хотелось бы выразить нашу искреннюю благодарность директору Института социологии ФНИСЦ РАН и научному руководителю ФНИСЦ РАН академику М.К. Горшкову за предоставленные для исследования данные и неизменную поддержку нашего научного коллектива на всех этапах его работы. Благодарность хотелось бы выразить и директору Института социальной политики НИУ ВШЭ Л.Н. Овчаровой, при поддержке которой была проведена значительная часть работы авторов по данному направлению, а также руководителю РМЭЗ НИУ ВШЭ П.М. Козыревой за ее неизменно доброе отношение к нашим начинаниям. Особо хотелось бы отметить и то, что исследование

[5] Подробнее использованные массивы данных охарактеризованы в Приложении В.1.

стратификации по жизненным шансам и рискам, результаты которого представлены в данной книге, явилось одной из составных частей проекта, осуществленного при финансовой поддержке Российского научного фонда[6].

[6] Речь идет о проекте № 17–78–20125 «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на “коридоре возможностей” развития страны?» (2017–2022 гг.).

Раздел 1
МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу стратификации по жизненным шансам и рискам[1]

Рост интереса к проблемам неравенства, характерный для экспертного сообщества последних десятилетий, во многом был связан с нарастанием структурных рисков и турбулентности в современном мире в контексте перехода к новой реальности, основанной на постоянных изменениях [Best, 2020]. Пока одна часть населения даже развитых стран [Hurley et al., 2019] усиленно боролась с возрастающими рисками прекаризации и ухудшения качества рабочих мест [Kalleberg 2011; 2018; 2021], а также массового обеднения среднего класса [Rodrik, Stantcheva, 2021], другая часть укрепляла свои позиции и увеличивала свой «отрыв» от других массовых слоев населения как по имеющимся у нее возможностям, так и по формирующимся под их воздействием результатам [Аткинсон, 2018]. Эти тенденции наблюдались во всех развитых странах, разворачиваясь в них с разной интенсивностью, и Россия не стала исключением. Однако политиками и даже рядом экспертов недооценивается системный характер лишений и рисков, имеющихся у людей в разных сферах, когда одни из них неизбежно влекут за собой другие. Еще больше обострились эти проблемы во время пандемии коронавируса.

В этих условиях поиск простых решений, направленных на выравнивание «неравенства результатов», т.е. доходных неравенств (например, введение прогрессивной шкалы налогов или

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Аникин, 2018].

простое перераспределение средств в пользу каких-то социальных групп – от малообеспеченных семей до одиноких пенсионеров), обречен на провал, поскольку не затрагивает сути проблемы неравенств и не изменяет глубинных основ неблагоприятного положения индивидов и их семей. Поэтому так важно понимать, какие жизненные шансы и риски имеют наиболее фундаментальную природу с точки зрения влияния их на позиции индивидов в системе социального неравенства. Эта задача впервые была поставлена в рамках многомерного подхода к стратификации в теории М. Вебера.

Теория М. Вебера: классическая трактовка жизненных шансов

Центральной для стратификационной теории М. Вебера [Weber, 1978] является его концепция **«жизненных шансов»** (нем. – *Lebenschancen*). М. Вебер ввел это понятие для того, чтобы выделить классы (нем. – *Klasse*) в более широком, чем традиционная марксистская их трактовка, понимании. Под классами он подразумевал совокупность людей, характеризующихся наличием схожих жизненных шансов в различных областях, причем основу этой схожести жизненных шансов он, как и К. Маркс, усматривал в экономическом положении индивидов, но не ограничивался констатацией данного факта. Это означает, что, по мнению М. Вебера, общность жизненных шансов, во-первых, относится к возможностям обладать разного рода благами, в том числе и неэкономическими, а во-вторых, обусловливается и регулируется условиями на товарных рынках и рынке труда. М. Вебер ввел также понятие «классовой ситуации», которую он определял как «типичные шансы по производству благ, внешних жизненных условий, а также накопленного жизненного опыта» [Weber, 1994: 114]. Введение в понятие классовой ситуации «внешних жизненных условий, а также накопленного жизненного опыта» резко расширяло берущее свое начало от К. Маркса понимание класса как такой совокупности индивидов, в основе общности интересов которых лежит только общность их места в производственных отношениях. М. Вебер же, как видим, говоря даже об экономическом классе, включал в понятие лежащей в его основе общности классовых ситуаций также особенности повседневного бытия человека (его «внешние жизненные условия») и особенности его мировоззрения, поведенческих практик («накопленный жизненный опыт»).

Жизненные шансы, по мнению М. Вебера, определяются прежде всего наличием, объемом и характером власти, необходимой для преобразования в доход в рамках существующего экономического порядка имеющегося имущества или накопленных навыков и компетенций. В этом отношении он следует за К. Марксом, считавшим основанную на праве собственности экономическую власть основой для классового деления. Однако сфера влияния этой власти у М. Вебера гораздо шире и включает в себя не только структурирование социальных позиций в экономической сфере, и даже не только выстраивание определенной иерархии социальных слоев [Scott, 2007]. Эта власть в его понимании обусловливает и неравенство жизненных шансов индивидов практически во всех областях жизни (хотя, разумеется, отношение к экономической власти далеко не единственный фактор, влияющий на разницу этих шансов – в их числе для М. Вебера выступали и религия, и национальность, и многие другие характеристики).

Такой многомерный подход к анализу социального неравенства, характерный не только для самого М. Вебера, но и для его последователей, работавших в рамках неовеберианской традиции, обеспечивает его преимущество перед другими направлениями классового анализа. К числу последних относятся те, в рамках которых класс идентифицируется через место его представителей только в системе собственности или доходного неравенства [Wright, 2005a], а также нео-дюркгеймианское направление (выводящее классовую структуру из родов деятельности [Weeden and Grusky, 2005]) или развившийся под влиянием идей М. Вебера о роли основанного на престижности позиций индивида социального статуса псевдо-«неклассовый» подход к анализу социального неравенства, в основе которого лежат либо многочисленные вариации индекса социально-экономического статуса [Duncan, 1961], либо основанные преимущественно на экономических неравенствах, хотя и включающие в себя также показатели, относящиеся к социально-психологическому состоянию индивидов, индексы благосостояния и депривации.

В основе преимущества подхода М. Вебера и его последователей к системе неравенств и их специфической комбинации для разных групп лежит прежде всего то, как они используют понятие «классовой ситуации». Аналитически именно понятие «классовой ситуации» является своеобразным мостиком, который смыкает экономическое положение индивидов и их социальную дифференциацию вообще или социальную стратификацию, в частно-

сти. Классовая ситуация формируется на основе распределения ресурсов, значимых для места в отношениях власти, при условии, что эти ресурсы включены в отношения собственности и участвуют в рыночных отношениях, хотя, как уже отмечалось выше, не сводится только к ним [Weber, [1968] 1978]. Согласно М. Веберу, индивиды или группы, находящиеся в схожей классовой ситуации, имеют и схожие жизненные шансы, или, другими словами «общие возможности потребления благ, достижения определенной социальной позиции, а также обретения внутренней удовлетворенности» [Weber, 1978: 302][2]. С другой стороны, общность жизненных шансов характеризуется «однородной» [Daston, 2008] классовой ситуацией[3]. Таким образом, концепция жизненных шансов позволяет выделять однородные группы, члены которых находятся в схожих жизненных ситуациях, определив их как «классы», в тех случаях, когда в основе этой схожести лежат их опосредованные рынком позиции в отношениях власти и собственности, которые генерируют общность их жизненных шансов в системе монетарных и немонетарных неравенств, характеризующих различные стороны их повседневной жизни, включая социальное самочувствие и самоощущение своего статуса в обществе.

Еще раз подчеркнем, учитывая важность этого обстоятельства, что, согласно М. Веберу, распределение жизненных шансов основано на рыночных механизмах и зависит от тех ресурсов, с которыми индивиды на него выходят. Другими словами, рынок является основным источником неравенства жизненных шансов.

---

[2] К сожалению, потенциалу веберовской концепции классовой ситуации уделяется недостаточное внимание даже в современной западной литературе, не говоря об отечественных исследователях. Из числа последних наиболее интересных работ, где она была использована для анализа ситуации в конкретном обществе, стоит отметить проведенную К. Смитом операционализацию классовой ситуации на примере Великобритании середины 2000-х годов: [Smith, 2007].

[3] Стоит отметить, что Л. Дэстон считал, что понятие жизненных шансов применимо не только к индивидам, но и к социальным группам, для анализа которых оно может иметь даже бóльшее значение. При этом использование данного понятия предполагает оценку статистических закономерностей, применимых к однородным категориям индивидов (гомогенным социальным классам) [Daston, 2008]. В методологическом отношении это довольно ценное замечание, обосновывающее не только математическое выделение основанных на общности их жизненных шансов классов в рамках массивов эмпирических данных, но и позволяющее анализировать место отдельных социальных групп (поселенческих, профессиональных и т.д.) в системе основанных на жизненных шансах неравенств.

В этом проявляется экономический детерминизм классовой теории М. Вебера [Wright, 2005a], которая рассматривает класс через призму «социальных отношений экономической жизни» [Chan, Goldthorpe, 2007: 3][4]. Материальные активы, приносящие ренты, оцениваются им как главные ресурсы в обществах капиталистического типа, причем главным таким активом является для М. Вебера собственность, используемая для получения дохода. Заслуживает особого внимания максимально широкая трактовка видов такой собственности, которой придерживался М. Вебер: доходные дома, предприятия, складские помещения, магазины, пригодные для земледелия земли, банковские вклады, ценные бумаги, шахты и нефтяные вышки, скот, деньги или объекты, которые могут быть легко и в любое время обменены на деньги. Особенно важны при этом те виды собственности, которые обеспечивают не только право на рентный доход, но и на активное включение во властные отношения, в частности контроль за рынком в силу монопольных позиций на нем, контроль над продуктами собственного труда или труда других и т.д.

Поскольку использование собственности на рынке приносит, по М. Веберу, определенный доход ее владельцам, то первым основанием для классового деления является наличие рентоприносящей собственности. Индивиды и группы, которые живут на доход от крупной собственности, образуют, согласно ему, так называемый «класс собственников», или крупную и среднюю буржуазию. В их число могут входить не только предприниматели, но и рантье. В случае же, когда индивиды не обладают такого рода собственностью или не используют ее на рынке для получения дохода, основную стратифицирующую роль играют возможности получения рент при оказании услуг в системе рыночных отношений, причем услуги эти М. Вебер понимал весьма специфически. Принципиальным моментом становится в этом случае владение

---

[4] Основные неэкономические основания стратификации М. Вебер оставляет за понятием «статуса» (нем. – *Stand*), понимаемого через категорию социального престижа, основанного на образе жизни, уважении и связанной с ним специфики профессиональной деятельности [Weber, 1978]. Веберовское противопоставление класса и статуса уже привлекало внимание ряда авторов [Bourdieu, 1984; Parsons, 1963; Weininger, 2005]. См. также современные стратификационные исследования, основанные на веберовском различении статуса и класса [Chan, Goldthorpe, 2004; 2007]. Однако в данном случае речь идет о преимущественном фокусе внимания, поскольку даже при анализе классовой ситуации, а не статуса М.Вебер не ограничивается чисто экономическим характеристиками, хотя и не использует понятия престижа и статусной иерархии.

навыками и знаниями, а точнее – их уровень. Именно за счет этого вида нематериальных ресурсов обеспечивается, по М. Веберу, экономическая дифференциация индивидов, не имеющих иной приносящей доход собственности, и это качественно отличает его подход от подхода К. Маркса, который практически не дифференцировал внутри себя группу наемных работников. Для получающих доход на свои знания индивидов принципиальным фактором, обусловливающим их попадание в класс, который М. Вебер называл «достижительным классом» (англ. – *Acquisition class*)[5], является качество их образования, связанное в том числе и с получением определенных компетенций.

Помимо этих двух классов, М. Вебер выделял еще и группы, которые получают отдачу не от собственности и не от знаний, а исключительно от деятельности на занимаемом рабочем месте, связанной с использованием преимущественно практических навыков – того, что в англоязычных переводах работ М. Вебера закрепилось за понятием *Training*. В числе этих групп: а) весь рабочий класс, б) мелкая буржуазия (в оригинале на немецком у М. Вебера *Kleinbürgertum*), что соответствует современным понятиям «самозанятые», «семейный бизнес» и «микробизнес»; в) та часть лиц умственного труда, которая не попадает в силу отсутствия у них уникальной квалификации в «достижительный класс» (рядовая «интеллигенция» – инженеры, служащие и т.д.) и которая очень гетерогенна. Именно в силу этой гетерогенности жизненные шансы представителей интеллигенции могут быть крайне разнообразны и определение их конкретного места в рамках вертикальной стратификации общества предполагает необходимость специального анализа.

Таким образом, признавая многообразие материальных и нематериальных активов, которые могут приносить доход, М. Вебер выделял на их основе разные классы, характеризующиеся специфическими жизненными шансами. Верно для М. Вебера и обратное – специфика жизненных шансов позволяет обеспечить

---

[5] В российской традиции этот класс иногда называют «стяжательским классом», «предпринимательским классом» или «господствующим классом», поскольку личные особенности представителей этого класса обусловливают их личную активность и позволяют даже диктовать работодателю свои условия. Однако при таком переводе фактически игнорируются «достижительные» основания попадания в данную группу, связанные с наращиванием и развитием квалификации, в результате чего отличие этой группы от класса собственников становится менее очевидным.

идентификацию классовой принадлежности человека и прогнозировать характерные для него социальные действия.

Методологическое ядро веберовского подхода к анализу жизненных шансов составляет дифференциация социального пространства через призму **позитивной** и **негативной привилегированности**[6] классовых ситуаций, в которых находятся конкретные индивиды в рамках вертикального структурирования социальных позиций по отношению к типичным для определенного общества. К показателям позитивной привилегированности класса собственников М. Вебер относил следующие их возможности [Weber, 1978: 303]: а) возможность приобретения дорогостоящих потребительских товаров; б) возможность устойчивой монополизации рынков сбыта производимых товаров и услуг; в) возможность накопления собственности посредством непотребленного излишка; г) возможность накопления сбережений и, следовательно, наличие возможностей инвестировать накопленную собственность в займы; д) возможность контроля за исполнительским трудом в коммерческих организациях; е) возможность монополизации социально привлекательных, финансово затратных и престижных видов образования. Почти все эти возможности характеризуют только класс собственников.

Индивиды и группы, которые могут предложить рынку лишь услуги, различаются в той степени, в какой оказываемые ими услуги полезны их получателям. К признакам позитивной привилегированности «достижительного класса» М. Вебер относил возможности: а) монополизировать сферу управления эффективно работающих предприятий; б) обеспечивать безопасность и стабильность своего экономического положения, в том числе – путем влияния на экономическую политику организации и/или политические институты, а также некоторые привилегии, характерные в первую очередь для класса собственников. Если проводить аналогии с марксизмом, то в данном случае речь идет о людях, которые «обслуживают» капитал или им управляют. Однако если К. Маркс не видел особой разницы между капиталистом и тем, кто управляет его капиталом (в силу того, что управление капиталом автор

---

[6] Несмотря на то, что данный терминологический оборот является непривычным для отечественного обществоведческого дискурса, фокус на привилегированности в разных сферах является центральным для раскрытия концепции жизненных шансов М. Вебера и его классовой теории в целом. По этой причине мы будем следовать этой терминологической форме, которая, как будет показано ниже, несет в себе много полезного содержания.

рассматривал как особую функцию капитала), то для М. Вебера владение капиталом и управление капиталом – это индикаторы двух совершенно разных классов. Это связано, видимо, с тем, что к началу XX века, когда М. Вебер писал свои основные работы, профессиональное управление и обслуживание капитала приобрело достаточно массовый характер – сложились основы профессий финансистов, банкиров, топ-менеджеров, которые традиционно наделялись определенным влиянием внутри организации, включая очень высокую автономию труда. Впоследствии эти изменения были учтены в аналитическом марксизме [Wright, 2005b], к положениям которого мы еще вернемся ниже.

Что касается положительной привилегированности остальных групп, то она может обеспечиваться, согласно М. Веберу, только у интеллигенции, которая может получать ренты на образование, а иногда – и на какие-то виды материальной собственности. Учитывая положение в тот период рабочих, а также мелкой буржуазии (под которой в западной традиции, как уже отмечалось выше, обычно имеются в виду имеющие мелкий семейный бизнес, самозанятые и т.п. категории), априорное исключение их как группы из числа имеющих возможности для позитивной привилегированности неудивительно, хотя индивидуальные исключения из этого правила возможны.

Негативная привилегированность, по М. Веберу, возможна для представителей всех классов, но встречается у них с разной вероятностью и проявляется по-разному. Так, для представителей класса собственников она может быть связана с банкротством или долгами, которые ставят человека в зависимое положение, то есть делают его объектом доминирования и способны даже обусловливать экстраординарные материальные лишения. Впрочем, для этого класса такое положение является достаточно редким исключением и в подавляющем большинстве случаев существует на фоне сохранения доминирования позитивной привилегированности. Негативная привилегированность «достижительного класса» может быть связана с отчуждением от управления капиталом и/или неспособностью обеспечить безопасность и стабильность своего экономического положения. Поскольку эта группа людей неоднородна, то для разных ее подгрупп такая ситуация будет иметь разную вероятность. Однако, в целом, негативная привилегированность для этого класса также нехарактерна, встречается в нем достаточно редко и даже в этом случае доминирует обычно все же позитивная привилегированность.

Что касается остальных групп, то негативная привилегированность в них характеризует, на взгляд М. Вебера, в основном лиц, занятых физических трудом, вынужденных продавать лишь свою способность к нему и занимающих вследствие этого низкое положение как в профессионально-должностной, так и в статусной иерархии. В этой связи примечательно, что к негативно привилегированному классу М. Вебер относил не только рабочих, но также пролетариев «в том смысле, как этот термин понимался в эпоху Античности»[7] [Weber, 1994: 123], то есть всех бедных, безотносительно к наличию у них работы.

Наряду с полярными ситуациями доминирования позитивной и негативной привилегированности М. Вебер выделял также ситуации, характеризующие промежуточное положение между ними и типичные для «среднего» гражданина. Возможности занимающих такое срединное положение сильно ограничены либо малым объемом собственности, либо сравнительно низкой позицией в должностной иерархии, либо недостаточно выгодной для них ситуацией на рынке. В качестве примеров таких групп М. Вебер приводит фермеров и ремесленников, мелких и средних чиновников и должностных лиц, занятых как в коммерческих, так и в государственных структурах, часть лиц свободных профессий (художников, артистов и т.п.) и ряд других групп. Таким образом, представители срединной группы в системе неравенств, образованных отношениями позитивной и негативной привилегированности, – это в основном интеллигенция, мелкая буржуазия и т.п., хотя далеко не все представители этих групп занимают срединное положение в иерархии привилегированности.

Таким образом, часть общества, по М. Веберу, находится в положении позитивной привилегированности, а часть – в ситуации негативной привилегированности, причем у некоторых индивидов может не быть признаков никакой из них. При этом для кого-то признаки позитивной и негативной привилегированности могут совмещаться и взаимонакладываться друг на друга, и, как правило, эти люди занимают средние позиции в социальной иерархии. Более того – в каждом выделенном Вебером экономическом классе (классе собственников, «достижительном классе» и т.д.) можно встретить людей, находящихся на разных позициях

---

[7] Видимо, имеются в виду неимущие граждане Рима, которые служили городу тем, что производили потомство, поскольку в силу своей бедности они были освобождены от налогов и не допускались к службе в легионах. Сам автор более подробных пояснений не дает.

в системе неравенств, но вероятность попасть на них у представителей разных классов различна.

В целом у М. Вебера. как и у К. Маркса, можно развести собственно концепцию классов, основанную на реалиях современного ему общества, и методологию их выделения, основанную на определении места человека в системе неравенств с учетом его позитивной и негативной привилегированности. При этом в основе места в этой системе неравенств лежат экономические факторы, связанные с рыночными позициями человека, и в этом плане о них также можно говорить как об объективных классовых различиях. Именно эта методология анализа классовых ситуаций, не привязанная к состоянию конкретного общества в определенной временно́й точке и основанная на идее выделения групп, имеющих относительно бо́льшие и относительно меньшие, чем типичные для данного общества, жизненные шансы и риски в разных областях, и сегодня является, на наш взгляд, очень плодотворной для анализа социальной структуры в методологическом плане. Именно ее мы и положили в основу нашего анализа социальной структуры современного российского общества. При этом для обозначения групп, выделенных на основе их места в системе позитивной и негативной привилегированности, мы использовали понятие «страты». Что же касается возможности интерпретировать эти страты как классы, т.е. как группы, различающиеся имеющимися у них активами, местом в системе рыночных отношений и возможностями доминирования, то к этому вопросу мы еще вернемся в конце книги.

Развитие классической трактовки жизненных шансов в зарубежной социологии

Практически сразу концепция жизненных шансов М. Вебера получила всемирное признание и дальнейшее развитие, хотя углубление этой концепции и даже сама трактовка жизненных шансов у разных авторов с самого начала заметно различались и различаются до сих пор. Так, Э. Гидденс понимал жизненные шансы как «возможности, которыми индивид обладает при распределении социально созданных экономических или культурных благ, которые обычно присутствуют в любом обществе» [Giddens, 1973: 130–131]. Д. Эйцен и М. Зинн настаивали, что характерная особенность жизненных шансов состоит в том, что они описывают долгосроч-

ную ситуацию в жизни, поскольку характеризуют шансы на «качественную жизнь» и «благоприятный опыт на протяжении всего жизненного пути» [Eitzen, Zinn, 1989]. Р. Брин предлагал рассматривать имеющиеся у индивидов жизненные шансы прежде всего через получение доступа к редким и ценным благам [Breen, 2005]. Более того – по мере роста значимости нематериальных активов не только в экономике, но и в социуме в целом [Becker, 1962; Grusky, 2001], число сфер, жизненные шансы в которых необходимо учитывать при стратифицировании общества, возрастало. В этой связи анализ поствеберианского опыта операционализации концепции жизненных шансов структурирован ниже по ключевым доменам (областям), охватывающим экономические и неэкономические сферы жизни общества.

Экономические домены

Как было отмечено выше, ключевой сферой, в которой наблюдается (и, следовательно, должно анализироваться) неравенство жизненных шансов в индустриально развитых обществах, является экономическая. Развитие неовеберианских взглядов на жизненные шансы и их применение для анализа развитого индустриального общества привело к разделению учеными этой сферы и жизненных шансов в ней на три относительно самостоятельных домена: 1) сферу «экономической безопасности», замыкающуюся на отношение к собственности и финансовые возможности; 2) производственную сферу, характеризующую возможности в сфере труда и занятости, а также 3) сферу потребления, связанную с уровнем жизни.

Операционализация сферы экономической безопасности фактически конкретизирует и уточняет показатели, предложенные М. Вебером для экономического класса. Так, к показателям положительной привилегированности в сфере экономической безопасности, даже при отсутствии этой терминологии, авторы обычно относят: а) наличие дополнительной ликвидной недвижимости, которая может либо сдаваться в аренду, либо быть продана, т.е. использована на рынке для получения дохода, а также б) наличие крупных банковских вкладов, сбережений и различных форм инвестиций, позволяющих прожить на них длительное время (например, не менее полугода-года) при утрате обычных источников дохода. К показателям негативной привилегированности ими относятся: а) наличие множественных или крупных долговых обязательств и нетипичных для большинства населения неэластичных расходов, которые сни-

жают контроль над доходом и увеличивают риск обеднения [Van Kempen, 1994], а также б) нестабильность самих доходов, вызванная отсутствием постоянной занятости [Kalleberg, Reskin, Hudson, 2000], и другие проблемы с экономической безопасностью [Chan, Goldthorpe, 2007; Erikson, Goldthorpe, 1992].

Показатели жизненных шансов в производственной сфере получили фундаментальную проработку у представителей «отношенческого» направления классового анализа, причем как у неовеберианцев [Erikson, Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, Llewellyn, Payne, 1987; Goldthorpe, McKnight, 2006], так и у неомарксистов [Dahrendorf, 1979; Scott, 2002; Wright, 1989]. Основу классового деления в рамках неовеберианского подхода составляют в этом случае отношения занятости и рыночная ситуация, измеряемые через специфику заключенного контракта и систему договоренностей, сложившихся между работодателем и наемным работником [Goldthorpe, 2002]. Альтернативная точка зрения была предложена в рамках аналитического марксизма Э. Райта, который выводил классовую структуру из специфики производственных отношений, место в которых определялось отношением к эксплуатации [Wright, 1997, 2000, 2005b][8].

Таким образом, веберовская идея степени важности «полезности оказываемых услуг» в этом домене изучения жизненных шансов дополняется некоторыми из авторов марксистскими идеями «отчуждения труда», «отчуждения в труде» и «отчуждения продукта труда». Являясь следствием отношений эксплуатации и доминирования, эти виды отчуждения проявляются не только в отсутствии контроля над продуктом труда или общим доходом от него, но также и в дифференцированном контроле над самим трудом и специфике ресурса влияния работника внутри организации [Wright, 1989]. Согласно классическому марксизму и его неомарксистским разновидностям, отчуждение в труде характерно для большинства работающего населения (главным образом, в силу отсутствия у работников собственности на такие активы, которые позволяют им значимо влиять на характер и условия своей занятости),

[8] Несмотря на то, что эти подходы связывались с разными именами их основоположников (один с именем К. Маркса, а второй – М. Вебера), они содержат достаточно много пересечений. Например, как для Дж. Голдторпа, так и для Э. Райта (особенно для поздних его работ) центральное место в их схемах занимают квалификация и востребованность человека в организации. Как бы то ни было, оба автора создали многомерные стратификационные схемы, которые составляют золотой фонд классового анализа современных обществ.

поэтому учет этого показателя со стороны «негативной привилегированности» просто по факту его наличия не позволяет выявить специфику положения групп. Гораздо показательнее рассматривать отчуждение в труде через призму минимизации этого эффекта у работников (т.е. степени отчуждения), что, при прочих равных условиях, будет свидетельствовать о более сильных переговорных позициях работника и, в целом, о наличии у него дополнительных возможностей в производственной сфере.

К положительной привилегированности в производственной сфере можно отнести как полное отсутствие отчуждения в труде по месту работы, так и ослабленные формы этого отчуждения, предполагающие наличие контроля над собственным трудом (автономность труда) и ресурс влияния на принятие решений (власти как авторитета) на работе [Erikson, Goldthorpe, 1992; Kalleberg, 2011; Gallie et al., 2014]. И то и другое может выступать дифференцирующими признаками даже для людей, находящихся на временных позициях или занятых неполный рабочий день [Tilly, 1996; Warren, Lyonette, 2018]. Особую значимость приобрела в последние годы также гибкость занятости, которая может выражаться в том, когда работать (гибкость в расписании) и где выполнять работу (гибкость локации рабочего места) [Spreitzer et al., 2017]. При этом опыт COVID-19 показал, что гибкость занятости, связанная с автономностью труда, может рассматриваться на современном рынке труда уже скорее как дополнительная возможность, обеспечивающая сохранение занятости, чем как дополнительный риск [Rani, Dhir, 2020; Spurk, Straub, 2020; Stephany et al., 2020]. В то же время в доковидную эпоху она рассматривалась скорее как проблематизирующий положение работников фактор, поскольку тогда она несла в себе ряд рисков (в особенности для использующих платформенную занятость) в виде нестабильной оплаты труда, отсутствия социальной защиты и перечисления пенсионных взносов, переработок, затрудненности профессионального развития и карьерного продвижения, социальной изоляции [Ashford et al., 2018; Kost et al., 2020; Wood et al., 2019].

В этой связи значимым показателем положительной привилегированности в сфере производственных отношений в современных обществах является уже не просто «обеспечение... рабочими местами со стороны конкретного общества, а также доступ к ним» [Dahrendorf, 1979], что было верно для индустриальных обществ, в которых незащищенность на рынке труда была сильно связана с безработицей или неформальной занятостью. Теперь на первый

план выходит наличие становящейся все более редкой в эпоху распространения нестандартных форм трудовой деятельности и различных форм прекаризации [Standing, 2011; Kalleberg 2021; Alberti et al., 2018; LaBriola, Schneider, 2020] постоянной [Mazziotta, Pareto, 2017] и институционально защищенной [Doellgast, Lillie, Pulignano, 2018] занятости, которая к тому же соответствовала бы притязаниям работников в профессиональном и карьерном плане [Porter and Steers, 1973; Staff et al., 2010; Wanous et al., 1992], а также отвечала бы критериям общественно полезной и желанной работы [Vrasti, 2021]. Все это стало особенно актуально в последнее время и, тем более в условиях пандемии, еще больше сместившей акценты на «качественные» аспекты занятости и рабочих мест [Mira, 2021].

Наличие постоянной работы само по себе, без оценки ряда других ее характеристик, больше не может считаться привилегией в постиндустриальном обществе, равно как и «наличие стандартных отношений занятости не обязательно оборачивается гарантией работы и безопасностью дохода» [Seo, 2021: 13]. С теоретико-методологической точки зрения рассмотрение жизненных шансов индивида в производственной сфере в контексте их поляризации на положительные и негативные в целом соответствует современным тенденциям в литературе, уделяющей особое внимание сегментации и «дуализации» рынков труда в постиндустриальных обществах [Brülle et al., 2019; Stier, 2012; Yoon, Chung, 2016] и делению занятых на «инсайдеров» и «аутсайдеров» рынка труда [Seo, 2021].

Еще одним значимым показателем положительной привилегированности в производственной сфере является наличие дополнительных экономических и неэкономических благ по месту занятости, зачастую связанных со спецификой контрактных отношений работника и работодателя [Erikson, Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, 2007; McGovern et al., 2007; Simon, 1991; Williamson, 1996]. К монетарным благам обычно относят оплачиваемый отпуск, пенсионное страхование, медицинскую страховку и т.д., в то время как к неэкономическим благам рабочего места относят возможности для продвижения, обучения без отрыва от производства, более высокую степень гарантий сохранения занятости, автономность труда и наличие достойного представительства работников [Dyer, 2020].

В зависимости от типа контракта жизненные возможности человека не только в плане его экономической безопасности, особенностей процесса труда или карьерных перспектив, но и в плане социальной защищенности и текущих доходов могут существенно

различаться. Это имеет особое значение для России. Так, результаты Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН показывают, что дополнительные социальные блага на рабочем месте являются редкостью не только для квалифицированных специалистов с высшим образованием, но и для менеджеров среднего звена, причем распространенность их даже в этих группах с начала 2000-х сильно сократилась [Anikin, 2017; Аникин, 2016; Тихонова, Каравай, 2017a]. С другой стороны, государство остается ключевым работодателем в современной России, а рабочие места в бюджетной сфере, как известно, при прочих равных связаны с бóльшим объемом неэкономических благ [Algan et al., 2002].

Обобщая и дополняя все вышесказанное, можно сказать, что в качестве главных компонентов негативной привилегированности в производственной сфере обычно рассматривается нахождение на профессиональных позициях с низким уровнем власти, высокими рисками длительной безработицы [Chan, Goldthorpe, 2007] и нестабильной занятостью, несоблюдением законодательства на работе (или «прав, связанных с занимаемой должностью» [Dahrendorf, 1979]), а также с неблагоприятными условиями занятости [Beck, 2009], связанными с вредными условиями труда, повышенной нормой эксплуатации и низкими зарплатами. Все это актуально и для России [Manning, Tikhonova, 2017; Аникин, Тихонова, 2014]. Актуальность этих показателей подтверждают и данные последних исследований о влиянии COVID-19 на рынок труда. Так, негативные эффекты пандемии оказались выше для тех стран, которые были наиболее уязвимы до кризиса, в частности характеризовались более высоким уровнем безработицы, нестандартной занятостью (особенно временными контрактами), большим неравенством и относительной бедностью по сравнению с остальными странами [Fana et al., 2020a].

Однако ключевыми для большинства современных приверженцев неовеберианской традиции, вопреки позиции самого М. Вебера и многих его последователей, выступают жизненные шансы в сфере потребления и досуга. Впрочем, учитывая формирование в позднеиндустриальную эпоху «общества потребления», это неудивительно, хотя и ставит под вопрос классовую природу выделенных таким образом социальных групп, подтверждая одновременно целесообразность использования для их анализа понятия «страты».

Положительная привилегированность в сфере потребления подразумевает наличие «опыта материального достатка» [Erikson,

Goldthorpe, 1992] и «перспективы продолжительного материального благополучия, в том числе в старости» [Chan, Goldthorpe, 2007; Erikson, Goldthorpe, 1992], что отражает динамический аспект проблемы, а также текущие возможности расширенного стилевого товарного потребления [Tumin, 1973], связанные с «накоплением и использованием предоставляемых товаров и услуг» [Dahrendorf, 1979] и особую комфортность жилищных условий [Popova, Pishniak, 2016]. Негативная привилегированность в сфере потребления предполагает пищевые депривации [Alkire, Seth, 2013; Давыдова, 2003], суженный, по меркам большинства населения, стандарт потребления товаров длительного пользования, а также низкий стандарт жилищных условий в месте проживания [Бедность ..., 2014; Тихонова, 2011, 2014].

Неэкономические домены

Опыт пандемии коронавируса показал, насколько важны интеграция в информационно-коммуникационные технологии и включенность в процесс непрерывного накопления человеческого капитала[9]. Те группы населения, которые были готовы к переходу в онлайн, выиграли, в то время как те слои населения, которые не имели такой возможности, преимущественно представители старшего поколения, сильно пострадали, по крайней мере в первую волну пандемии, когда пришлось адаптироваться к ситуации локдауна, что называется, «с ходу», используя имеющиеся возможности [Garcia et al., 2021]. Помимо этого, менее образованное население также пострадало сравнительно в большей степени с точки зрения роста рисков безработицы [Lee et al., 2021]. И хотя это влияние носило краткосрочный эффект, низкий уровень образования в постиндустриальном обществе и до пандемии чаще вел к негативной привилегированности и однозначно должен поэтому учитываться как фактор повышенных рисков. Однако включение этого показателя перспективно не только для оценки статусных позиций старшего поколения или низкообразованных граждан, но и всего населения, поскольку и для него значимость цифровых

[9] И та и другая характеристика в конкурентных рыночных обществах современного типа должны рассматриваться как относящиеся к экономическому домену. Однако в России, где отдачи на качество человеческого капитала низки и уже ряд лет стагнируют [Тихонова, Каравай, 2017; Тихонова, 2021], а само получение образования чаще является культурной нормой, чем инвестициями, мы сочли целесообразным отнести эти характеристики к неэкономическим доменам.

навыков и общего качества человеческого капитала прослеживалась еще до пандемии [Van Deursen, Van Dijk, 2014; Robinson et al., 2015], выросла в пандемию, а в постковидную эру будет еще более возрастать [Sá et al., 2021; Watts, 2020].

По мере перехода экономики от позднеиндустриального к постиндустриальному этапу, связанному с увеличением значимости нематериальных составляющих активов работников, активный досуг все чаще стал рассматриваться как один из важнейших компонентов формирования у них человеческого и социального капитала, а также ряда значимых для успешного выполнения ими своих производственных функций личностных особенностей [Gershuny, 2003; Vittersø, 2011; Roy, Orazem, 2021]. В современной теории рынка труда часы досуга даже включены в функцию выбора работника [Joll et al., 2018]. Более того, в современном обществе насыщенный, интересный досуг стал восприниматься как самоцель человеческой деятельности, что позволило теоретикам современного общества активно использовать понятие, описывающее новый тип человека современности, – *homo ludens* (человека путешествующего или играющего [Huizinga, 1949; Bauman, 1994]).

Досуг связан еще с одним немаловажным аспектом нематериального мерила жизненных шансов, в качестве которого выступают возможности человека придерживаться определенного стиля жизни, поддерживая тем самым свой социальный статус [Scott, 2007]. С другой стороны, усиление контроля за «типовой», «родовой» [Castells, 2000] рабочей силой и нарастание конкуренции ее представителей друг с другом приводят к тому, что досуг (особенно полноценный отпуск) становится дефицитным благом. Поэтому наличие хороших возможностей проведения досуга (прежде всего, оплачиваемого отпуска вне дома) стало рассматриваться в качестве бесспорного показателя хорошего качества жизни, наличия у человека значимых жизненных шансов в этой области и, следовательно, положительной привилегированности в ней [Stebbins, 2017; Fana et al., 2020b].

В индустриально развитом обществе особое значение приобретает еще один важный компонент жизненных шансов, на который, как уже говорилось выше, указывал М. Вебер, – внутренняя удовлетворенность. Это так называемые субъективные характеристики жизни: уровень удовлетворенности не только собственной жизнью в целом, но и гражданскими свободами, безопасностью от насилия, доступом к «красоте природы и искусства» [Daston, 2008: 7]. Дифференциация по этим жизненным шансам

также становится все более важной не только для внутреннего самоощущения индивидов или отражения их места в социальной структуре общества [Veenhoven, 2005; Lipps, Oesch, 2018], но и все сильнее влияет на их «социальные действия», в том числе – на их территориальную мобильность и даже занятость [Rose, Stavrova, 2019]. Последние исследования показали, что бóльшая удовлетворенность жизнью позволяет легче пережить стресс от пандемии [Trzebiński et al., 2020] и более эффективно справиться с новыми вызовами COVID-19 [Jiang et al., 2020].

Таким образом, с переходом западных обществ к постиндустриальному этапу развития в концепции жизненных шансов произошло усиление стратифицирующей роли тех жизненных сфер, которые связаны с нематериальной стороной, а также отмечался рост многообразия самих этих не связанных с материальным потреблением жизненных шансов.

Особняком в литературе стоит весьма оригинальная концепция жизненных шансов, получившая свое развитие в социологии конфликта, и, прежде всего, в работах Р. Дарендорфа, которые уже частично упоминались выше. Остановимся на этой концепции более подробно, поскольку она интересна тем, что рассматривает не столько объем и распределение жизненных шансов в обществе, сколько то, как жизненные шансы используются разными индивидами, каковы для них ограничения по доступу к тем или иным жизненным шансам. В целом, Р. Дарендорф рассматривает жизненные шансы как возможности, предлагаемые обществом индивидам, занимающим определенную социальную позицию [Dahrendorf, 1979]. Эти возможности существуют в двух видах – «опций» и «лигатур».

Опции являют собой возможности выбора или альтернативные действия в рамках заданной социальной структуры и распадаются на обеспечение товарами, услугами и рабочими местами со стороны конкретного общества, включая простоту доступа к ним, а также на регулирующие доступ к накоплению и использованию предоставляемых товаров и услуг «права», связанные с занимаемой должностью (в том числе и доходом от нее). Эти права могут существовать в различных видах – аскриптивном, неформальном и т.д. Обеспеченность благами (в том числе общественными благами и сервисами) и доступ к ним во многом являются следствием локальной дифференциации потребностей и материальной обеспеченности.

Лигатуры есть не что иное как союзы, узы и связи, в которые индивид включен в силу занимаемой им социальной позиции

и соответствующих ей ролей. Лигатуры формируют чувство социальной принадлежности и локальных связей.

Р. Дарендорф утверждал, что в концепции жизненных шансов нужно учитывать и опции, и лигатуры. Хотя в раннеиндустриальных обществах лигатуры и опции могут изменяться независимо друг от друга, в современных обществах существует тенденция расширения горизонта индивидуального выбора за счет социальных связей. Несмотря на значимость концепции Р. Дарендорфа, ее операционализация существенно затруднена, что мешает ее использованию в прикладных исследованиях.

Впрочем, эмпирические исследования в области жизненных шансов с целью построения на их основе интегральной стратификационной модели конкретного общества вообще проводятся очень редко, что связано с рядом возникающих в таких исследованиях методологических проблем, сложностью операционализации позитивной и негативной привилегированности и дороговизной такого рода исследований. В основном авторы проводят исследования скорее в области социальной дифференциации, в основу которых положена идея многомерного неравенства, проистекающего из неравного доступа к значимым благам и возможностям материального характера. Этот подход находит отражение также в работах, посвященных проблематике неравенства уровня и качества жизни [Isaeva, Salahodjaev, 2021], предполагающих в качестве своих целей подготовку практических рекомендаций для совершенствования методологии как выборочной, так и официальной статистики [Alkire, Seth, 2013; Noll, 2011; Popova, Pishniak, 2016; Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2010].

Несмотря на видимую схожесть этих подходов с концепцией жизненных шансов, они изначально не являются стратификационными по своей природе, поскольку служат скорее решению задачи фиксации различий между индивидами или домохозяйствами, нежели выделения устойчивых вертикально ранжированных социальных групп, находящихся в схожей классовой ситуации. Тем не менее индексы уровня и качества жизни, обычно использующиеся при таком подходе, могут быть крайне полезны и для стратификационных исследований по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, они содержат богатый опыт операционализации показателей, традиционно актуальных и для концепции жизненных шансов. Во-вторых, полезны могут быть и сами технологии построения таких индексов, а также апробация их на данных опросов населения.

Эмпирические исследования социальной дифференциации российского общества

Попытки стратификации российского общества на основе соотношения позитивной и негативной привилегированности, насколько нам известно, пока не предпринимались. Даже попытки стратификации его с учетом как жизненных возможностей, так и депривaций, испытываемых индивидом в разных областях жизни, в совокупности обусловливающие качество последней, предпринимались довольно редко и в основном достаточно давно [Гордон, Терехин, Будилова, 1997, 1998; Гордон, 2001; Тихонова, Давыдова, Попова, 2004; Тихонова, 2007а, 2007б, 2014].

Одну из первых попыток стратификации российского общества на основе комплексного критерия благосостояния предприняли Л. Гордон и его коллеги, предложившие многомерно-статистический анализ материально-экономического положения домохозяйств. Ключевыми признаками этого анализа выступили: 1) уровни душевого дохода в семье, конструируемые на базе интервальных значений вокруг так называемого «социального минимума», 2) субъективная оценка материального положения семьи (по 5-балльной шкале), 3) качественно-описательная характеристика уровня жизни семьи, 4) обеспеченность современным домашне-семейным имуществом, вычисляемая на основе данных по владению 15 видами товаров длительного пользования, 5) удовлетворенность питанием, а также 6) удовлетворенность жильем.

Использование многомерно-комбинационных нелинейных методов анализа позволило авторам выделить на данных выборочной статистики ВЦИОМ за 1995–1997 гг. три устойчивых слоя и расположить эти слои по степени противоречивости занимаемых их представителями позиций – благополучные (10–20%), бедствующие (30–35%), промежуточно-противоречивые (50–55%), в том числе находящиеся в остро противоречивом положении (40%) [Гордон, Терехин, Будилова, 1997]. При этом наиболее характерные типы противоречащих друг другу условий жизни в это время в России концентрировались вокруг расхождения, с одной стороны, уровня доходов, а с другой – имущественной обеспеченности и/или жилья, и/или питания [Гордон, Терехин, Будилова, 1998: 53].

С содержательной точки зрения авторы сделали очень важный вывод о «полублагополучной-полубедствующей середине» российского общества [Там же, с. 52]. Авторы отмечали, что выявле-

ние такой «срединности» дает «эвристически ценные результаты». Большинство домохозяйств, которые в 1990-х годах нельзя было отнести ни к явно благополучным, ни к несомненно бедствующим, попали в промежуточное положение, поскольку «одни условия жизни у них имеют позитивный, а другие – негативный характер» [Там же, с. 52–53]. Такое понимание в целом перекликается с веберовской концепцией стратификации, в рамках которой допускается наложение негативной привилегированности в одной сфере на позитивную привилегированность в другой, а сама идентификация зон положительной и негативной привилегированности предполагает определение «середины» – социетальной нормы.

У данного подхода есть существенная методологическая особенность. Л.А. Гордон и его коллеги использовали так называемый априорный (гипотезный) подход к выделению слоев российского общества конца 1990-х, то есть авторы определили степень противоречивости позиций в соответствии с заранее установленными значениями индикаторов, а не в соответствии с их апостериорным, эмпирическим анализом. Использование так называемых безгипотезных методов многомерной классификации позволило бы не только оценить статистическую валидность предлагаемой авторами типологии, но и обнаружить новые для исследователя эмпирически обоснованные сочетания признаков. Более того, это позволило бы хотя бы отчасти снять вопрос о номинальном характер полученных группировок [Шкаратан, 2012][10].

Тем не менее это был важный шаг в эмпирическом «нащупывании» структуры российского общества в период транзита. Л. Гордон с коллегами признавали, что дифференциация общества по материально-экономическим основаниям – лишь одна из возможных «сеток» социальной структуры. Исследовательский фокус на материально-экономическом срезе, по справедливому признанию самих авторов, был у них обусловлен исключительной значимостью данных критериев в условиях становления рыночной экономики [Гордон, Терехин, Будилова, 1997]. Более того, возрастающая значимость данного среза свидетельствовала об ослабевании «внеэкономической иерархии сословно-статусной принад-

[10] Пример применения безгипотезных методов к задачам социальной стратификации российского общества периода середины 2000-х см. в работе [Шкаратан, Ястребов, 2008]. Более подробно преимущества и недостатки апостериорных методов классификации разбираются в главе 5 настоящей монографии, там же рассматривается опыт применения этого подхода к современному российскому обществу.

лежности, которая составляет отличительную черту феодальных и тоталитарных... обществ» [Гордон, 2001: 6].

Продолжение этого подхода в период позднего транзита российского общества нашло свое отражение в работах Н. Тихоновой и Н. Давыдовой [Давыдова, 2003; Тихонова, Давыдова, Попова, 2004; Тихонова, 2007а, 2007б, 2014]. Эти авторы также исходили из понимания стратификации общества как многомерного феномена, а при отборе оснований для стратификации они учитывали одновременно и признаки депривации, и признаки благосостояния. Итоговая позиция индивида выступала для них как результирующая этих двух составляющих, которые могли друг друга компенсировать. Так, они подчеркивали, что в одной сфере у индивида могут наблюдаться явные признаки благосостояния, скажем, наличие дополнительной недвижимости в собственности, а в другой – напротив, признаки депривации (например, множественные долги). С методологической точки зрения эти исследователи предложили две аддитивных субшкалы – «депривация» (со знаком минус) и «благосостояние» (со знаком плюс). Баллы по этим двум субшкалам присваивались за соответствующие ответы респондентов, а затем суммировались в интегральный Индекс уровня жизни.

За период с 2004 по 2014 г. данная методика неоднократно изменялась и совершенствовалась. В наиболее поздней ее версии [Тихонова, 2014] в число индикаторов депривации и благосостояния, которые были отобраны для построения интегрального Индекса уровня жизни, были включены: 1) самооценка своего материального положения, а также возможностей удовлетворять базовые потребности в еде и одежде; 2) оценка уровня потребления через различные параметры владения товарами длительного пользования; 3) проживание в съемном жилье; 4) наличие или отсутствие в собственности движимого и недвижимого имущества; 5) просторность занимаемого жилья (степень обеспеченности квадратными метрами на каждого члена семьи); 6) активное использование различных платных социальных услуг для себя и/или для детей; 7) отсутствие жизненных достижений в различных сферах жизни за последние три года; 8) наличие сбережений и долгов; 9) требующие дополнительных расходов формы досуга. Отдельная методологическая задача, которую решали в своем анализе Н. Тихонова и Н. Давыдова, заключалась также в том, как от значений Индекса перейти к стратам. Для того чтобы провести границы между различающимися по показателям Индекса группами, они использовали кластерный и содержательный анализ, позволивший им построить

модель социальной структуры российского общества, состоящую из 11 страт, которые они затем укрупнили в несколько слоев.

Гораздо шире, чем построение моделей стратификации российского общества на основе комплексного учета показателей жизненных возможностей и депривиаций, представлена в отечественной литературе традиция использования композитных индексов уровня жизни с выделением на основе их значений групп с различными показателями соответствующего индекса без углубленного теоретического обоснования и интерпретации получаемой в итоге картины стратификации[11]. Одна из последних таких попыток создания композитного индекса уровня жизни была предложена в работе Д. Поповой и А. Пишняк [Popova, Pishniak, 2016]. Самый важный из учитываемых ими в своем индексе доменов касается измерителей «безопасности доходов». В наших терминах позитивная привилегированность в данной сфере оценивается этими исследователями через наличие определенной части дохода, направляемой на сбережения, а негативная – через наличие долгов по оплате жилья за последние 12 месяцев. Жизненные шансы в сфере «базовых индивидуальных и социальных потребностей» авторы измеряют через набор параметров жизни, которые индивиды могут (или, напротив, не способны) себе позволить. В частности, оцениваются возможности по потреблению мяса, курицы или рыбы каждый второй день; оплаты медицинских услуг (за исключением дорогостоящих операций); оплаты образования членам домохозяйства в случае необходимости; покупке новой одежды; обновлению устаревшей мебели; наличию возможности хотя бы раз в месяц с друзьями или семьей провести вечер вне дома; оплате недельного ежегодного отпуска вдали от дома. Как видим, в индекс включены показатели, выделенные по самым разным основаниям – относящиеся к сфере пищевой депривации, производственной сфере, а также сфере образования и здоровья.

Жизненные шансы в сфере благосостояния определяются Д. Поповой и А. Пишняк через доступ к товарам длительного пользования и недвижимости, что является отражением сложившейся традиции в построении композитных индексов в сфере депривации и благосостояния, в том числе применительно к России [Гордон, Терехин, Будилова, 1997, 1998; Гордон, 2001; Тихонова,

---

[11] В данном случае мы имеем в виду опыт социально-экономической дифференциации российского населения в работах Л.А. Беляевой, В.Н. Бобкова, Н.В. Бондаренко, М.Д. Красильниковой и ряда других исследователей.

Давыдова, Попова, 2004; Тихонова, 2007а, 2007б, 2014]. Жизненные шансы в жилищной сфере определяются ими через владение жильем и доступность отдельного жилья, размер жилой площади, доступность коммунальных услуг[12]. Учитывалось и субъективное измерение материального благополучия.

При построении итогового Индекса уровня жизни Д. Попова и А. Пишняк применяют веса, которые основываются на двух показателях: а) географическая зона (крупные региональные центры, города, поселки городского типа, сельские поселения), б) композиция домохозяйства (домохозяйства из взрослых экономически активного возраста с детьми моложе 18 лет, те же домохозяйства без детей, а также домохозяйства, состоящие из пенсионеров без детей).

Как видим, композитные индексы, при всех их ограничениях, могут содержать довольно широкий список показателей, которые полезны и при операционализации жизненных шансов, депривраций и рисков в целях стратификации развитых поздне- и постиндустриальных обществ. Стоит еще раз обратить внимание на то, что общая черта этих обществ – возросшая роль нематериальных составляющих развития, в частности, человеческого потенциала [Sen, 1983, 1999]. Повышение значимости человеческого потенциала, в том числе и в экономике, привело к тому, что при оценке основных жизненных шансов человека стали учитываться не только доступ к качественному образованию или медицинским услугам, но и (при оценке негативной привилегированности) ограничения, накладываемые на его жизнь отсутствием доступа к образованию или плохим здоровьем [Deaton, 2008; Steptoe, Deaton, Stone, 2015], что особенно сильно стало заметно во время пандемии, когда к этим факторам добавился также пожилой возраст (60+).

При этом трактовка жизненных шансов в сферах образования и здоровья в последние десятилетия существенно трансформировалась [Johnson, Robertson, Cooper, 2018]. По мере возрастания роли непрерывного обучения [OECD, 2017] и осознания значимости инвестиций в образование на самых ранних этапах жизни [Cunha, Heckman, Schennach, 2010; Heckman, 2000, 2006] на первый план вышла включенность населения в разнообразные формы повышения квалификации и инвестиций в свой человеческий капитал,

---

[12] При этом ими учитывались такие критерии, как минимальные федеральные стандарты для домохозяйств разного размера и количество комнат в жилище (исключая кухню, ванную комнату, санузел, а также комнаты, используемые для бизнеса, коридор или кладовки).

прежде всего наращивание навыков существования в цифровой среде, а также возможность инвестировать в детей и доступ к необходимому платному образованию (или, выражаясь в терминах М. Вебера, возможности «монополизировать привилегии социально привлекательных видов образования» [Weber, 1978: 303]). В условиях того, что третичное образование в России стало повсеместным [OECD, 2016], только доступность высшего образования играет значимую стратифицирующую роль, как и доступ к наиболее качественному образованию или к раннему развитию когнитивных и некогнитивных способностей детей, которые, как правило, связаны с дополнительными финансовыми затратами. То же касается и положительной привилегированности в сфере здоровья – значение имеет не любая получаемая медицинская помощь, а доступ к наиболее качественным медицинским и оздоровительным услугам, за которые индивид способен платить. В негативной же привилегированности значение имеет уже не столько наличие заболеваний, в том числе инвалидности, сколько невозможность в силу их наличия поддерживать типичный для членов определенного общества образ жизни[13], а также недоступность необходимой медицинской помощи при наличии заболеваний.

Таким образом, опыт изучения роли различных факторов для дифференциации общества по жизненным шансам, депривациям и рискам показывает, что операционализация признаков позитивной и негативной привилегированности должна исходить из понимания стратификации как многомерного процесса. Реалии современного общества говорят о том, что основаниями для стратификации выступают особенности жизни людей, относящиеся не только к их экономической составляющей, но также и к неэкономическим сферам их жизни. Однако такая традиция анализа характерна скорее для современных западных ученых, называющих в числе ключевых жизненных шансов, депривиаций и рисков при попытках анализа социальной структуры не только такие экономические категории, как наличие собственности и финансовое положение, возможности в сфере труда и занятости, а также характер потребления, но и такие неэкономические домены, как доступность различных видов досуга или общее качество жизни, отражающееся в субъективном самоощущении индивидов.

---

[13] Именно из этой трактовки вытекает и вся реализуемая в развитых странах политика инклюзии инвалидов, призванная устранить не только их дискриминацию по этому признаку, но и их депривированность по аскриптивным основаниям в целом.

Отечественные ученые уделяют неэкономическим аспектам стратификации относительно меньшее внимание. Среди неэкономических сторон повседневного быта людей, важных для стратификации по жизненным шансам, депривациям и рискам, они учитывают обычно лишь практики финансирования социальных услуг и особенности досуга. В то же время операционализация экономических сторон жизни человека, важных для определения его места в стратификационной иерархии (прежде всего понятия экономической безопасности и обеспеченности домашним имуществом), была ими проработана довольно детально. При этом бесспорным достижением методики Л. Гордона явился многомерный подход к стратификации, в основу которого была положена позитивность и негативность условий жизни по отношению к «норме» в материально-экономическом плане. Достоинством методики Н. Тихоновой и Н. Давыдовой также было то, что она учитывала признаки как благосостояния, так и депривации, при этом выделяла основные социальные слои российского общества апостериорным методом. Оба эти подхода в общих чертах перекликались с веберовской концепцией позитивной и негативной привилегированности, что позволяло выходить при анализе результатов их применения на комплексный анализ места социальных групп и индивидов в рамках общей модели социальной структуры. Однако в них в силу ограниченности эмпирического материала, которым располагали эти авторы, не учитывался ряд важных индикаторов позитивной и негативной привилегированности индивидов в российском обществе. Методика же Д. Поповой и А. Пишняк при разветвленности признаков уровня жизни вообще не учитывала задач социальной стратификации по результатам ее применения и, соответственно, не включала ряд важных для определения места в этой стратификации признаков. Однако все эти методики сыграли немалую роль в совершенствовании механизмов изучения дифференциации российского общества.

Выводы

Концепция жизненных шансов обладает большим потенциалом для исследований социальной стратификации. Жизненные шансы (взятые как со знаком плюс, т.е. как признаки дополнительных по отношению к средней социетальной норме возможностей, так и со знаком минус, то есть как определенные нетипичные для населе-

ния в целом риски и лишения) могут выступать самостоятельным основанием для выделения элементов социальной структуры. Идея М. Вебера о дифференциации пространства жизненных шансов через призму положительной и негативной привилегированности является, таким образом, весьма продуктивной для целей стратификационного исследования, поскольку ее применение позволяет зафиксировать отклонение от «нормы», существующей в определенном обществе, увязав тем самым модель стратификации общества с его национальной спецификой. Об этом говорит также опыт развития этой концепции применительно к обществам современного типа, включающий не только проведенные в ее рамках эмпирические исследования, но и очень широкую практику операционализации ключевых показателей жизненных шансов и рисков индивидов в современном мире применительно к различным областям их жизни.

Что касается сфер реализации жизненных шансов, то анализ логики концепции позитивной и негативной привилегированности М. Вебера, а также анализ литературы, связанной с дальнейшим развитием этой концепции, позволяет говорить о необходимости выделения показателей положительной и негативной привилегированности минимум в четырех важнейших доменах: сфера экономической безопасности (экономические условия жизни), производственная сфера (ситуация на работе), сфера образования и здоровья (возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала), а также сфера потребления и досуга (текущий уровень жизни и возможность разнообразного и полноценного отдыха). Конечно, данным набором список возможных доменов для анализа жизненных шансов не исчерпывается. Так, эмпирические исследования позволяют выделить как значимые для самого человека и связанные с его местом в стратификационной иерархии домены, так и связанные, например, с состоянием его отношений с близкими и окружающими, или его социально-психологическое и эмоциональное состояние. Неравенство жизненных шансов в этих доменах, на значимость которых обращал внимание еще М. Вебер, называвший чувство удовлетворенности жизнью и общее психологическое состояние человека в числе важных характеристик, отражающих его позицию в обществе, тем более сложно переоценить в постиндустриальном обществе. Однако, учитывая, что российское общество пока еще решает проблемы, характерные для обществ, находящихся на этапе позднеиндустриального развития, в частности, проблемы экономической

безопасности, условий для эффективной занятости, полноценного отдыха, обеспеченности определенным стандартом потребления и доступности качественного образования и медицинских услуг, первоочередной задачей является многомерная стратификация россиян с учетом их места в системе неравенств именно в четырех названных выше жизненных сферах.

Глава 2. Методология и методика построения модели стратификации российского общества на основе оценки жизненных шансов и рисков[1]

Несмотря на то, что, как было показано в предыдущей главе, многомерные индексы уровня и качества жизни редко использовались в последние годы в нашей стране для построения модели социальной структуры, сама по себе проблема сформировавшейся по итогам реформ последних десятилетий модели стратификации российского общества (ее тип, место в ней отдельных социальных групп, их численность и т.д.) неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Так, в работах З.Т. Голенковой и сотрудников ее Центра большое внимание уделялось новым тенденциям в ее формировании [Голенкова, Игитханян, 2008; Голенкова, 2014; Жвитиашвили, 2015; Маршак, 2021; Модернизация, 2008 и др.], положению в ней социальных групп – как наемных работников в целом, так и их отдельных подгрупп (рабочих, интеллигенции и т.д.) [Наемный работник..., 2015; Голенкова, Игитханян, 2016; Голенкова, Игитханян, 2012 и др.]; прекариату как новому для России социальному феномену [Голенкова, Голиусова, 2015; Голиусова, 2017 и др.] и т.п. В работах М.Ф. Черныша и его группы рассматривались вопросы связи моделей социальной структуры и цивилизационной специфики обществ [Черныш, 2008, 2014 и др.]; социальной мобильности [Социальная мобильность..., 2017, 2019; Черныш, 2010, 2013 и др.]; положения отдельных групп [Черныш, 2017; Черныш и др., 2014; Попова, 2016, 2017] и т.д. В работах В.А. Мансурова и его коллег был дан подробный обзор особенностей профессиональной структуры российского общества и отдельных ее элементов [Мансуров, Юрченко, 2013; Профессиональные династии..., 2020; Профессионалы..., 2013; Социальная динамика..., 2007 и др.]. Под иным углом зрения проблематика профессиональной структуры анализировалась в работах В.А. Аникина [Аникин, 2009; 2013 и др.]. В публикациях группы, работающей под

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Тихонова, 2018б].

руководством Н.Е. Тихоновой, проводился сравнительный анализ моделей социальной структуры российского общества, полученных в рамках различных теоретико-методологических подходов [Тихонова, 2007а, 2014; Модель..., 2018; Anikin et al., 2016, 2017 и др.], и рассматривались различные классы российского общества [Лежнина, 2011; Тихонова, Мареева, 2009; Тихонова, 2011]. Нельзя не упомянуть при характеристике современного состояния изучения социальной структуры российского общества и работы О.И. Шкаратана и его коллег [Шкаратан, 2012; Шкаратан, Ильин, 2006; Шкаратан, Ястребов, 2008; Шкаратан и др., 2015 и т.д.]. Проблематикой среднего класса занимались Е.А. Авраамова, Л.А. Беляева, Т.М. Малева и др. Малообеспеченные и бедные как особые социальные группы в рамках общей структуры российского общества привлекали внимание А.И. Пишняк, Д.О. Поповой, Л.Н. Овчаровой, Е.Д. Слободенюк и др. Периодически появлялись и работы, где структурирование российского общества шло через призму выделения различных стилевых групп или давалась оценка эвристических возможностей различных международных стратификационных схем при изучении социальной структуры России [Соколов, 2020] и т.д.

В то же время, хотя проблематика социальной структуры в целом не может пожаловаться на недостаток внимания со стороны социологов, в отечественной литературе, как уже отмечалось в главе 1 данной книги, практически отсутствуют работы, использующие при структурировании российского общества так называемый градационный подход в той его версии, где группы населения выделяются на основе специфики жизненных шансов их представителей и испытываемых ими лишений и рисков, хотя все большая дифференциация российского общества по специфике качества жизни его членов требует их учета. Это, в свою очередь, предполагает необходимость не только ранжировать представителей населения страны по критерию имеющихся у них жизненных шансов в разных областях, но и выделить в рамках полученной иерархии относительно гомогенные социальные группы. Описанию внутренней логики и методики такого анализа, а также апробации этой методики на ряде различных массивов данных и посвящена данная глава.

Теоретико-методологические основания модели стратификации по жизненным шансам и рискам

В теоретико-методологическом плане подход, при котором стратифицирование массовых слоев общества проводится на основе их жизненных шансов, депривaций и рисков, как уже отмечалось в главе 1 данной книги, является логичным развитием неовеберианской традиции, поскольку проблема жизненных шансов стала восприниматься в социологии как значимое основание для стратификации именно начиная с работ М. Вебера [Weber, 1978]. В качестве ключевых, наиболее значимых жизненных шансов Вебер выделял те из них, которые связаны с местом индивидов в системе производственных отношений, с уровнем их образования и квалификации, потреблением разного рода благ и в тесно связанной со всем этим «внутренней удовлетворенности»[2]. Напомним также тот уже упоминавшийся в главе1 данной книги факт, что Вебер различал при этом *позитивную* (преимущественное положение по отношению к некой существующей в обществе норме) и *негативную* (различные нехарактерные для большинства членов сообщества виды депривaций и рисков) привилегированность, а также некое срединное положение между ними. Соответственно, и основных страт[3] при таком подходе к анализу неизбежно выделяется минимум три – характеризующаяся позитивной привилегированностью, характеризующаяся негативной привилегированностью и промежуточная между ними (средняя, «срединная»). Естественно, что внутри себя эти страты могут быть, в зависимости от ситуации в конкретном обществе, более или менее гетерогенными, вплоть до подразделения их на ряд слоев, суще-

---

[2] Другим срезом анализа у него выступало место в основанной на престиже/уважении статусной иерархии.

[3] Учитывая идеологическую нагруженность понятия «класс» в отечественной социологии, а также его многозначность и дискуссионность в российских условиях, ниже мы постараемся избегать этого термина, ограничившись (с учетом вертикальной ранжированности выделяемых социальных групп) понятием «страты». Исключением будет лишь использование понятия «класс» как технического термина применительно к профессиональным группам в рамках классификатора ISCO-08 или к эмпирическим классам, выделенным в рамках различных моделей кластеризации. Однако по итогам нашего анализа, в конце книги, мы все же постараемся ответить на вопрос, можно ли рассматривать выделенные страты и их подгруппы как реальные классы в рамках традиционного классового анализа.

ственно различающихся спецификой жизненных шансов их представителей и испытываемых ими депривaций и рисков.

Освещенная в предыдущей главе большая работа по развитию этого подхода учеными разных стран позволяет операционализировать шансы и риски индивидов в различных областях жизни для эмпирических исследований современных обществ. Однако такая задача является все же весьма непростой, поскольку веберовская концепция жизненных шансов и ее дальнейшее развитие в рамках неовеберианской традиции допускают в настоящее время достаточно широкое толкование как самого понятия «жизненные шансы», так и попыток их операционализации. В результате при использовании концепции жизненных шансов при стратификации возникает ряд теоретико-методологических и методических проблем.

Первая из них заключается в том, ориентироваться ли при определении жизненных шансов индивидов на традиционный для самого М. Вебера и неовеберианской традиции в целом учет наличия у индивидов в том числе и рентоприносящей собственности (например, собственного бизнеса или человеческого капитала высокого качества). Мы решили отказаться от их учета, поскольку использование при замере жизненных шансов неравенства в ресурсах привело бы к смешению самих жизненных шансов и рисков, с одной стороны, и их причин – с другой. Основой своей классификации мы хотели сделать именно реальные возможности и особенности жизни людей, а анализ места представителей различных выделенных групп в системе рыночных отношений должен был стать при этом лишь заключительным этапом нашего анализа, связанным с определением причин различий между ними. Такой выбор стратегии анализа обусловливался сохраняющейся неопределенностью в вопросе о роли рыночных позиций в структуре российского общества и наличием в нем огромного количества значимых монетарных и немонетарных неравенств неклассового типа (поселенческих, региональных, отраслевых и т.д.).

Вторая важная теоретико-методологическая проблема заключается в необходимости выделить конкретные признаки позитивной и негативной привилегированности, что, в свою очередь, означает необходимость определить некий жизненный стандарт в разных областях, типичный для определенного (в нашем случае – современного российского) общества. Анализ повседневного бытия российского населения в различных областях на нескольких массивах данных позволил нам реализовать эту задачу и при опре-

делении признаков позитивной или негативной привилегированности не рассматривать те шансы и риски, которые типичны для большинства представителей массовых слоев населения. В качестве границы нетипичных возможностей, депривaций и рисков мы приняли решение выбрать порог в 45% по состоянию на 2015 г. При выборе этой границы, а не, например, в 49%, мы учитывали два обстоятельства. Во-первых, величина статистической погрешности составляла для использованных массивов данных 2,5–3%, и, соответственно, порог «нетипичности» должен был отличаться от 50% не менее, чем на эту величину. А во-вторых, кризисный характер 2015 г. мог слегка сдвинуть ряд показателей, в особенности применительно к рискам и депривациям, что также необходимо было учитывать.

Третья проблема, которую необходимо было решить при разработке методики операционализации жизненных шансов, это в каких именно сферах жизни следует замерять возможности индивидов (т.е. какие именно жизненные шансы настолько важны для населения нашей страны, что их можно рассматривать как критерии места в стратификационной иерархии). Частично решение этой задачи облегчало то, что россиянам присуща довольно высокая степень ценностной гомогенности в оценках критериев социального статуса [Тихонова, 2014], а, главное, в их жизненных стремлениях [О чем..., 2013; Российское ..., 2016а, 2017]. Поэтому в ходе операционализации признаков как позитивной, так и негативной привилегированности нами учитывались возможности индивидов прежде всего в тех областях жизни, которые имеют значение в глазах большинства россиян как критерии жизненного успеха или, напротив, неблагополучия человека, а также значимы для них при оценке места индивидов в социальной иерархии. Внутренняя удовлетворенность своим статусом в обществе и жизнью в целом были исключены при этом из наших расчетов. Отказ от них как критериев при выделении страт, различающихся их жизненными возможностями, депривациями и рисками, имел тот плюс, что позволил использовать их впоследствии для контроля полученных результатов. Кроме того, при отборе показателей возможностей, депривaций и рисков мы учли, что, как отмечалось в главе 1, в настоящее время все большую роль в стратификации начинают играть проблемы безопасности, хотя в общественном сознании это понимание еще не вполне сформировано.

С учетом опыта развития неовеберианской традиции анализа жизненных шансов индивидов, а также приведенных выше сооб-

ражений общеметодологического характера, в качестве сфер, применительно к которым проводился отбор показателей жизненных шансов и рисков, нами были в итоге избраны: 1) сфера экономической безопасности и благосостояния, 2) ситуация на работе, 3) доступность образования и медицинской помощи, т.е. возможность сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также 4) особенности текущего потребления и досуговых возможностей человека. Разумеется, это далеко не все сферы жизни, возможности и риски в которых значимы для современных россиян. Например, как уже упоминалось в главе 1, полностью были исключены из анализа состояние отношений с близкими, ситуация с друзьями и социальным окружением в целом, социальное и политическое участие и т.д. Принимая это решение, мы отчасти руководствовались особенностями инструментариев использованных баз данных, а отчасти – тем, что нас в большей степени интересовали структурные, а не личностные факторы, влияющие на возможности человека в различных сферах жизни. Возможности же и риски человека в различных сферах жизни, связанных с его отношениями как с другими людьми, так и с различными социальными институтами, гораздо сильнее зависят от его социально-психологических особенностей, чем его шансы и риски и риски в области занятости, доступа к качественной медицине и т.д.

В качестве эмпирической базы наших расчетов мы выбрали несколько[4] массивов данных, на которых была проведена первичная проверка разработанной методики для оценки ее эвристических возможностей. Два из них относились к 2015 г., два – к 2018 г. Впоследствии эта методика была применена нами и к данным 2019–2020 гг., что также нашло отражение в настоящей главе. Массивы 2015 г. – это, во-первых репрезентативный массив данных 24-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ), из которого был выделен подмассив лиц в возрасте от 18 лет и старше (октябрь 2015 г. – январь 2016 г.), а во-вторых – массив 3-й волны Мониторингового исследования Института социологии РАН (октябрь 2015 г.), респондентами в котором также выступали лица в возрасте от 18 лет и старше[5].

---

[4] Выбор нескольких массивов данных для анализа определялся тем, что нам важно было проверить, насколько различия в возможностях операционализации жизненных шансов в конкретном массиве влияют на получающуюся общую модель стратификации массовых слоев российского общества.

[5] Подробная информация о массивах данных, использованных в данной главе, приведена в Приложении В.1.

Достоинством именно этих двух баз данных было то, что, согласно оценкам проводивших их команд, обе они репрезентировали взрослое население России по полу, возрасту и месту проживания, а опросы в них были проведены практически в одно и то же время. Кроме того, в обоих случаях речь шла о мониторинговых исследованиях, что позволило провести впоследствии анализ динамики изменения модели стратификации по жизненным шансам и рискам и рассмотреть ситуацию с ней уже после выхода из кризиса 2014–2016 гг., в 2018 г. Применительно к двум массивам данных 2018 г. это означало, что эмпирической базой нашего анализа применительно к РМЭЗ НИУ ВШЭ стала 27-я его волна (октябрь 2018 г. – январь 2019 г.), а для Мониторинга ИС РАН[6] – 8-я его волна (апрель-май 2018 г.). Наконец, для проверки некоторых выявленных тенденций в последующие годы, особенно в условиях пандемии коронавируса, были использованы также массивы данных 28-й (октябрь 2019 г. – январь 2020 г.) и 29-й (октябрь 2020 г. – январь 2021 г.) волн РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Операционализация признаков стратификации массовых слоев населения России[7] по жизненным шансам, депривациям и рискам

Исходя из анализа литературы и описанных выше принципов решения основных теоретико-методологических проблем, на каждом из выбранных массивов данных нами были построены шкалы позитивной и негативной привилегированности, включавшие по четыре субшкалы в соответствии с теми сферами жизни, о которых мы говорили выше. Каждая из них, в свою очередь, рассчитывалась на основе трех показателей позитивной и трех показателей негативной привилегированности (табл. 2.1). Таким образом, шкалы позитивной и негативной привилегированности насчитывали по 12 показателей каждая. Это обеспечивало возможность

---

[6] К этому моменту ИС РАН был включен в ФНИСЦ РАН, и далее мы будем, во избежание недоразумений, использовать наименование «ИС ФНИСЦ РАН».

[7] Напомним, что верхние 3–5% населения в выборки массовых опросов не попадают, как не попадают в них и представители люмпенизированного «социального дна» примерно такой же численности. Таким образом, модель стратификации, о которой идет речь в данной книге, описывает примерно 90–95% населения России.

Таблица 2.1

Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

Показатели Шкалы позитивной привилегированности	Показатели Шкалы негативной привилегированности
Субшкала «Экономические условия жизни»	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов
Субшкала «Ситуация на работе»	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	Несоблюдение на работе базовых трудовых прав, предусмотренных законодательством
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	Риски длительной безработицы
Субшкала «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала»	
Возможность использовать *социально привлекательные виды образования для взрослых и детей*	Недоступность необходимого образования из числа массовых его форм
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье	Вероятность значимого ухудшения здоровья
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни
Субшкала «Особенности потребления и досуга»	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	Суженный стандарт предметного потребления
Особая комфортность жилищных условий	Плохие жилищные условия
Хорошие возможности проведения отпуска	Наличие пищевых депривaций

получить картину вертикального ранжирования населения современной России по совокупности жизненных шансов и рисков как в целом, так и в каждой из четырех выбранных для стратифицирования областей жизни, а также по позитивной и негативной привилегированности в отдельности. При этом методика не фиксировала масштаб возможностей или рисков индивида в различных

областях, а учитывала лишь сам факт наличия отклонений в них от типичного для современного россиянина стандарта жизни.

Показатели, на основе которых строились шкалы позитивной и негативной привилегированности, конкретизировались через ряд индикаторов, часть из которых была общей для всех использованных массивов, а часть – различалась (см. Приложения 2.1 и 2.2). Сразу оговоримся, что, как показало последующее сравнение полученных моделей стратификации, эти различия мало влияли на итоговую модель. Например, такой показатель как наличие неэластичных или крупных дополнительных расходов помимо долговых обязательств в массиве РМЭЗ НИУ ВШЭ операционализировался с помощью двух индикаторов: 1) проживание в съемном жилье и 2) наличие в домохозяйстве любых лиц с инвалидностью. В массиве ИС РАН он операционализировался также с помощью двух показателей, но уже несколько иных: 1) наличие в домохозяйстве хронически больных с ограниченной трудоспособностью, не являющихся пенсионерами или инвалидами 1 и 2 групп и 2) наличие в домохозяйстве лиц с инвалидностью 1 и 2 групп. Однако в любом случае за этот показатель можно было получить только один балл, отражающий факт неблагополучия в соответствующей сфере жизни по отношению к среднему россиянину у конкретного индивида, что смягчало влияние особенностей инструментариев разных массивов.

В результате те колебания, которые были обусловлены спецификой индикаторов, использованных для операционализации соответствующих показателей[8] в различных массивах данных, при агрегировании этих индикаторов в рамках отдельных шкал оказывались очень близки в разных массивах данных за один и тот же период. Например, доля позитивно привилегированных по экономическим условиям жизни составляла в массиве РМЭЗ НИУ ВШЭ в 2015 г. 23,0%, а в массиве ИС РАН – 25,8%. Негативно привилегированными в этой сфере на тот момент оказались 39,5% в выборке РМЭЗ НИУ ВШЭ и 34,0% в Мониторинге ИС РАН. Аналогичные расчеты были проведены и по трем остальным субшкалам, после чего путем суммирования показателей по ним были получены шкалы позитивной и негативной привилегированности.

---

[8] Веса этим показателям не присваивались, поскольку речь шла о жизненных шансах в удовлетворении базовых потребностей членов любого современного общества и все замеряемые соответствующими показателями жизненные возможности можно было рассматривать как являющиеся в этом смысле равнозначимыми.

На основе показателей этих шкал были построены визуализированные графические модели распределения представителей массовых слоев населения страны по соответствующим вертикальным осям, представленные на рис. 2.1.

Как видно на рис. 2.1, полученные модели позитивной и негативной привилегированности россиян в 2015 г., несмотря на всю специфику использованных массивов данных (их выборок, инструментариев и т.д.), в целом похожи друг на друга. Имеющиеся у россиян признаки позитивной и негативной привилегированности в обоих случаях сосредоточены лишь в немногих сферах их жизни, а доля характеризующегося их множественными признаками населения сравнительно невелика. Так, если говорить о позитивной привилегированности, то лишь 37,9% россиян имели в 2015 г. более двух ее признаков, а более шести ее признаков (т.е. более половины из всех учитывавшихся в расчетах ее показателей) имели лишь 1,7% попадающих в репрезентирующую выборку РМЭЗ НИУ ВШЭ представителей массовых слоев населения. Похожим было распределение признаков позитивной привилегированности и в массиве ИС ФНИСЦ РАН: более чем двумя признаками позитивной привилегированности обладали 37,6% попавших в 2015 г.

Рисунок 2.1.

Стратификация представителей массовых слоев по их позитивной и негативной привилегированности на двух массивах данных 2015 г.,

% набравших соответствующее число баллов

Примечания. Показатели позитивной привилегированности имели знак «+», а негативной «–», и, соответственно, модель стратификации россиян по признакам негативной привилегированности (т.е. рискам и депривациям) на рис. 2.1 должна была бы быть развернута шпилем вниз. Однако она представлена на рис. 2.1 по модулю, что облегчает ее сравнение с моделью позитивной привилегированности. Данные, на основе которых построен рис. 2.1, приведены в Приложениях 2.3 и 2.4.

в выборку этого опроса россиян, а более шести ее признаков имели в тот момент только 1,2% представителей массовых слоев населения. Если же рассмотреть ситуацию с негативной привилегированностью, то множественность ее признаков даже в кризисном 2015 г. также встречалась довольно редко. Так, согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, более двух ее признаков характеризовали в тот момент 41,8% взрослого населения, а более шести – лишь 0,7%. Согласно же данным Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, эти показатели составляли 40,4% и 1,8% соответственно.

Характеризуя ситуацию с позитивной и негативной привилегированностью россиян, стоит отметить также, что даже после выхода страны из экономического кризиса 2014–2016 гг. она изменилась мало. Так, более двух признаков позитивной привилегированности в 2018 г., согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, имели 40,9% взрослого населения страны (т.е. рост по отношению к 2015 г. составил всего 3,0%, что примерно соответствует величине статистической погрешности), а более 6 – 1,8%. Что же касается данных ИС ФНИСЦ РАН, то позитивная привилегированность по более чем двум признакам встречалась в этот момент у 36,8% населения (т.е. распространенность ее осталась на том же уровне, что и в 2015 г.), а по более чем шести признакам – у 2,4%. Мало изменились и показатели распространенности множественной негативной привилегированности, составив, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, соответственно, 36,7% и 0,6%, а, по данным ИС ФНИСЦ РАН, – 34,0% и 1,1%. Как видим, изменения были очень невелики, и более чем на величину статистической погрешности сократилась только распространенность множественной негативной привилегированности.

Тем не менее, поскольку эти изменения все же имели место, приведем картины распределения массовых слоев населения страны по шкалам позитивной и негативной привилегированности также в 2018 г. (рис. 2.2). Как видим, в обоих случаях основная масса населения и в 2018 г. оказалась сосредоточена вблизи нулевых показателей, что логично вытекает из самого смысла этих шкал, в которых такие показатели говорят о типичном, «нормальном» наборе возможностей, депривaций и рисков у конкретных людей. Кроме того, вновь видно, что общие контуры моделей, построенных на двух разных массивах данных одного года, очень близки между собой, несмотря на различающуюся операционализацию в них признаков позитивной и негативной привилегированности.

Рисунок 2.2

Стратификация представителей массовых слоев по их позитивной и негативной привилегированности на двух массивах данных 2018 г.,

% набравших соответствующее число баллов

Примечание. Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложениях 2.5 и 2.6.

Если рассмотреть соотношение позитивной и негативной привилегированности между собой, то прежде всего стоит отметить, что группа вообще не имеющих никаких признаков позитивной привилегированности среди россиян довольно велика и составляла в 2018 г., согласно данным ИС ФНИСЦ РАН, 21,0% всего взрослого населения страны, а согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ – 12,3%. Довольно крупной являлась в этот момент и группа с нулевыми показателями негативной привилегированности – 18,1% согласно данным ИС ФНИСЦ РАН и 12,1% – согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. Что же касается остальных россиян, то признаки расширенного спектра возможностей и нетипичных для большинства населения депривaций и рисков накладывались у них друг на друга и частично взаимно компенсировались.

Никаких радикальных изменений, судя по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, не произошло с численностью группы не имеющих никаких признаков позитивной привилегированности и в 2019 г. В то же время в 2020 г., под влиянием пандемии, они несколько выросли (с 12,0% в 2019 г. до 16,0% всего взрослого населения страны в 2020 г.). Для группы с нулевыми показателями негативной привилегированности эти показатели составили 13,5% и 15,4% соответственно, т.е. динамика их изменения была такой же. Что же

касается тех россиян, у кого признаки расширенного спектра возможностей и нетипичных для большинства населения депривацій и рисков накладывались друг на друга и частично взаимно компенсировались, то их численность составляла 74,5% в 2019 г. и 68,6% в 2020 г. при 74,4% в 2018 г., хотя у части из них могли доминировать признаки позитивной, а у другой части – негативной привилегированности.

Таким образом, как видно из приведенных данных, за пандемийный 2020 г. численность населения, характеризующегося совмещением признаков позитивной и негативной привилегированности, сократилась, а численность полярных по их положению в пространстве жизненных шансов групп выросла. Впрочем, масштаб этих изменений был не очень велик – рост составил примерно 4% для вообще не имеющих признаков позитивной привилегированности и 3% для не имеющих признаков негативной привилегированности. Это говорит об усилении поляризации массовых слоев населения под влиянием пандемии и вызванных ею экономических проблем.

Стоит отметить, что вероятность занять то или иное место в социальном пространстве [Бурдье, 2005], построенном с учетом совокупности показателей позитивной и негативной привилегированности, различается у представителей разных социальных групп довольно заметно (рис. 2.3)[9]. Это подтверждает плодотворность идеи о применимости понятия жизненных шансов не только к индивидам, но и к социальным группам [Daston, 2008], упоминавшейся в главе 1. К вопросу о факторах, влияющих на место индивидов и групп в неоднородном социальном пространстве, мы еще вернемся в главе 10. Пока обратим внимание лишь на то, что наиболее типичными для большинства групп значениями негативной привилегированности являются значения, находящиеся в диапазоне от –2 до –2,5 баллов.

По показателям позитивной привилегированности представители разных социальных групп во всех рассматриваемых временных точках были дифференцированы заметно сильнее, чем по

[9] Расчеты для рис. 2.3 и его построение выполнены А.В. Каравай. Использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2018 г. Практически также выглядит расположение на осях позитивной и негативной привилегированности различных групп и на данных Мониторинга ИС РАН. Однако, поскольку выборка РМЭЗ НИУ ВШЭ почти в 2,5 раза больше, чем в Мониторинге ИС РАН, мы выбрали для визуализации позиционирования различных социальных групп в социальном пространстве данные РМЭЗ НИУ ВШЭ.

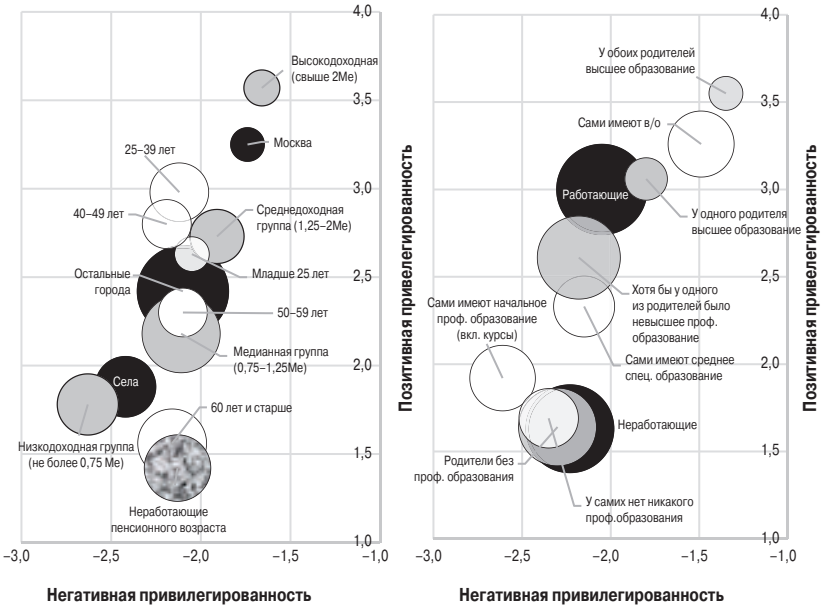


Рисунок 2.3

Различные социальные группы российского общества в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., размер группы и ее место с учетом среднего балла позитивной и негативной привилегированности в ней

Примечание. Аналогичные карты позиционирования различных социальных групп в социальном пространстве жизненных шансов и рисков были построены и для 2015 г., 2019 г. и 2020 г. Они практически не отличались от ситуации 2018 г., поэтому мы представили в книге картину расположения различных групп в социальном пространстве только в относительно спокойный, не кризисный период, за который есть данные по опросам двух разных исследовательских центров. Размер кругов на рисунке отражает различия в численности групп.

признакам негативной привилегированности, и это, видимо, ключевая характеристика неоднородности социального пространства, построенного на осях жизненных шансов и рисков, в современной России. При этом, как видно на рис. 2.3, максимальными шансами на позитивную привилегированность обладают люди, имеющие среднедушевые доходы свыше двух медиан доходного распределения по стране, родившиеся у родителей с высшим образованием, сами его получившее и проживающие в Москве. В этих же группах минимальны шансы на негативную привилегированность, которая характеризует в основном лиц со среднедушевыми доходами менее 0,75 медианы, имеющих начальное профессиональное образование

(ПТУ и его аналоги) и проживающих в селах. Из этого следует, что россияне массово будут и дальше стремиться сами получить высшее образование, дать его своим детям, переехать в Москву и уехать из сел. С другой стороны, понятно из рис. 2.3 и то, почему в качестве группы, нуждающейся в помощи, население видит в первую очередь неработающих пенсионеров, даже несмотря на то, что пенсии сейчас в подавляющем большинстве случаев превышают официальный прожиточный минимум пенсионера.

Интегральная модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

При всей важности рассмотрения ситуации с позитивной и негативной привилегированностью в целом, в реальности каждый человек характеризуется определенным набором их признаков, которые, как уже упоминалось выше, примерно в двух третях случаев сосуществуют друг с другом. Этот набор признаков расширенного спектра возможностей и/или нетипичных депривaций и рисков может анализироваться двумя основными способами. С одной стороны, можно рассчитать общее число этих признаков, учитывая в том числе и их частичную взаимокомпенсацию (так, например, человек может взять ипотеку и беспроцентный займ у родственников, чтобы купить второе жилье и начать сдавать его в аренду, получая доход и из него погашая долговую нагрузку; таких комбинаций взаимокомпенсации позитивной и негативной привилегированности, учитывая, что в расчете учитывалось 24 их признака, может быть немало). В рамках данного подхода методически целесообразно суммировать эти признаки, рассматривая нетипичные признаки жизненных шансов со знаком «+», а депривaций и рисков – со знаком «–», а затем оценить, позитивная или негативная депривация доминирует у конкретного человека и насколько ярко выражено это доминирование. Данный подход позволяет также выделить группы, вообще лишенные признаков позитивной и негативной привилегированности, о чем уже говорилось ранее. Этот подход может быть использован и при анализе динамики соотношения позитивной и негативной привилегированности в массовых слоях российского общества, о которой также упоминалось выше. Кроме того, по результатам такого анализа можно провести ранжирование населения в рамках вер-

тикальной модели стратификации и выделить основные страты, составляющие массовые слои российского общества.

С другой стороны, можно учесть не общее количество, а специфику набора признаков расширенных жизненных шансов, депривaций и рисков (т.е. определенную их композицию). Например, для работающих большую роль будут играть признаки, относящиеся к сфере занятости, но эти признаки неважны для неработающих, которые могут дифференцироваться по иным наборам признаков позитивной и негативной привилегированности. Различные комбинации жизненных шансов и рисков могут характеризовать, например, также имеющую относительно высокие доходы, но не имеющую имущества молодежь или имеющих подчас весьма дорогостоящее имущество, но получающих низкие доходы пенсионеров и т.д. Методически построение такой модели стратификации может проводиться с использованием различных методов кластерного анализа, метода латентного классового анализа и т.п.

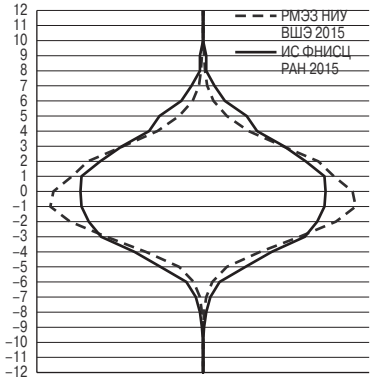


Рисунок 2.4

Общая модель стратификации массовых слоев по ИЖШиР на двух массивах данных 2015 г., %

Примечание. Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложении 2.7.

Мы использовали в своем исследовании оба этих подхода. В рамках первого из них, ориентированного на построение вертикальной модели стратификации на основе суммирования показателей шкал позитивной и негативной привилегированности[10], мы получили интегральные значения **Индекса жизненных шансов и рисков (Индекса ЖШиР или ИЖШиР)**. Именно значения этого Индекса и легли в основу общей модели стратификации массовых слоев российского общества, которая была построена на начальном (2015 г.) этапе работы нашей исследовательской группы (рис. 2.4). Эта

[10] Изначально мы предполагали, что выделение групп на основе композиции признаков позитивной и негативной привилегированности позволит получить модель горизонтальной социальной структуры российского общества. О реальных результатах такого анализа, лишь частично подтвердивших эту гипотезу, см. главу 5.

модель еще нагляднее, чем рассмотрение только позитивной или только негативной привилегированности, демонстрирует концентрацию россиян прежде всего в нулевой зоне и смежных с ней позициях. Таким образом, предложенная методика действительно «отлавливает» некую социетальную норму, тот жизненный стандарт, который характеризует современное российское общество. Кроме того, она позволяет сравнить число и состав тех, кто находится по их жизненным шансам выше и ниже этого стандарта, и демонстрирует, что, хотя существенно расширенным по отношению к типичному для массовых слоев населения жизненным стандартом характеризуются считанные проценты россиян, но еще меньше тех, кто характеризуется множественной депривацией и рисками.

Насколько представленная на рис. 2.4 модель устойчива во времени? И изменилась ли она в период с 2015 по 2020 г.? Для получения ответа на эти вопросы было проведено сравнение моделей, построенных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2015, 2018, 2019 и 2020 гг. и ИС ФНИСЦ РАН за 2015 и 2018 гг. Как видно на рис. 2.5, выход из кризиса 2014–2016 гг. привел к росту численности населения со «срединными» показателями Индекса. В итоге в массовых слоях населения произошло своего рода «выравнивание по среднему». На эту тенденцию и ее активизацию в ходе и после экономического кризиса 2014–2016 гг., только применительно к доходной стратификации, уже обращалось внимание в литературе [Anikin et al., 2016; Модель ..., 2018]. В остальном полученная модель стратификации оказалась довольно устойчива к изменениям экономической ситуации в стране. Так, медианным ее значением во всех случаях был 0, а средний балл ИЖШиР составлял –0,06 в 2015 г., 0,11 в 2018 г., 0,25 в 2019 г. и –0,14 в 2020 г. Это означает, что, несмотря на как положительные, так и отрицательные изменения в жизни страны за эти пять лет, у среднего россиянина не появилось

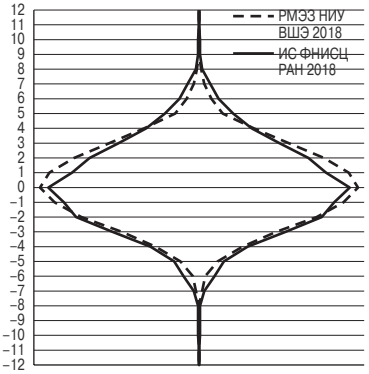


Рисунок 2.5

Общая модель стратификации массовых слоев по ИЖШиР на двух массивах данных 2018 г., %

Примечание. Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложении 2.8.

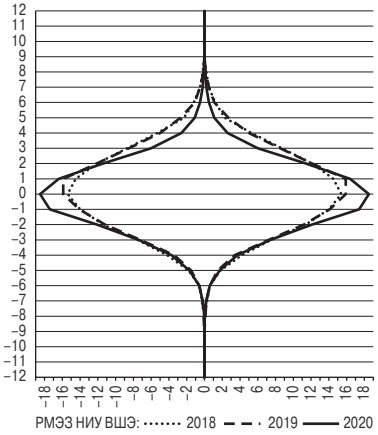


Рисунок 2.6
Общая модель стратификации массовых слоев по ИЖШиР на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018–2020 гг., %

Примечание. Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложении 2.9.

ни одного дополнительного шанса хотя бы в какой-то из рассматриваемых областей жизни. Стоит отметить также, что динамика медианных значений ИЖШиР хорошо «отлавливала» кризисные периоды в жизни страны – из положительных его медианные показатели переходили в плоскость отрицательных значений, что важно для оценки эвристических возможностей использованной методики.

В методическом плане важно также, что, как видно на рис. 2.4 и 2.5, сложившаяся модель стратификации массовых слоев российского общества слабо зависит от того, какой именно массив данных используется для анализа. Этот вывод позволил нам использовать обе линейки мониторинговых исследований в нашем анализе в зависимости от того, какой из мониторингов (РМЭЗ НИУ ВШЭ или Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН) позволял, с учетом особенностей их инструментария, глубже проанализировать тот или иной сюжет, необходимый для получения достаточно полной картины стратификации российского общества по критерию жизненных шансов и рисков.

Если же говорить об устойчивости выявленных тенденций, то анализ на более длинных временных рядах данных РМЭЗ НИУ ВШЭ подтвердил справедливость вывода об устойчивости предложенной модели стратификации российского общества. Как видно на рис. 2.6, и общие контуры модели, и все характерные ее особенности сохранялись во времени даже в такой экстремальной ситуации, как пандемийный 2020 г. В то же время, как видно на рис. 2.6, кризисные явления в жизни страны приводят к уменьшению наполнения верхней трети модели и расширению срединной ее части[11].

[11] Отчасти на таком распределении сказались, впрочем, и неэкономические последствия пандемии, поскольку в расчет ИЖШиР входили возмож-

Таким образом, на резком увеличении наполняемости срединных (от +2 до –2 баллов) позиций модели зимой 2020–2021 гг. сказались как общая для последнего десятилетия тенденция роста именно средних позиций в стратификационной иерархии, так и резкое ухудшение в условиях коронакризиса положения «верхов» этих слоев.

Однако шкала из 25 делений при относительно небольших выборках нуждалась для дальнейшего анализа структуры российского общества в укрупнении. Для выделения границ «нормы» (т.е. срединной группы, разделяющей страты с безусловным доминированием негативной и позитивной привилегированности) был проведен специальный статистический и содержательный анализ. Статистическая проверка с использованием метода естественных границ Дженкса, основанного на естественном группировании данных[12], продемонстрировала преимущество «порогов» в –1 и в +2 балла как границ средней страты.

Содержательный анализ групп с показателями в –1 и –2 балла, а также в 1, 2 и 3 балла, выступавший самостоятельным этапом определения границ средней страты, также показал, что нижняя ее граница проходила в использованных массивах данных на уровне –1 балл, а верхняя – на уровне 2 балла. Так, применительно к группе с показателем в –2 балла при анализе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2015 г. оказалось, в частности, что негативная привилегированность по шкале «Особенности потребления и досуга» встречаются в ней в большинстве случаев (52,1%), в то время как в группе с показателем в –1 балл – лишь в 29,9% случаев. Столь же ярко выраженные качественные различия характеризовали и показатели представителей этих групп по шкале «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала», хотя по двум другим шкалам разрыв между ними был заметно меньше и не имел качественного характера. Похоже складывалась ситуация с разрывами между этими группами и на массиве РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2018 г., а также массивах ИС ФНИСЦ РАН за 2015 г. и за 2018 г.

Если рассмотреть, как выглядели в 2018 г. три выделенные с учетом избранных границ страты с точки зрения их численности (рис. 2.7), то обращает на себя внимание, во-первых, бесспорное доминирование средней страты, куда входит большинство населения;

ности провести отпуск вне дома и дачи, которые в условиях распространения коронавируса резко сократились. Однако вклад этого фактора в рост числа занимающих срединные позиции в статусной иерархии не превышал 20%, а около 80% этого роста обеспечивались другими обстоятельствами.

[12] Эту работу выполнил Д.О. Непомнящих.

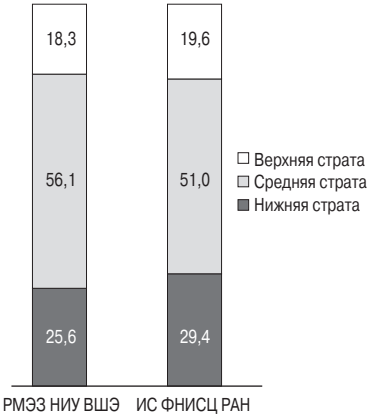


Рисунок 2.7

Численность страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, в составе массовых слоев на двух массивах данных за 2018 г.,

%

Примечание. Данные на рисунке, как и в главе в целом, приведены без перевзвешивания. Информация о численности страт с использованием процедуры перевзвешивания массива данных РМЗ НИУ ВШЭ приведена в главе 3.

во-вторых, наличие довольно многочисленного относительно благополучного населения, составлявшего в 2018 г. около 20% россиян, и в-третьих, наличие еще более многочисленной группы с ярко выраженным доминированием в их жизни разного рода депривaций и рисков – свыше четверти россиян живут именно в таких условиях. При этом нахождение около четверти представителей массовых слоев населения в составе нижней страты оказалось относительно устойчивым во времени (только в 2015 г., в момент тяжелейшего экономического кризиса ее численность была повышенной и достигала, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 31,1%; в 2018 г. она снизилась до 25,6%, в 2019 г. эта тенденция сохранилась, и в составе нижней страты было уже лишь 24,2%; однако пандемия переломила тенденцию сокращения нижней страты, и ее доля в составе массовых слоев составила в 2020 г. 25,7%). Численность средней страты по крайней мере на протяжении последних пяти лет росла независимо от ситуации в экономике (2015 г. – 52,8%, 2018 г. – 56,1%, 2019 г. – 57,9%, 2020 г. – 63,8%). Численность же верхней страты в наибольшей степени реагировала на ситуацию в стране, причем наибольшие изменения в ней пришлись на период пандемии (2015 г. – 16,1%, 2018 г. – 18,3%, 2019 г. – 17,9%, 2020 г. – 10,6%).

Наибольшая поляризация характеризует сейчас жизненные шансы представителей верхней и нижней страт в области их занятости (табл. 2.2). Это позволяет предположить, что общий характер различий их жизненных шансов зависит от их места в системе производственных отношений. По испытываемым же депривациям и рискам наибольшая поляризация верхней и нижней страт характеризует их возможности сохранения и наращивания свое-

Таблица 2.2

Доля имеющих разные интегральные показатели привилегированности по отдельным сферам жизни в различных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Интегральные значения привилегированности по ситуации в различных сферах жизни	**Нижняя страта**	**Средняя страта**	**Верхняя страта**	**Поляризация,** *разы***
Экономические условия жизни				
Положительные	4,4	17,2	53,1	*12,07*
Нулевые	54,1	68,0	43,2	*0,80*
Отрицательные	41,5	14,8	3,7	*0,09*
Ситуация на работе				
Положительные	3,1	22,0	71,8	*23,16*
Нулевые	39,1	54,7	26,5	*0,68*
Отрицательные	57,9	23,3	1,7	*0,03*
Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала				
Положительные	5,0	42,2	88,5	*17,7*
Нулевые	18,9	37,1	10,4	*0,55*
Отрицательные	76,1	20,7	1,1	*0,01*
Особенности потребления и досуга				
Положительные	3,5	24,9	75,1	*21,46*
Нулевые	37,4	60,3	23,8	*0,64*
Отрицательные	59,1	14,7	1,1	*0,02*

Примечания. * Серым фоном в таблице выделены максимальные значения в каждой группе по отдельным субшкалам в случае, если они превышали 50%. Данные по ситуации на работе приведены от работающих. ** Соотношение долей с соответствующими значениями Индекса в верхней и нижней стратах. Темным фоном и белым шрифтом выделены максимальные положительные и отрицательные показатели поляризации в жизненных шансах и рисках.

го человеческого капитала, что отчасти говорит о причинах столь ярких различий положения представителей этих страт в системе рыночных отношений. Решающую роль в эти различия вносит поляризация по навыкам ориентации в цифровой среде, а также возможности использования платных форм образования и заботы о здоровье для взрослых и детей в домохозяйствах представителей верхней и нижней страт. Это именно те факторы самовоспроизводства страт на межгенерационном и индивидуальном уровне, которые, по мере роста значимости качества человеческого капи-

тала и цифровизации экономики, неизбежно должны будут иметь все большее значение. Важно подчеркнуть также, что эти тенденции прослеживаются как на данных ИС ФНИСЦ РАН (табл. 2.2), так и на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (Приложение 2.10). Этот факт, наряду с фиксацией этих тенденций на массивах данных за разные годы, говорит об их высокой устойчивости.

Статистический анализ также подтвердил, что в наибольшей степени интегральный Индекс жизненных шансов и рисков, как и сам факт принадлежности к различным стратам, связан с субшкалой «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала» – показатели коэффициента Спирмена составили для связи ее значений и показателя ИЖШиР 0,771 (для факта принадлежности к одной из трех страт – 0,692). Второй по значимости была субшкала «Особенности потребления и досуга», для которой этот коэффициент составил, соответственно, 0,677 и 0,631. Если же говорить о показателях позитивной и негативной привилегированности в различных сферах жизни в отдельности, то на первом месте по значимости вновь оказалась позитивная привилегированность по субшкале «Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала» (коэффициент Спирмена 0,643 и 0,574 соответственно), на втором – негативная привилегированность по этой же шкале (0,613 и 0,556), а на третьем – негативная привилегированность по субшкале «Особенности потребления и досуга» (0,525 и 0,496). Наконец, если рассмотреть роль отдельных показателей из различных субшкал, то первые два места заняли показатели, относящиеся к «миру цифры», на третьем-четвертом местах – суженный и расширенный стандарт потребления, на пятом – доступность платных образовательных услуг, а на шестом – возможность полноценного отдыха (табл. 2.3). Те же особенности прослеживались и при анализе других использовавшихся массивов данных. Все это позволило сделать вывод о том, что, хотя особенности потребления играют огромную роль в дифференцировании выделенных страт между собой, но ключевую роль в их дифференциации играет все же их интегрированность в цифровую среду и возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала в целом. Пандемия коронавируса лишь усилила значимость этих характеристик, поскольку потребовала как массового освоения новых навыков, так и более глубокого погружения в мир цифровых технологий.

Стоит отметить также, что, хотя возможности и испытываемые россиянами риски довольно тесно связаны со среднедушевыми доходами в их домохозяйствах (рис. 2.3), однако связь эта все

Таблица 2.3

Значения коэффициента Спирмена для связи значений ИЖШиР и принадлежности к трем выделенным стратам с наиболее статистически значимыми для них шестью (из 24) показателями Индекса ЖШиР, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г.

Отдельные показатели ИЖШиР	Коэффициент Спирмена для интегрального показателя ИЖШиР	Коэффициент Спирмена для принадлежности к разным стратам
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)	0,572	0,510
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей использования Интернета при его регулярном использовании)	0,548	0,488
Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)	0,530	0,497
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	0,504	0,449
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	0,451	0,398
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома)	0,431	0,407

же не очень жесткая[13], и это далеко не единственный фактор, обусловливающий принадлежность к разным стратам. Скорее можно сказать, что разница доходов представителей этих страт является следствием действия других факторов, влияющих и на размер доходов, и на пребывание в составе разных страт. Таким образом, проблема факторов, обусловливающих принадлежность к выделенным стратам, не сводится только к нехватке или достаточности денежных средств. Она гораздо шире и требует самостоятельного рассмотрения, поэтому в последующих главах данной книги мы будем еще не раз к ней возвращаться, используя для этого методы как содержательного, так и эконометрического анализа.

[13] Коэффициент Спирмена на массиве РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2018 г. составлял у размера доходов 0,348 для Индекса ЖШиР и 0,320 для принадлежности к трем выделенным стратам. На массиве ИС ФНИСЦ РАН того же года эти показатели составили, соответственно, 0,412 и 0,378.

Выводы

Модель стратификации, основанная на так называемом градационном подходе к социальной структуре в той его версии, в основе которой лежит рассмотрение соотношение жизненных шансов и возможностей человека, с одной стороны, а также испытываемых им депривaций и рисков – с другой, является перспективным для анализа социальной структуры российского общества инструментом. Построение такой модели позволяет выделить как население, находящееся в более благоприятном, чем средний россиянин, положении, так и ту часть граждан страны, которая характеризуется особо неблагоприятными условиями жизни и повышенными рисками. Позволяет этот подход оценить и то, какие именно возможности являются в современной России наиболее дефицитными, а также какие риски и депривации встречаются в ней реже всего. Этим преимущества данного подхода, впрочем, далеко не исчерпываются, поскольку он позволяет строить не только модели позитивной и негативной привилегированности, но и (с учетом их агрегирования) получать интегральную модель социальной структуры российского общества, рассматривать положение различных групп в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, оценивать динамику ситуации с жизненными шансами и рисками как в целом, так и по каждому из них в отдельности или в различных социальных группах и т.д.

Так, в ходе нашего анализа с помощью этого методологического подхода было установлено, что по показателям позитивной привилегированности массовые слои населения нашей страны дифференцированы сильнее, чем по показателям негативной привилегированности, т.е. они в большей степени различаются своими жизненными шансами и возможностями, чем испытываемыми ими депривациями и рисками. Кроме того, был подтвержден и тот факт, что тенденция усиления близости положения большинства представителей массовых слоев мало связана с сиюминутными изменениями экономической ситуации в стране, поскольку набор жизненных шансов, депривaций и рисков гораздо более инерционен, чем показатели дохода. Именно поэтому как в условиях кризисов разной природы, так и в относительно благополучные периоды в жизни страны от двух третей до трех четвертей представителей массовых слоев находились в последние годы в сходном

положении с точки зрения соотношения в их жизни рисков и возможностей. Это позволяет сделать вывод, что в целом сложившаяся модель стратификации российского общества довольно устойчива (подробнее вопрос ее динамики на длительном временном промежутке будет рассмотрен в следующей главе). В то же время даже данные за последние 5 лет свидетельствуют о том, что определенное влияние ситуация в стране на модель стратификации по жизненным шансам и рискам все же оказывает. Так, выход страны из экономического кризиса 2014–2016 гг. отразился на распределении жизненных шансов и рисков в массовых слоях российского населения в небольшом сокращении распространенности множественной негативной привилегированности, а коронакризис 2020 г. – в заметном сокращении числа характеризующихся позитивной привилегированностью.

Социальное пространство, сконструированное на основе показателей позитивной и негативной привилегированности, структурно неоднородно, и разные социальные группы занимают в нем неодинаковые позиции. В наиболее благоприятном положении по соотношению показателей позитивной и негативной привилегированности находятся сейчас россияне, выросшие в семьях, где оба родителя имели высшее образование. Не уступают им по показателям жизненных шансов, но находятся в худшем положении по испытываемым депривациям и рискам представители высокодоходных групп, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых превышают две медианы доходного распределения по стране в целом. На третьем месте по соотношению позитивной и негативной привилегированности находятся россияне с высшим образованием. Москвичи, о благополучии которых существует много мифов, по соотношению их жизненных шансов и рисков оказываются лишь на четвертом месте, поскольку, хотя показатели позитивной привилегированности у них не уступают этим же показателям у россиян с высшим образованием, однако показатели негативной привилегированности у них заметно выше. Возможно, это связано с тем, что среди москвичей сейчас много мигрантов первого поколения, для которых эти показатели всегда выше. В наиболее неблагоприятном положении по соотношению показателей позитивной и негативной привилегированности оказываются неработающие пенсионеры. Это объясняет убежденность россиян в том, что именно пенсионеры нуждаются в усилении их поддержки со стороны государства, даже несмотря на то, что по показателям среднедушевых доходов они не находятся

в наихудшем положении. Однако если рассматривать не соотношение позитивной и негативной привилегированности, а только испытываемые депривации и риски, то в худшем положении находится сегодня в России население со среднедушевыми доходами не более 0,75 медианы странового их распределения, а также имеющие начальное профессиональное образование и жители сел.

Если, идя в русле неовеберианской традиции и используя описанный выше подход, структурировать массовые слои российского общества по схожести их жизненных шансов и рисков в таких ключевых областях жизни, как экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала, а также особенности текущего потребления и досуговых возможностей, то они распадутся на три страты. Одна из них, верхняя, насчитывает 10–20% населения в зависимости от общей ситуации в стране и характеризуется концентрацией жизненных шансов в самых разных областях – производственной, бытовой, досуговой и т.д. В то же время переоценивать благополучие представителей этой страты не стоит – средний балл позитивной привилегированности в ней составлял даже в относительно благополучном 2018 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 3,93 балла из 12 возможных, а медианный – 4 балла. Кроме того, существенная ее часть (61,8%) имела хотя бы один признак негативной привилегированности.

Нижняя страта в составе массовых слоев российского общества, включающая в разных экономических условиях от четверти до почти трети населения, характеризуется невозможностью поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни и в этом отношении соответствует традиционному «депривационному» пониманию бедности. В жизни ее представителей доминируют разного рода риски, а круг их жизненных возможностей очень ограничен. В то же время депривированность подавляющего большинства представителей этой страты не очень глубока – средний ее балл составлял в 2018 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, –2,98 балла из 12 возможных, а медианный –3 балла, причем почти половина ее членов (44,4%) имели не более двух видов испытываемых депривраций и рисков из 12 учитывавшихся в анализе. Однако каждый шестой представитель данной страты имел более трети из 12 рассматривавшихся признаков негативной привилегированности.

Наибольшая поляризация нижней и верхней страт прослеживается в отношении ситуации на работе у работающих и в отсутствии возможностей для сохранения и наращивания своего

человеческого потенциала у всех их представителей. При этом наибольшую роль для вероятности оказаться в составе нижней страты имеют возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, и прежде всего – изоляция от цифровых технологий. Очень характерен для нее также суженный стандарт домашнего имущества. Для верхней страты, напротив, характерны расширенный стандарт домашнего имущества и наличие возможности провести отпуск вне дома хотя бы раз в год, а также возможность использовать платное образование для себя и детей. Именно эти характеристики их стиля жизни станут, видимо, образцами для тиражирования в средней и нижней стратах по мере роста благосостояния их представителей.

Глава 3. Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность[1]

В предыдущих главах книги мы рассмотрели теоретико-методологические подходы к анализу стратификации по жизненным возможностям и методику построения модели стратификации современного российского общества по основаниям жизненных шансов и рисков. Мы показали, как выглядит общая вертикальная модель стратификации по интегральному Индексу жизненных шансов и рисков, построенному с помощью индикаторов, учитывающих ситуацию в четырех ключевых сферах – сфере экономической безопасности, образования и здоровья, потребления и досуга, а также производственной сфере. На основании этого интегрального индекса были выделены три основные страты, составляющие массовые слои российского общества – нижняя, с доминированием негативной привилегированности, средняя, отражающая социетальную норму, а также верхняя, с доминированием позитивной привилегированности.

В данной главе мы обратимся к анализу состава этих страт и соотношению позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни в каждой из них. Мы также рассмотрим некоторые объективные особенности положения их представителей в тех сферах, которые не учитывались при расчете Индекса ЖШиР – в частности, их социально-психологического самочувствия. Помимо их состава, а также внутренней структуры шансов и рисков различных страт, отдельным сюжетом в рамках главы станет анализ общей динамики модели стратификации российского общества и влияния на нее экономических изменений в период 2013–2020 гг., в том числе оценка мобильности россиян в рамках выделенных страт. Такой анализ позволит пролить свет на вопросы о том, какими специфическими особенностями отличаются структурные позиции, характеризующиеся преобладанием пози-

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Слободенюк, 2019б].

тивной или негативной привилегированности, насколько устойчиво их соотношение в современном российском обществе, а также насколько прочным является положение тех россиян, которые их занимают.

Как и в других главах, базовой точкой нашего анализа выступает 2018 г., представляющий собой относительно стабильный год, позволяющий получить общую характеристику модели стратификации, не искаженную ситуационными изменениями, произошедшими под влиянием кризисов различной природы (хотя справочно мы также приводим данные 2020 г. там, где это возможно). В 2018 г. нижняя страта охватывала 21,9% населения, средняя – 57,6%, верхняя – 20,5%[2]. Таким образом, средняя страта в стабильные периоды развития страны включает в себя более половины населения страты, нижняя – примерно четверть, а верхняя – его пятую часть. Однако последствием коронакризиса, как уже отмечалось в главе 2, стало «осыпание» значительной части представителей верхней страты (как будет показано далее – вообще наименее устойчивой с точки зрения ее состава) в среднюю, а также небольшое расширение нижней страты. В результате осенью 2020 г. численность трех страт составила 24,2%, 64,4% и 11,4% соответственно. Рассмотрим их ключевые характеристики.

Особенности социально-демографического и социально-экономического состава разных страт

Начнем наш анализ с оценки социально-демографического и социально-экономического состава разных страт (здесь и далее по тексту мы используем данные 2018 г. как опорные; данные 2020 г., показывающие изменения, произошедшие под влиянием пандемии, представлены в таблицах). Как видно из данных табл. 3.1, с точки зрения типов поселения зона благополучия отчетливо сдвинута в сторону крупных городов – Москвы, Санкт-Петербурга и столиц субъектов РФ. В верхней страте их жители составляли в 2018 г. почти половину, в то время как в нижней – менее трети. Зона неблагополу-

[2] Здесь и далее в главе мы опираемся на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, если не оговорено иное. При расчетах использовалось взвешивание данных. В предыдущей главе численность этих страт была приведена без перевзвешивания, как и остальные данные, поэтому численность страт несколько различается. Мы специально не стали унифицировать методики расчетов, чтобы был ясен масштаб влияния фактора перевзвешивания на полученные результаты.

Таблица 3.1

Социально-демографический состав страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 / 2020 гг., *%**

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Тип поселения						
Москва, Санкт-Петербург и центры субъектов РФ	32,1	41,8	48,8	36,4	42,7	53,0
Иные города	25,4	26,2	27,6	26,1	24,9	24,0
Поселки городского типа	5,8	7,4	6,9	5,1	8,2	7,1
Села	36,7	24,6	16,7	32,4	24,2	15,9
Возраст						
18–30 лет	16,8	27,1	25,6	18,7	25,8	25,3
31–40 лет	12,4	16,9	25,8	14,5	18,2	25,3
41–50 лет	16,5	17,4	21,5	18,4	18,2	22,7
51–60 лет	18,8	18,6	17,8	18,4	17,5	17,5
Старше 60 лет	35,5	20,0	9,3	30,0	20,3	9,2
Пол						
Мужской	46,2	45,2	43,7	46,8	44,5	43,2
Женский	53,8	54,8	56,3	53,2	55,5	56,8
Трудовая активность						
Лица пенсионных возрастов	41,8	27,7	15,6	36,8	27,3	16,3
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: работающие	51,9	66,9	81,4	59,4	67,2	83,4
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: незанятые	48,1	33,1	18,6	40,6	32,8	16,6
Состав незанятых в трудоспособных возрастах						
Временно неработающие	55,1	29,8	18,7	48,0	21,3	13,9
Неработающие инвалиды и пенсионеры (не по возрасту)	19,1	12,7	7,8	19,0	9,9	7,3
Неработающие студенты высших и средних учебных заведений	8,5	29,5	38,0	12,7	31,0	39,1
Находящиеся в декретном отпуске / в отпуске по уходу за ребенком / занятые домашним хозяйством	15,4	20,8	30,3	17,4	22,9	31,2
Неработающие по иным причинам	1,9	7,2	5,2	2,9	14,9	8,5

Таблица 3.1 (окончание)

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Иждивенческая нагрузка детьми						
Лица, проживающие в семьях с несовершеннолетними детьми	26,7	40,7	51,0	31,6	41,3	54,2
Самооценка здоровья						
Оценивают здоровье как хорошее	23,8	38,2	45,7	32,1	44,7	54,4
Оценивают здоровье как плохое (только среди пенсионеров)	44,5	27,8	14,3	36,2	21,3	11,1

Примечание. *Фоном здесь и далее, если не оговорено иное, выделены максимальные показатели по строке в случаях, когда они превышали показатели по массиву в целом более, чем на величину статистической погрешности.

чия, наоборот, в большей степени представлена жителями ПГТ и сел – в нижней страте они составляли 42,5% (при 32,0% в средней и 23,6% в верхней). Схожее соотношение, несмотря на некоторые количественные сдвиги, сохранилось и в 2020 г. Таким образом, тип поселения в современной России выступает важным структурным критерием неравенства жизненных шансов и рисков. Предыдущие исследования показали, что это относится и к неравенству доходов [Модель..., 2018]. Это позволяет утверждать, что граница между городом и селом является в определенном смысле и границей между высокими шансами на благополучие и неблагополучие, к чему мы еще вернемся в следующей главе, специально посвященной анализу поселенческой специфики модели стратификации.

Что же касается гендерного состава разных страт, то нижняя страта имеет в своем составе несколько более высокую долю мужчин, чем верхняя страта и население в целом, однако эти различия невелики. В отношении возраста надо отметить гораздо более молодое «лицо» верхней страты – в ее составе выше удельный вес всех возрастных групп до 50 лет и заметно ниже доля россиян старше 60 лет (в 2018 г. – 9,3% при 20,0% в средней страте и 35,5% в нижней), что свидетельствует о роли еще одного аскриптивного фактора благополучия в контексте жизненных шансов и рисков – возраста, которая устойчива и видна также на данных 2020 г. Такого рода различия в составе выделенных страт служат иллюстрацией возрастного аспекта немонетарных неравенств.

Наконец, социально-демографические портреты выделенных страт различаются и по иждивенческой нагрузке в домохозяйствах их представителей, причем эти особенности столь же устойчивы, как и описанные выше. В нижней и верхней стратах заметно отличается доля тех, кто имеет в своих домохозяйствах различные виды нагрузки взрослыми индивидами, испытывающими трудности с работой или имеющими проблемы со здоровьем, а также неработающими пенсионерами. Эти различия оказываются кратными[3]. Однако традиционно выступающая одним из ключевых факторов бедности «по доходам» нагрузка несовершеннолетними детьми в данном случае работает в обратную сторону – она выше в домохозяйствах из позитивно привилегированной страты (эта ситуация также устойчива и прослеживается как на данных 2018 г., так и 2020 г.). Доля незанятых, находящихся в декретном отпуске, в отпуске по уходу за ребенком, или занятых домашним хозяйством также устойчиво выше среди представителей верхней страты. Аналогичное распределение характерно и для неработающих студентов. Частично это объясняется разным возрастным составом страт, о котором говорилось выше, в частности – повышенной долей пенсионеров в нижней страте и молодых россиян – в верхней. Однако если выделить только россиян допенсионных возрастов, то отличия в иждивенческой нагрузке детьми сохраняются, хотя и слегка сглаживаются – так, в домохозяйствах с несовершеннолетними детьми проживали в 2018 г. 40,8% представителей нижней страты этого возраста, 49,4% средней и 56,2% верхней. Таким образом, выделенные страты различаются характером иждивенческой нагрузки – нагрузка нетрудоспособными взрослыми связана с негативной привилегированностью, а нагрузка детьми более свойственна позитивно привилегированным группам (частично отражая относительно новую постановку проблемы о полноценной стабильной семье как возможности, доступной для более благополучных групп[4]).

---

[3] Так, по данным Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (8-я волна, 2018 г.), которые позволяют обобщить данные об иждивенческой нагрузке в домохозяйствах респондентов, в семьях, в составе которых были безработные или испытывающие трудности с постоянной работой, проживали 14,4% представителей нижней страты, 8,5% средней и 5,6% верхней; в составе которых были инвалиды 1–2 группы или хронически больные – 10,0%, 5,0% и 0,6% соответственно; в составе которых были неработающие пенсионеры – 36,9%, 28,2% и 16,4% соответственно.

[4] Так, например, о все более тесной связи между социально-экономическим и брачным статусом в США говорят данные исследовательского цен-

Кратко отметим, что и уровень здоровья россиян из разных страт дифференцирован: в верхней страте в 2018 г. его оценивали как хорошее почти половина ее представителей, в средней и нижней стратах – 38,2% и 23,8% соответственно. При этом у лиц моложе пенсионного возраста эти отличия были выражены слабее, а у пенсионеров – сильнее. В результате пенсионеры из разных страт принципиально отличались по доле тех, кто оценивал свое здоровье как плохое (в верхней, средней и нижней стратах таких оказалось 14,3%, 27,8% и 44,5% соответственно).

Выявленные различия в социально-демографическом составе выделенных страт являются устойчивыми во времени и практически не изменились с 2013 г. Изменения состава под влиянием коронакризиса в наибольшей степени затронули нижнюю страту, численность которой возросла с 21,9% в 2018 г. до 24,2% в 2020 г. Судя по изменению ее профиля, это произошло за счет молодых работающих россиян с детьми[5], проживающих в городах, что привело к повышению удельного веса этих категорий в ее составе. Удельная доля пенсионеров в составе нижней страты, наоборот, снизилась, что, возможно, объясняется сравнительно высокой резистентностью пенсионеров к ударам пандемии [Черный лебедь..., 2021: с. 27] с точки зрения тех индикаторов, которые заложены в основу методики (отметим, что они не учитывают, в частности, социально-психологическое самочувствие и состояние здоровья). Следует также отметить, что в 2020 г. во всех стратах значительно приросла доля «незанятых по иным причинам» россиян, что, по всей видимости, связано с ограничениями, вводившимися в сфере занятости в связи с локдаунами. В целом же, судя по данным табл. 3.1, даже в условиях пандемии социальная структура российского общества по жизненным шансам и рискам характеризуется устойчивыми социально-демографическими различиями.

тра Pew Research Center (https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/14/as-u-s-marriage-rate-hovers-at-50-education-gap-in-marital-status-widens). Они же свидетельствуют о растущей важности профессионального статуса и стабильности партнера на рынке труда при принятии решения о создании семьи (https://www.pewsocialtrends.org/2014/09/24/record-share-of-americans-have-never-married/st-2014-09-24-never-married-03/).

[5] Отметим, однако, что даже в условиях пандемии иждивенческая нагрузка детьми не являлась для россиян фактором риска нисходящей мобильности через призму анализа их жизненных шансов и рисков. Возможно, это частично обусловлено активизацией мер социальной политики, направленных на эту категорию граждан и укрепивших положение семей с детьми в этот непростой период [«Черный лебедь»..., 2021: 24].

Выше мы говорили о факторах, являющихся неклассовыми, не связанными с ресурсами индивида и его позицией в производственных отношениях – и, как показывают данные, портреты страт по жизненным шансам сильно дифференцированы по соответствующим факторам. Отличает их и степень включенности в трудовую активность (как видно из данных табл. 3.1, среди россиян, не достигших еще пенсионного возраста, в нижней страте в 2018 г. не работала почти половина, в средней – треть, а в верхней – только каждый пятый), и состав незанятых трудоспособных возрастов с точки зрения причин их незанятости. Если, развивая далее это направление анализа, обратиться к положению работающих представителей позитивно и негативно привилегированных групп на рынке труда, то и в этом отношении они оказываются значимо дифференцированы между собой (табл. 3.2).

Как видно из табл. 3.2, негативно привилегированная нижняя страта характеризуется не только бóльшим возрастом ее представителей, более высокой долей домохозяйств с пенсионерами в ее составе и минимальной долей работающих в ней, о чем мы уже говорили выше, но и спецификой социально-профессионального состава самих работающих. Подавляющее большинство их – это рабочие (58,2%) или рядовые работники торговли и сферы обслуживания (22,4%), позиции которых по целому ряду параметров (стабильности занятости, социальной защищенности, автономности труда и пр.) ближе к позициям рабочих, чем позициям даже полупрофессионалов и офисных клерков [Российское ..., 2015: 61–87; Тихонова, Каравай, 2017]. Верхняя страта, напротив, имеет в своем составе минимальную долю рабочих (в 2018 г. – 16,2%), а доминируют в ее составе руководители, предприниматели и профессионалы, составлявшие в 2018 г. в совокупности 41,3% всех ее членов. В средней страте доля рабочих уже более чем в два раза выше, чем в верхней страте (37,2%), а доля руководителей и специалистов с высшим образованием, наоборот, более чем вдвое меньше (18,3%).

Таким образом, неравенство положения в пространстве жизненных шансов и рисков напрямую соотносится с классовой ситуацией в ее традиционном неовеберианском понимании. Если у руководителей высшего звена и высококвалифицированных специалистов в стабильные периоды развития страны шансы попасть в страту с доминированием позитивной привилегированности были в 2018 г. в 1,5–2 раза выше средних по стране (56,7% у пер-

Таблица 3.2

Социально-профессиональный и образовательный состав страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 / 2020 гг., %

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Всего работающих в составе группы	***34,9***	***54,4***	***75,5***	***42,8***	***54,7***	***77,7***
Профессиональный статус работающих						
Руководители разных уровней*	0,5	4,5	12,3	1,7	4,5	13,9
Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, преподаватели и пр.), в т.ч. военнослужащие с высшим образованием**	5,2	13,8	29,0	5,6	18,7	30,4
Иные работники нефизического труда (техники, медсестры, воспитатели в детских садах, кладовщики, почтальоны и пр.), в т.ч. военнослужащие без высшего образования	13,6	25,9	30,5	16,6	25,8	31,5
Работники торговли и обслуживания (продавцы, кассиры, агенты и пр.)	22,4	18,5	12,0	22,7	19,5	8,5
Рабочие	58,3	37,3	16,2	53,4	31,5	15,7
Уровень образования работающих						
Неполное среднее	27,9	7,6	2,2	21,7	6,9	1,5
Полное общее среднее	43,5	32,0	17,2	42,4	27,9	13,5
Среднее специальное	22,9	32,8	21,9	25,4	30,6	23,2
Высшее	5,7	27,6	58,7	10,5	34,6	61,8

Примечания. *В состав руководителей, согласно используемому в РМЭЗ НИУ ВШЭ классификатору ISCO-08, попадают также предприниматели. Это, видимо, и объясняет рост доли данной группы в составе нижней страты в 2020 г.

** Военнослужащие в общей сложности составляли в использованном массиве 0,5% работающих россиян и были представлены как специалистами с высшим образованием (39,9%), так и не имеющими его (60,1%).

вых и 48,7% у вторых при 28,5% в среднем среди работающих)[6], то у квалифицированных рабочих они вдвое меньше (15,0%),

[6] Здесь и далее, говоря про шансы представителей соответствующих групп попасть в ту или иную страту, мы опираемся на данные об их распределении по трем стратам (иными словами, среди руководителей высшего звена и высококвалифицированных специалистов 56,5% и 47,9% принадлежали в 2018 г. к страте с доминированием позитивной привилегированности при 28,5% представителей этой страты среди работающих). Эконометрический анализ, определяющий вероятность принадлежности к той или иной страте по жизненным шансам в зависимости от различных факторов при прочих равных, представлен в главе 9.

а у неквалифицированных рабочих – втрое (7,9%). При этом риски оказаться в составе нижней страты у первых двух категорий работников практически отсутствуют (1,2% и 4,3% при 14,0% в среднем по работающим), а у двух последних – превышают средние по стране (19,4% и 39,4% соответственно). Насколько выделенные страты по жизненным шансам действительно можно характеризовать как сложившиеся классы – предмет отдельного анализа, и этого вопроса мы еще будем касаться в других главах книги. Однако, уже отталкиваясь от приведенных данных, можно констатировать, что выделенные страты способны выступить базой для формирования на их основе классов, хотя на положение их представителей продолжают оказывать сильное влияние и факторы, не связанные с классовой ситуацией (прежде всего социально-демографические). Это еще раз подчеркивает значимость соответствующих неравенств в современном российском обществе.

С социально-профессиональным портретом выделенных страт связана и их образовательная специфика – среди работающих представителей верхней страты в 2018 г. доминировали россияне с высшим образованием (58,7%), в то время как в нижней и средней стратах наиболее массовые подгруппы – россияне с образованием не выше среднего специального. Нижняя страта при этом выделяется высокой долей лиц, не имеющих даже полного среднего образования (в 2018 г. – 27,9% при 7,6% в средней), а верхняя – повышенной долей закончивших аспирантуру – таковых в ней 2,8% при 0,4% и 0,1% в средней и нижней стратах.

Если посмотреть на эту же картину с другой стороны, то уровень образования ниже полного общего среднего более чем в 40% случаев приводит к попаданию работающих россиян в состав нижней страты, полное среднее и среднее специальное образование более чем в 60% случаев ведут к попаданию в состав средней страты, а высшее образование в половине случаев обеспечивает попадание в верхнюю страту. Наличие ученой степени дополнительно повышает шансы работающих оказаться в верхней страте (65,0%). Таким образом, страты, выделенные по жизненным шансам и рискам, различаются по их составу и с точки зрения качества человеческого потенциала их представителей. Частично это может быть связано с тем, что в методологии построения интегрального Индекса ЖШиР использовались индикаторы, связанные с возможностями сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, однако, даже если элиминировать это влияние, то полученные данные все равно говорят о том, что уровень обра-

зования продолжает играть важную дифференцирующую роль в отношении общего уровня благополучия или неблагополучия в современной России.

Влияние образовательного уровня и профессионального статуса как факторов, дифференцирующих жизненные шансы и риски населения, проявилось и в нестабильных условиях 2020 г. Как видно из табл. 3.2, соответствующие различия между стратами сохранились практически в неизменном виде. Среди произошедших изменений стоит отметить прирост доли полупрофессионалов и клерков в составе нижней страты. Согласно предшествующим исследованиям, наименьшее влияние кризис оказал на наиболее квалифицированную часть населения, представители которой занимают позиции специалистов и руководителей. Предпосылкой для их устойчивости был не столько факт наличия высшего образования, сколько обладание гибкими навыками, позволившими им быстрее адаптироваться к внешним ограничениям и изменениям в сфере занятости, в том числе – перейти на удаленную работу [Информационно-аналитический бюллетень, 2021: 18–32, 60–71]. В результате выпадения ряда менее квалифицированных представителей из верхней страты в среднюю в составе верхней страты выросла доля россиян, имеющих высшее образование (61,8% в 2020 г.), а также доля занятых нефизическим трудом. Одновременно с этим, за счет перехода части полупрофессионалов и клерков из средней страты в нижнюю, в последней соответствующие доли повысились. Однако все эти изменения не отразились на качественных различиях между стратами, определяющих специфику их портретов с точки зрения социально-профессиональных особенностей и образовательного уровня.

Говоря о составе страт, выделенных по жизненным шансам и рискам их представителей, нельзя обойти и уже упоминавшийся в предыдущей главе вопрос их положения в системе монетарных неравенств. Замеряя жизненные шансы и риски россиян в различных экономических сферах, мы не использовали напрямую показатели доходов. Посмотрим поэтому, как различаются доходные характеристики в трех выделенных стратах (табл. 3.3). Данные показывают, что и индивидуальные, и среднедушевые доходы в домохозяйствах оказываются наиболее высокими в верхней страте, ниже – в средней страте и минимальными – в нижней страте. Таким образом, немонетарные проявления шансов и рисков в различных сферах жизни (экономической безопасности, ситуации на работе, возможностей накопления человеческого потенциала,

Таблица 3.3

Экономические характеристики страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018/2020 гг., *руб.* и *%*

Характеристики представителей разных страт	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
2018 г., показатели доходов, руб.				
Средние ежемесячные подушевые доходы в д/х	15 030	19 816	30 264	***20 840***
Медианные ежемесячные подушевые доходы в д/х	13 800	17 300	23 000	***17 309***
Средние значения заработных плат у работающих	19 353	25 616	36 277	***27 735***
Медианные значения заработных плат у работающих	16 908	22 000	30 000	***25 000***
2020 г., показатели доходов, руб.				
Средние ежемесячные подушевые доходы в д/х	17 456	22 297	30 970	***22 084***
Медианные ежемесячные подушевые доходы в д/х	16 000	20 000	24 598	***19 333***
Средние значения заработных плат у работающих	23 964	29 766	42 700	***30 804***
Медианные значения заработных плат у работающих	20 000	25 000	35 000	***25 000***
2018 г., доходные группы, %				
Высокодоходные (более 2 медиан)	2,5	6,6	15,2	***7,4***
Среднедоходные (1,25–2 медианы)	14,1	22,7	33,7	***23,0***
Медианная группа (0,75–1,25 медианы)	45,4	47,2	40,1	***45,4***
Низкодоходные (доходы не более 0,75 медиан по стране)	38,0	23,5	11,0	***24,2***
2020 г., доходные группы, %				
Высокодоходные (более 2 медиан)	*2,3*	*5,2*	*13,1*	***5,4***
Среднедоходные (1,25–2 медианы)	*14,2*	*25,1*	*35,4*	***23,6***
Медианная группа (0,75–1,25 медианы)	*44,2*	*47,2*	*40,1*	***45,6***
Низкодоходные (доходы не более 0,75 медиан по стране)	*39,3*	*22,5*	*11,4*	***25,4***

а также досуга и потребления) достаточно тесно связаны с показателями доходов. При этом средняя страта, занимающая срединное положение по показателям доходов, оказывается несколько ближе к нижней страте. Однако даже в верхней страте каждый десятый имеет среднедушевые доходы в домохозяйстве не более 0,75 медианных доходов по стране, а в нижней страте каждый шестой имеет вполне благополучные показатели доходов. Таким образом, сводить дифференциацию представителей массовых слоев населения России в области их жизненных шансов, депривций и рисков только к дифференциации их доходов было бы неверно.

Если обратиться не к показателям доходов как таковым, а к распределению представителей выделенных групп по относительной шкале доходов, учитывающей соотношение ежемесячных среднедушевых доходов в домохозяйстве с медианным значением этого показателя по стране в целом (в 2018 г., согласно взвешенным данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, – 17 309 руб.), то ожидаемо верхняя страта характеризуется повышенной долей в ее составе среднедоходных и высокодоходных россиян, чьи доходы составляют более 1,25 медиан. В совокупности представители групп с таким уровнем среднедушевых доходов составляют практически половину численности верхней страты (в 2018 г. – 48,9%). В средней страте эта доля снижается до менее чем трети (29,3%), а в нижней страте составляет только 16,6%. К низкодоходной группе относятся при этом лишь 11,0% представителей верхней страты и 38,0% нижней, т.е. и для нижней страты это все же не доминирующая в ней группа.

В условиях пандемии общая конфигурация соотношения монетарного и немонетарного неравенства не претерпела качественных изменений, что видно из данных табл. 3.3. Сохранились соотношение медианных заработных плат и доходов представителей различных страт, а также представленность в их составе различных доходных групп, выделенных согласно относительному подходу (с учетом характерного для модели в целом снижения доли высокодоходных россиян с 7,4% в 2018 г. до 5,4% в 2020 г.).

Еще раз подчеркнем – хотя в целом эти данные говорят о тесной связи монетарного и немонетарного благополучия и неблагополучия в современной России, однако распределение по доходным группам, с одной стороны, и по стратам, выделенным на основе жизненных шансов и рисков их представителей, с другой, все же имеет существенные различия – в верхней страте оказывается около половины тех, кто находится в середине доходного распределения или даже в нижней его части, в то время как в нижней страте каждый шестой оказывается в благополучных по доходам группах. Эти расхождения могут быть частично связаны с различиями между индивидуальным положением (например, в ситуации на работе) и усредненными доходами по домохозяйству в целом, а также со спецификой расходов или особенностями ресурсной обеспеченности, которая оказывает влияние на возможности использования имеющихся доходов: разный ресурсный набор может приводить к тому, что при одинаковом уровне дохода тот уровень жизни, который он обеспечивает, оказывается различным для разных домохозяйств (к вопросам ресурсообеспеченности раз-

ных страт мы еще обратимся в других главах книги, и прежде всего – в главе 7).

Отдельно нужно сказать и о том, что пространство жизненных шансов и рисков не исчерпывается теми четырьмя сферами жизни, которые мы выбрали для анализа в качестве первостепенных. Они могут быть дополнены, как уже упоминалось ранее, также сферами жизни, связанными с социальными отношениями, социально-психологическим состоянием и т.д. Мы уже объясняли, почему мы сознательно отказались от учета этих сфер при расчете интегрального индикатора места индивида в системе немонетарных неравенств. Однако для понимания специфики состава выделенных групп они представляются все же очень важными, поэтому далее мы кратко охарактеризуем особенности положения выделенных групп в некоторых сферах жизни, не вошедших в расчет Индекса ЖШиР, – прежде всего, в отношении различных возможностей, связанных с социальным окружением человека и непроизводственной сферой его жизни в целом[7].

Показательны, например, различия представителей трех выделенных страт в оценках имеющейся у них возможности жить не хуже других, традиционно занимающей одну из ключевых позиций в желаемых жизненных моделях россиян. Такую цель включают в свои планы не менее 95% представителей каждой из выделенных групп, однако свои перспективы в этом отношении они оценивают по-разному – в то время как большинство представителей верхней страты считали в 2018 г., что уже добились этой цели, около трети нижней вообще не верили в то, что им это по силам (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Возможность жить не хуже других в разных стратах, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,
% от включавших эту цель в свои жизненные планы

Возможность жить не хуже других	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Уже добились	31,4	47,5	63,9
Пока не добились, но считают, что это по силам	37,5	39,2	31,5
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	31,1	13,3	4,6

[7] При анализе этого сюжета, в том числе в табл. 3.4–3.6, использовались данные 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (2018 г.).

Еще один штрих к портретам выделенных страт добавляют их возможности достижения оптимального баланса жизни и труда – проблемы, в большей степени актуализированной для постиндустриального этапа развития, но проявляющейся и в современной России. Данные показывают, что позитивная привилегированность сопряжена с высокими шансами на достижение оптимального баланса жизни и труда, в то время как негативная привилегированность связана со значимо более низкими шансами его достижения. В стабильных условиях удавалось достигать этого баланса 62,8% россиян из верхней страты (т.е. для них состояние жизненного баланса выступало нормой) при лишь 28,4% из нижней. При этом, если для первых ключевой причиной невозможности достичь искомого баланса являлось отсутствие времени (18,8%), то для нижней страты в качестве такой причины доминирующую роль играло отсутствие денег (32,0%). Это может свидетельствовать о разном понимании баланса жизни и труда в этих группах – для первых оно означает стремление к совмещению различных целей, требующих времени, в то время как для вторых – решение базовых бытовых проблем, связанных с материальным положением.

По другим возможностям, связанным со сферами жизни, ситуация в которых не учитывалась при построении интегрального Индекса жизненных шансов и рисков, картина оказывается схожей – жизненные шансы в различных неэкономических сферах жизни в большей степени свойственны представителям группы с выраженной позитивной привилегированностью, т.е. тем, кто вообще имеет более широкое пространство жизненных шансов. Так, в допандемийный период получали удовольствие и новые яркие впечатления от жизни более 60% представителей верхней страты, треть средней и только 15,0% в нижней страте. Если же говорить о социальных контактах, то возможности общения с друзьями и единомышленниками также были более доступны представителям верхней страты, и даже по возможностям проведения времени с детьми между стратами наблюдались хотя и менее выраженные, но все же заметные и статистически значимые отличия (табл. 3.5).

Однако в целом в тех аспектах, которые связаны с формированием комфортного микромира, различия между представителями групп с доминированием позитивной и негативной привилегированности оказываются заметно ниже, чем в отношении других возможностей. Так, оценивая свои шансы создать счастливую семью

Таблица 3.5

Возможности россиян из разных страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, в неэкономических сферах жизни, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

% от имеющих соответствующие жизненные цели

Хотели этого добиться, и уже удалось:	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Обеспечить желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов	28,4	44,3	62,8
Получать удовольствие и новые яркие впечатления от жизни	15,0	35,6	60,3
Проводить много времени со своими детьми	37,4	43,1	42,5
Регулярно встречаться и общаться с друзьями или единомышленниками	53,0	62,4	69,3

и воспитать хороших детей, а также иметь надежных друзей, подавляющее большинство россиян считают, что либо уже добились этого, либо смогут сделать это в будущем. В нижней страте доли тех, кто не верит, что сможет реализовать эти цели, традиционно выше, но и в ней они составляют безусловное меньшинство (табл. 3.6). Тем не менее эти разрывы подтверждают тот факт, что

Таблица 3.6

Возможности в социальной сфере россиян из разных страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

% от включавших соответствующие цели в свои жизненные планы

В каких сферах добились желаемого	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Создать счастливую семью			
Уже добились или считают, что им это по силам	86,4	91,3	95,6
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	13,6	8,7	4,4
Воспитать хороших детей			
Уже добились или считают, что им это по силам	91,4	96,1	95,7
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	8,6	3,9	4,3
Иметь надежных друзей			
Уже добились или считают, что им это по силам	89,4	95,2	97,7
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	10,6	4,8	2,3

благополучная семья и хорошие дети постепенно превращаются в возможность, доступную прежде всего для наиболее благополучных групп.

Таким образом, неравенство в возможностях, характеризующих непроизводственную (прежде всего – социальную) сферу жизни, не компенсирует неравенства жизненных шансов в экономических сферах жизни. Наоборот, позитивная привилегированность в экономической сфере оказывается сопряжена и с бóльшими возможностями в отношении других, неэкономических сторон жизни, включая социальные контакты и общение. Это лишний раз подтверждает, что в российском обществе на основании многомерной позитивной или негативной привилегированности формируются зоны благополучия и неблагополучия, различающиеся не только экономическими, но и неэкономическими аспектами жизни находящихся в этих зонах россиян, а также сопутствующим этому социально-психологическим настроем.

Проведенный анализ позволяет понять общий «портрет» выделенных страт в рамках модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков, который будет дополнен и детализирован в дальнейших главах книги. Пока же обратимся к вопросам, связанным с динамикой этой модели стратификации, и попробуем ответить на вопросы о том, насколько устойчива не только сама полученная модель, но и положение членов различных страт, в том числе – в разных внешних экономических условиях.

Динамика модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков

Для начала посмотрим, как выглядела в периоды 2013–2018 гг. и 2018–2020 гг. (этот период в связи с его особой спецификой мы охарактеризуем отдельно) динамика позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни для каждой из выделенных страт. Как видно из табл. 3.7, общее соотношение внутренней структуры жизненных шансов, депривaций и рисков в разных сферах жизни в период с 2013 по 2018 г. оставалось достаточно стабильным для представителей всех страт, хотя определенные колебания в нем все же имели место. Так, в нижней страте в этот период произошло относительное улучшение ситуации с возможностями

Таблица 3.7

Соотношение позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни в стратах, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2020 гг., %*

Показатели привилегированности	Страты																				
	Нижняя							Средняя							Верхняя						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2020
	Экономические условия жизни																				
Положительные	2,2	2,3	1,7	2,4	2,1	1,7	2,5	14,4	13,4	13,4	15,1	13,4	12,3	15,1	44,5	45,6	43,1	**46,9**	45,9	42,2	**49,4**
Нулевые	46,8	46,5	48,6	47,0	**49,1**	48,2	**50,5**	**57,9**	**59,4**	**58,3**	**58,1**	**61,3**	**60,3**	**64,1**	**46,7**	**46,6**	**48,4**	44,8	**46,4**	**51,5**	45,8
Отрицательные	**51,0**	**51,2**	**49,7**	**50,6**	48,8	**50,1**	47,0	27,7	27,2	28,3	26,8	25,3	27,4	20,8	8,8	7,8	8,5	8,3	7,7	6,3	4,8
	Ситуация на работе																				
Положительные	1,7	1,7	1,7	0,8	1,0	1,6	1,4	12,7	12,5	10,8	8,6	8,4	12,4	11,8	43,5	45,8	41,2	36,5	36,7	44,5	**49,0**
Нулевые	**64,2**	**63,8**	**60,7**	**58,2**	**61,4**	**62,9**	**59,5**	**69,8**	**69,4**	**66,1**	**66,8**	**70,2**	**69,1**	**69,3**	**51,5**	**48,8**	**50,3**	**55,3**	**55,5**	**49,1**	46,3
Отрицательные	34,1	34,5	37,6	41,0	37,6	35,5	39,1	17,5	18,1	23,1	24,6	21,4	18,5	18,9	5,0	5,4	8,5	8,2	7,8	6,4	4,7
	Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала																				
Положительные	3,7	5,0	4,9	7,2	6,4	7,2	5,8	**40,4**	**50,0**	**52,0**	**52,3**	**52,1**	**54,0**	**49,6**	**90,3**	**93,2**	**95,2**	**95,1**	**94,6**	**92,8**	**93,5**
Нулевые	12,8	17,2	16,8	16,2	18,6	18,7	21,2	32,6	30,2	28,3	28,3	28,6	29,6	33,1	8,9	6,3	4,4	4,7	4,8	6,4	6,1
Отрицательные	**83,5**	**77,8**	**78,3**	**76,6**	**75,0**	**74,1**	**73,0**	27,0	19,8	19,7	19,4	19,3	16,4	17,3	0,8	0,5	0,4	0,2	0,6	0,8	0,4
	Особенности потребления и досуга																				
Положительные	4,9	2,4	3,5	3,8	4,5	3,8	3,9	39,5	27,1	36,1	35,2	34,1	33,6	28,7	**85,2**	**75,0**	**80,6**	**79,2**	**80,0**	**80,9**	**60,6**
Нулевые	29,3	23,5	27,5	28,3	25,9	27,5	26,8	**44,1**	**47,7**	**44,5**	**44,4**	**45,7**	**46,0**	**49,2**	13,9	21,6	17,6	18,6	17,9	17,7	34,2
Отрицательные	**65,8**	**74,1**	**69,0**	**67,9**	**69,6**	**68,7**	**69,3**	16,4	25,2	19,4	20,4	20,2	20,4	22,1	0,9	3,4	1,8	2,2	2,1	1,4	5,2

Примечание. * **Жирным шрифтом** выделены ячейки с наиболее распространенными значениями для представителей определенной страты в каждом из опросов, а фоном – те ячейки, где концентрируются 50% и более ответов.

сохранения и наращивания человеческого потенциала (снизилась доля характеризующихся негативной привилегированностью по данной шкале), однако это не изменило качественно для ее представителей положение дел в данной сфере: она осталась наиболее проблемной для нижней страты, наравне со сферой потребления и досуга.

В полярной, верхней страте, изменения были минимальны, и динамика показателей оставалась в пределах статистической погрешности. Если говорить о положении представителей данной страты, то наиболее типичной их особенностью является, скорее, отсутствие в последние годы четко выраженной позитивной динамики во всех рассматриваемых сферах жизни. Впрочем, частично это объясняется тем, что в области сохранения и наращивания человеческого потенциала, в которой для остальных россиян произошли заметные улучшения, у представителей верхней страты ситуация изначально характеризовалась безусловным доминированием позитивной привилегированности.

Что касается средней страты, то изменения в ней коснулись в основном именно возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала. Ситуация в этой области у ее представителей, как и в нижней страте, характеризовалась явным улучшением, причем за счет как сокращения в ней негативной привилегированности, так и за счет роста позитивной. Однако если в нижней страте это не привело к утрате негативной привилегированностью в данной сфере доминирующих позиций, то в средней страте уже с 2014–2015 гг. большинство стало характеризоваться наличием дополнительных к типичным для массовых слоев населения шансов и возможностей. Эти изменения были связаны с ростом компьютерной грамотности и расширением доступа к цифровым технологиями у россиян в целом и в каждой страте в отдельности.

Таким образом, к 2018 г. сложилась следующая картина: нижняя страта устойчиво отличалась наибольшей распространенностью негативной привилегированности по своим возможностям сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также в сфере потребления и досуга – факт, уже неоднократно упоминавшийся нами и ранее. В то же время работающие представители данной страты, как, впрочем, и двух других, в массе своей находились у себя на работе в типичном для среднего россиянина положении, хотя доля испытывающих в данной области разного рода нетипичные депривации и риски на фоне других страт в ней все же была очень велика (устойчиво превышала треть). Ситуа-

ция в средней страте выглядела иначе. Хотя во всех рассматриваемых сферах жизни положение ее представителей было лучше, чем у россиян из нижней страты, но экономические условия жизни у них все же чаще характеризовались негативной привилегированностью, чем позитивной (при том что в целом доминировали нулевые показатели). Аналогично выглядела у них и ситуация на работе. Однако в сфере потребления и досуга позитивная привилегированность встречалась в этой страте уже чаще негативной. Наиболее благополучно выглядела при этом ситуация в сфере накопления человеческого потенциала, где позитивная привилегированность доминировала. Наконец, для верхней страты было характерно доминирование позитивной привилегированности в двух из четырех сфер жизни (возможностях сохранения и наращивания своего человеческого потенциала и особенностях потребления и досуга). В двух других сферах доминировали типичные для среднего россиянина нулевые показатели, но доли характеризующихся позитивной привилегированностью при этом превышали доли характеризующихся негативной привилегированностью.

Последствия пандемии коронавируса внесли определенные корректировки в тренды 2013–2018 гг. и сложившуюся общую картину по различным сферам жизни. Во-первых, во всех стратах в 2018–2020 гг. произошло улучшение в домене экономических условий жизни. Это следует трактовать с большой осторожностью, поскольку эти улучшения были вызваны не изменением ситуации (наоборот – исследования зафиксировали, что население было вынуждено расходовать свои сбережения и наращивать кредитную нагрузку [Информационно-аналитический бюллетень, 2021: 18–32]), а процессами нисходящей мобильности более благополучного населения, и, возможно, переоценками «нормы» в этом отношении. У представителей нижней страты ухудшилось положение на работе, в то время как у представителей верхней страты, потерявшей практически половину своего состава, ситуация с работой, наоборот, улучшилась. Представители средней и нижней страт столкнулись с трудностями в сфере накопления и наращивания человеческого капитала. Наиболее же значимое изменение заключалось в сужении возможностей потребления и досуга у представителей верхней страты, отражающем вынужденное изменение типичного для них образа жизни под влиянием введенных в условиях пандемии ограничений. В результате положение верхней страты в отношении доступных для ее представителей досуговых и отпускных возможностей стало заметно ближе к остальному

населению. Все остальные изменения оказались сравнительно небольшими и не оказали значимого влияния на динамику показателей и общее соотношение позитивной и негативной привилегированности у представителей трех страт в разных сферах жизни.

Можно резюмировать, что ситуация в различных сферах жизни вносит разный вклад в интегральное положение выделенных страт в пространстве шансов и рисков. Нижняя страта качественно отличается от двух других доминированием негативных показателей по трем шкалам из четырех: шкале возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала, шкале потребления и досуга и шкале экономических условий жизни. В целом хуже положение представителей нижней страты и в плане их ситуации на работе, хотя шансы и риски в этой сфере выглядят у них по отношению к положению среднего россиянина все же заметно лучше, чем в других сферах их жизни. Средняя страта соответствует типичному стандарту жизненных шансов и рисков рядовых россиян во всех сферах жизни, хотя в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала ситуация в последние годы в ней изменилась к лучшему. Изменение ситуации в этой сфере у средней страты демонстрирует, как быстро может меняться «нормальное» для массовых слоев в целом соотношение жизненных шансов, депривраций и рисков в какой-то из сфер жизни: если в 2013 г. позитивная привилегированность в данной области характеризовала лишь 40,4% представителей средней страты, то к 2018 г. доля членов этой страты с превалированием возможностей над депривациями и рисками в данной сфере стала составлять уже 54,0%, причем основной скачок пришелся на один год (в 2014 г. соответствующее значение достигло 50,0%)[8]. Наконец, ситуация в верхней страте выглядит очень противоречиво, что говорит о максимальной неконсистентности статусных позиций ее представителей в разных статусных иерархиях на фоне большей консистентности статусов представителей двух других страт. Если в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала и особенностей потребления и досуга она резко выделяется превалированием у ее представителей дополнительных жизненных шансов, то в плане ситуации на работе для нее характерно скорее типичное для среднего россиянина соотношение

[8] Фактически за период наблюдений мы столкнулись в этой области с изменением самой «нормы», что в будущем потребует корректировки операционализации соответствующих показателей ИЖШиР.

шансов и рисков (впрочем, при многократном превышении среди остальных доли имеющих в данной области дополнительные возможности над долей имеющих повышенные риски и депривации). Неоднозначной выглядит ситуация у представителей верхней страты в сфере экономических условий жизни, для которой показатели за разные годы, хотя и тяготеют скорее к типичным для массовых слоев населения, но все же выглядят заметно лучше, чем в средней страте за счет высокой доли характеризующихся позитивной привилегированностью в данной сфере.

От динамики ситуации разных страт в отдельных сферах жизни перейдем теперь к рассмотрению динамики модели стратификации, построенной на соотношении жизненных шансов и рисков. Панельная часть данных РМЭЗ НИУ ВШЭ дает возможность проследить не только общие изменения конфигурации этой модели, но и характер перемещений россиян между позициями, характеризующимися доминированием негативной или позитивной привилегированности, оценив степень устойчивости состава разных страт.

Для анализа этой динамики нами были выбраны несколько временны́х точек, отражающих разные социально-экономические условия жизни страны: 2013 г. – благоприятное экономическое положение (предкризисный период); 2015 г. – «пик» экономического кризиса 2014–2016 гг., 2017 г. – начало постепенного посткризисного восстановления, а также 2018 г., ставший в силу наличия двух взаимодополняющих массивов данных основой нашего анализа. Выбранные временны́е точки позволили учесть разные внешние условия жизни россиян (за исключением выделяющегося с точки зрения его причин и специфики последствий периода коронакризиса, который применительно к проблематике мобильности мы решили поэтому не рассматривать), а также получить полностью сопоставимые данные в силу идентичности формулировок вопросов и их закрытий, использовавшихся при построении индекса жизненных шансов и рисков[9].

Выделение панели – совокупности россиян, присутствовавших в выборках исследования на протяжении всех выбранных для анализа лет, производилось на репрезентативных базах дан-

---

[9] В отличие, например, от 2008 г., данные по которому выступили бы хорошей точкой для сравнения, характеризуя преддверие общемирового экономического кризиса. Однако использующиеся при построении Индекса ЖШиР вопросы частично отличались в этом году модификациями закрытий от более поздних волн РМЭЗ НИУ ВШЭ, а частично вообще отсутствовали в анкетах.

ных; в панель были включены только совершеннолетние россияне. В сформированную панельную выборку вошли 6 169 россиян. Для проверки ее качества было проведено сравнение конфигураций моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на данных репрезентативных и панельной выборок за каждый год в отдельности (Приложения 3.1–3.4). Это сравнение показало, что, несмотря на значительную потерю объема выборки, модели стратификации российского общества, построенные на репрезентативных и панельной выборках, отличаются мало. Кроме того, сопоставление панельной и репрезентативной выборок по базовым срезам (типам поселений, полу и возрасту) показало, что отличия между ними были очень невелики и преимущественно заключались в несколько большем охвате женщин, лиц пенсионных возрастов и жителей сельской местности (см. Приложение 3.5). Эти результаты выступили аргументом в пользу достаточно высокого качества полученной панельной выборки и возможности ее использования для дальнейшего анализа с учетом ее сдвига в сторону в среднем менее благополучных групп.

Проведенное сравнение позволило также оценить, как менялась на протяжении пяти лет общая модель стратификации по жизненным шансам и рискам, т.е. какие изменения происходили в соотношении в ней структурных позиций, характеризующихся позитивной и негативной привилегированностью. На протяжении всего рассматриваемого временного промежутка медианное значение Индекса ЖШиР оставалось равным 0 баллов, однако часть позиций, находившихся в начале рассматриваемого период ниже нулевого значения, позже подтянулись вверх и сконцентрировались около медианы. Это означает, что сам по себе «типичный» стандарт жизни, скрытый за медианным показателем интегрального индекса, качественным образом не изменился, но изменилось распределение массовых слоев населения вокруг него. Причем из приведенных выше данных понятно, что произошло это за счет все большего погружения россиян из средней и нижней страт в «мир цифры», а не изменений к лучшему в других сферах их жизни.

Результатом такой динамики стала общая положительная динамика среднего показателя Индекса жизненных шансов и рисков, который в 2013 г. составлял 0,25, в 2015 г. – 0,12, в 2017 г. – 0,21, в 2018 г. – 0,32 баллов[10]. Произошедшие изменения привели к постепенному сокращению масштабов нижней страты (33,2%,

[10] Данные приведены по репрезентативным взвешенным выборкам.

29,6%, 25,8%, 21,9% в 2013, 2015, 2017, 2018 гг. соответственно) при одновременном расширении средней страты (50,0%, 53,3%, 55,4%, 57,6%); численность верхней страты также приросла, но в меньшей степени (16,8%, 17,1%, 18,8%, 20,5%). Таким образом, за последние пять лет произошли небольшие структурные изменения в самой модели стратификации, построенной по интегральному Индексу жизненных шансов и рисков, хотя в целом эта модель остается довольно устойчивой.

На фоне устойчивости конфигурации самой модели стратификации важно понимать, насколько устойчиво место в ней россиян, занимающих в ней разные позиции, т.е. каков характер социальной мобильности в рамках социальной структуры российского общества, построенной по критериям шансов и рисков.

Межгрупповая мобильность и проблема устойчивости выделенных страт на микроуровне

Начнем рассмотрение проблемы социальной мобильности между стратами, выделенными по жизненным шансам и рискам их представителей, с того, что проанализируем, насколько устойчивы позиции россиян из нашей панельной выборки на шкале интегрального Индекса ЖШиР, варьирующегося от –12 до +12 баллов. Данные показывают, что приблизительно четверть россиян сохраняли свою позицию на этой шкале между двумя любыми годами. При этом более половины населения в эти периоды перемещались лишь на 1 или 2 статусные позиции вверх или вниз (рис. 3.1), т.е. качество их жизни также изменялось сравнительно мало. Более

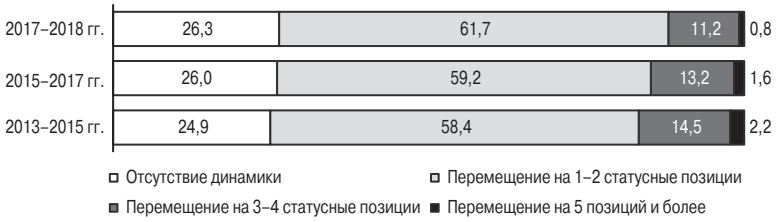


Рисунок 3.1

Дистанция перемещений россиян (как вверх, так и вниз) по интегральной шкале Индекса жизненных шансов и рисков на различных временных интервалах, РМЭЗ НИУ ВШЭ, панельные данные 2013–2018 гг., %

значимые сдвиги, характеризующие существенное улучшение или ухудшение жизни россиян, происходят довольно редко – менее чем в 20% случаев, причем «шаги» длиной в 5 баллов по ИЖШиР и более встречаются чрезвычайно редко и по мере стабилизации экономической ситуации их вероятность сокращается.

Более того – далеко не все случаи мобильности, даже довольно значительной, скрывают за собой смену страты. Так, в промежутке между 2013 г. и 2015 г. 67,5% россиян вне зависимости от наличия или отсутствия у них вышеуказанной динамики остались в своей страте, у 14,0% динамика привела к переходу в более высокую страту, а у оставшихся 18,5%, соответственно, к переходу в более низкую страту (в 2015–2017 гг. соответствующие показатели составили 69,1%, 13,6% и 17,3%, а в 2017–2018 гг. – 71,8%, 12,7% и 15,5%). Таким образом, на временны́х интервалах длиной в два года более двух третей россиян остаются в своей страте. При этом превалирование масштабов восходящей мобильности над нисходящей в этот период объясняется изменением самой модели стратификации за счет «подтягивания» в ней части нижних структурных позиций вверх, к середине.

Аналогичные тенденции наблюдаются и на временном интервале в 5 лет. Если не принимать в расчет возможную разнонаправленность мобильности россиян в отдельные периоды между 2013 г. и 2018 г., и просто сопоставить их положение в этих временны́х точках, то 63,9% их в 2018 г. остались в той же страте, в которой находились и в 2013 г., 23,6% перешли в более высокую страту, а 12,5% – в более низкую. Таким образом, даже в сравнительно краткие периоды (1–2 года) мобильность, хотя бы небольшая, характеризовала положение большинства россиян, но на длительном временно́м интервале их было уже меньшинство.

Кроме того, даже изменения в соотношении жизненных шансов и рисков у тех россиян, у кого они все же произошли, в столь длительном периоде зачастую носят разнонаправленный характер – иными словами, за приведенными выше цифрами числа перешедших в другую страту далеко не всегда скрывается последовательное линейное движение в сторону улучшения или ухудшения положения конкретного человека. Для учета разнонаправленных изменений внутри рассматриваемого временно́го промежутка мы разделили все случаи мобильности на четыре категории:

- отсутствие мобильности (индивид пребывал в одной и той же страте во всех временны́х точках наблюдения);

- восходящая мобильность (индивид хотя бы на одном из временны́х интервалов поднялся из своей страты в более высокую, и ни разу не спускался в более низкую);
- нисходящая мобильность (индивид хотя бы на одном из временны́х интервалов спустился из своей страты в более низкую и ни разу не поднимался в более высокую);
- разнонаправленная мобильность (индивид за период наблюдения и поднимался, и опускался в более высокую и более низкую страты).

Подобная группировка учитывает направления мобильности на каждом из трех анализируемых временны́х интервалов. Использование подобной классификации демонстрирует, что случаи устойчивой восходящей мобильности охватывали к началу 2019 г. всего 10,5% россиян, устойчивой нисходящей мобильности – 20,1%, а отсутствия мобильности – 41,7%. Остальные 27,6% характеризовались разнонаправленной мобильностью. Таким образом, вероятность восходящей мобильности по соотношению жизненных шансов и рисков была у россиян в рассматриваемый период не только невелика, но и вдвое уступала перспективе нисходящей мобильности. При этом каждый четвертый россиянин находился в «плавающем», неустойчивом состоянии, которое способно оказывать даже более сильное фрустрирующее воздействие, чем просто нисходящая мобильность.

Чаще всего восходящая мобильность, если говорить о россиянах в целом, представлена однократным поднятием в соседнюю страту, а нисходящая – однократным спуском в соседнюю страту с последующим пребыванием в них до конца периода наблюдения (табл. 3.8, светло-серые ячейки). Разнонаправленная мобильность относительно часто приводит к тому, что индивид в итоге все равно возвращается в свою изначальную страту, т.е. она отражает временные, ситуационные изменения в положении россиян (табл. 3.8, темно-серая ячейка). При этом доминирует с показателем в 41,8% отсутствие всякой мобильности.

В то же время, если говорить не о россиянах в целом, а о представителях отдельных страт, то типичный для них вектор мобильности имеет свою специфику. Наиболее характерной особенностью нижней страты является чрезвычайная устойчивость ее состава – 76,1% ее представителей в 2018 г. принадлежали к ней и в 2013 г., причем большинство ее вообще не выходили за это время из ее состава. Верхняя же страта, наоборот, характеризуется очень

Таблица 3.8

Характер мобильности россиян между стратами, выделенными по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, за период с 2013 г. по 2018 г., %

Вектор мобильности на протяжении 5 лет	**Доля россиян с соответствующим вектором мобильности (в стратах по состоянию на 2018 г.)**
Разнонаправленная мобильность, в т.ч.:	
Разнонаправленная мобильность с итоговым понижением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность с итоговым понижением на 1 страту	2,0
Разнонаправленная мобильность с итоговым повышением на 1 страту	3,4
Разнонаправленная мобильность с итоговым повышением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность без изменения принадлежности к определенной страте в конце периода по отношению к его началу	22,0
Нисходящая мобильность, в т.ч.:	
Нисходящая мобильность с итоговым понижением на 1 страту	10,3
Нисходящая мобильность с итоговым понижением на 2 страты	0,2
Восходящая мобильность, в т.ч.:	
Восходящая мобильность с итоговым повышением на 1 страту	19,7
Восходящая мобильность с итоговым повышением на 2 страты	0,5
Отсутствие мобильности в течение всего периода наблюдений	*41,7*

высокой обновляемостью и неустойчивостью ее состава – лишь 47,4% в ней по итогам пяти лет наблюдений относились к верхней страте и в 2013 г., в том числе каждый пятый остался в ней после разнонаправленной мобильности в разные годы. При этом более половины ее в 2018 г. составляли люди, отсутствовавшие в ее составе в 2013 г. (табл. 3.9).

Наиболее типичными представителями своих страт являются россияне, характеризующиеся отсутствием мобильности в течение всего периода наблюдений. В нижней страте осенью 2018 г. они составляли 56,4%, в средней страте – 39,2%, а в верхней – 27,9%. Это еще раз подтверждает, что в наименьшей степени происходит обновление состава именно нижней страты российского общества, т.е. для нее в наибольшей степени работает эффект «липкого пола» [OECD, 2018]. Причем те ее представители, которые покинули ее состав, как уже отмечалось выше, сделали это в основном за счет более активного включения нижних слоев населения в «мир цифры» и роста за счет этого численности средней страты, а не за счет роста их экономически обусловленных возможностей.

Таблица 3.9

Воспроизводство состава страт, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, в разные периоды, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2018 гг., *%*

Воспроизводство состава страт	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Доля группы, состоявшая в 2015 г. из представителей той же страты в 2013 г.	74,6	67,1	54,4
Доля группы, состоявшая в 2017 г. из представителей той же страты в 2015 г.	74,6	70,2	56,0
Доля группы, состоявшая в 2018 г. из представителей той же страты в 2017 г.	74,6	74,3	59,5
Доля группы, состоявшая в 2018 г. из представителей той же страты в 2013 г.	*76,1*	*63,1*	*47,4*

Высокая нестабильность состава верхней страты, наоборот, говорит о крайне низком «запасе прочности» у ее представителей, несмотря на их кажущееся благополучие, а также о том, что удержаться в составе благополучных слоев населения сколько-нибудь продолжительный период сейчас крайне непросто. Эти особенности прослеживаются и на данных, демонстрирующих, в какой степени состав группы воспроизводится за счет ее же собственных представителей предшествующего периода. Хотя на временно́м интервале в два года средняя и нижняя страта воспроизводят свой состав приблизительно на три четверти, верхняя страта даже на столь коротких временны́х интервалах обновляла свой состав более чем наполовину (табл. 3.9). В этом смысле можно говорить о том, что самовоспроизводство более характерно для нижней части распределения по жизненным шансам и рискам, чем для верхней, и в российском обществе в большей мере представлен феномен «липкого пола», чем «липкого потолка». Кроме того, такая неустойчивость статусных позиций представителей верхней страты на микроуровне тесно коррелирует с характерной именно для ее членов неконсистентностью их статусных позиций по различным шкалам.

Тем не менее, несмотря на высокую (особенно в верхней страте) динамичность состава разных страт на микроуровне, все три страты имеют в своем составе устойчивые ядра, включающие наиболее типичных их представителей, и периферию этих ядер, представители которых находятся на границах между стратами, то поднимаясь выше этих границ, то опускаясь обратно. В этой связи

большой интерес с точки зрения лучшего понимания сложившейся в России модели стратификации представляют именно ядра страт, отражающие особенности групп с устойчивым доминированием негативной или позитивной привилегированности и с устойчивым положением в рамках «нормы». Посмотрим, отличаются ли портреты этих ядер от общих характеристик страт, приведенных в начале главы (табл. 3.1 и 3.2)[11]. Это важно, поскольку ядра реальных, а не статистических социальных групп должны более ярко демонстрировать наиболее характерные для них особенности.

Первым их отличием выступают характеристики занятости. Среди устойчиво позитивно привилегированных россиян в 2018 г. было трудоустроено подавляющее большинство (79,5%), в то время как в ядре средней страты – менее половины (45,2%), а среди устойчиво неблагополучных – вообще менее четверти (21,4%), т.е. различия между ядрами страт в этом отношении действительно больше, чем у страт в целом. Незанятость остальных их членов во многом объясняется различным охватом пенсионеров устойчивыми ядрами страт (в ядре верхней страты пенсионеров всего 25,3%, в то время как в средней и нижней 51,2% и 64,3% соответственно). Впрочем, даже при рассмотрении только россиян, не достигших пенсионного возраста, разница в трудовой активности представителей ядер разных страт продолжает оставаться разительной: 89,6%, в верхней страте, 74,1% в средней и 48,6% в нижней. При этом причины их незанятости кроются не в необходимости ухаживать за детьми: среди устойчиво благополучных, не имеющих работы, более 59,9% проживают в семьях, в составе которых есть несовершеннолетние дети, а у устойчиво неблагополучных таких лишь 32,8%.

Помимо уровня незанятости, ядра страт сильнее самих страт дифференцированы и по качеству занимаемых их представителями рабочих мест. В ядре нижней страты 23,7% трудоустроенных не оформлены на своих рабочих местах официально (в ядре средней страты таких всего 4,7%, а в ядре верхней страты их практически нет – 1,6%). Для сравнения отметим, что среди «периферийных» представителей нижней страты, характеризующихся разнонаправленной мобильностью, аналогичная доля была в рассматриваемый период практически вдвое меньше (13,3%), чем в ее ядре. Таким образом, готовность работать на рабочих местах, не обеспечиваю-

[11] Более подробное описание ядер разных страт представлено в [Слободенюк, 2019б].

щих даже формальных предпосылок для социальной защищенности, значительно повышает и риски оказаться в зоне устойчивого доминирования негативной привилегированности.

Отчасти это связано с тем, что ядра трех выделенных страт сильно отличаются по своему профессиональному составу: ядро верхней страты объединяет в своих рядах преимущественно россиян, занятых высококвалифицированным интеллектуальным трудом, а нижней – низкоквалифицированным физическим. В зонах устойчивого благополучия и неблагополучия эти различия также проявляются еще сильнее, чем в верхней и нижней стратах в целом: среди первых доля высококвалифицированных специалистов (включая военнослужащих с высшим образованием) составляет 48,8% (при 40,7% в верхней страте в целом), а доля рабочих – 10,7% (при 16,1% в верхней страте в целом), а среди вторых велика доля рабочих (67,5%, при 58,1% в нижней страте в целом), причем разница эта обеспечивается за счет неквалифицированных рабочих. Отчасти это может быть связано с проблемами локальных рынков труда. Так, выше уже неоднократно отмечалось, что зона позитивной привилегированности смещена в крупные города, а негативной – в сельскую местность, и эта тенденция также наиболее ярко проявляется в ядрах выделенных страт: устойчивое благополучие чаще встречается в крупных городах (58,2%), а устойчивое неблагополучие – в селах (49,0%).

Большое влияние на шансы попасть в ядра разных страт оказывает и разница в уровне образования: среди устойчиво благополучных три четверти имеют высшее образование (75,8%), в то время как в ядре средней страты таких лишь чуть более четверти (28,2%), а среди устойчиво неблагополучных имеющие высшее образование практически отсутствуют. Зато среди последних практически каждый второй (44,7%) имеет неполное среднее образование, в то время как в ядрах средней и верхней страт люди с таким уровнем образования практически не встречаются (6,8% и 1,0%). Сравнение с данными из табл. 3.2 показывает, что различия по образованию в ядрах страт тоже проявляются еще ярче, чем в стратах в целом.

Наконец, различия в уровне здоровья у представителей ядер разных страт также оказываются выше, чем в стратах в целом. Особенно ярко эта тенденция проявляется у пенсионеров – так, оценивают свое здоровье как плохое 4,0%, 29,7% и 52,3% пенсионеров, входящих в ядра верхней, средней и нижней страт соответственно. Таким образом, среди устойчиво благополучных концентрируются

в основном наиболее здоровые пенсионеры, а в устойчивом неблагополучии, наоборот, оказываются пенсионеры, отягощенные всевозможными хроническими заболеваниями.

Таким образом, портреты ядер разных страт, приведенные выше, говорят о том, что все характерные особенности трех выделенных страт просматриваются в их ядрах ярче, чем в стратах в целом. Это подтверждает оправданность характеристики их именно как ядер соответствующих социальных групп. Свидетельствуют приведенные выше данные и о том, что для представителей ядер разных страт характерны качественно отличающиеся позиции на рынке труда, связанные с особенностями их человеческого капитала. Ядро верхней страты составляют наиболее образованные россияне, характеризующиеся высоким уровнем трудовой активности и занятые высококвалифицированным трудом. Для ядра нижней страты, наоборот, типично пребывание в нем наименее образованных россиян, занятых в сфере физического (в значительной степени неквалифицированного) труда с высокими рисками прекаризации. В средней страте пребывают среднеобразованные россияне, нередко тоже занятые физическим трудом, но трудоустроенные на рабочих местах более высокого качества. Однако помимо этих факторов на формирование устойчивых зон благополучия и неблагополучия по жизненным шансам и рискам влияют и неклассовые факторы, задающие внешние ограничения: тип поселения, уровень здоровья и другие, сравнительному анализу роли которых посвящена глава 9 данной книги.

Выводы

Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам уже сформирована и достаточно устойчива: даже в условиях различных этапов экономического цикла, характеризовавших в последние годы жизнь страны, она практически не менялась. Более того, несмотря на кризис 2014–2016 гг., последующий период «негативной стабилизации», а также пандемию коронавируса, конфигурация этой модели за последние годы изменилась мало. В основном эти изменения проявились в «подтягивании» некоторой части нижних позиций к их середине в период с 2013 по 2018 г. и в «осыпании» части россиян из верхней страты в среднюю в условиях коронакризиса. В совокупности эти процессы привели к значительному расширению средней страты. В течение

2013–2018 гг. ее расширение происходило при этом прежде всего за счет распространения цифровой грамотности в нижних слоях российского общества. Все большее «погружение в цифру», конечно, дает дополнительные возможности и снижает риски эксклюзии в условиях бурной цифровизации всех сторон жизни российского общества, однако мало сказывается на остальных, не менее важных сторонах жизни россиян. В 2020 г. происходящие изменения в составе и положении представителей разных страт были обусловлены не только изменениями на рынке труда и в экономическом положении россиян, но и ограничениями их досуговых и отпускных возможностей из-за антиковидных ограничений. Мало изменился за 2015–2020 гг. и общий стандарт жизни россиян – единственным исключением стало включение в этот стандарт доступа к цифровым технологиям, включая распространение навыков их использования.

К 2018 г. нижняя страта отличалась прежде всего ограниченностью своих возможностей в сохранении и наращивании своего человеческого потенциала, а также в потреблении и досуге. Средняя страта во всех сферах жизни характеризовалась типичными для страны в целом показателями. Наконец, для верхней страты была характерна позитивная привилегированность прежде всего в тех же сферах, что и негативная привилегированность у нижней, т.е. в сферах сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также в особенностях потребления и досуга. Указанные различия сохранились и в условиях 2020 г., хотя и с заметными потерями из-за пандемии части тех преимуществ, которыми характеризовалось положение представителей верхней страты в сфере досуга и потребления.

В целом, сложившаяся картина демонстрирует бóльшую неконсистентность статусов и тесно с ними связанную неустойчивость положения представителей верхней страты по сравнению с двумя другими. Сравнение внутренней структуры жизненных шансов и рисков показывает, что поляризация представителей разных страт в наибольшей степени выражена в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала. И хотя динамика, наблюдавшаяся в разных сферах в последние годы, в наибольшей степени изменила ситуацию именно в этой сфере (положение дел в ней улучшилось как для нижней, так и для средней страты), все же различия именно в данной области являются и до сих пор наиболее яркими отличиями жизни представителей разных страт.

Монетарные аспекты благополучия оказываются в современном российском обществе тесно связаны с немонетарными его аспектами, но все же не предопределяют их полностью – один и тот же уровень дохода может сопровождаться разным качеством жизни в плане соотношения доступных жизненных шансов и возможных рисков. Более того, позитивная и негативная привилегированность в экономическом положении усугубляются различиями в неэкономических сферах жизни, что еще раз подчеркивает многомерность выявленных зон благополучия и неблагополучия по жизненным шансам и рискам в рамках вертикально иерархизированной структуры российского общества.

Что касается мобильности россиян между позициями с разным соотношением позитивной и негативной привилегированности, то ее масштабы, на первый взгляд, кажутся достаточно высокими. Однако эта мобильность чаще связана с кратковременными и незначительными колебаниями возможностей в какой-то из сфер жизни, не приводящими к качественным изменениям в положении человека, чем со сменой принадлежности к той или иной страте.

Устойчивое неравенство, проявляющееся, в том числе, в доле стабильно сохраняющих свою принадлежность к различающимся их местом в социальной иерархии стратам, выше в нижней части распределения по рискам и шансам, чем в верхней. Иными словами, в наименьшей степени обновляется состав наиболее неблагополучной страты, в то время как верхняя страта характеризуется высокой нестабильностью своего состава, демонстрируя неустойчивость своего относительного благополучия. В целом в российском обществе в отношении характера мобильности по жизненным шансам и рискам в большей мере представлен феномен «липкого пола», чем «липкого потолка».

Выделенные страты значительно отличаются по своему составу. Особенно ярко эти различия прослеживаются между их ядрами – наиболее устойчивыми подгруппами каждой из страт, из года в год сохраняющих свою принадлежность к ним. Специфика ядер разных страт, как и страт в целом, заключается, прежде всего, в особенностях положения их представителей на рынке труда – зона негативной привилегированности представлена в основном занятыми физическим трудом с низким уровнем образования, в то время как в зоне позитивной привилегированности оказываются чаще всего высококвалифицированные работники нефизического труда. Однако важную дифференцирующую роль продолжают

играть и другие особенности россиян – тип поселения, где они проживают, возраст, уровень здоровья, демографическая нагрузка (причем прежде всего не детьми, а взрослыми) и т.д. Это демонстрирует сложность системы различных типов неравенств, формирующих сегодня вероятности для нахождения на позитивно и негативно привилегированных позициях в российском обществе.

Глава 4. Территориально-поселенческие особенности стратификации российского общества[1]

Как уже подчеркивалось в предыдущей главе, возможности и риски населения сильно дифференцированы в территориально-поселенческом аспекте. Более того, пространственная неоднородность является для России одним из основных факторов неравенства [Овчарова и др., 2016]. Впрочем, наша страна в этом отношении не является исключением, и неслучайно территориальные различия в системе неравенств во всем мире являются предметом изучения ученых (см., например, [Martin, 2005; Zubarevich, Safronov, 2011]). В этой связи вопрос о территориальной неравномерности распределения рисков и возможностей населения нашей страны заслуживает отдельного рассмотрения – ведь их конфигурация в пространстве позволяет не только выявить соответствующие закономерности формирования жизненных шансов и рисков, но и определить основные «болевые точки», которые требуют особого внимания государства.

Особенности позитивной и негативной привилегированности жителей разных типов поселений в различных сферах жизни

Одной из форм территориально-поселенческого неравенства, важной для анализа социальной стратификации, является неоднородность жизненных шансов в населенных пунктах разного типа. Она анализируется в разных аспектах, но чаще всего в контексте доходной стратификации (ярким примером такого подхода выступает, в частности, [Модель ..., 2018]). В рамках данной главы для демонстрации ключевых срезов территориально-поселенческих неравенств будут рассмотрены такие типы населенных пунктов, как (1) мегаполисы, являющиеся субъектами РФ (Москва и Санкт-Петербург), далее условно обозначаемые как столицы; (2) центры

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Лежнина, 2019].

субъектов РФ – республик, краев и областей; (3) районные центры и (4) сельские населенные пункты, в состав которых мы включили села и поселки городского типа[2]. Все эти типы населенных пунктов имеют свою специфику в распределении возможностей и рисков их населения во всех рассматриваемых нами сферах: экономических условиях жизни, ситуации на работе, возможностях сохранения и наращивания человеческого потенциала, особенностях потребления и проведения досуга.

Как будет показано в главе 7, типичные условия жизни россиян не предполагают наличия ресурсов для решения крупных ситуационных проблем или реализации инвестиционных инициатив. Скорее речь может идти применительно к ним о некотором, большем или меньшем, текущем благополучии. При этом абсолютное большинство россиян традиционно оценивают как «хорошие» или «удовлетворительные» свои возможности питаться (в 2018 г. – 94,1%, в 2020 г. – 93,1%, а в 2021 г. – 93,4%)[3], одеваться (90,0%, 88,7% и 91,5% соответственно), жилищные условия (86,4%, 90,7% и 92,8% соответственно), а также возможности проведения досуга (80,1%, 77,3% и 78,8% соответственно); имеет в собственности квартиру или дом (по данным 2018 г. – 88,7%), а средняя площадь, приходящаяся на одного члена семьи, превышает социальную норму жилищной обеспеченности, принятую в России (в 2018 г. средняя площадь на человека составляла 21,7 кв. м). Однако крупные сбережения в любой их форме есть у считанных процентов россиян.

В этих условиях особенно важно то, что жители столиц демонстрируют признаки позитивной привилегированности в экономической сфере заметно чаще остальных (табл. 4.1). Однако, с другой стороны, показатели негативной привилегированности в этой сфере в столицах близки к характеризующим ситуацию в других типах населенных пунктов. Это значит, что хотя жизненные возможности в Москве и Санкт-Петербурге в экономической сфере распространены шире, чем в других типах поселений (и особенно заметен этот отрыв в отношении наличия какой-либо недвижимо-

---

[2] Такое объединение диктовалось схожестью образа жизни и систем неравенств в них.

[3] В качестве эмпирической базы для данной главы использованы данные 3-й, 8-й, 11-й и 12-й волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, проведенных в октябре 2015 г., октябре 2018 г. (используется, если не обозначено иное), сентябре 2020 г. и марте 2021 г. соответственно. Подробнее о выборках и результатах этих исследований см. Приложение В.1.

Таблица 4.1

Распространенность признаков позитивной и негативной привилегированности в экономической сфере среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Признаки	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**	**В среднем по массиву**
Позитивная привилегированность					
Наличие второго жилья	3,5	6,7	3,4	2,5	*4,1*
Наличие иной недвижимости (при условии одновременного наличия автомобиля)	24,4	16,7	19,3	16,5	*18,3*
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	12,2	8,8	7,3	4,7	*7,5*
Негативная привилегированность					
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	7,1	11,0	10,0	12,4	*10,7*
Наличие значительных неэластичных расходов помимо долговых обязательств	8,3	5,9	4,9	5,2	*5,7*
Нестабильность доходов	13,6	10,1	11,6	16,7	*12,9*

Примечание. *Фоном здесь и далее, если не оговорено иное, в таблице выделены показатели, превышающие средние по стране не менее чем на величину статистической погрешности.

сти помимо занимаемого жилья), однако разного рода экономические риски и депривации затрагивают их жителей с той же частотой, что и жителей остальных населенных пунктов.

Экономические ресурсы в виде инвестиций или сбережений, способных обеспечить жизнь семьи не менее чем на год, а также наличие второго жилья (квартиры, дома, апартаментов и т.д.) в 2018 г. присутствовали лишь у 4,7–12,2% жителей разных типов поселений. В период пандемии коронавируса 2018–2021 гг. объем экономических ресурсов россиян в целом колебался, но не демонстрировал заметной динамики. При этом для столиц, очень ощутимо пострадавших от пандемии коронавируса и предпринятых в связи с ней ограничительных мер (особенно в первые волны пандемии), доля имеющих сбережения, позволяющие прожить на них не менее года, продемонстрировала наиболее четкую динамику: она снизилась с 12,2% в 2018 г. до 7,1% в 2021 г. В то же время в населенных пунктах иных типов вектор изменений не был столь однозначным. При этом, хотя столицы отличаются максимальными

значениями доли обладателей каких-либо экономических ресурсов, но и в них эти ресурсы имеет относительно небольшая часть населения – так, согласно данным 2018 г., наличие хотя бы одного из признаков привилегированности в экономической сфере свойственно только трети из них (32,3%) (для жителей остальных типов поселений соответствующий показатель составляет 21,0–27,0%). При этом более одного такого признака имели в 2018 г. 6,7% населения столиц и 2,4–4,7% россиян, проживающих вне Москвы и Санкт-Петербурга.

Ситуация с негативной привилегированностью в экономических условиях жизни в территориально-поселенческом плане выглядит более гомогенной. Такие риски, как множественные или крупные долги/кредиты, наличие дополнительных неэластичных расходов, а также нестабильность доходов свойственны безусловному меньшинству россиян во всех типах поселений. Хотя бы один из рассматриваемых признаков негативной привилегированности в экономической сфере был в 2018 г. в наличии у 22,9–29,6% жителей разных типов поселений. Более одного ее признака встречаются редко, максимальный на тот момент показатель (4,5%) был у жителей сельской местности.

Уровень негативной привилегированности в экономической сфере у россиян по понятным причинам с началом пандемии вырос и, например, доля населения с наличием крупных или множественных долговых обязательств с 10,7% в 2018 г. увеличилась до 13,9% в 2020 г., но снизилась по мере постепенной стабилизации экономической ситуации в 2021 г. При этом в разных типах населенных пунктов характер динамики был схожим.

Заметно драматичнее период пандемии отразился на ситуации с доходами. Так, доля работающих россиян, которым работодатели не обеспечивали своевременную выплату заработной платы, возросла с 7,3% в 2018 г. до 10,7% в 2020 г. и 12,3% в 2021 г. При этом хуже всего обстояла ситуация в столицах, где соответствующие показатели имели значения 5,7%, 17,9% и 15,6% соответственно. Это в очередной раз показывает, что именно столичный рынок труда пострадал в период пандемии в наибольшей степени.

Таким образом, в целом риски неблагополучных экономических условий жизни не имеют строгой пространственной привязки, как, впрочем, и широкой распространенности, в то время как экономические возможности ее имеют – у населения столиц они заметно выше, чем у остального населения, хотя и сократились в пандемию. Тем не менее объем экономических ресурсов, доста-

точный для формирования источника пассивного дохода, стартового капитала или «подушки безопасности» на период нестабильности, и сейчас доступен чаще жителям столиц, хотя и в них у представителей массовых слоев встречается относительно редко. Все же наличие такой возможности выводит Москву и Санкт-Петербург в лидеры по потенциалу реагирования на изменения экономической среды со стороны населения. Именно их жители чаще могут купировать последствия экономических шоков на микроуровне и инвестировать, используя появляющиеся «окна возможностей» в трансформирующейся повседневности.

Производственная сфера играет для российского общества ключевую роль в определении жизненных шансов населения. Несмотря на то, что рабочее место сегодня, в отличие от советского периода, уже не является точкой, через которую осуществляется доступ к значимым объектам потребления, в первую очередь именно через трудовые доходы обеспечивается определенный уровень жизни человека, поддерживается доступность для него тех или иных желаемых благ. При этом ситуация на работе имеет свою территориально-поселенческую специфику.

Общая ситуация с занятостью свидетельствует о безусловном преобладании в российском обществе в данной сфере негативной привилегированности над позитивной (табл. 4.2). Так, половина (49,6%) всех работающих говорили в 2018 г. о том, что в отношении них работодатель не соблюдает нормы трудового законодательства (официальное оформление на работу, обеспечение «белой» зарплатой, оплата отпуска и больничного листа). При этом в столицах и сельской местности наличие таких нарушений стало уже безусловной нормой (54,2% и 55,2% для работающих их жителей соответственно). В период коронакризиса эта ситуация усугубилась и стала нормой и для работающего населения в целом: нарушение трудовых прав встречалось в 2021 г. в отношении 55,6% (46,2–65,6% в населенных пунктах разного типа) работающих.

С 2018 г. до 2020 г. ухудшилась, хотя потом и почти восстановилась, также ситуация с оплатой сверхурочных при их наличии. Так, лишь треть (34,1%) работающих россиян в 2018 г. и менее четверти (21,7%) в 2020 г. говорили о том, что им оплачивают сверхурочные. В 2021 г. соответствующий показатель вернулся к практически допандемийному уровню (32,7%). На всем рассматриваемом промежутке времени минимальным он был в сельской местности (28,6%, 19,3% и 28,4% соответственно). При этом после некоторого облегчения ситуации с пандемией, максимальные воз-

Таблица 4.2

Распространенность признаков позитивной и негативной привилегированности на работе среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от работающих*

Признаки	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность	Работающие в целом
Позитивная привилегированность					
Наличие ресурса влияния на работе	54,8	57,5	46,2	48,6	*50,7*
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	25,6	19,8	21,4	18,6	*20,6*
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	6,5	6,6	5,2	2,3	*4,9*
Негативная привилегированность					
Риски длительной безработицы	12,8	10,1	14,8	15,9	*13,7*
Несоблюдение на работе законодательства	54,2	45,3	46,1	55,2	*49,6*
Неблагоприятные условия занятости	19,6	23,0	25,4	28,6	*25,1*

можности получения оплаты сверхурочных часов были у работающих в столицах (50,0% в 2021 г.). Одной из достаточно широко распространенных проблем в сфере труда выступает и длительная незанятость – даже в относительно благополучном 2018 г. 13,7% работающих попадали за три года перед опросом в ситуацию, когда нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд.

Если же говорить о позитивной привилегированности в отношении производственной ситуации, то она формируется чаще всего за счет минимизации эффекта отчуждения в труде по месту работы, тесно связанного с наличием у человека ресурса влияния у себя на работе. Так, например, в 2018 г. половина работающих (50,7%) была способна повлиять на принятие решения в масштабах своего подразделения или всего предприятия, на котором они работают. Особенно ярко это было выражено на общем фоне у жителей столиц и центров субъектов РФ – среди них о наличии ресурса влияния на решения в масштабах предприятия или его подразделения говорили более половины (54,8% и 57,8% соответственно), в то время как для всех остальных этот показатель составлял 46,2–48,6%. За последние годы ресурс влияния на работе у россиян уменьшился. Так, к 2020 г. среди работающих доля тех, кто может оказывать влияние на ситуацию на работе, составила уже около

трети (36,4% при 36,5% в столицах, 40,4% в столицах субъектов, 33,7% в районных центрах и 35,2% в сельской местности).

В целом около трех четвертей работающих (79,4%) не рассматривали в 2018 г. имеющуюся у них работу как соответствующую их запросам и желаниям. В столицах этот показатель был лишь ненамного ниже и составлял 74,4%. При этом дополнительные привилегии материального характера в виде жилья, транспорта, медицинской помощи, питания, кредитов и т.д. на работе предоставлялись только 4,9% работающих россиян. Даже среди располагающих ресурсом влияния работающих россиян таковых было лишь 6,1%, а среди тех, чья работа соответствовала их запросам, – 8,7%.

Таким образом, формирование позитивной привилегированности в сфере занятости происходит скорее за счет наличия возможности влиять на принятие решений у себя на работе, нежели за счет дополнительных социальных и экономических благ. Депривации же и риски в производственной сфере для россиян в первую очередь обусловлены тем, что текущее состояние рынка труда можно охарактеризовать скорее как рынок работодателя, что позволяет последнему не соблюдать трудовые права работников [Тихонова, Каравай, 2017а]. В наиболее уязвимом положении находятся при этом жители сельских населенных пунктов, для которых несоблюдение даже базовых трудовых гарантий – норма, а не исключение. И это естественно, так как именно их рынки труда недостаточно развиты и не создают работникам пространства для наращивания потенциала их переговорных позиций в диалоге с работодателями. Близки к ним в этом отношении, как это ни парадоксально, и жители Москвы и Санкт-Петербурга. Видимо, на этой ситуации сказывается неспособность многих мигрантов, которых в столицах особенно много, отстаивать свои трудовые права.

Еще одна сфера, которая оставляет простор для формирования неравенства жизненных шансов в условиях роста значимости человеческого потенциала как фактора производства, – разная доступность образования и услуг по сохранению здоровья, т.е. возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала. Для россиян типична удовлетворительная самооценка своего здоровья (58,5–60,6% в 2018–2021 гг.) и наличия возможности получения качественной медицинской помощи. Впрочем, оценка последней за период пандемии ухудшилась, и доля удовлетворительных ее оценок[4] снизилась с 53,2% в 2018 г. до 48,1% в 2020 г. (при увеличении

[4] Допускались оценки «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

доли отрицательных ее оценок с 33,8% до 38,3%), хотя и несколько восстановилась в 2021 г. (51,6% и 34,3% соответственно).

Большинство россиян характеризуется образованием не выше среднего специального и отсутствием регулярного повышения квалификации (за последние три года перед опросом 2018 г. 52,4% россиян никак не пополняли свои знания, а перед опросом 2021 г. – 63,2%). При этом по мере перемещения от более крупных населенных пунктов к мелким растет доля населения с образованием не выше среднего специального (с 59,1% для столиц до 75,1% для сельской местности, согласно данным 2021 г.). Кроме того, среди горожан доля не уделяющих внимание повышению квалификации несколько ниже (53,1–64,1%), чем среди сельских жителей (71,6%). Однако вне зависимости от типа поселения инвестирование в образование не является для работающих россиян нормой. В этой связи позитивная привилегированность россиян в сфере сохранения и наращивания качества своего человеческого капитала формируется чаще всего за счет навыков разнообразного существования в цифровой среде (в 2018 г. их имели 34,8%), а также дополняется возможностями использования преимуществ социально привлекательных видов образования (прежде всего платных образовательных услуг для взрослых и детей, к чему прибегали в том или ином виде в течение трех лет перед опросом в 2018 г. 24,1% россиян, см. табл. 4.3).

Обучение использованию цифровых технологий является наиболее распространенным способом наращивания человеческого потенциала для представителей массовых слоев населения страны. При этом, чем крупнее пункт проживания, тем более активно осваиваются соответствующие практики. Впрочем, с учетом того, что столичные рынки труда наиболее развиты в части предложения рабочих мест, требующих высокой квалификации, это неудивительно.

Риски и относительно низкие возможности населения в части сохранения и наращивания своего человеческого потенциала формируются, в первую очередь, за счет отсутствия доступа к необходимому образованию: в 2018 г. 29,6% россиян имели, по их самооценкам, плохие возможности получения такого образования (плохо оценивали возможности получения необходимого образования 15,7% россиян в 2018 г., 18,9% в 2020 г. и 18,4% в 2021 г.). Несколько меньшую, но заметную роль в негативной привилегированности в этой сфере играет отсутствие доступа к инфокоммуникационным технологиям в повседневной жизни: почти четверть

Таблица 4.3

Распространенность различных возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Признаки	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**	**В среднем по массиву**
Позитивная привилегированность					
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	26,0	28,6	25,8	17,1	*24,1*
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантированные государством, формы заботы о здоровье	27,9	26,6	23,5	16,5	*22,9*
Навыки существования в цифровой среде	42,9	35,5	36,2	29,7	*34,8*
Негативная привилегированность					
Недоступность необходимого образования	23,3	22,7	28,3	40,3	*29,6*
Вероятность значимого ухудшения здоровья	12,2	16,9	13,1	17,0	*15,2*
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни	15,4	20,0	23,6	33,0	*24,4*

россиян не имеют устройств, позволяющих осуществлять выход в Интернет (компьютера, ноутбука, смартфона, планшета и т.д.) и/или не владеют навыками соответствующей деятельности.

Стоит отметить, что в Москве и Санкт-Петербурге ограничения по доступности IT-технологий в повседневной жизни минимальны, что является спецификой жизни в этих крупнейших российских мегаполисах. Их инфраструктура хорошо развита и обеспечивает доступ к современным технологиям, а порой не оставляет возможностей ими не пользоваться.

По совокупности имеющиеся риски и возможности россиян в сфере накопления человеческого потенциала генерируют значительный «отрыв» столиц от остального населения в данной области, который обеспечивается, в первую очередь, за счет более активного укоренения цифровой грамотности в жизни их населения. При этом стоит отметить, что навыки работы в цифровой среде востребованы не только рынком труда. По мере цифровизации повседневно используемых сервисов и услуг (от госуслуг и заказа продуктов питания до онлайн обучения) и превращения Интернета в ключевой источник информации соответствующие ком-

петенции и возможности обеспечивают дополнительный и/или облегченный доступ к социально значимым благам и позволяют их обладателям минимизировать свои издержки, как временны́е, так и финансовые.

Повседневные практики потребления и проведения досуга свидетельствуют о том, насколько свободными в распоряжении финансовыми ресурсами являются россияне и какими возможностями стилевого потребления они обладают. Типовой ситуацией для российского населения является наличие в распоряжении домохозяйств набора из 7 товаров длительного пользования (ТДП)[5] из 15 проверявшихся в опросе. Наиболее распространенными из них являются холодильник, телевизор, пылесос, стиральная машина-автомат (в 2018 г. их имели 91,1–99,1%), а также такая бытовая техника, как микроволновая печь, тостеры и т.п. (84,2%) или мобильные телефоны и смартфоны (98,4%). Больше половины россиян (52,3%) удовлетворительно оценивают свои возможности проведения досуга и еще четверть (27,8%) оценивают их хорошо. Ситуация не сильно менялась даже в связи с пандемией в 2020 и 2021 гг.: удовлетворительные оценки составляли 53,1% и 53,8% соответственно, а хорошие – 21,2% и 20,8% соответственно.

О позитивной привилегированности в возможностях отдыха свидетельствуют, прежде всего, хорошие возможности проведения отпуска, что всегда требует значительных дополнительных ресурсов. О наличии этих возможностей говорили в 2018 г. от 14,5% до 35,5% жителей различных типов населенных пунктов (табл. 4.4), т.е. эти возможности сильно дифференцированы в поселенческом разрезе. Ситуация несколько сгладилась в период пандемии коронавируса: соответствующие показатели составили 13,3–20,6% в 2020 г. и 13,3–16,7% в 2021 г., что, видимо, было обусловлено ограничениями путешествий в этот период, а также закрытием или ограничением работы ряда досуговых учреждений (от театров до фитнес-центров).

С другой стороны, наиболее часто относительная благополучность в сфере потребления и досуга проявляется через расширенное по отношению к населению в целом стилевое товарное потребление (более 1,25 медианного числа ТДП в домохозяйстве), т.е. включение в состав располагаемых ТДП дополнительных эле-

---

[5] В рамках данного индикатора учитывалась возможность использования таких товаров, как телевизор, холодильник, пылесос, кухонная техника и телефон/смартфон, компьютерная техника, гаджеты, в том числе фото- и видеотехника, кондиционер, посудомоечная машина и т.д.

Таблица 4.4

Распространенность признаков позитивной и негативной привилегированности в сфере потребления и досуга среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Признаки	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**	**В среднем по массиву**
Позитивная привилегированность					
Хорошие возможности проведения отпуска	35,5	18,6	18,8	14,5	*19,3*
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	32,3	20,5	19,1	13,7	*19,4*
Особая комфортность жилищных условий	2,1	7,6	4,7	2,3	*4,6*
Негативная привилегированность					
Наличие пищевых депривaций	3,2	9,7	8,1	9,2	*8,4*
Суженный стандарт предметного потребления	7,6	7,0	12,5	20,3	*12,7*
Плохие жилищные условия	10,4	13,4	19,0	21,7	*17,3*

ментов, в том числе – редких и престижных. В то же время в особенно комфортных условиях – в жилье со всеми коммунальными удобствами и общей площадью, превышающей социальную норму[6], проживает сравнительно небольшая часть массовых слоев (в 2018 г. – 2,1–7,6%). Позитивную привилегированность в сфере потребления и досуга хотя бы в одном из трех рассматриваемых ее проявлений (жилье, досуг и отдых, товарное потребление) демонстрируют лишь около трети (по состоянию на 2018 г. – 33,9%) россиян. При этом для столиц расширенные возможности товарного потребления являются нормой (56,8%).

Негативная привилегированность россиян в сфере потребления и досуга в основном формируется через плохие жилищные условия и низкую, т.е. пониженную по отношению к ее среднему стандарту (менее 0,75 медианы), обеспеченность товарами длительного пользования. Низкие стандарты жилищных условий жители Москвы и Санкт-Петербурга имеют относительно редко – только 10,4% из них в 2018 г. не имели коммунальных удобств в жилищах

[6] В качестве таковой в разных регионах и для разных групп граждан принимаются разные показатели, поэтому мы выбрали максимальные значения соответствующих нормативов: 36 кв. м на человека, проживающего отдельно, с добавлением 18 кв. м на каждого последующего члена семьи.

или площадь последних была менее 12 кв.м на человека, в то время как для жителей других типов поселений соответствующий показатель был равен 13,4–21,7%. Низкую оснащенность домашним имуществом демонстрировали 12,7% россиян. Относительно чаще она встречалась в сельской местности (20,3%), а реже – в столицах РФ и субъектов РФ (7,0–7,6%).

Таким образом, риски и возможности россиян из разных типов поселений в сфере потребления и досуга в наибольшей степени чувствительны к товарному потреблению, причем как в относительно меньшем, так и в большем объеме по сравнению с остальным населением. Их доминирование, наряду с наличием статистически значимых показателей пищевых депривиаций, свидетельствует о недостаточном удовлетворении массовыми слоями россиян даже базовых потребностей. При этом, поскольку потребительская культура большей части населения страны только формируется, то ее спецификой сегодня является не столько разумное потребление с ориентацией на его целесообразность в долгосрочной перспективе, сколько использование не так давно открывшихся возможностей приобретения престижных товаров. Сохранению и закреплению такой модели поведения способствуют как продолжительные периоды товарного дефицита и ограниченности ресурсов, с которыми сталкивалась большая часть россиян на протяжении своей жизни, так и текущие экономические ограничения для проявления рационального, в том числе инвестиционно-ориентированного поведения, «выталкивающие» россиян на рынки сравнительно доступных (в том числе и за счет широкого распространения потребительского кредитования) товаров длительного пользования.

С учетом сказанного выше понятно, что в терминах привилегированности жители населенных пунктов разного типа имеют в России как общие черты, так и специфические отличия. Если говорить об общих чертах, то везде жизнь россиян сопряжена с присутствием в ней одновременно как рисков, так и возможностей в основных сферах жизни. При этом везде, как уже отмечалось и в предыдущих главах, главным фактором формирования позитивной привилегированности является возможность сохранения и наращивания своего человеческого потенциала. Средние позиции с точки зрения вклада в позитивную привилегированность жителей разных типов поселений занимают возможности, связанные с ситуацией на работе, а также с потреблением и досугом. Замыкают этот список экономические условия жизни, где приви-

легированность встречается реже, чем в иных сферах, поскольку именно в плане своего экномического потенциала не только население в целом, но и жители разных типов поселений дифференцированы скорее умеренно (табл. 4.5). При этом порядок значимости этих типов привилегированности в общей позитивной привилегированности для населенных пунктов разных типов одинаков, как и в стране в целом.

Принципиальный «разлом» в характере позитивной привилегированности проходит между городской и сельской местностью. В городах разного типа она встречается чаще, чем по стране в целом, а в селах – реже. Некоторым локальным исключением выступают только центры субъектов РФ в отношении ситуации на работе. Дополнительно выделяющейся на этом фоне является также позитивная привилегированность жителей Москвы и Санкт-Петербурга: для них наличие дополнительных возможностей у населения во всех рассматриваемых сферах, кроме экономических условий жизни, является нормой, свойственной более чем

Таблица 4.5

Распространенность признаков позитивной и негативной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Типы и сферы привилегированности	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**	**В среднем по массиву**
Позитивная привилегированность в целом, в т.ч.:	**88,7**	**83,1**	**80,2**	**70,2**	***79,0***
В экономических условия жизни	32,3	27,0	26,4	21,0	*25,6*
В ситуации на работе**	**65,5**	**62,0**	**55,5**	**55,7**	***58,4***
В возможностях сохранения и наращивания человеческого потенциала	**65,7**	**61,7**	**57,2**	45,1	***55,9***
В особенностях потребления и досуга	**54,8**	36,0	33,5	24,6	*32,9*
Негативная привилегированность в целом, в т.ч.:	**80,2**	**76,1**	**80,9**	**89,4**	***81,9***
В экономических условия жизни	26,5	22,9	23,5	29,6	*25,4*
В ситуации на работе**	**64,0**	60,4	59,3	**69,8**	***63,3***
В возможностях сохранения и наращивания человеческого потенциала	40,6	45,7	**50,2**	**62,3**	***51,4***
В особенностях потребления и досуга	19,4	24,9	31,5	39,9	*30,7*

Примечания. ***Жирным шрифтом** в таблице выделены показатели, превышающие 50%.

**Приведены показатели для работающих.

половине (в 2018 г. 54,8–65,7%) их жителей (табл. 4.5). Тяготеют к ним и центры субъектов РФ.

Ситуация с негативной привилегированностью несколько иная. С одной стороны, как и в отношении позитивной привилегированности, сельские населенные пункты отличаются от городских. Для них по всем сферам жизни показатель негативной привилегированности выше, чем по стране в целом. Негативная привилегированность в наиболее мягкой форме характерна при этом для центров субъектов РФ (ее медианный показатель равен там –1, в то время как для остальных населенных пунктов он составляет –2 (табл. 4.6).

Особую значимость имеет закрепление негативной привилегированности как нормы. Для столиц эта ситуация наблюдается в отношении ситуации на работе, для районных центров – в сфере сохранения и наращивания человеческого потенциала, а для сельской местности – по обеим сферам (табл. 4.6). При этом в сельской местности общая неблагополучность ситуации на работе усугубляется неразвитостью локальных рынков труда и ограниченностью на них спроса на рабочую силу. Риски же депривации в сфере накопления человеческого потенциала, которые наблюдаются в районных центрах и сельской местности, являются следствием ограниченной социальной инфраструктуры в них. Наиболее благополучной в части структуры существующих для их жителей

Таблица 4.6

Средние и медианные характеристики числа признаков позитивной и негативной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Характеристики	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность	В среднем по массиву
Возможности и шансы (позитивная привилегированность)					
Среднее	2,81	2,27	2,30	1,73	*2,15*
Медиана	3	2	2	1	*2*
Депривации и риски (негативная привилегированность)					
Среднее	–1,69	–1,69	–2,01	–2,55	*–2,04*
Медиана	–2	–1	–2	–2	*–2*
Интегральный Индекс жизненных шансов и рисков					
Среднее	1,12	0,58	0,19	–0,82	*0,11*
Медиана	1	0	0	–1	*0*

рисков является ситуация в областных, краевых и республиканских центрах. Что же касается возможностей, то полюса благополучия и неблагополучия – это столицы (медианный показатель позитивной привилегированности равен 3) и сельская местность (медианный показатель позитивной привилегированности равен 1, см. табл. 4.6).

Стоит отметить, что одновременная негативная и позитивная привилегированность выше общестранового уровня по отдельным сферам жизни наблюдается лишь «точечно». То есть на микроуровне, у конкретного россиянина, одновременное присутствие негативной и позитивной привилегированности в какой-то определенной сфере жизни, а не в жизни в целом, встречается достаточно редко: так, в экономической сфере в столицах оно встречается только у 6,5% их жителей, а в сфере потребления и досуга в районных центрах – в 6,4%. Однако для ситуации на работе в Москве и Санкт-Петербурге одновременное наличие признаков позитивной и негативной привилегированности свойственно практически трети (31,8%) населения. Это означает, с одной стороны, что даже в рамках населенных пунктов одного типа неравенство распределения шансов и рисков среди представителей массовых слоев населения довольно значительно. С другой стороны, принципы формирования ситуации привилегированности в разных сферах дифференцированы. Как было показано на примере столиц, даже попадание на привилегированные по своему характеру позиции не обеспечивает соблюдения на работе базовых трудовых прав работников. Таким образом, вне зависимости от места проживания россияне сталкиваются одновременно с наличием и рисков, и возможностей, но обычно они относятся все-таки к разным сферам их жизни.

Наиболее гетерогенной является в этом отношении жизнь в столицах, где большие возможности сочетаются со значительными рисками. В то же время вероятность оказаться в максимально гомогенной группе негативно привилегированных без хотя бы частично уравновешивающих ее признаков позитивной привилегированности различается в разных типах поселений очень сильно (между Москвой и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и селами – с другой, эти различия практически двукратные). Этот разрыв объясняется именно разной возможностью для жителей тех или иных типов поселений частично скомпенсировать испытываемые лишения и риски за счет каких-то нехарактерных для большинства россиян возможностей, поскольку все остальные

варианты комбинаций позитивной и негативной привилегированности различаются в разных типах поселений мало (табл. 4.7). При этом вновь обращает на себя внимание максимальная доля группы с признаками только позитивной привилегированности не в Москве и Санкт-Петербурге, а в центрах субъектов РФ.

Таблица 4.7

Доли групп с разным соотношением признаков позитивной и негативной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Группы	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**	**В среднем по массиву**
Группа с признаками негативной, но без признаков позитивной привилегированности	10,4	14,4	18,8	28,6	*19,5*
Группа с признаками и негативной, и позитивной привилегированности	69,8	61,8	62,0	60,8	*62,4*
Группа с признаками только позитивной привилегированности	18,9	21,3	18,2	9,5	*16,6*
Группа без признаков негативной и позитивной привилегированности	*0,9*	*2,5*	*1,0*	*1,1*	*1,5*

В итоге, согласно Индексу жизненных шансов и рисков, как и согласно всем показателям позитивной и негативной привилегированности в отдельности, населенные пункты разделяются на три группы: столицы и особенно центры субъектов РФ, жители которых чаще других россиян находятся в зоне позитивной привилегированности, хотя проявляется для них ее доминирование по-разному; остальные города, для которых позитивная и негативная привилегированность в целом скорее скомпенсированы, а также сельская местность, для жителей которой характерна широкая распространенность депривaций и рисков (табл. 4.6). Внешние шоки, такие как пандемия COVID-19, не столько меняют ситуацию соотношения положения жителей разных населенных пунктов, сколько дают общие эффекты, бремя которых несут жители всех типов населенных пунктов, хотя какие-то из этих последствий могут сиюминутно изменить ситуацию в отдельных населенных пунктах (например, в столицах после первых волн пандемии).

Модели стратификации по жизненным шансам и рискам в разных типах поселений

Графическое представление моделей стратификации, полученных с учетом негативной и позитивной привилегированности, представлено на рис. 4.1. На нем хорошо прослеживается тот уже не раз упоминавшийся выше факт, что структура населения по признаку позитивной привилегированности имеет дифференцированный характер в зависимости от места проживания. Для сельской местности она имеет практически правильную пирамидальную форму: за этим стоит высокая доля тех, кто имеет лишь типичные для среднего россиянина возможности, и малая доля тех, у кого они относительно велики. В столицах структура населения имеет форму «домика» с достаточно массивным, но все же гораздо меньшим, чем в других типах поселений, «низом» и массивной частью «выше среднего» («основание крыши»). Остальные города имеют промежуточную модель стратификации – куполообразную.

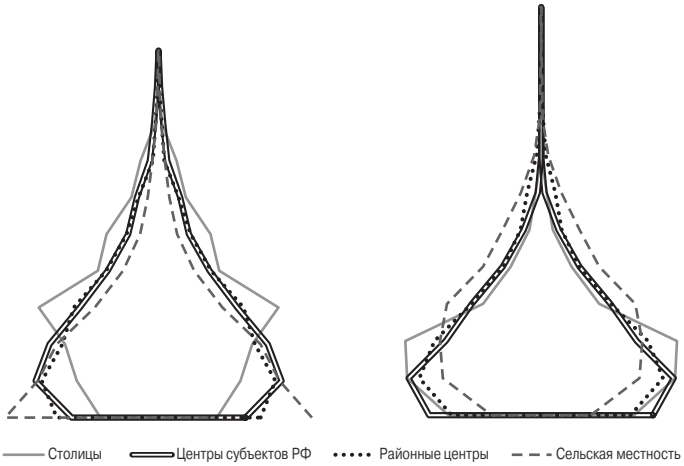


Рисунок 4.1

Модели стратификации представителей массовых слоев россиян из разных типов поселений по их позитивной (слева) и негативной (справа) привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% набравших соответствующее число баллов**

Примечание. * Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложениях 4.1 и 4.2.

Визуализированные модели стратификации жителей разных типов поселений по негативной привилегированности больше похожи друг на друга, чем по позитивной (рис. 4.1), что вновь подтверждает уже упоминавшуюся в других главах меньшую дифференциацию россиян в этом отношении, чем в плане позитивной привилегированности. Тем не менее в сельской местности шире распространена достаточно глубокая депривированность и множественные риски, чем в остальных населенных пунктах, а в столицах и центрах субъектов РФ чаще, чем в других типах городов, и тем более в сельской местности, негативная привелигированность является неглубокой.

Общая же структура населения, проживающего в разных типах поселений, построенная на основе Индекса жизненных шансов и рисков с помощью агрегирования показателей позитивной и негативной привилегированности, по форме напоминает юлу (рис. 4.2). Кроме того, как видно на рис. 4.2, в зависимости от типа поселения у интегральных моделей стратификации их жителей есть своя специфика. Так, для сельской местности эта модель по сравнению с городами как бы «придавлена» вниз при сохранении ее общей формы. Это еще раз показывает, что жители сельской местности сталкиваются с бóльшим количеством рисков и деприваций и меньшим количеством возможностей. Для столиц же, наоборот – фигура, визуализирующая эту модель, вытянута вверх, что говорит о большей представленности в ней позиций позитивно привилегированного характера. Еще одна особенность модели стратификации по ИЖШиР

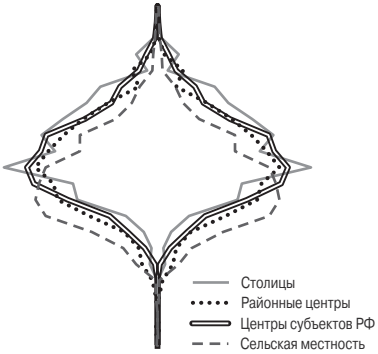


Рисунок 4.2

Общая модель стратификации массовых слоев по ИЖШиР населения из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %*

Примечание. *Данные, на основе которых построены модели, приведены в Приложении 4.3. Разумеется, нерепрезентативный характер данных по Москве и Санкт-Петербургу не позволяет нам утверждать, что модели стратификации даже представителей массовых слоев в них выглядят именно так. Тем не менее численность выборки по ним в 336 человек позволяет по крайней мере ставить вопрос об их особенностях, тем более что добавление к выборке тех верхних нескольких процентов населения, которые в массовые опросы обычно не попадают, лишь усилило бы все выделенные нами особенности в силу концентрации этой части россиян в основном в столицах.

в Москве и Санкт-Петербурге – это относительная массовость в ней средних слоев и слоев выше среднего.

Если же говорить об особенностях социальной структуры в разных типах поселений в разрезе соотношения в них трех страт, то можно зафиксировать четкие тенденции (табл. 4.8): при переходе от более крупного населенного пункта к более мелкому растет доля представителей нижней страты (с 16,4% в столицах до 54,1% в сельской местности) и сокращается доля верхней страты (с 30,2% для столиц до 11,7% для сельской местности). При этом во всех городских населенных пунктах средняя страта составляла в 2018 г. не менее половины населения (при 45,3% в селах). Более того, только в столицах доля верхней страты превышала долю нижней, причем намного – практически в 2 раза. Зато в сельской местности доля нижней страты почти в 4 раза превышала долю верхней, и масштаб этих различий таков, что независимо от ситуации в стране эти особенности поселенческих социальных структур являются устойчивыми. Таким образом, столицы и сельские населенные пункты не просто отличаются в вопросе их структуры друг от друга и от остальных поселений, но и формируют полярные типы социальных структур (табл. 4.8). Это важно, так как позволяет прогнозировать вектора миграции.

Таблица 4.8

Соотношение численности представителей различных страт в разных типах поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Страты	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность	В среднем по массиву
Верхняя	30,2	22,1	21,1	11,7	*19,6*
Средняя	**53,5**	**56,5**	**50,4**	45,2	***50,9***
Нижняя	16,4	21,4	28,6	43,1	*29,1*

Примечание. *Фоном выделены максимальные показатели по строке. **Жирным шрифтом** — показатели, превышающие 50%.

До сих пор мы говорили о столицах, объединяя их жителей в одну группу. Однако Москва и Санкт-Петербург различаются между собой по совокупности возможностей и рисков, с которыми сталкивается их население[7]. Позитивная привилегирован-

[7] Еще раз напомним, что ко всем выводам по Москве и Санкт-Петербургу нужно относиться с большой осторожностью в силу малой численности

ность свойственна 93,5% россиян из северной столицы, в то время как для москвичей соответствующий показатель меньше и равен 86,4% (табл. 4.9). При этом средние показатели позитивной привилегированности в столицах очень близки (2,78 и 2,89 соответственно), а медианные – вообще равны (3). Более широкие возможности петербуржцев по сравнению с москвичами обеспечиваются, в первую очередь, позитивной привилегированностью в отношении экономических условий жизни (35,3% против 30,8% среди москвичей) и возможностями сохранения и наращивания человеческого потенциала (74,1% против 61,7% среди москвичей). При этом как в сфере потребления и досуга (57,6% и 48,9% соответственно), так и в отношении ситуации на работе (60,0% и 51,1% соответственно) жители Москвы чаще имеют дополнительные по отношению к среднему россиянину возможности, чем жители Санкт-Петербурга.

Таблица 4.9

Распространенность признаков позитивной и негативной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Типы и сферы привилегированности	**Москва**	**Санкт-Петербург**	**Столицы в целом**
Позитивная привилегированность в целом, в т.ч.	**86,4**	**93,5**	***88,7***
В экономических условиях жизни	30,8	35,3	*32,3*
В ситуации на работе**	**66,1**	**64,2**	***65,5***
В возможностях сохранения и наращивания человеческого потенциала	**61,7**	**74,1**	***65,7***
В особенностях потребления и досуга	**57,6**	48,9	***54,8***
Негативная привилегированность в целом, в т.ч.	**84,1**	**71,9**	***80,2***
В экономических условиях жизни	27,8	23,7	*26,5*
В ситуации на работе**	**73,1**	45,0	***64,0***
В возможностях сохранения и наращивания человеческого потенциала	40,3	41,0	*40,6*
В особенностях потребления и досуга	23,7	10,1	*19,4*

Примечания. *Фоном выделены максимальные показатели по строке. **Жирным шрифтом** — показатели, превышающие 50%.

**Приведены показатели для работающих.

выборки в них – так, численность жителей Москвы в используемом массиве данных составила 295 человек, а Санкт-Петербурга – 139 человек. Тем не менее, поскольку эти результаты хорошо согласуются с полученными ранее данными [Столицы..., 2018], мы решили привести их в данной книге.

Риски, с которыми сталкиваются москвичи, распространены среди них шире, чем у петербуржцев (84,1% и 71,9% соответственно). При этом показатели распространенности негативной привилегированности для жителей Москвы превышают аналогичные показатели для жителей Санкт-Петербурга по трем из четырех рассматриваемых нами сфер (табл. 4.9): ситуации на работе (57,6% и 36,0% соответственно), особенностях потребления и досуга (23,7% и 10,1% соответственно), а также, хотя и в гораздо меньшей степени, в экономических условиях жизни (27,8% и 23,7% соответственно). В целом же средний показатель негативной привилегированности в Москве выше по абсолютному значению, чем в Санкт-Петербурге (–1,89 и –1,28 соответственно), как и медианный (–2 и –1 соответственно). Таким образом, жизнь в административной столице страны, несмотря на бытующие стереотипы о ее благополучности, сопряжена для представителей массовых слоев, как мы уже неоднократно отмечали выше, с относительно высокими рисками, которые присутствуют практически во всех сферах жизни москвичей.

За счет большей распространенности депривaций и рисков Москва демонстрирует более низкие по сравнению с Санкт-Петербургом значения интегрального ИЖШиР, причем как средние (0,89 и 1,61 соответственно), так и медианные (1 и 2 соответственно). Как следствие, в Москве, по сравнению с Санкт-Петербургом, в 2,5 раза больше доля нижней страты в составе ее населения (20,0% и 8,6% соответственно), а доля представителей верхней страты, напротив, в 1,2 раза меньше (28,5% и 33,8% соответственно). Таким образом, Москва отличается от Санкт-Петербурга более широким спектром шансов, но, одновременно, и гораздо большей распространенностью разного рода депривaций и рисков. В этих условиях вероятность оказаться в составе нижней страты для москвичей оказывается выше, а в составе верхней – ниже, чем в Санкт-Петербурге. Конечно, стоит помнить о том, что доля представителей верхних слоев населения, не входящих в выборки массовых опросов, в Москве относительно выше, чем в Петербурге. Однако, учитывая сравнительную немногочисленность их даже в Москве, вывод о том, что Москва – не только «город шансов», но и место концентрации очень высоких рисков, представляется вполне обоснованным.

Выводы

Принципиальные отличия социальных структур в разных типах поселений в терминах позитивной / негативной привилегированности или соотношения в них разных страт состоят в том, что столицы, с одной стороны, и сельская местность – с другой, формируют разные типы такого рода структур: соответственно наиболее благополучной за счет большого числа жизненных шансов и наименее благополучной за счет большого числа депривиций и рисков на фоне ограниченности жизненных шансов. При этом для сельской местности общая модель социальной структуры несколько «придавлена вниз», отражая бóльшие риски и меньшие жизненные шансы сельских жителей, а для столиц – вытянута вверх в силу относительно высоких возможностей. Федеральный центр (Москва) заметно уступает Санкт-Петербургу в качестве жизни населения, а нестоличные города занимают промежуточное положение между столицами и сельской местностью с наиболее благоприятной ситуацией в центрах субъектов РФ (причем в некоторых сферах жизни – даже более благоприятной ситуацией в них, чем в Москве).

Общая дифференцированность неравенств по жизненным шансам и рискам в разных типах поселений формируется за счет различий скорее в позитивной, нежели негативной привилегированности. Распространенность ее признаков относительно близка во всех типах населенных пунктов, в то время как базирующаяся на расширенных возможностях – достаточно специфична для разных типов поселений.

Экономическая «подушка безопасности», способная обеспечить «страховку» на случай шоков или выступить ресурсом для инвестиционных действий на микроуровне, формируется чаще у жителей Москвы и Санкт-Петербурга, хотя и там характерна для сравнительно небольшой части массовых слоев. Ограниченные финансовые возможности большинства россиян сопровождаются негативной привилегированностью в производственной сфере, обусловленной повышенными рисками нарушения базовых трудовых прав даже у столичных жителей. В наиболее уязвимом положении находятся при этом, как и в отношении сохранения и накопления человеческого потенциала, жители сельской местности.

Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г., как и вызванный ею общий масштабный внешний шок для населения, ударили по жителям всех типов поселений. Несколько больше пострадали

с точки зрения качества их жизни жители столиц, чьи жизненные возможности были изначально шире (более разнообразное потребление, в том числе более разнообразная досуговая активность, большие возможности для инвестиционной активности и т.д.). Тем самым пандемия способствовала некоторому смягчению различий в положении жителей разных типов поселений за счет опережающего ухудшения положения в ранее наиболее благополучных из них. Однако общая специфика моделей социальной структуры в различных типах поселений при этом не изменилась.

Глава 5. Модель структуры российского общества на основе композиции жизненных шансов и рисков в различных сферах жизни[1]

Поиск оптимальной модели социальной структуры, наиболее точно отражающей реальное состояние общества в определенной временной точке, упирается в задачу идентификации основных элементов этой модели – социальных групп. В рамках данной монографии нас волнует вопрос о том, образуют ли определенные комбинации (сочетания или «констелляции» – англ. *constellations* [Weeden, Grusky, 2005]) жизненных шансов и рисков социальные группы, что представляют из себя эти группы и насколько они гомогенны? Вопрос о гомогенности социальных групп возвращает нас к дискуссии о номинальных и реальных группах – существуют ли выделенные группы только «на бумаге» или же они существуют как «реальные образования» [Bourdieu, 1966: 212–21; 1984; 1991]? Этот вопрос возникает, какая бы методология выделения групп не использовалась. Один из наиболее ярких признаков того, что группы реальны, наряду с особенностями их «ядер» – это их внутренняя гомогенность.

В современной науке сложилось два основных подхода к выделению гомогенных социальных групп. Первый – априорный. Этот подход основан на гипотезе о знании точного количества социальных групп, которые выводятся из заранее известного сочетания признаков. Другими словами, в рамках априорного подхода группы сначала выделяются «на бумаге» в соответствии с принципами заранее сформулированной теоретической схемы, позволяющей провести такой генезис, а затем уже рассчитываются на массивах эмпирических данных. Примером такого подхода являются описанные выше страты, выделение которых исходило из посылки о том, что в любой иерархически организованной вертикальной модели стратификации можно выделить нижние, средние и верхние слои. Второй подход – апостериорный. Исследователи,

[1] В данной главе частично использованы материалы статей [Аникин, 2019, 2020].

работающие в рамках этого подхода, обычно не имеют конкретных гипотез о количестве возможных групп, поскольку доподлинно не знают возможных устойчивых сочетаний конституирующих группы признаков. В реальности этих сочетаний может быть множество, и какие из них «формируют» наиболее гомогенные группы, имеющие четко выделенные и в наибольшей степени воспроизводящие особенности этих групп ядра, исследователь в начале своей работы обычно до конца не знает. По этой причине методы, используемые в рамках этого подхода, называют безгипотезными.

И тот и другой подходы имеют как достоинства, так и недостатки. Неоспоримым преимуществом априорного подхода является то, что исследователь полностью контролирует процесс построения модели социальной структуры – от теоретической схемы до конечных элементов социальной структуры. Этот подход дает возможность «управлять» полученной классификацией групп. К минусам этого подхода можно отнести тот факт, что исследователи обычно задают очень жесткие рамки классификации, которые, как правило, рассыпаются, когда пространство конституирующих признаков имеет большую размерность. Кроме того, когда предполагаемое количество групп очень большое, ошибка измерения существенно возрастает, что также увеличивает «зазор» между номинальными и реальными группами. Неслучайно в рамках этого подхода остро стоит задача доказать, что выделенные на его основе группы существуют не только на бумаге, но являются реальными группами, члены которых имеют сходное положение, поведение и мировоззренческие особенности. Такой анализ дается и в настоящий монографии.

В рамках апостериорного подхода эта проблема во многом решается почти автоматически, поскольку выделяемые в рамках него группы являются гомогенными уже по методу их выделения. Полученные таким образом группы можно рассматривать как эмпирические кластеры (или эмпирические классы[2]). Эмпирическая обусловленность гомогенности выводимых групп является безусловным достоинством безгипотезных методов поиска модели социальной структуры. Другим важным достоинством этого подхода выступает возможность нахождения эмпирически обусловленных устойчивых сочетаний признаков классификации, которые не были предсказа-

---

[2] Понятие «класс» используется в данной главе, если не оговорено иное, как термин, означающий группу предметов или явлений, обладающих общими признаками, а не как элемент социальной структуры, рассматриваемой через призму традиционного классового анализа.

ны теорией. По этой причине данный подход хорошо использовать для поисковых задач в области социальной стратификации, которые, как известно, долгое время оставались нерешенными в силу недостаточной развитости методов статистической классификации, широко используемых в рамках безгипотезного подхода к выделению гомогенных групп. Однако эта зависимость апостериорного подхода от методов статистической классификации является одновременно и его главным недостатком.

Большинство используемых в рамках этого подхода методов относятся к так называемой кластеризации (англ. – *cluster analysis*), которая осуществляет поиск устойчивых скоплений наблюдений (индивидов или домохозяйств) в многомерном пространстве признаков. Однако у этих методов, как правило, отсутствуют строгие критерии статистического качества классификации (например, ошибка классификации), по причине чего их часто называют эвристическими. Особенность эвристических методов в том, что конечный итог классификации целиком зависит от решения исследователя. При этом, чем больше конкурирующих моделей классификации, тем сложнее ученому решить, какая из них достойна того, чтобы заявить о ней как об отражении реального социального факта, и, следовательно, как о научном результате. Кроме того, статистические классификации сильно зависят от размера выборок, причем это серьезная проблема даже в исследованиях, в которых выборочная совокупность изначально кажется большой. Это связано с тем, что методы классификации по определению дробят выборку на подгруппы. Также не стоит забывать, что большие матрицы признаков, на основе которых происходит классификация, в свою очередь вносят свой вклад в итоговую погрешность результатов. Впрочем, в современных исследованиях эта проблема успешно решается с помощью методов машинного обучения – фактически классификация повторяется определенное число раз на разных подмножествах выборки, и затем выводится оптимальный показатель. Все шире используются и байесовские методы статистической классификации, которые очень эффективны именно для малых выборок.

Помимо всем известного кластерного анализа в различных его разновидностях, в рамках апостериорного подхода последние 10 лет активно развиваются и широко применяются вероятностные методы статистической классификации. К ним относится и так называемый латентный классовый анализ (англ. – *latent class analysis*, далее LCA). Понятие класса используется в этом случае

в сугубо техническом смысле – неслучайно методы LCA нашли широкое применение в биологии, медицине и других науках. Социологов, использующих методы LCA, название этих методов не только не освобождает, но, напротив, обязывает к дополнительному анализу выделенных групп на их «классовость». Это связано с особой традицией, сложившейся в социологии при анализе понятия «класс».

Дискуссия о классах является традиционной для западной социологии. Фактически, социология как наука начиналась именно с вопросов о социальном неравенстве, стратификации и классах. К сегодняшнему дню наука накопила достаточный багаж теорий о классах применительно к индустриально-развитым обществам. Из наиболее известных стоит отметить неовеберианскую классовую схему Дж. Голдторпа и ее последующее развитие в виде так называемой EGP-схемы[3], неомарксистскую схему Э. Райта [Wright, 1989], а также неодюркгеймианскую микро-классовую схему Д. Груски и его коллег [Jonsson, Grusky, Di Carlo, Pollak, Brinton, 2009][4].

Данные схемы, в особенности схемы Дж. Голдторпа и Э. Райта, были очень популярны, пока на страницах ряда западных журналов не развернулась дискуссия о том, что «класс мертв» и можно ли «спасти классовый анализ». Это дискуссия была связана с усилением горизонтальной дифференциации в западных обществах, возрастающей ролью культурных аспектов социального неравенства, а также переоценкой объясняющей силы конструктивистского направления в современной социологии.

Дискуссии о классе обрели «новое дыхание», когда в свет вышла монография М. Саваджа и его коллег «Социальный класс в XXI веке» (англ. – *Social Class in the 21st Century*) [Savage et al., 2013]. Особенностью этой книги является то, что в ней был реализован так называемый эмпирический (безгипотезный) подход к выделению классов, в основу которого были положены современные методы статистической классификации индивидов на базе многомерной матрицы признаков, определяющих вероятность отнесения индивида к той или иной группе (методы LCA). М. Савадж

---

[3] Аббревиатура EGP образована по первым буквам трех фамилий авторов, которые внесли наибольший вклад в развитие этой схемы: Erikson–Goldthorpe–Portocarero [см.: Erikson, Goldthorpe, 1992].

[4] С более полным обзором традиционных классовых схем на русском языке можно ознакомиться в следующих работах [Куценко, 2000; Тихонова, 2014; Радаев, Шкаратан, 1996].

и его коллеги использовали ресурсный подход к выявлению этих признаков, причем матрица исходных признаков многомерной стратификации ограничивалась всего тремя видами ресурсов – экономическим ресурсом, ресурсом сетей и человеческим капиталом, значения которых оценивались по бальной шкале.

Стоит отметить, что М. Савадж не являлся первопроходцем в использовании методов LCA применительно к задачам социальной стратификации. Работы, в основе которых лежал этот метод, стали появляться уже в конце 1990-х [Birkelund, Goodman, Rose, 1996; Evans, Mills, 1998]. В них модели социальной структуры оценивались на основе критериев «отношенческого» подхода, выделяющего классы через призму производственных отношений. В конце 2000-х Д. Груски и К. Уиден опубликовали серию работ, в которых они развивали свою концепцию микро-классов. Опорным методом выступил как раз латентный классовый анализ [Grusky, Weeden, 2008].

Таким образом, безгипотезный подход к построению модели социальной структуры с использованием латентного классового анализа является одной из конвенциональных стратегий поиска ответа на вопрос о том, образуют ли констелляции жизненных условий (в нашем случае жизненных шансов, депривацией и рисков) большие гомогенные группы.

Байесовский латентный классовый анализ и результаты оценок BLCA

В данной главе приводятся результаты построения модели социальной структуры в рамках апостериорного подхода, схожего с тем, что был использован М. Саваджем и его коллегами. Основное отличие состоит в том, что в основу признаков многомерной стратификации была положена не теория ресурсов, а веберовская концепция стратификации на основе жизненных шансов [Weber, 1994: 114], которую мы подробно освещали в главе 1 данной монографии. Использование данной концепции позволило не только включить в анализ незанятое население, идентификация статусных позиций которого традиционно вызывает больше всего проблем, но также учесть характеристики возможностей и лишений как индивидов, так и домохозяйств.

Статистическая модель классов, описываемая в настоящей главе, построена на базе апробированной ранее [Аникин, 2018а; Тихо-

нова, 2018б] многомерной матрицы индикаторов, показывающих наличие и отсутствие у россиян возможностей в ключевых экономических и неэкономических доменах[5]. Как и в работе М. Саваджа, для поиска наиболее оптимальной модели на основе разработанных показателей нами был проведен латентный классовый анализ. Однако мы проводили оценки вероятности классовой принадлежности байесовскими методами (англ. – *Bayesian latent class analysis* [White, Murphy, 2014], далее BLCA). Еще одно важное отличие нашей методологии по отношению к исследованию М. Саваджа состояло в том, что мы использовали признаковое пространство куда большей размерности. Так, матрица конституирующих признаков включала, как было показано ранее, 24 индикатора – по 12 индикаторов на возможности и шансы, с одной стороны, а также депривации и риски – с другой. Наконец, последнее существенное отличие состояло в том, что вместо использовавшихся М. Саваджем балльных оценок нами использовались бинарные значения индикаторов – индикатор принимал значение 1, если соответствующий признак присутствовал у респондента, и 0 – в случае его отсутствия.

Как уже отмечалось выше, латентный классовый анализ, включая его разновидность в виде BLCA, является лишь одним из возможных вариантов эмпирической, или безгипотезной, методологии выделения реальных гомогенных групп. Другой класс методов апостериорного подхода – так называемый энтропийный анализ – также уже использовался ранее на российских данных применительно к задаче нахождения признаков, наиболее значимо описывающих неравенство в современном российском обществе, однако задача выделения гомогенных социальных групп в ходе этих исследований все-таки окончательно не была решена [Шкаратан, Ястребов, 2009]. Методология же байесовского латентного классового анализа для выделения гомогенных групп российского общества на матрице бинарных показателей шансов и рисков, насколько нам известно, не применялась ни на российских, ни на зарубежных данных.

Байесовские методы оценки относятся к апостериорным методам статистики, поскольку их использование не предполагает изначальных гипотез о форме распределения параметров, которые нас интересуют. В BLCA используют три основных метода:

---

[5] Более подробно теоретико-методологическое обоснование, а также операционализация показателей жизненных шансов и рисков представлены в материалах первых двух глав настоящей монографии и Приложениях 2.1 и 2.2.

1) EM (*expectation-maximization*)-алгоритм (далее EM) [Dempster, Laird, Rubin, 1977], 2) метод Монте Карло по схеме марковских цепей (англ. – *Markov chain Monte Carlo* – далее MCMC), а именно схеме Гиббса [Geman, Geman, 1984], 3) метод вариативной байесовской аппроксимации (англ. – *Variational Bayes approximation* – далее VB) [White, Murphy, 2014]. В качестве оценки качества моделей использовались критерии BIC и AIC для EM-алгоритма и DIC для схемы Гиббса (для метода VB они не выводятся). После проведенной диагностики выводов моделей было решено продолжить анализ на основе методов MCMC[6].

В Приложениях 5.3–5.4 собраны показатели качества моделей, оцененных методом MCMC. Поскольку метод MCMC является апостериорным, его реализация требует спецификации стартовых значений. Априорные значения задавались универсальным образом, длина марковской цепи составила 50 тыс. симуляций.

Применение BLCA[7] на многомерной матрице из 24 бинарных переменных, измеряющих возможности и депривации индивидов и их домохозяйств в ключевых для современного общества сферах, позволило выделить и сравнить семь моделей с разным числом классов. Детальный анализ полученных показателей качества моделей говорит в пользу 7-классовой модели для кризисного 2015 г. и 5-классовой модели для сравнительно стабильного 2018 г. Модели с числом классов больше семи со статистической точки зрения являются менее привлекательными, поскольку предлагают избыточное усложнение реально существующей картины. Далее будет описана лишь наиболее оптимальная модель стратификации, состоящая из пяти «эмпирических классов», т.е. выделенных с помощью статистических методов групп россиян, объединенных общностью сочетаний (композицией) их жизненных шансов и рисков в 24-мерном пространстве. В соответствии с веберовской терминологией эти эмпирические классы условно были названы нами следующим образом: нижний класс находящихся вне эконо-

---

[6] С этого момента глава отсылается к выводам MCMC-модели.

[7] Главным источником эмпирических данных в настоящей главе являются 3-я и 8-я волны Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (далее Мониторинг), проведенные осенью 2015 и 2018 гг. (подробнее см. Приложение В.1). В данной главе не представлены расчеты по кризисным 2020–2021 гг., так как, во-первых, в силу специфики вызванного пандемией кризиса данные за эти годы с учетом специфики использованного метода в любом случае были бы не типичны, а во-вторых, обследования за 2020 и 2021 гг. ИС ФНИСЦ РАН в силу специфики их инструментария не позволяли получить результаты для корректного сопоставления их при использованном подходе с данными 2015–2018 гг.

мики россиян (для краткости называемый далее «нижний класс вне экономики»), нижний класс из числа занятых в экономике россиян (далее «нижний класс в экономике»), «нижний» и «средний» средние классы, а также привилегированный («верхний» средний) класс, представленный высококвалифицированной рабочей силой, обладающей широкими возможностями не только в экономических, но во внеэкономических сферах[8].

В рамках апостериорных методов BLCA общность сочетаний жизненных шансов оценивается через связи классовых признаков с выделенными классами – оценки максимальных апостериорных вероятностей (англ. – *Maximum a priori probabilities*, далее MAP), которые показывают силу связи между конституирующими признаками и выделенными классами и интерпретируются наподобие обычных коэффициентов корреляции. В табл. 5.1 указаны значения этих оценок для модели стратификации, состоящей из пяти классов. Стоит отметить, что использование метода MCMC дает очень плотные оценки, – так, стандартное отклонение оценки вероятности связи признака и класса не превышает 0,05 (см. Приложение 5.2). При этом проверка точности предсказаний с помощью методов машинного обучения (кросс-валидации) показала, что средняя величина корректной классификации построенных на основе метода MCMC классов в среднем очень высокая. Так, для модели социальной структуры, состоящей из пяти классов, среднее значение ошибочных классификаций не превышает 3,8% (Приложение 5.4).

Как видно из данных табл. 5.1, для представителей «нижнего класса вне экономики» ключевыми лишениями в 2018 г. стали прежде всего отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни (вероятность связи этого индикатора с принадлежностью россиян к данному классу составляла 0,789), а также недоступность необходимого образования (вероятность связи 0,504) и относительно лучших, чем гарантированные государством, форм заботы о здоровье (вероятность связи 0,228). Для членов «нижнего класса в экономике» ключевыми лишениями, определяющими их классовую принадлежность, являлись несоблюдение законодательства на работе (0,820), а также проблемы доступа к необходимому образованию (0,569) и информационным технологиям в повседневной жизни (0,406).

---

[8] Пояснения касательно названия классов см. в следующем разделе главы.

Таблица 5.1

Оценки максимальных апостериорных вероятностей (MAP) для модели социальной структуры, состоящей из пяти эмпирических классов в 2015 и 2018 гг., ИС ФНИСЦ РАН *

	2015						2018					
	Жизненные шансы и риски в сфере экономических условий жизни											
Классы	*э_пп1*	*э_пп2*	*э_пп3*	*э_нп1*	*э_нп2*	*э_нп3*	*э_пп1*	*э_пп2*	*э_пп3*	*э_нп1*	*э_нп2*	*э_нп3*
Верхний средний класс	0,158	0,480	0,306	0,056	0,059	0,043	0,102	0,307	0,240	0,046	0,015	0,053
«Средний» средний класс	0,101	0,382	0,139	0,040	0,061	0,207	0,057	0,290	0,149	0,022	0,045	0,129
Нижний средний класс	0,014	0,135	0,030	0,130	0,040	0,096	0,043	0,168	0,030	0,129	0,057	0,104
Нижний класс в экономике	0,013	0,102	0,027	0,251	0,077	0,378	0,027	0,096	0,013	0,239	0,047	0,330
Нижний класс вне экономики	0,005	0,048	0,040	0,031	0,103	0,077	0,003	0,122	0,037	0,066	0,106	0,047
	Жизненные шансы и риски в ситуации на работе											
	пс_пп1	*пс_пп2*	*пс_пп3*	*пс_нп1*	*пс_нп2*	*пс_нп3*	*пс_пп1*	*пс_пп2*	*пс_пп3*	*пс_нп1*	*пс_нп2*	*пс_нп3*
Верхний средний класс	0,905	0,564	0,113	0,071	0,396	0,244	0,874	0,658	0,088	0,072	0,353	0,237
«Средний» средний класс	0,019	0,050	0,003	0,116	0,064	0,015	0,129	0,202	0,009	0,073	0,193	0,065
Нижний средний класс	0,657	0,251	0,069	0,087	0,372	0,254	0,562	0,064	0,059	0,086	0,392	0,242
Нижний класс в экономике	0,208	0,035	0,029	0,282	0,820	0,371	0,299	0,085	0,018	0,351	0,782	0,321
Нижний класс вне экономики	0,028	0,032	0,002	0,203	0,066	0,008	0,117	0,019	0,002	0,112	0,062	0,016

	Жизненные шансы и риски в сфере сохранения и наращивания своего человеческого потенциала											
	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3	оз_нп1	оз_нп2	оз_нп3	оз_пп1	оз_пп2	оз_пп3	оз_нп1	оз_нп2	оз_нп3
Верхний средний класс	0,513	0,287	0,792	0,029	0,057	0,027	0,357	0,319	0,814	0,013	0,087	0,019
«Средний» средний класс	0,355	0,258	0,016	0,153	0,094	0,087	0,263	0,240	0,125	0,132	0,056	0,146
Нижний средний класс	0,327	0,244	0,493	0,243	0,091	0,093	0,371	0,317	0,594	0,272	0,198	0,016
Нижний класс в экономике	0,211	0,151	0,093	0,653	0,109	0,470	0,148	0,114	0,121	0,569	0,123	0,406
Нижний класс вне экономики	0,038	0,096	0,007	0,504	0,155	0,789	0,026	0,122	0,007	0,417	0,228	0,693
	Жизненные шансы и риски в сфере потребления и досуга											
	пд_пп1	*пд_пп2*	*пд_пп3*	*пд_нп1*	*пд_нп2*	*пд_нп3*	*пд_пп1*	*пд_пп2*	*пд_пп3*	*пд_нп1*	*пд_нп2*	*пд_нп3*
Верхний средний класс	0,554	0,811	0,042	0,004	0,003	0,100	0,685	0,485	0,066	0,020	0,009	0,054
«Средний» средний класс	0,215	0,542	0,025	0,045	0,004	0,098	0,434	0,341	0,052	0,014	0,017	0,076
Нижний средний класс	0,194	0,366	0,027	0,038	0,046	0,162	0,020	0,192	0,022	0,060	0,043	0,197
Нижний класс в экономике	0,096	0,095	0,009	0,178	0,280	0,312	0,101	0,056	0,007	0,161	0,274	0,337
Нижний класс вне экономики	0,038	0,004	0,109	0,220	0,510	0,129	0,028	0,009	0,104	0,154	0,296	0,149

Примечание. *Названия признаков по столбцам даны в сокращении. Таблица с расшифровками сокращений вынесена в Приложение 5.1. В Приложении 5.2 содержится таблица со стандартными отклонениями указанных в таблице оценок вероятности. Оценки вероятности MAP измеряются в интервале от 0 до 1 и интерпретируются в соответствии с классической трактовкой вероятности – чем ближе значение к 1, тем выше вклад рассматриваемого признака в формирование конкретной группы. Градиент цветового выделения соответствует трем основным интервалам значений вероятности: низкая (0,2–0,449), средняя (0,450–0,749) и высокая (0,750–1).

Классовая принадлежность представителей верхнего среднего класса с вероятностью более 0,6 связана как минимум с 4 из 12 индикаторов позитивной привилегированности и с вероятностью от 0,2 до 0,6 – с 9 из 12. Наиболее сильными по показателям их связи оказались следующие индикаторы жизненных шансов и рисков: ресурс влияния на работе (вероятность связи 0,874), наличие развитых навыков существования в цифровой среде (0,814), наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (0,658), возможность расширенного стилевого товарного потребления (0,685) и особая комфортность жилищных условий (0,485). Однако при этих несомненных свидетельствах благополучия положение многих представителей верхнего среднего класса является довольно противоречивым, что хорошо согласуется с теорией аналитического марксизма, согласно которой средний класс не может полностью избавиться от отношений эксплуатации на рабочем месте [Wright, 1989]. Так, 36,6% представителей верхнего среднего класса на работе сталкивались в 2018 г. с нарушениями их базовых трудовых прав, 25,5% – с неблагоприятными условиями занятости, 7,5% характеризовались высокими рисками безработицы и т.д.

На основе анализа оценок MAP из табл. 5.1 можно сделать три вывода. Во-первых, мы видим, что в оценках MAP нет принципиальных расхождений и они в высокой степени согласуются между собой по годам, что является несомненным аргументом в пользу используемой методики апостериорного анализа и выбранной модели эмпирических классов. Наблюдаются лишь локальные расхождения значений вероятностей в пределах 0,1–0,2, что определяется апостериорным характером MCMC оценок BLCA-моделей. Вероятно, эти расхождения были бы меньше при использовании более длинных рядов Марковских цепей. Свой вклад в эти расхождения мог внести и кризис, пик которого пришелся как раз на 2015 г., в то время как к весне 2018 г. ситуация во многом была стабилизирована.

Во-вторых, видно, что есть домены более значимые и менее значимые для стратификации российского общества. Вопреки нашим ожиданиям, продиктованным результатами проводимых в России стратификационных исследований 1990-х и 2000-х годов, а также ряда классических зарубежных исследований, более подробно рассмотренных в начале настоящей монографии, сфера экономических условий жизни оказалась для представителей массовых слоев наименее значимой в системе неравенств, т.е. ее вклад в вероятность попасть в тот или иной выделенный нами класс оказался

намного менее выраженным, чем у ситуации на работе, возможностей сохранения и наращивания качества своего человеческого капитала, а также особенностей потребления и досуга. Это говорит о том, что россияне сильно дифференцированы по их жизненным шансам и рискам даже при схожести экономического положения.

В-третьих, данные табл. 5.1 позволяют с уверенностью утверждать, что ряд зарубежных концептов стратификации применительно к российскому обществу вообще не подходят или же постепенно теряют свою релевантность. Это касается, прежде всего, концепции Дж. Голдторпа о важной роли дополнительных социальных благ по месту занятости, которые рассматривались им как значимый индикатор особых отношений занятости, возникающих как следствие востребованности работника на рынке труда.

Всего нерелевантными для 5-классовой модели социальной структуры в силу их крайне слабой корреляции с выделенными классами оказались как минимум четыре показателя из 24 использовавшихся. Это такие показатели, как:

- наличие значительных неэластичных текущих расходов (э_нп2);
- наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (пс_пп3);
- невозможность использовать относительно лучшие, чем гарантированные государством, формы заботы о здоровье (оз_нп2);
- хорошие возможности проведения отпуска (п_пп3).

Наглядно специфика пяти выделенных на основе комбинаций их жизненных шансов, депривaций и рисков классов представлена на рис. 5.1. На этом рисунке хорошо видно, что выделенные классы линейно связаны с интегральным Индексом ЖШиР, поскольку их распределение образует три зоны, в целом соответствующие трем стратам, рассмотренным нами в предыдущих главах. Это значит, что полученная с помощью безгипотезного подхода модель стратификации российского общества не противоречит модели с тремя вертикально ранжированными стратами и не является для нее альтернативной. Однако она дает ее дополнительную конкретизацию с учетом критерия занятости, прямо влияющего на набор жизненных шансов и рисков человека в силу включения (или невключения) в их число относящих к ситуации на работе показателей.

Несовпадение принадлежности к трем описанным в предыдущих главах стратам и выделенным нами в данной главе эмпириче-

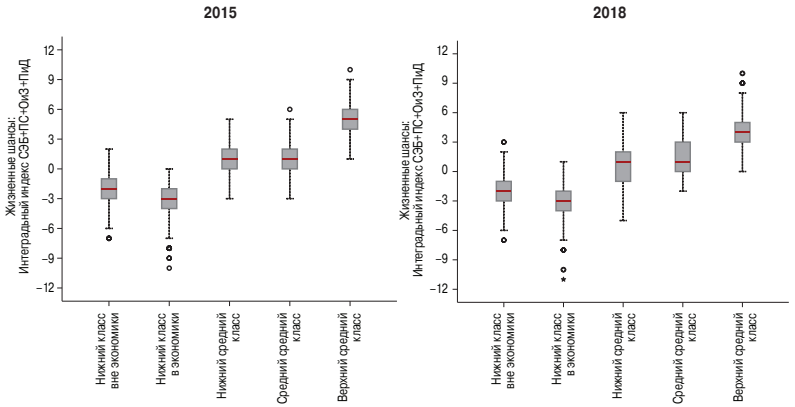


Рисунок 5.1

Распределение интегрального Индекса ЖШиР по классам в 2015–2018 гг. Данные BLCA для социальной структуры, состоящей из пяти классов, %*

Примечание. *Рисунок 5.1 демонстрирует размах значений Индекса жизненных шансов и рисков (вертикальная ось) в различных «эмпирических» классах (горизонтальная ось). Величина серых столбиков представляет собой количество баллов Индекса ЖШиР, которыми характеризуется срединные 50% выборки конкретного класса (т.е. представляет собой разницу между верхним и нижним квартилями). Сплошные горизонтальные линии в каждом из столбиков отображают медианные значения Индекса для конкретного класса. «Усики» серых столбиков – это расстояние от верхнего и нижнего квартиля, соответствующее 1,5 значениям величины столбиков (концы которых соответствуют максимальным и минимальным значениям без учета выбросов). Значения Индекса, находящиеся за пределами «усиков», являются статистическими выбросами, они отмечены кружочками. Экстремальные значения, находящиеся на расстоянии более трех значений величины столбиков, помечены звездочками.

ски классам характеризовало в 2018 г. всего 27,3% представителей массовых слоев населения страны, которые, впрочем, и в этом случае, как правило, оказывались лишь в соседней, а не в полярной, группе. Безусловное же большинство россиян (72,7%) в обеих рассматриваемых версиях стратификации современного российского общества занимало одни и те же позиции – либо нижние, либо средние, либо верхние (табл. 5.2 и 5.3). При этом в наибольшей степени (табл. 5.2) расхождение характеризовало ситуацию представителей нижнего класса вне экономики, который, как будет показано ниже, составляли пенсионеры. Это связано с тем, что качество жизни пенсионеров сильно зависит от ряда факторов, которые не учитывались в обеих (априорной и апостериорной) версиях наших расчетов (состояние здоровья, место жительства, состав семьи и т.д.)

Рассмотрим теперь более подробно, что представляют собой выделенные эмпирические классы, и прежде всего остановимся

Таблица 5.2

Соотношение эмпирических классов и страт, выделенных на основе Индекса ЖШиР, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от классов**

Страты	Классы				
	Нижний класс вне экономики	Нижний класс в экономике	Нижний средний класс	«Средний» средний класс	Верхний средний класс
Верхняя	0,2	0	25,3	15,8	80,6
Средняя	47,4	14,1	74,5	75,1	19,4
Нижняя	52,4	85,9	0,2	9,2	0

Примечание. * Фоном здесь и в следующей таблице выделены ячейки, для которых характерно совпадение позиций в двух рассматриваемых статусных иерархиях.

Таблица 5.3

Соотношение страт, выделенных на основе Индекса ЖШиР, и эмпирических классов, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от страт*

Классы	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Верхний средний класс	0	5,1	55,0
«Средний» средний класс	0,1	19,6	17,3
Нижний средний класс	10,6	50,3	0,13
Нижний класс в экономике	50,6	4,8	0
Нижний класс вне экономики	38,7	20,2	0,3

на том, насколько они связаны с социально-профессиональной структурой и доходной стратификацией современного российского общества.

Основные эмпирические классы российского общества

При учете сочетаний признаков наличия позитивной и негативной привилегированности, а не только их общего числа, невозможно игнорировать тот факт, что в современной России положение экономически активного населения в стратификационной иерархии определяется во многом именно отношениями занятости и спецификой места на рынке труда. Это соответствует упомянутым выше классовым теориям, разработанным для индустриально развитых обществ. Что же касается достаточно многочисленного экономи-

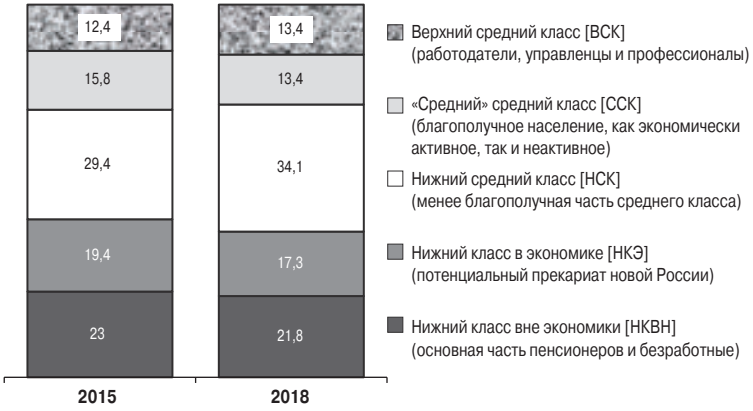


Рисунок 5.2

Динамика социальной структуры в России в 2015–2018 гг. Данные BLCA для варианта социальной структуры, состоящей из пяти эмпирических классов с учетом наиболее характерных для них статусов занятости, %

чески неактивного населения, то картина его положения очень неоднозначна, поскольку его представители присутствуют во всех слоях общества.

Представленные выше результаты BLCA позволяют утверждать, что российское общество характеризуется скорее вертикальной ориентацией социальных позиций, чем горизонтальной, даже при использовании для его дифференциации комбинаций жизненных шансов и рисков, а не их общего числа[9]. Кроме того, данные рис. 5.2 говорят о том, что пропорции ключевых социальных групп, характеризующихся разной комбинацией жизненных шансов и рисков, в нем столь же устойчивы во времени, как и соотношение разных страт, хотя экономические кризисы и ведут к некоторому росту численности низших классов.

---

[9] Вертикальные системы социальной дифференциации характеризуются иерархической организацией большинства членов общества. Например, такую иерархию могут задавать профессиональные статусы или шкала доходов. Горизонтальные системы социальной дифференциации фокусируются на различиях людей, находящихся на одной ступени социальной иерархии. Модели горизонтальной дифференциации часто используются для характеристики социальной структуры развитых западных обществ, с их массовым городским средним классом, гетерогенность которого описывается разницей в стилях жизни. Отсутствие высшего класса в данной классификации объясняется тем, что высший класс не попадает в выборки массовых опросов.

Если охарактеризовать ситуацию с динамикой каждого из эмпирических классов более подробно, то прежде всего стоит отметить, что один из двух выделенных нижних классов является классом, представители которого практически в полном составе не работают, что и позволило нам выше условно назвать его «нижним классом вне экономики». Его численность составляла 23,0% в 2015 г. и 21,8% в 2018 г. Другой нижний класс в массе своей вовлечен в производственные и трудовые отношения, что позволило условно[10] назвать его «нижний класс в экономике», насчитывал 19,4% населения в 2015 г. и 17,3% в 2018 г.

Численная оценка средних классов составляла на 2018 г. 47,5% представителей массовых слоев населения страны, если считать как «средний» средний, так и нижний средний класс в совокупности. Средние слои в России очень гетерогенны по своему составу. Однако применение байесовских методов статистической классификации позволяет разделить их, как уже отмечалось выше, на две довольно однородные по их возможностям в разных областях жизни группы – «средний» средний и нижний средний классы. Нижний средний класс характеризуется более противоречивым положением, чем «средний» средний класс. Источник этих противоречий укоренен в производственных отношениях, к чему мы еще вернемся ниже. Численность нижнего среднего класса с 2015 по 2018 г. увеличилась с 29,4% до 34,1%. Численность «среднего» среднего класса, напротив, скорее чуть сократилась (15,8% в 2015 г. и 13,4% в 2018 г.). Еще меньше (на 1,0 п.п.) изменилась к 2018 г. численность верхнего среднего класса, включавшего к 2018 г. 13,4% населения.

Учитывая, что применительно к нижнему среднему классу речь идет в основном о работающем населении (92,2% в нем в 2018 г. в момент опроса работали), сокращение нижнего среднего класса на фоне роста нижнего класса в экономике означает, что два эти класса выступили своего рода «сообщающимися сосудами». Рост одного произошел за счет сокращения другого в ходе постепенной

---

[10] Мы подчеркиваем условность этого названия, так как в те или иные формы экономических отношений вовлечены, разумеется, и представители класса, который мы условно назвали «нижним классом вне экономики». Тем не менее для краткости мы использовали именно термин «экономика», хотя на самом деле речь при характеристике различий этих классов идет только о вовлеченности их в производственно-трудовые отношения для одной части российских «низов» или же о полном отсутствии занятости у другой части нижних слоев российского общества.

стабилизации ситуации в российской экономике после выхода ее из кризиса 2014–2015 гг. При этом численность верхнего среднего, «среднего» среднего и нижнего (вне экономики) классов практически не изменилась. Это позволяет говорить не только о высокой устойчивости сложившейся модели стратификации массовых слоев российского общества, построенной на основе сочетания (композиции, набора) признаков позитивной и негативной привилегированности, но, главное, о том, что изменения в экономической ситуации в стране сказываются в последние годы лишь на численности структурных позиций, относящихся к границе нижнего и нижнего среднего классов. Отметим, что вывод о наибольшей чувствительности именно этой границы к фазам экономического цикла был получен и при анализе динамики модели доходной стратификации российского общества [Модель ..., 2018].

Можно ли рассматривать «эмпирические классы» как элементы классовой структуры общества в ее традиционном смысле? Необходимым условием для того, чтобы называть выделенные группы занятого населения классами в социологическом, а не техническом смысле слова, является дифференцированное участие представителей этих групп как свободных агентов в экономической жизни через механизмы разного рода рынков. Другими словами, предполагается, что разбивка экономически активного населения по классам должна, как минимум, отражать их разные позиции в производственных отношениях. Необходимым условием для проверки этого выступает анализ связи классовой принадлежности с характером занятости. Из числа дополнительных условий ключевым является проверка связи классовой принадлежности с экономическим положением индивидов[11] Данный раздел главы посвящен анализу этих двух важнейших параметров выделенных классов, которые выше мы называли «эмпирическими».

---

[11] В качестве индикатора экономического положения используется позиция респондента в доходной стратификации. Разумеется, анализ классовых эффектов не исчерпывается оценкой экономического положения классов, тем более в такой его интерпретации. С методологической точки зрения, классовые эффекты должны быть отличны, в частности, от индивидуальных эффектов и структурных составляющих самих классов [Grusky, Weeden, 2008]. Однако решение данной задачи требует отдельного исследования, для наших же целей (иллюстрации самой возможности того, что выделенные эмпирические классы имеют реальную классовую природу, интерпретируемую в традициях классового анализа, а не безусловного доказательства этого факта) достаточно используемых в данной главе характеристик классов.

Таблица 5.4

Динамика занятости и причин незанятости представителей пяти эмпирических классов в России в 2015/2018 гг., ИС ФНИСЦ РАН, %*

Группы с разным отношением к занятости и причинами незанятости	Классы				
	Нижний класс вне экономики	Нижний класс в экономике	Нижний средний класс	«Средний» средний класс	Верхний средний класс
2015 г.					
Работающие	20,5	95,0	98,8	34,5	99,6
Неработающие пенсионеры	57,0	1,5	0,7	28,1	0
Студенты	2,8	0,5	0,1	26,9	0,4
Неработающие трудоспособные (безработные, находящие в декретном отпуске, занятые домашним хозяйством)	19,7	3,0	0,4	10,5	0
2018 г.					
Работающие	26,6	93,7	91,7	46,9	96,1
Неработающие пенсионеры	59,4	1,3	2,8	22,3	1,1
Студенты	3,7	1,0	3,8	27,6	2,1
Неработающие трудоспособные (безработные, находящие в декретном отпуске, занятые домашним хозяйством)	10,3	4,0	1,7	3,2	0,7

Примечание. * Фоном выделена доминирующая в каждом классе позиция.

В табл. 5.4 показаны особенности занятости и изменений в ее структуре для рассматриваемых классов за период с 2015 по 2018 г. Из данных таблицы видно, что экономически неактивное население страны шире всего представлено в «среднем» среднем классе и нижнем классе вне экономики. При этом наибольшие изменения коснулись за рассматриваемые три года «среднего» среднего класса – он стал более однородным по своему составу. С трети до почти половины увеличилась в нем относительная доля работающих россиян. Однако, несмотря на процессы внутренней трансформации в пользу наращивания работающей его части, «средний» средний класс остается «якорным» классом для студентов. Что же касается неработающих пенсионеров, то, хотя их представительство в этом классе довольно велико, все же бóльшая их часть в него не попадает.

«Якорным» классом для неработающих пенсионеров является сейчас в России нижний класс вне экономики. Более того, данные табл. 5.4 свидетельствуют о том, что именно они устойчиво составляют в этом классе большинство (три пятых по состоянию

на 2018 г.). Также стоит отметить, что если в кризисном 2015 г. трудоспособные неработающие россияне также концентрировались в основном в этом классе, то в 2018 г. их доля в его составе сократилась более чем в два раза. Это говорит о том, что, в отличие от неработающих пенсионеров, у неработающих трудоспособных гораздо больше инструментов для влияния на свой статус, но возможности эти во многом зависят от общей экономической ситуации в стране. Вместе с тем, тот факт, что неработающие пенсионеры массово характеризуются многомерностью своих депривaций и рисков, ставит вопрос о необходимости не только усилить меры их монетарной поддержки, но и дополнить эти меры рядом немонетарных сервисов.

Другие эмпирические классы представлены в основном работающими россиянами, особенности классового положения которых определяются их востребованностью на рынке труда, а также содержанием и характером труда последнего. Рис. 5.3 дает очень выпуклую картину специфики содержания и характера труда работающих представителей этих классов. Связь классовой и профессиональной принадлежности просматривается на нем довольно четко. Верхний средний класс – это в основном руководители и профессионалы. Работающие из «среднего» среднего класса – наиболее благополучная часть рабочих, в основном квалифицированных. Нижний средний класс очень гетерогенен по своему

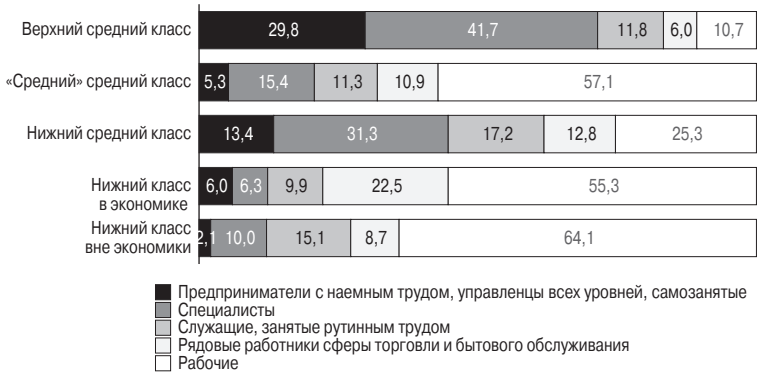


Рисунок 5.3

Профессиональная структура выделенных эмпирических классов, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от работающих их представителей*

составу. Нижний класс в экономике состоит в основном из рабочих, но находящихся в куда менее благоприятных условиях, чем рабочие из «среднего» и нижнего средних классов. В нижнем классе в экономике велика доля рядовых работников торговли и бытовых услуг (продавцов, кассиров, приемщиц химчисток и т.п.), которые являются одними из самых низкооплачиваемых профессиональных групп в современном российском обществе [Аникин, 2018б]. Другими словами, классификация работающего населения страны опосредуется отношениями занятости и спецификой положения представителей выделенных классов на рынке труда. Это соответствует классическому представлению о классах, заложенному в теориях, разработанных для стратификации индустриально развитых обществ (например, в EGP-схеме или схеме Э. Райта).

В то же время все выделенные нами эмпирические классы характеризуется в плане их профессионального состава разной степенью гетерогенности. Максимально выражена она в нижнем среднем классе, являющемся отражением профессиональной структуры работающего населения страны в целом[12]. Это говорит о том, что в случае с выделенными эмпирическими классами мы имеем дело все же с иным социальным феноменом, чем традиционное для классового анализа деление, основанное преимущественно на характерных для разных профессиональных групп властных, квалифицированных и иных ресурсах.

Драма нижнего класса вне экономики, который, напомним, включает более пятой части населения страны, состоит в том, что в нем концентрируются в основном те ее граждане, дальнейшая судьба которых будет зависеть исключительно от внешних факторов и практически не связана с их индивидуальными усилиями. Единственная возможность им помочь состоит в опережающем создании программ по интеграции и реинтеграции их в социум и в расширении спектра их возможностей неэкономического характера. Ключевыми здесь являются возможности расширения их доступа к информационным технологиям. Если же говорить не о составляющих костяк этого класса пенсионерах, а о работающих и незанятых, но трудоспособных его представителях, то перспективным является, в частности, развитие у этой группы россиян ремесленных навыков с их последующей коммерциализацией, а также развитие инфраструктуры рынка – особенно в моногоро-

[12] За исключением лиц, занятых низкоквалифицированным физическим трудом, – в нем их всего 13,7% против общероссийских 20,2%.

дах советского типа, которые изначально планировались без учета пространств массовой торговли[13]. Хотя в целом решить проблему поможет только изменение профессиональной структуры страны.

Во многом схожи и проблемы работающих в другой части нижнего класса, а именно того из выделенных нами эмпирических классов, который мы условно назвали «нижний класс в экономике». Специфика работающих россиян из нижнего класса в экономике состоит в этом отношении лишь в том, что при высокой доле рабочих в нем, в этом классе в полтора раза ниже, чем среди работающих в целом, доля квалифицированных рабочих и максимальна доля рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Другими словами, работающие из низшего класса в экономике представлены в основном слабозащищенным, легкозаменяемым, низкооплачиваемым рутинным трудом.

Учитывая особенности их рисков в производственной сфере, которые были отчасти отмечены выше, трудоспособных представителей обоих нижних классов можно назвать прекариатом новой России, в состав которого попадает, таким образом, как минимум каждый шестой россиянин. С учетом же многих находящихся в ситуации прекаризации их трудовой деятельности или ее высоких рисков представителей нижнего среднего класса (а отчасти – даже «среднего» среднего) класса численность прекариата в российском обществе оказывается в настоящий момент значительно больше.

Не следует смущаться расхождения наших цифр с оценками коллег: так, Ж.Т. Тощенко оценивает численность прекариата на уровне 30–50% трудового населения [Тощенко, 2018], в то время как Н.Е. Тихонова и А.В. Каравай говорят о формировании предпосылок для попадания в него примерно у половины населения России, не давая при этом точных оценок его актуальной численности [Тихонова, Каравай, 2017а]. Такое расхождение в оценках может быть вызвано «неоднозначностью оснований выделения... прекариата и неопределенностью его границ», что, помимо прочего, еще и «затрудняет точное позиционирование... его места в социальной структуре» [Тихонова, 2019б: 169]. Именно поэтому как о безусловных представителях прекариата мы говорим только о работающей части выделенных на методологии BLCA нижних классов, которые полностью соответствуют описанию прекариа-

[13] Стоит отметить, что такие инициативы уже реализуются в ряде городов. См., например: Проект своей ремесленной «улицы Никольской» создали в тамбовском моногороде Котовске. ТАСС. 1 марта 2019. URL: https://tass.ru/v-strane/6175107 (дата обращения: 31.05.2019).

та как класса, «представители которого не имеют не только устойчивой занятости, но и гарантий социальной защищенности даже в периоды, когда они входят в число занятых» [Там же: 170].

Оба нижних класса, как видно на рис. 5.4, в большинстве своем представлены членами бедных и малообеспеченных домохозяйств, что также соответствует классическим представлениям о прекариате (доля низкодоходных групп в их составе доходит до 45,9%). Нижний класс вне экономики – это в массе своей россияне, с доходами менее 1,25 медианных для их типов поселений доходов. Бóльшая часть этих россиян – выходцы из малых городов и сел, в которых доходные медианы итак занижены относительно общероссийского уровня.

Более того, и это очень важно, в новой России прекарный труд и сопутствующие лишения в экономических и неэкономических сферах куда хуже по последствиям для уровня и качества жизни населения, чем выход на пенсию. Об этом говорит не только относительно более благополучная доходная структура состоящего в основном из пенсионеров нижнего класса в экономике, но и характер их возможностей, жизненных шансов, депривaций и рисков.

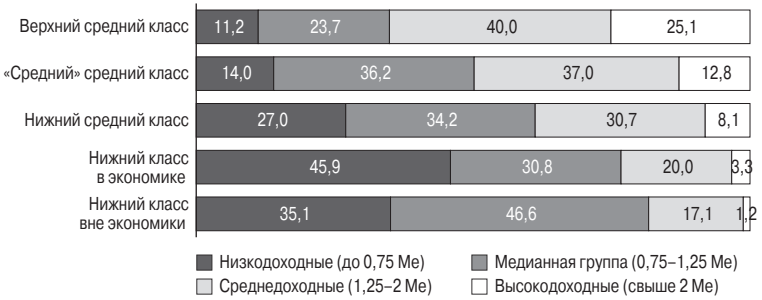


Рисунок 5.4
Доходная структура выделенных эмпирических классов, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Классом-антиподом для нижнего класса в экономике выступает, как мы уже отмечали выше, верхний средний класс. По данным ИС ФНИСЦ РАН 2018 г., он включает лишь 3,7% средне- и низкоквалифицированных рабочих. Это в 12 раз меньше, чем их доля нижнем классе в экономике, и в 7 раз меньше, чем в среднем по

стране. Доля рабочих высокой квалификации[14] превышает долю низкоквалифицированных рабочих в верхнем среднем классе более чем в 2 раза, что не характерно ни для одного другого класса и общероссийской картины их соотношения – в среднем по России доля средне- и низкоквалифицированных рабочих относится к доле рабочих высокой квалификации как 4 к 3. Общая доля лиц физического труда в составе верхнего среднего класса лишь слегка превышает 10%. Попадание «рабочей аристократии» в состав верхнего среднего класса не противоречит теории, и этот феномен давно описан в классической литературе, посвященной индустриально развитому обществу [Zweig, 1961].

Таким образом, работающие из верхнего среднего класса – это в основном высококвалифицированная работники как умственного, так и физического труда, обладающие широкими экономическими и неэкономическими возможностями. В этом классе доля россиян, чье материальное положение за предшествующий год улучшилось, составляла, согласно их собственным оценкам в 2018 г., 37,3% (в среднем по России таких было всего 14,1%), в то время как доля тех, у кого, по их собственному признанию, оно за это время ухудшилось, не превышала 11% (в среднем по России – 35,8%).

Выводы

Статистический анализ сложившегося в нашей стране в массовых слоях населения социального неравенства по осям позитивной и негативной привилегированности позволяет охарактеризовать Россию как сильно поляризованное общество. При этом «центр тяжести» его социальной структуры смещен вниз гораздо сильнее, чем считалось ранее, или как можно было бы заключить по итогам построения моделей доходной стратификации, которая имеет ярко выраженную ромбовидную форму [Модель ..., 2018]. Переход к немонетарной многомерной стратификации показывает, что из пяти характеризующихся специфическими наборами жизненных шансов и рисков групп две являются в совокупности нижним классом, включавшем в свою орбиту почти две пятых (39,1%) населения России даже в относительно благополучном 2018 г. (в кризисном 2015 г. их было 42,4%).

[14] Имеющих 5-й разряд и выше.

Особенность сложившейся в современной России системы социального неравенства состоит в том, что один из этих нижних классов имеет ярко выраженную неэкономическую природу, поскольку на 59,4% состоит из получателей трансфертов (неработающих пенсионеров) и на 26,6% – из той части рабочей силы, которая не интересна рынку труда. Наиболее распространенные в нижних классах формы депривации имеют неэкономический характер: их члены исключены из мира информационных технологий, и у них отсутствует доступ к образованию. Кроме того, эти россияне испытывают определенные трудности с поддержанием потребления на уровне, который большинство населения считает приемлемым. Это говорит о том, что монетарные инструменты (успешно решающие задачи роста текущего потребления пенсионеров) абсолютно недостаточны для качественного изменения места представителей нижних классов в сложившейся системе социального неравенства.

Наверху иерархии массовых слоев российского общества находится относительно немногочисленная группа, которая была условно названа нами верхним средним классом. Основа этого класса – руководители и специалисты, обладающие качественным человеческим капиталом, высококвалифицированные рабочие, а также мелкие и средние предприниматели. В массе своей это средне- и высокодоходные россияне, зарабатывающие собственными интеллектом (профессионалы) и, в меньшей степени, прикладными компетенциями (высококвалифицированные рабочие).

Сущностные различия между двумя средними классами определяются тем, чтó у них перевешивает – нехарактерные для большинства россиян жизненные возможности (что типично для «среднего» среднего класса) или риски (что присуще нижнему среднему классу). Нижний средний класс представлен в основном работниками, занятыми рутинным низкооплачиваемым трудом, которые страдают от неблагоприятных условий занятости и нарушений их трудовых прав. Этот класс – наиболее близкая к нижнему классу в экономике часть средних слоев, в наибольшей степени подверженная рискам прекаризации. Проблема с ним состоит в том, что нижний средний класс за 2015–2018 гг., даже несмотря на выход из экономического кризиса в этот период, значительно увеличился – с 29,4% до 34,1%. И хотя этот рост произошел за счет сокращения численности нижнего класса в экономике, что, безусловно, можно оценить положительно, но неизменность на этом фоне численности верхнего среднего и «среднего» среднего классов даже после

выхода из кризиса говорит о том, что экономическая ситуация влияет в современной России лишь на численность групп населения, находящегося в «плохом» и «очень плохом» положении. С учетом же особенностей характера занятости представителей нижнего среднего класса и того, какие последствия влекут за собой эти особенности в современном мире на длительном временно́м промежутке [Beck, 2009; Castells, 2000], можно утверждать, что линия будущего разлома («поляризации») среднего класса оставит внизу почти две трети нынешних средних слоев. Учитывая, что прекаризация среднего класса набирает обороты на фоне относительных успехов по сокращению нижних классов, которых достигло правительство Российской Федерации в последние годы, остро встает вопрос о необходимости перехода к проактивной политике, направленной на противодействие распространению прекарного труда и поддержку россиян из средних слоев, прежде всего – за счет создания высокооплачиваемых рабочих мест и социальной защищенности для людей с качественным образованием. Реализация этих целей видится одной из наиболее перспективных задач на ближайшие годы.

Глава 6. Соотношение негативной привилегированности и бедности[1]

В предыдущих главах книги мы показали, что положение россиян в пространстве жизненных шансов и рисков очень неоднородно. Анализ структуры общества, как базирующейся на различных комбинациях шансов и рисков индивидов (глава 5), так и строящейся на общем соотношении их жизненных шансов, с одной стороны, и депривaций и рисков, с другой (главы 2–4), позволяет с уверенностью утверждать, что в российском обществе присутствует достаточно массовая зона неблагополучия. При этом остается открытым вопрос о том, как это общее социальное неблагополучие соотносится с бедностью «по доходам».

Подобную постановку вопроса диктует прежде всего вновь актуализировавшийся дискурс вокруг проблемы бедности. Задача двукратного сокращения масштабов бедности, поставленная В.В. Путиным еще в 2018 г., актуализирует пересмотр мер социальной политики и поиск новых критериев определения ее адресатов, на чем в последние годы сосредоточено не только научное сообщество, но и представители власти на местах, которые принимают непосредственное участие в ее реализации. По этой причине, представляя широкому кругу читателей результаты нашего анализа, мы не могли обойти стороной сюжеты соотношения бедности и социального неблагополучия, оцениваемого по жизненным шансам и рискам. В данной главе мы сконцентрируем свое внимание именно на сравнении нижней страты, выделяемой по показателям интегрального Индекса ЖШиР, и группы бедных, выделяемых в соответствии с основным теоретико-методологическим подходом к бедности, используемым в России в рамках государственной социальной политики.

Однако для начала кратко напомним суть базовых теоретических подходов к бедности. В научной традиции присутствуют и широко используются три фундаментальные концепции бедности – абсолютная, относительная и субъективная. Согласно логике **абсолютного** подхода, бедные – это группа лиц, чьи дохо-

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Слободенюк, 2019а].

ды очерчиваются экспертно заданной границей, называемой «прожиточным минимумом». Он отражает стоимостную оценку определенного набора продуктов питания, товаров длительного пользования, одежды и ряда услуг, т.е. потребительскую корзину, необходимую для поддержания минимально приемлемого уровня жизни, падение ниже которого недопустимо по тем или иным причинам – начиная от экономической нецелесообразности и заканчивая соображениями гуманности и солидарности. Формируемая согласно такой логике черта бедности может видоизменяться (т.е. набор товаров и продуктов в ней может расширяться или сужаться под влиянием внешних обстоятельств: наличия или отсутствия военно-политических конфликтов, объемов доступных бюджетных средств, поставленных государством или международными организациями целей и задач и т.д.[2]). В Российской Федерации чертой бедности со времен перестройки и до января 2021 г. выступал именно этот показатель, величина которого устанавливалась региональными органами власти. Данный показатель рассчитывался отдельно для трех категорий населения – детей, взрослого населения и пенсионеров, так как продукты питания, одежда и услуги, которые им необходимы для поддержания минимального уровня жизни, значительно отличаются[3]. Именно прожиточный минимум выступал до начала 2021 г. инструментом оценки масштабов бедности в стране, а соотношение с ним уровня индивидуальных доходов – основанием для получения статуса «малообеспеченных» и, как следствие, различных видов поддержки со стороны государства. **Относительный** подход к бедности исходит из того, что стандарт жизни в разных обществах отличается, и то, что считается бедностью в одной стране, может быть вполне благополучным положением в другой. В логике относительного подхода в каждом обществе присутствуют «свои» бедные – те, кто не имеет возможности поддерживать минимально приемлемый уровень жизни, характерный именно для этой страны с ее особенными климатическими условиями, уровнем развития инфраструктуры, медицины

---

[2] Так, например, во времена НЭПа для нужд социальной политики использовался другой показатель – «физиологический минимум», который подразумевал значительно более скудный по своему наполнению набор товаров.

[3] Кроме трех вышеописанных нормативов, утверждался также и единый по региону «подушевой» прожиточный минимум, рассчитываемый исходя из соотношения в регионе домохозяйств разного состава, который мы и использовали в анализе.

и т.п. Борьба с бедностью этого типа реализуется через «подтягивание» уровня жизни наибеднейших членов общества к этому стандарту. При этом в рамках относительного определения бедности могут использоваться как монетарный подход, предполагающий выделение уровня доходов (чаще всего находящегося в диапазоне от 50% до 60% медианного для данной страны), при котором заведомо невозможно поддерживать типичный для нее уровень жизни[4], так и немонетарный подход к выделению бедных. Последний основан на учете лишений, нехарактерных для основной части населения в данной стране, и можно сказать, что выделенная нами нижняя страта является в этом смысле одной из версий выделения бедных в рамках такого депривационного подхода. При этом попадание в состав бедных в рамках этого подхода и их численность сильно зависят от того набора лишений, который используется для их выделения тем или иным экспертом. Наконец, **субъективный** подход, являясь в большей степени инструментом анализа социально-психологического самочувствия населения, трактует бедных как тех членов общества, которые сами считают себя бедными, вне зависимости от их реального материального положения.

Мы сфокусируемся далее на наиболее актуальной для России методике, ориентированной на анализ бедности «по доходам», последовательно сравнивая эту группу с выделенной нами нижней стратой. Однако для более глубокого понимания сущности состояния негативной привилегированности мы также приведем краткое сопоставление нижней страты с группой субъективно бедных. Соотношение нижней страты и относительно бедных (т.е. лиц со среднедушевыми доходами в домохозяйстве менее 0,75 медианы) представлено в ряде глав при анализе соотношения стратификации по жизненным шансам и доходной стратификации.

Эмпирической базой для сравнения послужил массив данных разных волн РМЭЗ НИУ ВШЭ. Выделение бедных «по доходам» методически было реализовано нами посредством сопоставления среднедушевых доходов в домохозяйствах с региональным про-

---

[4] Недавно российское правительство утвердило новую методику расчета прожиточного минимума [Федеральный закон..., 2020], которая следует относительной традиции определения бедности. Черта бедности с января 2021 г. рассчитывается как 44,2% от медианного значения среднедушевых доходов. При этом, однако, в методике сохранилось деление на три категории граждан – детей, пенсионеров и трудоспособных, для каждой из которых используется своя доля от этого денежного показателя, а также региональная дифференциация показателей.

житочным минимумом на душу населения, установленным на 4-й квартал соответствующего года[5]. Инструментом для выделения субъективной бедности был вопрос о самоидентификации индивидом своего положения на 9-ступенчатой «лестнице материального благосостояния», на нижней ступени которой располагаются самые бедные россияне, а на верхней, соответственно, богатые. Как субъективно бедных в рамках исследования мы рассматривали тех, кто поставил себя на три нижние ступени указанной «лестницы».

Как и в предыдущих главах, мы фокусируемся преимущественно на данных 2018 г., поскольку кризисы разной природы могут деформировать картину социального неблагополучия в России и его причин. Однако данные конца 2020 г. также приводятся в главе для оценки влияния пандемии на ситуацию в этой области.

Бедность и жизнь в условиях доминирования негативной привилегированности: соотнесение феноменов

Согласно использованным методикам, в 2018 г. в России насчитывалось 14,3% бедных «по доходам», 38,2% субъективно бедных и 21,9% лиц с безусловным доминированием негативной привилегированности (представителей нижней страты по ИЖШиР)[6]. Осенью 2020 г. представители этих групп составляли 14,1%, 36,1% и 24,2% соответственно. Как видим, масштабы бедности к концу

---

[5] В качестве опорного был избран 4-й квартал, так как более 98% представителей репрезентативной выборки были опрошены именно в этот период. Данные о величинах прожиточных минимумов взяты из Интернет-ресурса «Прожиточный минимум», предоставляющего оперативные данные с указанием ссылок на все нормативные документы (см. подробнее URL: http://potrebkor.ru/index.html). В тех случаях, когда величина прожиточного минимума дифференцируется внутри регионов по территориальным делениям («зонам»), использовался тот показатель, который соответствует территориальной единице, в которой проводился опрос респондентов. Наша методология не учитывала состав домохозяйства и эффект экономии от его масштаба, так как региональный прожиточный минимум на душу населения учитывает типичные составы домохозяйств в регионе проживания.

[6] При расчетах использовались взвешенные данные. Как уже отмечалось в предшествующих главах, без взвешивания массивов РМЭЗ НИУ ВШЭ или при использовании массивов Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта цифра была больше и превышала четверть населения. Однако в любом случае численность нижней страты была больше числа бедных «по доходам» и меньше числа субъективно бедных.

2020 г. сохранились на прежнем уровне, что соответствует и официально опубликованным данным [ФСГС РФ, 2021]. Сдерживание роста официального уровня бедности было, по всей видимости, реализовано за счет усиления мер социальной политики в отношении уязвимых категорий населения, особенно семей с детьми [Черный лебедь..., 2021].

Соотношение численности разных групп бедных со стратами, выделенными по их жизненным шансам и рискам на основе показателей ИЖШиР, представлено в табл. 6.1.

Как видно из табл. 6.1, в составе нижней страты бедные «по доходам» составляют чуть более четверти (эта доля сохранилась на схожем уровне и в условиях 2020 г.), т.е. финансовое неблагополучие не является обязательным условием попадания в зону высоких рисков и лишений. Превалирование рисков над шансами встречается у россиян с совершенно разными доходами, хотя у бедных, вне зависимости от методики их выделения, шансы попасть в их число приблизительно в 1,5–2 раза повышены в сравнении с общестрановыми. Это можно проиллюстрировать и через сопоставление доходов представителей данных групп: медианные значения среднедушевых доходов у бедных «по доходам» составляли в 2018 г. 7 777 руб., в то время как у представителей нижней страты – 13 800 руб. (17 309 руб. в среднем по населению). При этом россияне, обладающие наиболее типичными для населения доходами (от 0,75 до 1,25 медианного значения по стране), составляют примерно половину состава нижней страты. Иными словами, «нормальный» уровень доходов может сопровождаться немонетарным неблагополучием и отклонениями от типичной нормы жизни.

Значимо сильнее связана нижняя страта с субъективной бедностью: более половины негативно привилегированных россиян (58,7%) ощущали себя бедными в 2018 г. (в 2020 г. – 53,9%). При этом, однако, зона пересечения этих групп охватывает лишь треть субъективно бедных. Иными словами, пребывание в зоне депри-

Таблица 6.1

Соотношение различных групп бедных со стратами, выделенными на основе ИЖШиР, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Группы	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Бедные «по доходам»	26,4	13,0	4,7
Субъективно бедные	58,7	37,6	18,7

вации и рисков в большинстве случаев влечет за собой ощущение своего аутсайдерского положения в обществе, хотя само по себе является далеко не единственной причиной такого субъективного самопозиционирования.

Если же посмотреть на соотношение этих групп с другой стороны и оценить доли представителей нижней страты в составе бедных «по доходам», а также субъективно бедных, то несовпадение этих групп оказывается не менее наглядным (табл. 6.2). Представители негативно привилегированной страты составляют около 40% от числа бедных «по доходам» (это подтверждается и данными 2020 г.). Иными словами, большинство бедных «по доходам», несмотря на низкий уровень текущих доходов, характеризуются, с одной стороны, возможностью поддерживать типичный для массовых слоев населения в целом стандарт жизненных шансов, и с другой – ограниченностью характерных для них рисков и депривиций. Таким образом, при любых попытках выделения бедных по монетарным признакам мы убеждаемся в том, что дефицит текущих доходов и пребывание в состоянии негативной привилегированности – разные социальные феномены.

Приведенное сопоставление позволяет также сделать вывод, что различные теоретико-методологические подходы позволяют выделить разные группы неблагополучных россиян. При этом еще раз отметим, что доля негативно привилегированных россиян заметно выше, чем доля бедных «по доходам». Это означает, что часть населения, формально не относящаяся по монетарным признакам к неблагополучному населению (и «выпадающая» в связи с этим из поля зрения государственной социальной политики), на самом деле находится в зоне неблагополучия по образу и качеству жизни. С другой стороны, более половины бедных «по доходам» имеет, как видно из данных, типичный для российского населения в целом образ жизни, что говорит о важности учета при оценке благополучия не только монетарных показателей, которые

Таблица 6.2

Доля страт, выделенных на основе ИЖШиР, в составе различных групп бедных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Страты	Бедные «по доходам»	Субъективно бедные
Нижняя	41,0	32,9
Средняя	52,4	57,0
Верхняя	6,6	10,1

могут быть ситуативны или излишне чувствительны к числу членов домохозяйства и т.д. При этом 6,6% бедных «по доходам» в 2018 г. вообще относились к группе с доминированием позитивной привилегированности в ключевых сферах их жизни, демонстрируя тем самым положение выше той социетальной нормы, которая сложилась в российском обществе (хотя в условиях пандемии соответствующая доля снизилась до 4,5%).

Еще один сюжет, который нужно упомянуть, сопоставляя различные подходы к выделению неблагополучных групп, это соотношение бедности по «доходам» и альтернативного подхода к анализу социальной структуры на основании комбинаций жизненных шансов и рисков, представленного в главе 5. Как было показано в этой главе, в российском обществе сформированы и устойчиво воспроизводят себя два нижних класса – «экономический» и «неэкономический». Напомним, что первый охватывает в основном низко- и среднеквалифицированных работников, занятых рутинным нефизическим или физическим трудом, которые в меньшей степени востребованы российской экономикой, легко взаимозаменяемы, слабо защищены с точки зрения их трудовых прав, имеют низкие доходы. Второй – неэкономический – объединяет в основном наиболее неблагополучную часть неработающих пенсионеров, положение которых в сложившихся в стране условиях не может быть скорректировано их собственными усилиями, а также основную часть неработающих трудоспособных. Соотношение двух нижних классов с бедностью «по доходам» схоже с таковым в нижней страте[7]. Так, лишь около четверти их представителей являлись в 2018 г. бедными «по доходам» (23,6%). Одновременно с этим нижние классы охватывают приблизительно половину (54,9%) бедных «по доходам». В большей степени с бедными «по доходам» пересекается «экономический» нижний класс, поскольку в «неэкономическом» классе выше доля пенсионеров, чьи доходы, как правило, выше прожиточного минимума (к этому сюжету мы еще обратимся ниже).

Далее сравним группы бедных «по доходам» и представителей нижней страты детальнее, что позволит лучше понять феномен социального неблагополучия в современной России.

---

[7] Оценка соотношения нижних классов с группами бедных приводится на основе данных ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Социально-демографический состав нижней страты и бедных «по доходам»

Начнем сравнение с базовых социально-демографических характеристик россиян, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, и представителей нижней страты (табл. 6.3).

Социально-демографические портреты выделенных групп сразу демонстрируют одну из ключевых особенностей методики выделения бедности «по доходам» – ее высокую чувствительность к размеру домохозяйства. Бедные «по доходам» чаще проживают в расширенных домохозяйствах (средний размер – 4,27 чел.); почти в двух третях случаев это домохозяйства с несовершеннолетними детьми в их составе. В нижней страте средний размер домохозяйств меньше (2,88 чел.), а нагрузка несовершеннолетними детьми ниже –

Таблица 6.3

Социально-демографический и социально-профессиональный состав бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., *чел. и %**

Показатели	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Размер домохозяйства, чел.		
Среднее значение	4,27	2,88
Возраст, %		
18–30 лет	28,7	16,8
31–40 лет	24,6	12,4
41–50 лет	20,5	16,5
51–60 лет	15,4	18,8
Старше 60 лет	10,8	35,5
Иждивенческая нагрузка домохозяйств детьми, %		
Лица, проживающие в семьях с несовершеннолетними детьми	63,7	26,7
Тип поселения, %		
Москва, Санкт-Петербург, центры субъектов РФ	22,2	32,1
Остальные города	20,9	25,4
Села и поселки городского типа	56,9	42,5
Здоровье пенсионеров, %		
Оценивают свое здоровье как «плохое» или «очень плохое»	32,0	44,5
Регулярно проверяют свое здоровье, даже если не больны	13,9	15,8

Примечание. *Фоном здесь и далее в главе выделены максимальные показатели по строке при условии, что разрыв в показателях больше величины статистической погрешности.

только четверть ее представителей проживают в домохозяйствах с детьми. Эти особенности связаны и с возрастным составом выделенных групп – бедность по доходам имеет более молодое «лицо», чем нижняя страта, хотя и в составе последней почти 30% составляют россияне в возрасте до 40 лет.

Возрастной состав выделенных групп во многом является следствием методологии определения бедности «по доходам». Повышение пенсионных выплат до величины прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания[8] статистически выводит подавляющее большинство пенсионеров из бедности «по доходам», хотя по немонетарным показателям их уровень жизни может быть объективно низок [Овчарова и др., 1998; Тихонова, 2003; Tikhonova, Slobodenyuk, 2015]. Согласно данным государственной статистики, в результате принятых мер в 2017 г. за чертой прожиточного минимума пребывали только 18,5% от общего числа всех неработающих пенсионеров[9]. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ дают схожие оценки. Пенсионеры могут попасть в зону бедности «по доходам» за счет еще более низких доходов других членов их домохозяйств – так, каждый второй пенсионер из группы бедных (52,5%) проживает в домохозяйстве, в котором один или несколько человек, находящихся в трудоспособном возрасте, не имеют работы, в то время как среди небедных таких всего 15,7%. Однако нужно отметить, что на попадание в нижнюю страту этот факт практически не оказывает влияния – различия по данному показателю среди представителей нижней, средней и верхней страты не превышают 6%.

Что же касается домохозяйств с детьми, то, как мы уже отмечали выше, для них более высоки риски монетарной бедности (23,3%)[10], чем негативной привилегированности (14,7%), причем для многодетных семей это проявляется еще ярче (50,3% против 23,5%). Этот факт также связан со спецификой выделения бедности по абсолютному подходу, чувствительному без учета коэффи-

---

[8] Подробнее см. на официальном сайте Пенсионного Фонда Российской Федерации (URL: http://www.pfrf.ru/grazdanam/pensionres/soc_doplata, дата обращения: 15 декабря 2019 г.)

[9] Подробную статистику, включающую риски попадания в бедность «по доходам» см. на официальном сайте ФСГС РФ (документ: «Распределение малоимущего населения по основным социально-экономическим группам», URL: https://www.gks.ru/folder/13397, дата обращения: 15 декабря 2019 г.)

[10] Повышенные риски бедности «по доходам» для семей с детьми – это важная проблема, устойчиво находящаяся в фокусе внимания как научного сообщества (см, например [Бирюкова и др., 2019; Овчарова, Попова, 2013; Овчарова, 2008; Овчарова и др., 2011]), так и государства.

циента эквивалентности к размеру домохозяйства. Таким образом, наличие детей хотя и приводит к снижению величины подушевого дохода в домохозяйстве, далеко не всегда означает при этом низкий уровень и качество жизни, о чем говорят в том числе и данные о доле представителей разных страт, проживающих в семьях с несовершеннолетними детьми, представленные в главе 3.

В этом вопросе наблюдается также обратная зависимость – женщины из негативно привилегированной группы менее склонны к рождению детей. Так, среди женщин моложе пенсионного возраста в нижней страте за 2014–2017 гг. рожали только 7,6%, в то время как среди бедных «по доходам» за этот период ребенок появился у каждой пятой. Отчасти это может объясняться и особенностями моделей брачности, распространенных в нижней страте: женщины моложе пенсионного возраста из ее состава реже проживают в официальном браке (34,6% против 45,1% среди бедных и 48,1% по женщинам в целом), чаще выбирают сожительство в гражданском браке (20,1%, против 15,4% среди бедных) и чаще разводятся (13,7% против 9,9% находящихся в бедности). Нестабильное семейное положение, являющееся следствием подобных моделей брачности, может приводить к отказу от рождения ребенка.

Две выделенные нами группы неблагополучных россиян различаются и в срезе пространственной локализации – бедность «по доходам» шире представлена в сельской местности (более половины бедных проживают в сельской местности), а представители нижней страты чаще проживают в городах, в том числе в трети случаев – в центрах субъектов Федерации. Иными словами, если низкие доходы – это в большей степени феномен, присущий сельскому образу жизни и большим домохозяйствам, то доминирование негативной привилегированности, наоборот, смещено в города и малочисленные домохозяйства.

В условиях пандемии все эти различия сохранились, хотя новый социально-экономический контекст все же внес некоторые корректировки в общую картину. Уже неоднократно упоминалось, что в этот период были значительно усилены меры социальной политики, направленные на поддержание семей с детьми и предотвращение их обеднения, однако их немонетарные возможности при этом все же ухудшились, и состав нижней страты пополнился, судя по изменению ее портрета, в том числе семьями с детьми. В результате доля россиян, проживающих в семьях с детьми, в составе бедных «по доходам» по отношению к 2018 г. не изменилась (63,0% в 2020 г.), в то время как в нижней страте

возросла с 26,7% в 2018 г. до 31,6% в 2020 г. Обе эти формы социального неблагополучия ярче проявились в данный период в крупных городах – так, в бедности «по доходам» доля жителей крупных городов возросла до 26,6%, а в нижней страте – до 36,2%. Однако в целом все выявленные различия оказались устойчивыми, что подтверждает их фундаментальный характер, не связанный с ситуационными внешними изменениями.

Социально-профессиональный состав и уровень образования также дифференцируют между собой представителей нижней страты и россиян с доходами ниже прожиточного минимума и позволяют четче прояснить портрет социальных «низов» в современном российском обществе (табл. 6.4).

Положение на рынке труда и связанный с ним, но не определяющий его напрямую уровень образования, – факторы, влияющие на попадание в зоны разных типов социального неблагополучия. Ранее, в главе 3, мы уже отмечали, что негативно привилегированные россияне характеризуются более низким уровнем образования, чем остальное население. Здесь же дополним, что к негативной привилегированности, как и к бедности, приводит ранний отказ от обучения. У россиян, не окончивших школу, в 1,6 раз выше риски оказаться среди бедных (23,5% из них бедны при 14,3% среди населения в целом) и в 2,5 раза выше риски попасть в состав негативно привилегированной страты (54,5% из тех, кто не окончил школу, оказываются в ее составе).

Эти особенности отражаются и на составах самих групп. Среди всех работающих представителей нижней страты моложе пенсионного возраста практически каждый третий не имеет полного школьного образования (30,0%), а высшее образование имеют лишь единицы (5,1%). Среди бедных заметно меньше не окончивших школу (19,0%), при этом в бедность нередко скатываются даже россияне с высшим образованием (15,1%). Эта тенденция наблюдается и в рамках единых возрастных групп, причем даже среди молодежи – так, среди молодых россиян (в возрасте от 18 до 30 лет) бросил школу как минимум каждый третий из нижней страты (34,1%), в то время как среди бедных таковых лишь четверть (24,9%). При этом профессиональное образование (высшее или среднее специальное) среди неработающей молодежи из нижней страты получали на момент опроса лишь менее пятой части ее представителей (11,3% учились в вузе, 7,5% – в техникуме), в то время как среди бедных они составляли практически треть – 18,4% и 12,5% соответственно).

Таблица 6.4

Социально-профессиональный состав бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Показатели	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Уровень образования		
Высшее	12,7	7,6
Среднее специальное	21,4	20,4
Полное общее среднее	43,3	38,5
Неполное среднее	22,5	33,5
Трудовая активность		
Всего работающих (в целом по группе – все возрасты), в т.ч.	38,7	34,9
среди лиц моложе пенсионного возраста	45,1	51,9
среди лиц пенсионного возраста	2,5	11,3
Профессиональный статус работающих		
Руководители разных уровней	3,9	0,5
Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, ученые, архитекторы, преподаватели и пр.), в т.ч. военнослужащие с высшим образованием	8,8	5,2
Иные работники нефизического труда (медсестры, воспитатели в детских садах, кладовщики, почтальоны и пр.), в т.ч. военнослужащие без высшего образования	18,0	13,6
Рядовые работники торговли и обслуживания (продавцы, кассиры и пр.)	23,7	22,4
Рабочие	45,5	58,2
Состав незанятых среди лиц моложе пенсионного возраста		
Временно неработающие, ищут работу	14,4	21,8
Временно неработающие, не ищут работу	31,4	33,3
Пенсионеры не по возрасту и неработающие инвалиды	9,3	19,1
Неработающие студенты вузов и ссузов	16,2	8,5
Неработающие, находящиеся в декретном отпуске / в отпуске по уходу за ребенком / занятые домашним хозяйством	22,6	15,4
Иное	6,1	1,9

Одним из факторов принятия решения о досрочном прекращении получения даже среднего образования среди молодежи из нижней страты выступает, видимо, жизненный опыт ближайшего окружения. Каждый третий представитель домохозяйств, в которых проживают негативно привилегированные молодые люди, в свое время бросил школу (34,0%), а до диплома о высшем образовании дошли среди них лишь единицы (3,0%). В то же время

среди членов домохозяйств бедной молодежи 14,0% окончили вуз, четверть – ПТУ (26,7%), а бросили школу лишь 17,3%, т.е. важным фактором раннего отказа от обучения у негативно привилегированных россиян выступает то, в какой семье проходила их социализация, какие установки и ценности были переданы им в семье.

Более низкий уровень образования представителей нижней страты приводит к специфике их положения в производственных отношениях. С одной стороны, доля трудоустроенных среди них даже выше, чем у тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума (51,9% лиц моложе пенсионного возраста[11] при 45,1% в группе бедных). С другой – в результате более низкого образовательного уровня представители нижней страты занимают рабочие места худшего качества, чем бедные россияне. Это проявляется сразу в нескольких аспектах. Во-первых, они чаще вынуждены соглашаться на тяжелый физический труд. Подавляющее большинство занятых в этой страте (61,1%) является представителями рабочих профессий, причем практически каждый третий из них (21,6% от занятых) – разнорабочий. Среди бедных доля рабочих ниже – 45,9%, и при этом разнорабочих в их числе также около трети (15,4% от занятых). Шансов занять в социально-профессиональной иерархии более высокие позиции руководителей или специалистов с высшим образованием у негативно привилегированных россиян практически нет (5,0%), в то время как минимум каждый десятый работающий бедный, не достигший пенсионного возраста – это представитель именно этих социально-профессиональных групп.

Отметим, что подобные различия связаны не только с возрастным составом выделенных групп – так, среди молодежи в возрасте 18–30 лет из нижней страты доля рабочих также высока (50,3%), что сильно отличает их от работающей молодежи из числа бедных «по доходам» (35,6%). При этом, однако, различия между неработающими пенсионерами из нижней страты и из числа бедных «по доходам» оказываются ниже: хотя первые чаще не получили даже общего образования, занимавшиеся ими в прошлом профессиональные позиции схожи с позициями бедных и смещены в сторону физического труда (половина неработающих пенсионеров в каждой из групп были до выхода на пенсию рабочими).

---

[11] Здесь и далее в данной главе, говоря о специфике занимаемых представителями разных групп рабочих мест, мы приводим данные по совершеннолетним россиянам моложе пенсионного возраста.

Во-вторых, условия труда и степень социальной защищенности у представителей нижней страты заметно хуже по сравнению с бедными, причем это проявляется сразу по ряду показателей. Несмотря на то, что уровень их заработной платы в целом выше (18 000 и 15 000 руб. соответственно) и она заметно реже оказывается ниже регионального прожиточного минимума (в 12,6% случаев при 20,3% среди бедных), они чаще получают ее «в конверте» (41,3% при 31,3% среди бедных). Кроме того, негативно привилегированные россияне чаще сталкиваются со случаями вынужденного сокращения размера заработной платы по инициативе работодателя (13,6% при 6,8% среди бедных).

Помимо проблем, связанных с заработной платой, представители нижней страты характеризуются более частым нарушением их трудовых прав и практически полным отсутствием у них на работе дополнительных льгот (табл. 6.5). Каждый четвертый работающий представитель нижней страты не оформлен на работе официально (24,7%), что среди бедных встречается заметно реже (14,0%). В меньшей степени охвачены представители нижней страты и возможностями получить (вообще или в полном объеме) оплату очередного отпуска, больничного листа или отпуска по беременности и родам. В целом, все три из перечисленных трудовых прав соблюдаются у трех четвертей работающих бедных и только у 60,0% представителей нижней страты, а не соблюдается ни одно из них у 15,3% и 27,4% соответственно.

Значительно реже бедных представители нижней страты получают и какие-либо дополнительные льготы от работодателя. Так, только каждый десятый имеет возможность обучения за счет предприятия, причем все остальные типы льгот встречаются у них еще реже. В целом, хотя бы какие-то льготы имеют лишь 18,1% из них при 31,8% среди бедных «по доходам» (табл. 6.5). Относительно более защищенное положение бедных по сравнению с негативно привилегированными частично объясняется тем, что практически каждый второй бедный трудоустроен на государственных предприятиях или предприятиях с государственным участием (44,6%), в то время как в нижней страте таких лишь четверть (28,4%).

Такое неблагоприятное положение на работе у представителей нижней страты в целом неудивительно, поскольку эта сфера являлась одной из четырех ключевых, ситуация в которых оценивалась при построении интегрального индекса шансов и рисков. Однако яркие различия с бедными «по доходам» подтверждают, что именно представители нижней страты репрезентируют наи-

Таблица 6.5

Соблюдение базовых трудовых прав работников и дополнительные льготы на работе у бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., *%**

Права и льготы	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Права		
Оплата очередных отпусков	84,7	72,5
Оплата больничных листов	83,3	69,9
Оплата отпуска по беременности, родам и т.п.	75,2	60,5
Соблюдаются все эти трудовые права	*74,6*	*60,0*
Не соблюдается ни одно из трех перечисленных прав	*15,3*	*27,4*
Льготы		
Льготы в виде обучения за счет предприятия	16,7	10,1
Льготы в виде бесплатного или льготного питания, или оплаты питания	9,0	7,5
Льготы в виде частичной или полной оплаты путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	10,2	5,4
Льготы в виде дотаций на транспорт, оплаты проездных	6,2	5,2
Льготы в виде оплаты бесплатного лечения в ведомственных учреждениях, полная или частичная оплата в других мед. учреждениях	11,6	3,6
Льготы в виде оплаты мобильной связи, Интернета	2,3	1,6
Льготы в виде ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья	1,2	0,9
Льготы в виде бесплатного содержания детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	3,7	0,5
Льготы в виде оплаты арендуемого жилья	1,4	0,5
Имеют хотя бы какие-то льготы	*31,8*	*18,1*

Примечание. * Рассчитано для населения моложе пенсионного возраста.

более незащищенные социальные «низы» в современной России. Даже бедные находятся в этом отношении в более благополучном положении. При этом субъективные оценки своего положения на рынке труда у двух этих групп оказываются схожими и достаточно негативными: они чаще остальных россиян не удовлетворены своей ситуацией на работе (14,8% и 14,0% при 9,0% в среднем по работающим моложе пенсионного возраста), и в большинстве своем к тому же боятся ее потерять (70,5% и 69,6%), так как более половины в каждой из этих групп уверены, что не смогут найти работу не хуже нынешней (52,2% и 51,5%).

Если же говорить об особенностях незанятости среди выделенных групп, то она формирует их портреты еще в большей степени, чем различия положения на рынке труда среди работающих, так как более 60% представителей каждой из групп не имеют работы (65,1% в нижней страте и 61,3% бедных). Все же причины незанятости у россиян из состава нижней страты и у бедных «по доходам» сильно различаются: для первых это, прежде всего, выход на пенсию (57,0% при 24,0% в бедности), в то время как для вторых – необходимость ухаживать за детьми или иными родственниками (22,6% при 15,4% в нижней страте). Однако выделенные группы оказываются схожи в том, что практически каждый третий незанятый в них не просто не работает, но и не планирует искать работу. В подавляющем большинстве случаев это жители сел (67,5% и 69,6% среди представителей нижней страты и бедных соответственно), структурные ограничения локальных рынков труда для которых оказываются дополнительным фактором, не позволяющим им выбраться из зоны как монетарного, так и немонетарного неблагополучия.

Все эти различия не утратили своей силы и в социально-экономических реалиях пандемии: практически все изменения характеристик, приведенных в табл. 6.4, оказались в пределах статистической погрешности, потому отметим лишь значимые. Во-первых, в ходе расширения нижней страты за счет, видимо, более благополучных ранее россиян в ее составе за период 2018–2020 гг. снизилась доля лиц с неполным средним образованием (до 28,0%) и приросла доля работающих – как в целом по группе (до 42,8%), так и среди трудоспособного населения (до 59,4%). Во-вторых, произошло практически двукратное сокращение числа незанятых, отказывающихся от поиска работы (до 18,1% в обеих группах), и рост числа тех, кто находится в активном поиске работы (до 17,9% в группе бедных и 29,9% в нижней страте). По всей видимости, такая активность стала реакцией на ухудшение ситуации с занятостью и попыткой поиска путей поддержания положения в условиях дальнейших ожидаемых ухудшений. В-третьих, наблюдался рост числа незанятых «по иным причинам» (в большинстве своем это россияне, чья деятельность носит неопределенный характер) – в обеих неблагополучных группах их число приросло двукратно, составив к 2020 г. 11,0% среди бедных и 3,8% в нижней страте. Все эти изменения скорректировали портреты групп, но не изменили характер различий между ними.

Специфика жизненных шансов и рисков бедных и представителей нижней страты

Завершая сравнение двух выделенных групп, обратимся к особенностям их повседневности через призму отдельных индикаторов, использованных для построения Индекса ЖШиР. Мы уже давали общую характеристику положения в разных сферах жизни представителей нижней страты по сравнению со средней и верхней (см. главу 3), теперь остановимся на этом подробнее. Выше уже отмечалось, что показатели негативной привилегированности можно рассматривать как признаки депривации в четырех анализируемых жизненных сферах, так как, согласно разработанной методологии, они характеризуют отклонение от социетальной нормы. Неудивительно, что все эти признаки достаточно широко представлены в повседневной жизни нижней страты, поскольку именно этот набор показателей использовался при построении Индекса жизненных шансов и рисков; высокая распространенность рисков и отличает положение нижней страты от средней и верхней страт. Однако в контексте тематики данной главы важно обратить внимание, что все риски в большей степени характерны для положения нижней страты, нежели для бедных «по доходам». Из немонетарных деприваций, использованных при анализе, бедных в большей мере затрагивает только проблема плохих жилищных условий, но даже в этом отношении положение негативно привилегированной группы россиян оказывается лишь немногим лучше (табл. 6.6).

Что же касается других типов лишений, то они в заметно большей степени характерны для представителей нижней страты, жизнь которых можно охарактеризовать как действительно проходящую в условиях многомерной депривации. В то же время бедные «по доходам», даже при объективной нехватке текущих денежных средств, в меньшей степени подвержены отклонению от типичной для российского населения «нормы» в отношении ситуации на работе, возможностей, связанных с человеческим капиталом, и даже в отношении потребления и досуга или экономических условий жизни. Дифференциация между ними и нижней стратой в наибольшей степени заметна в отношении отсутствия доступа к цифровым технологиям, наличия неэластичных текущих расходов, а также суженного стандарта предметной среды в домохозяйстве. Различия по доле испытывающих каждое из этих лишений оказываются между выделенными группами двукратными. Таким образом, хотя по сравнению со средним россиянином бедные

Таблица 6.6

Признаки негативной привилегированности у бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г.*, %

Признаки негативной привилегированности	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Экономические условия жизни		
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	19,1	19,9
Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств	15,1	29,3
Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	14,4	13,5
Ситуация на работе		
Неблагоприятные условия занятости	4,0	5,6
Несоблюдение на работе законодательства	8,2	13,9
Риски длительной безработицы	19,2	23,0
Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала		
Недоступность необходимого образования	46,6	62,6
Вероятность значимого ухудшения здоровья	21,1	25,9
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни	32,0	60,0
Особенности потребления и досуга		
Суженный стандарт предметного потребления	23,9	52,2
Плохие жилищные условия	40,1	36,1
Наличие пищевых депривaций	26,0	34,3

Примечание. *Из значимых отличий по данным 2020 г. отметим двукратное увеличение в составе нижней страты доли тех, кто был вынужден соглашаться с неблагоприятными условиями занятости, а также сокращение в обеих группах числа тех, кто испытывал пищевые депривации (до 18,5% в группе бедных и до 27,9% в нижней страте).

в большей степени страдают от характеризующих их жизнь рисков, однако их положение все же гораздо лучше, чем у представителей нижней страты. Последние могут иметь более высокие текущие доходы, но испытывать при этом бóльшие лишения в разных сферах жизни, чем даже бедные.

Что же касается тех возможностей, которые формируют повседневность двух выделенных нами неблагополучных групп, то и в этом отношении бедные оказываются в сравнительно лучшем положении, чем представители нижней страты (табл. 6.7). Хотя в отношении экономических условий жизни и ситуации на работе наличие каких-либо жизненных шансов из числа вошедших в наш анализ нехарактерно для представителей обеих групп, различия между ними очень заметны в сфере возможностей сохранения и

Таблица 6.7

Признаки позитивной привилегированности у бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г.*, *%*

Признаки позитивной привилегированности	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Экономические условия жизни		
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	4,8	2,5
Наличие иной недвижимости (при условии одновременного наличия автомобиля)	6,0	2,8
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	0,8	0,6
Ситуация на работе		
Наличие ресурса влияния на работе	7,3	1,4
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	2,2	0,7
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	5,0	1,4
Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала		
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	47,3	13,8
Возможность использовать сравнительно лучшие, чем гарантированные государством формы заботы о здоровье	11,8	6,8
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	46,1	19,0
Особенности потребления и досуга		
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	14,6	3,0
Особая комфортность жилищных условий	20,1	26,1
Хорошие возможности проведения отпуска	4,0	0,8

Примечание. * Ситуация пандемии внесла несколько изменений в эту картину. Во-первых, в обеих группах в разы сократилась и без того малая доля тех, кто имел дополнительные социальные блага на работе (до 1,7% в группе бедных и до 0,5% в нижней страте). Во-вторых, представители обеих зон неблагополучия пострадали от изменений в сфере образования – доля позитивно привилегированных по возможности использовать социально привлекательные виды образования сократилась до 22,4% среди бедных и до 9,0% в нижней страте. В-третьих, в обеих группах сократилась доля тех, кто мог обеспечить себе расширенное стилевое потребление (до 7,1% среди первых и 1,6% среди вторых). В-четвертых, бедные лишились возможностей по организации отдыха вне дома, что сблизило их с представителями нижней страты (эта возможность сохранилась лишь у 0,3% представителей обеих групп). Все эти изменения, как видим, в целом свидетельствовали об ухудшении положения представителей обеих зон неблагополучия под влиянием новых социально-экономических условий.

наращивания человеческого капитала[12]. Бедные россияне в значительно большей степени обладают этими возможностями, чем представители нижней страты, – более 45% их имеют развитые навыки существования в цифровой среде и могут использовать платные образовательные услуги для детей или взрослых. Учитывая, что бедные в большей степени сосредоточены в сельской местности, такие различия тем более симптоматичны.

Несколько под иным углом зрения позволяют взглянуть на возможности и риски представителей двух этих групп имеющиеся у них ресурсы. В следующей главе будет представлен детальный анализ ресурсообеспеченности россиян в целом и представителей трех выделенных страт в частности. Здесь же мы лишь очень кратко остановимся на этом сюжете, выделив важные для понимания различий представителей нижней страты и бедных моменты[13]. Так, если говорить об экономическом ресурсе, и, в частности, о такой его компоненте, как предметная среда, то бедные отличаются более благополучным положением в этом отношении, нежели представители нижней страты. При этом важно, что более высокий уровень обеспеченности товарами длительного пользования формируется прежде всего не за счет минимального базового набора, совпадающего и для этих групп, и для населения в целом (холодильник, телевизор, пылесос, стиральная машина, мобильный телефон), но за счет более сложной техники, в том числе цифровой (компьютеры, смартфоны, планшеты), а также автомобилей – т.е. тех товаров длительного пользования, которые обеспечивают разные жизненные возможности в сферах досуга, самообразования и т.п. В отношении наличия недвижимого имущества различия между двумя выделенными группами при этом невелики, хотя бедные чуть чаще владеют дачами (22,7% при 18,8% среди нижней страты) или даже вторым жильем (2,1% при 0,9%).

Если говорить о других компонентах экономического ресурса, то обращает на себя внимание меньшая доля имеющих пенсии и пособия в числе основных источников дохода среди бедных (40,7%), чем среди негативно привилегированных россиян (50,0%),

---

[12] В отношении особенностей потребления и досуга бедные отличаются при этом чуть большими возможностями расширенного товарного потребления, в то время как нижняя страта – более комфортными жилищными условиями.

[13] Здесь и далее оценка ресурсообеспеченности бедных «по доходам» и представителей нижней страты приводится на основании данных 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

что отражает разницу в их составе. При этом доля имеющих среди основных источников доходов разовые или временные приработки в этих группах совпадает, что сближает их в плане избираемых адаптационных стратегий. Что касается кредитов и сбережений, то в этом отношении положение бедных оказывается сравнительно хуже: долговая нагрузка распространена среди них в большей степени, чем среди нижней страты (57,3% против 49,8%) при одинаково низком уровне имеющих хотя бы какие-то сбережения (15,3% в обеих группах). Однако меньшая распространенность долговой нагрузки не меняет факта худшей обеспеченности представителей нижней страты экономическим ресурсом.

Нужно сказать, что и по другим типам ресурсов положение нижней страты оказывается более неблагополучным, чем положение бедных. Так, даже в физиологическом ресурсе различия между ними очень заметны: среди представителей нижней страты 16,6% официально имеют группу инвалидности и 74,5% имеют хотя бы одно хроническое заболевание, в то время как среди бедных аналогичные доли составляют 5,6% и 57,1% соответственно. Выше мы уже отмечали и различия в уровне образования, определяющего специфику квалификационного ресурса представителей двух этих групп. Наконец, объем социального ресурса у представителей нижней страты также более низкий – 63,6% из их числа не имеют возможности обратиться к родственникам или знакомым для получения помощи в решении тех или иных жизненных проблем (среди бедных таких тоже более половины, но их доля все же несколько ниже – 57,6%).

В этой связи уже не так удивительно, что даже при более низком уровне текущих доходов, выталкивающем их за черту монетарного неблагополучия, представители бедных «по доходам» лучше оценивали динамику материального положения своего домохозяйства не только в сравнительно «спокойные» годы (16,4% говорили в 2018 г. о его улучшении в последний год при 11,8% в нижней страте), но даже в сложных условиях пандемии (11,5% и 8,7% соответственно), см. табл. 6.8. Более оптимистично бедные смотрят и в будущее: так, 30,5% из них в 2018 г. ожидали, что в следующем году они будут жить лучше – при лишь 17,0% среди представителей нижней страты.

Таблица 6.8

Оценка динамики положения своего домохозяйства бедными и представителями нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Показатели динамики	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
Динамика материального положения за последний год		
Улучшилось	16,4	11,8
Без изменений	48,6	56,8
Ухудшилось	34,9	31,3
Оценка положения через год		
Будут жить лучше	30,5	17,0
Ничего не изменится	53,8	63,8
Будут жить хуже	12,8	19,3

Выводы

Оценка неблагополучных нижних слоев в социальной структуре современного российского общества может проводиться на основе теоретико-методологических подходов, разработанных для различных целей и высвечивающих разные аспекты социального неблагополучия. Сопоставление двух групп – бедных «по доходам», выделенных на основании официально используемого в России прожиточного минимума, и нижней страты, характеризующейся доминированием негативной привилегированности по разработанному нами Индексу жизненных шансов и рисков, позволяет получить комплексный портрет зоны социального неблагополучия российского общества.

Эта зона оказывается не только заметно шире бедности «по доходам», но и имеет специфический характер, определяющийся далеко не только недостаточностью текущих доходов. Несмотря на то, что часть представителей нижней страты характеризуется уровнем доходов, который не позволяет формально отнести их к бедным, именно эта группа отличается целым рядом особенностей, позволяющих рассматривать ее в качестве реальных социальных «низов» в общей структуре современного российского общества. Эти особенности проявляются в специфике моделей образования, занятости, брачности и деторождения. Можно говорить и о том, что в нижней страте уже запущены и процессы социального воспроизводства, закрепляющие эту специфику. Что же касается бедных «по доходам», то, несмотря на объективно тяжелое поло-

жение с точки зрения текущих доходов, по ряду аспектов они, тем не менее, имеют возможность поддерживать тот жизненный стандарт, который свойственен населению в целом (что недоступно для нижней страты). В этом контексте неудивительно, что с субъективной бедностью в большей степени коррелирует именно неблагополучное положение в социальном пространстве рисков и шансов, нежели нехватка текущих доходов.

Что касается состава двух основных из сравнивавшихся групп, то в бедности «по доходам» сегодня могут оказаться даже россияне с высшим образованием, занимающие сравнительно устойчивые позиции на рынке труда, в том числе за счет занятости на государственных предприятиях. В бедность их вытесняет либо низкий уровень заработных плат, либо необходимость содержать других родственников. Зона же негативной привилегированности объединяет россиян, которые в раннем возрасте бросают обучение, оказываются неконкурентоспособными на рынке труда и занимают не просто низкооплачиваемые, но и социально незащищенные позиции. С учетом того, что их ресурсообеспеченность в целом низка, а немонетарные риски, характеризующие их положение, высоки и многомерны, охватывая одновременно разные сферы жизни, их неблагополучие имеет комплексный характер. Следовательно, борьба с этим неблагополучием исключительно монетарными мерами (акцент на которых обычно делается в государственной политике при решении задач сокращения бедности) не сможет быть эффективной, а для сокращения зоны социального неблагополучия в современном российском обществе потребуются новые подходы.

Раздел 2
ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 7. Ресурсы и специфика повседневной жизни представителей разных страт

В Разделе 1 данной монографии мы рассмотрели теоретико-методологические предпосылки нашего исследования, некоторые особенности распределения неравенств в современном российском обществе, а также специфику модели его стратификации, построенной с учетом соотношения жизненных шансов и рисков у представителей различных структурных позиций. Теперь обратимся к конкретным особенностям жизни разных страт и начнем этот анализ с краеугольного вопроса – о ресурсообеспеченности их представителей.

Вопрос о том, какие именно ресурсы влияют на место человека в системе экономических отношений настолько, что сказываются и на его месте в социальной иерархии, уже несколько десятилетий волнует ученых, работающих как в русле ресурсного подхода к стратификации [Grusky, 2001; Sorensen, 2000; Авраамова, 2002а, 2002б; Бурдье, 2002; Кастельс, 2000; Радаев, 2003; Тихонова, 2006 и др.], так и в рамках более традиционных версий исследований социальной структуры [Breen, 2005; Chan, Goldthorpe, 2007; Erikson R., Goldthorpe, 1992; Goldthorpe, McKnight, 2006; Savage & al., 2013; Wright, 1997]. При этом постепенно список этих ресурсов в литературе расширяется, в том числе – и за счет тех особенностей социальных групп, которые раньше не рассматривались как детерминанты места в стратификационной иерархии (например, личностные особенности или здоровье человека).

В целом список ресурсов, значимых для успешности индивидов в социуме вообще и для определения их структурных позиций

в частности, приобрел в ходе как теоретического, так и эмпирического анализа данной проблемы к настоящему времени следующий вид:

- *Экономический ресурс* во всех его традиционных видах (деньги, бизнес, недвижимость и т.д.);
- *Квалификационный ресурс*, включая образование и навыки, т.е. человеческий капитал;
- *Социальный ресурс* (включенность в сети социальных связей разного качества, поскольку их члены, в свою очередь, обладают различными по объему и структуре ресурсами разных видов);
- *Властный ресурс* (существующий в разных видах – от политического ресурса до автономности труда);
- *Символический ресурс*, связанный с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в определенном сообществе;
- *Физиологический ресурс* (здоровье, трудоспособность, стрессоустойчивость и т.п.);
- *Культурный ресурс*, выступающий результатом социализации в определенных условиях и обусловливающий понимание «правил игры», существующих в определенном сообществе, а также освоение существующих в нем продуктивных норм, ценностей и установок;
- *Личностный ресурс* (трудовые мотивации, инициативность, ответственность, креативность, исполнительность и т.д., включая так называемые «мягкие навыки»).

Ключевыми среди этих ресурсов, как уже было показано на эмпирических данных для разных обществ, в том числе и для России [Тихонова, 2014; 2019а], являются применительно к массовым слоям населения экономический, властный, квалификационный, социальный и личностный ресурсы, а также здоровье как базовый компонент физиологического ресурса. Соответственно, далее мы остановимся подробнее именно на них, хотя культурный ресурс представителей разных страт мы также вкратце упомянем. Символический же ресурс практически отсутствует у массовых слоев населения, поэтому его мы касаться не будем. Отдельным аспектом нашего анализа выступит и материальная сторона повседневной жизни представителей разных страт, т.е. те вещественные элементы их повседневной жизни, которые используются ими обычно для потребления, но при необходимости могут быть использованы

и для продажи, сдачи в аренду или получения доходов другими способами.

Эмпирической базой анализа в данной главе выступили данные 8-й волны общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенной весной 2018 г. В отдельных случаях использовались также данные 11-й и 12-й волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН 2020 и 2021 гг.

Обеспеченность представителей различных страт экономическим ресурсом

Обеспеченность представителей трех рассматриваемых страт экономическим ресурсом различается очень заметно. Так, среди представителей верхней страты большинство имеет довольно высокие среднедушевые доходы (у 66,1% среди них в 2018 г. они составляли более 125% от медианных доходов в их типах поселений). При этом предпринимателями, имеющими наемных работников, даже в верхней страте является очень небольшая ее часть (1,4%), хотя о наличии у них какого-либо бизнеса, под которым россияне часто имеют в виду обычные приработки, члены этой страты говорят в разы чаще. У представителей средней страты среднедушевые доходы сравнительно редко (35,7%) превышают 125% страновой медианы, однако и представителей глубокой бедности (т.е. имеющих среднедушевые доходы не более 50% поселенческой медианы) в данной группе мало (6,7%). Что же касается нижней страты, то уровень среднедушевых доходов в ней чаще всего (81,7%) не превышает 125% от медианы. Что же касается наличия собственного бизнеса, то доля его обладателей и в средней (1,3%), и особенно в нижней (0,3%) стратах исчезающе мала.

Основным источником доходов домохозяйств во всех стратах чаще всего выступает заработная плата (табл. 7.1).

Как видно из табл. 7.1, для представителей нижней страты характерно присутствие в составе основных доходов их домохозяйств разного рода трансфертов от государства и разовых или временных приработков. Для верхней же страты в большей степени, нежели для двух других, характерны доходы от основной занятости и доходы от собственности (хотя последние мало распространены и в ней). Малозначимы в ней государственные трансферты и особенно доходы от подсобного хозяйства.

Таблица 7.1

Основные источники доходов домохозяйств из разных страт, 2018 г., %*

Источники доходов	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Доходы от занятости по найму				
Заработная плата	73,0	79,0	89,8	*79,4*
Разовые или временные приработки	22,2	15,8	14,6	*17,5*
Совместительство	4,8	5,3	7,5	*5,6*
*Доходы от занятости не по найму***				
Подсобное хозяйство (на даче или приусадебном участке)	16,1	13,2	9,6	*13,3*
Собственный бизнес	1,1	2,3	4,6	*2,4*
Доходы от имеющихся активов				
Доходы от собственности, в т.ч. от сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам и т.п.	2,3	2,2	7,3	*3,2*
Трансферты				
Пенсии, пособия и т.п. выплаты от государства	50,0	42,3	24,6	*41,1*
Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей и т.п.	10,1	10,2	9,0	*10,0*

Примечания. * В таблице приведены только те источники доходов, которые сами респонденты относили к числу основных. Это означает, что они могли получать продукцию от подсобного хозяйства, помощь от внешних источников и т.п., но не указывать их в числе основных источников доходов домохозяйства, так как соответствующие доходы не оказывали значимого влияния на их финансовое положение. Светлым фоном выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на 3%, а темным фоном – меньше средних по массиву на ту же величину.

** И доходы от подсобного хозяйства, и доходы от собственного бизнеса являются обычно для представителей массовых слоев населения доходами от самозанятости, а не классической предпринимательской деятельности. С другой стороны, они отличаются по ряду сущностных признаков от занятости по найму, поэтому мы выделили их в таблице в особую группу.

Однако это не означает, что в верхней страте нет возможностей для использования подсобного хозяйства в целях получения дополнительных доходов. Наоборот, именно в верхней страте чаще всего концентрируются предоставляющие такую возможность материальные активы, т.е. участки земли в разных их формах, особенно в виде дач (рис. 7.1). Низкая распространенность доходов от подсобного хозяйства для ее членов поэтому – сознательный выбор в силу отсутствия объективной необходимости использовать этот источник доходов.

Для верхней страты вообще характерно наличие в собственности разного рода недвижимости (43,2% ее членов имели весной

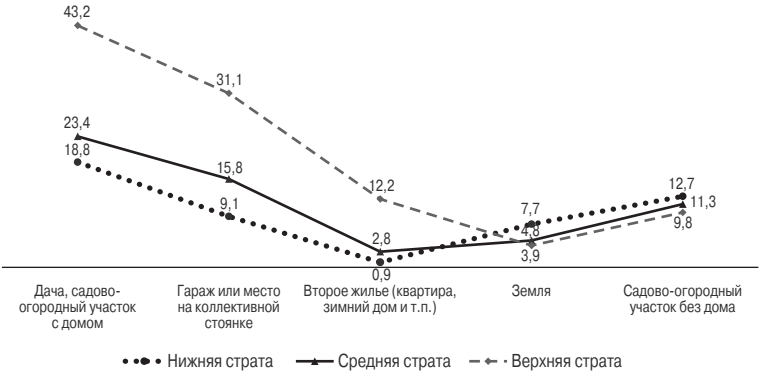


Рисунок 7.1

Доля имеющих различные виды недвижимого имущества в собственности среди представителей различных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

2018 г. загородный дом в виде дачи или дома на садовом участке, 31,1% – гараж или место на коллективной стоянке, 12,2% – второе жилье, пригодное для круглогодичного проживания). При этом есть виды недвижимости, в большей степени характерные для нижней страты и линейно убывающие по мере перехода к верхней страте, а есть и такие виды активов, которые, наоборот, в наибольшей степени характерны именно для верхней страты, и вероятность встретить которые по мере движения от нее к нижней страте убывает (рис. 7.1). К первым относится земля, в том числе и садово-огородные участки без дома. Ко вторым – дачи, садово-огородные участки с домом, гаражи, второе жилье.

Стоит подчеркнуть, что наличие активов, характерных для сельского образа жизни, не способно скомпенсировать типичный для сел более низкий уровень доходов. Более того – хотя в целом наличие в собственности земли характерно в большей степени именно для сельских жителей, однако это не значит, что все сельские жители имеют в собственности землю в виде земельных паев, приусадебных участков или в других формах. Начавшийся 30 лет назад процесс обезземеливания селян продолжался и в последние десятилетия. Так, среди сельских жителей имели в собственности землю в разных формах весной 2018 г. лишь 29,7%, хотя всего за 10 лет до этого, в 2008 г., таких было более чем в полтора раза больше – 46,4%[1].

[1] Данные общероссийского исследования ИС РАН «Малообеспеченные в современной России» (см Приложение В.1).

К числу характерных для сельских жителей экономических активов относится также скот. Ситуация с ним не так однозначна, как с землей. Во-первых, его примерно с одинаковой, хотя и с небольшой частотой (10–12%) можно встретить в селах у представителей разных страт. А во-вторых, по мере роста числа голов скота в хозяйстве вероятность оказаться в нижней и даже средней страте у его собственников сокращается. Среднее число голов скота в нижней страте составляло весной 2018 г. 2,61, в средней – 3,57, а в верхней – 9,74. Таким образом, в верхней страте имеющие скот относятся уже скорее к фермерам и производят мясо, молоко и т.д. на продажу. При этом такого рода «эффект масштаба» практически отсутствует для земли, поскольку и в нижней, и в верхней стратах средняя площадь находящихся в собственности их членов земельных участков практически одинакова (7,25 и 7,85 га соответственно).

Что же касается горожан, то типичные скорее для сельской местности активы встречаются и у них. При этом в крупных городах земля выступает в основном дополнительным признаком благополучия и чаще встречается у представителей верхней страты (10,9% при 8,4% в средней и 7,2% в нижней стратах), в то время как в райцентрах это скорее малоэффективный рудимент эпохи натурального хозяйства, и ее чаще можно встретить у представителей средней (12,2%) и нижней (16,5%) страт, чем у представителей верхней страты (10,6%). Благополучие, типичное для горожан, все еще описывается скорее формулой «дача, машина, квартира» – почти половина (45,5%) имеющих этот набор относится к верхней страте, причем доля его обладателей в ней была весной 2018 г. в разы больше, чем в двух других и составляла более трети (35,0%) при 14,1% в средней и 3,5% в нижней.

Отдельно стоит упомянуть при анализе экономического ресурса представителей разных страт и ситуацию со вторым жильем, традиционно рассматриваемым экономистами и социологами как признак благополучия. Отчасти это верно и для России, но лишь отчасти. Действительно, обладатели второго жилья в массе своей (58,5%) относятся к верхней страте, причем в наибольшей степени это характерно для Москвы и Санкт-Петербурга, где около трех четвертей обладателей второго жилья – это представители верхней страты. Однако и в средней, и даже в нижней страте имеет в собственности второе жилье также немалая их часть. При этом среди представителей нижней страты доля собственников второго жилья максимальна в селах (около четверти), а среди представителей

средней страты – в областных центрах (39,0%). Таким образом, проблема второго жилья выглядит в России очень неоднозначно – это может быть и способная приносить действительно ощутимый доход квартира в Москве, и выступающий скорее дополнительной финансовой нагрузкой, чем реальным экономическим активом, дом в умирающей деревне, доставшийся в наследство от родителей. В этом плане наличие дачи или садово-огородного участка с домом выступает гораздо более ярким индикатором благополучия, чем второе жилье, поскольку именно наличие дачи линейно связано с принадлежностью к той или иной страте во всех типах поселений (рис. 7.2). В наибольшей степени оно дифференцирует жителей двух столиц, однако и в других типах населенных пунктов связь этого типа имущества с уровнем благополучия прослеживается довольно отчетливо, причем средняя страта тяготеет в этом отношении скорее к нижней, чем к верхней страте.

В связи с характеристикой экономического ресурса представителей разных страт нельзя не остановиться также на ситуации с самым дорогостоящим у многих из них имуществом – жильем, в котором они проживают. Жилищные условия россиян по-прежнему в целом нельзя назвать хорошими. Пятая часть населения страны проживает в жилищах, где присутствуют не все основные коммунальные удобства (электричество, водоснабжение, канализация, центральное отопление), а у 2,9% ни одного из этих удобств весной 2018 г. вообще не было. Однако в разных стратах качество занимаемого жилья различалось. В целом по России не имели в тот момент основных

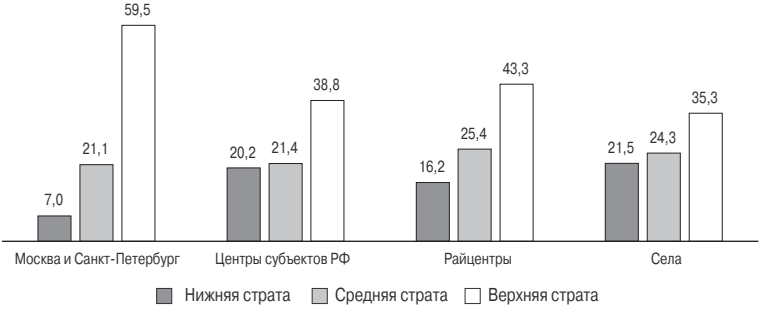


Рисунок 7.2

Доля имеющих в собственности дачи и садово-огородные участки с домом среди представителей разных страт в различных типах населенных пунктов, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

коммунальных удобств 8,4% в нижней страте и 0,8% в средней (для верхней страты это вообще было нехарактерно). При этом все коммунальные удобства имели 60,2% представителей нижней страты, 84,7% средней и 91,2% верхней страты.

Неравенство в оснащенности их жилищ коммунальными удобствами распределено по стратам на пространстве России неравномерно. Оно практически отсутствует в крупных городах, но очень ярко выражено в «малой России», т.е. малых городах и селах (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Оснащенность жилищ представителей разных страт основными коммунальными удобствами, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

*% от жителей соответствующих населенных пунктов**

Наличие основных коммунальных удобств	Страты			Поляризация, *разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Москва и Санкт-Петербург				
Имеют центральное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество	93,0	97,0	98,5	*1,06*
Имеют часть из них, но не все	7,0	2,6	1,5	*0,21*
Вообще их не имеют	0	0,4	0	—
Центры субъектов РФ				
Имеют центральное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество	89,9	96,2	96,5	*1,07*
Имеют часть из них, но не все	9,7	3,7	3,5	*0,36*
Вообще их не имеют	0,4	0,2	0	—
Райцентры				
Имеют центральное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество	59,1	84,2	90,9	*1,54*
Имеют часть из них, но не все	30,8	14,0	8,7	*0,28*
Вообще их не имеют	10,1	1,7	0,4	*0,04*
Села				
Имеют центральное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество	41,8	65,6	75,0	*1,79*
Имеют часть из них, но не все	45,8	33,7	25,0	*0,55*
Вообще их не имеют	12,4	0,8	0	—

Примечание. *Серым фоном выделены два максимальных показателя поляризации по всем населённым пунктам. Темным фоном и белым шрифтом выделены два максимальных показателя не имеющих никаких коммунальных удобств.

**Соотношение показателей в верхней и нижней стратах.

Если же говорить о метраже занимаемого жилья, то 15,5% населения России имели в 2018 г. менее 12 кв. м на человека[2] (в том числе 0,7% – менее 6 кв. м). Наиболее распространенный вариант проживания с точки зрения обеспеченности метражом при этом – 12–18 кв. м на человека; именно такая жилищная ситуация характеризует 29,0% россиян (рис. 7.3), хотя средний метраж, приходящийся на одного человека, даже в массовых слоях населения составляет сейчас в России почти 22 кв. м. В то же время ровно половина россиян имеет не более 18 кв. м на человека. Таким образом, как качество, так и размер жилья, влияющие на его стоимость и ликвидность, в большинстве случаев лишь соответствуют у россиян санитарным нормам и не позволяют рассматривать его как дополнительный актив «на черный день».

Обеспеченность россиян жильем определенного метража сильно различается в различных стратах. Так, среди представителей нижней страты более четверти (26,7% по состоянию на 2018 г.) имеют жилье, в котором на человека приходится менее 12 кв. м, при том, что в средней страте, задающей типичный стандарт жизни в нашей стране, таких вдвое меньше – 13,5%. В наиболее же благополучной страте этот показатель составляет лишь 3,8%. Максимальна доля тех, в чьих жилищах на человека приходится менее

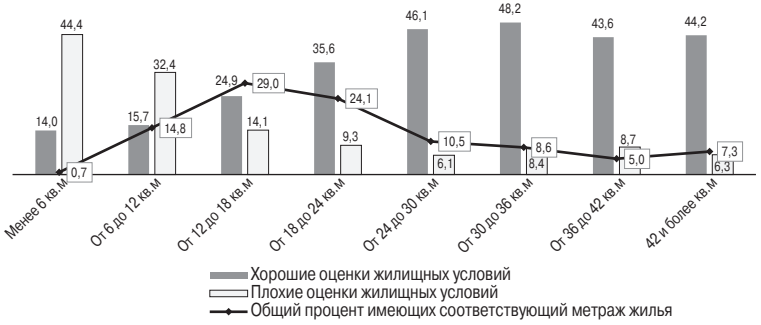


Рисунок 7.3

Доля россиян с различным метражом жилья в расчете на человека и оценка ими своих жилищных условий, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

[2] Это существенно, так как именно начиная с рубежа в 12 кв. м на человека у россиян начинает доминировать позитивное восприятие своих жилищных условий, в то время как у тех, кто имеет меньший метраж в расчете на человека, доминирует оценка их как плохих (рис. 7.3).

12 кв. м., в селах (табл. 7.3). Происходит это прежде всего за счет нижней страты – проживающие в селах ее представители почти вдвое чаще, чем даже в Москве и Санкт-Петербурге с присущей им дороговизной жилья (24,2% против 14,3%), характеризуются столь низкой обеспеченностью квадратными метрами. В то же время представители верхней страты в селах намного чаще, чем жители райцентров и, тем более, Москвы и Санкт-Петербурга из той же страты, обладают просторными жилищами – 32,2% их имеют жилища, в которых на человека приходится не менее 30 кв. м при том, что в Москве и Санкт-Петербурге таковых среди представителей верхней страты 15,7%, а в райцентрах – 27,0%. Если учесть также высокую дифференциацию оснащенности жилищ сельских жителей коммунальными удобствами, то можно говорить об очень высокой неоднородности жилищных условий сельских жителей в зависимости от их места в социальной иерархии и повышенной концентрации в сельской местности людей с различными проявлениями жилищной депривации. Так, среди живущих в селах представителей нижней страты лишь четверть имеет оснащенное коммунальными удобствами жилье площадью более 12 кв. м на человека, в то время как в столицах их в этой же страте более трех четвертей (78,6%) При этом среди представителей верхней страты в селах такое жилье имеют две трети 65,5%.

В целом же, как видно из приведенных данных, экономический ресурс россиян в плане имеющейся у них недвижимости очень невелик. Даже в верхней страте есть домохозяйства (3,1%), вообще

Таблица 7.3

Обеспеченность россиян из разных страт квадратными метрами в их жилищах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %*

Количество кв. м общей площади на человека в занимаемом жилье	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Менее 12 кв. м	26,7	13,5	3,7	*15,5*
12–18 кв. м	27,7	31,6	24,5	*29,0*
18–24 кв. м	18,9	25,1	29,1	*24,1*
24–30 кв. м	8,8	9,9	14,8	*10,5*
30–36 кв. м	7,4	8,9	9,7	*8,6*
36–42 кв. м	4,3	4,5	7,5	*5,0*
42–48 кв. м	2,4	2,3	3,8	*2,7*
Более 48 кв. м	3,8	4,2	6,9	*4,6*

Примечание. * Фоном выделены показатели, отличающиеся от средних по массиву более чем на 3%.

не имеющие в собственности никакой недвижимости, включая то жилье, в котором они проживают. Если же говорить о наличии какой-то дополнительной недвижимости (земля, дача, второе жилье и т.п.) плюс к занимаемому жилью, то доля не имеющих ее в верхней страте составляет почти треть (32,7%), а в средней и нижней стратах их уже большинство (54,7% и 59,0% соответственно).

Важным компонентом повседневного бытия россиян, а подчас и их экономического ресурса выступают не только их жилье или иные виды недвижимого имущества, но и имеющийся в их домохозяйствах набор движимого имущества – от автомобилей до мобильных телефонов. В целом этот набор сейчас довольно широк (табл. 7.4), и хотя пережитые за период с 2014 г. кризисы сократили обновление россиянами своего домашнего имущества, они все же не полностью парализовали этот процесс. При этом лидером по покупкам является различная цифровая техника – айфоны, смартфоны, планшеты, айпады. Это говорит о нацеленности большинства россиян на инновационные товары и об их растущей погруженности в цифровую среду. Второе место по популярности заняли в числе их покупок за последний год перед опросом 2018 г. товары, связанные с обновлением обычного домашнего имущества, – телевизоры, кухонная бытовая техника, пылесосы, стиральные машины. Их покупка в большинстве случаев является результатом необходимости в замене приходящей в негодность бытовой техники. Практически столь же часто, как товары этой группы, покупали россияне и мобильные телефоны, компьютеры и автомобили. Наименее же популярны были такие все еще экзотические для россиян товары, как посудомоечная машина или кондиционер. Однако в целом темпы обновления и расширения набора домашнего имущества в домохозяйствах россиян сейчас довольно низки – так, судя по темпам приобретения перед опросом 2018 г. соответствующих видов техники, обновление (даже без учета расширения круга их пользователей) компьютеров в домохозяйствах россиян должно происходить примерно раз в 20 лет, автомобилей – раз в 15 лет, холодильников – раз в 33 года и т.д. Это говорит об идущих одновременно процессах расширения спектра домашнего имущества россиян и деградации качества его наиболее «возрастных» составляющих.

Тем не менее, как видно из данных табл. 7.4, большинство россиян имеет сейчас довольно полный набор имущества – общее число видов разного рода техники в их домохозяйствах составляло по медиане в 2018 г. 10 из 16 замерявшихся в опросе (модальное

Таблица 7.4

Имеющиеся в домохозяйствах россиян виды товаров длительного пользования (ТДП), ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

*% (отранжировано по распространенности у населения в целом)**

Виды ТДП	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Холодильник	99,0	98,9	100,0	*99,1*
Телевизор цветной	97,7	98,6	99,6	*98,6*
Пылесос	83,5	93,1	97,6	*91,2*
Стиральная машина-автомат	79,4	94,9	98,6	*91,0*
Микроволновая печь, кухонный комбайн и др. мелкая кухонная техника	67,0	89,4	96,1	*84,2*
Компьютер, в т.ч. ноутбук	56,9	84,8	93,6	*78,3*
Мобильный телефон	82,0	74,3	68,4	*75,4*
Айфон, смартфон	44,7	68,4	89,1	*65,5*
Автомобиль, в т.ч.:	43,6	63,1	84,6	*61,6*
автомобиль-иномарка	17,9	38,2	69,6	*38,4*
отечественный автомобиль	28,3	30,7	24,1	*28,7*
Планшет, айпад	24,1	44,5	75,0	*44,5*
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	21,3	44,4	70,5	*42,7*
Антенна спутникового телевидения	34,4	41,8	50,0	*41,2*
Кондиционер	8,2	20,1	36,5	*19,9*
Посудомоечная машина	3,2	21,3	30,5	*12,7*

Примечание. *Фоном выделены ТДП, имеющиеся в домохозяйствах большинства членов соответствующей страты.

значение – 11 видов ТДП, среднее – 9,45). В большинстве домохозяйств присутствуют уже не только телевизор, холодильник, пылесос, стиральная машина и кухонная техника, входившие в «минимально нормальный» стандарт домашнего имущества также в начале 2000-х, но и автомобиль, компьютер, мобильный телефон, айфон или смартфон. Естественно, что по рассматриваемым стратам эти показатели сильно варьируются. Так, в нижней страте среднее число видов ТДП в домохозяйствах составляло в 2018 г. 7,75, медианное – 8, и 77,8% в ней не приобрели за год перед опросом ни одного нового предмета техники. В средней страте эти показатели достигали соответственно, 9,69; 9 и 66,6%. В верхней страте общее число видов разного рода техники составляло по медиане 11 из 16 учитываемых в опросе (среднее – 11,37). В то же время кри-

зис 2014–2016 гг. и последовавшая за ним рецессия сильно ударили и по этой страте – более половины в ней (51,2%) не приобрели в дом за год перед опросом вообще никакой новой техники.

Тем не менее нельзя не видеть, что предметная среда обитания россиян за последние 15 лет не просто качественно изменилась, но и что особенно сильные изменения претерпела распространенность всех видов компьютерной техники – компьютеры (в том числе ноутбуки), айпады и планшеты стали новой нормой жизни населения страны во всех слоях. При этом мобильные телефоны, которые пятнадцать лет назад были еще редкостью, не просто стали нормой жизни, но и дополняются или активно заменяются сейчас айфонами и смартфонами (рис. 7.4). Это, как и приоритеты покупок, отражает тот факт, что россияне все шире интегрируются в цифровую среду. В этих условиях сохраняющиеся различия не только в наличии в домохозяйствах из разных страт цифровой техники как таковой, но и в масштабах оснащенности ею, играют особую роль в сохранении неравенств между тремя рассматриваемыми стратами в их погруженности в «мир цифры».

Однако такой прирост домашнего имущества обошелся россиянам очень недешево и в прямом, и в переносном смысле. За ним стоит взрывной рост долговой нагрузки за счет бурного распространения в последние 15 лет потребительского кредитования. В итоге в 2018 г. доля имеющих те или виды долговой нагрузки составила свыше 40% населения (41,7%), хотя за 15 лет до этого, в 2003 г., ее имели всего 28,1%[3]. Причем долговая нагрузка была

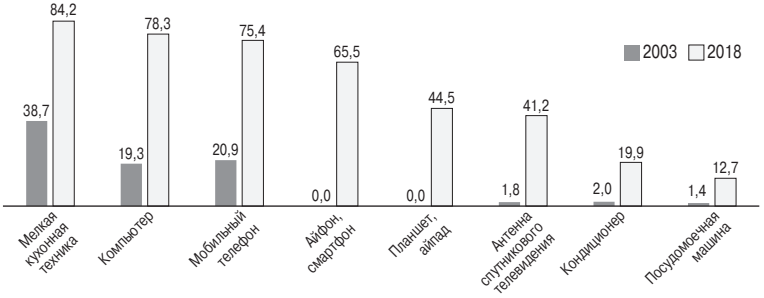


Рисунок 7.4

Динамика численности россиян, имеющих в собственности некоторые виды ТДП, ИС ФНИСЦ РАН, 2003/2018 гг., %

[3] Данные по 2003 г. приводятся по общероссийскому исследованию ИС РАН «Богатые и бедные в новой России» (см. Приложение В.1).

широко распространена в этот момент практически во всех стратах, хотя и в разной степени – ее имели 33,5% в верхней страте, 40,2% в средней и 49,8% в нижней. В нижней страте при этом реже всего встречались сбережения – 15,3% при 30,2% в средней и 54,1% в верхней страте. Таким образом, если нижняя страта с точки зрения ее финансовых активов характеризуется наличием долгов, то верхняя – наличием сбережений, причем зачастую довольно крупных: 23,2% ее представителей считали, что их сбережений хватило бы им при утрате всех источников доходов на то, чтобы прожить на них не менее года. В средней страте о наличии такого рода сбережений говорил лишь каждый двадцатый, а в нижней таких практически не было.

Таким образом, представители верхней страты имеют, в отличие от нижней и средней страт, серьезную экономическую «подушку безопасности». Высокой степени устойчивости материального положения большинства представителей верхней страты способствует и низкая кредитно-долговая нагрузка (у 66,5% из них нет никаких долгов), и отсутствие необходимости платить за аренду занимаемого жилья (у 92,4% оно в собственности), и наличие у большинства ее членов сбережений, а у подавляющего большинства – и постоянной работы. Неслучайно даже кризис 2014–2016 гг. мало сказался на ее представителях – лишь 2,5% в ней оценили ущерб от него как очень значительный, а 33,6% – как существенный. За 2017–2018 гг., т.е. после выхода из кризиса 2014–2016 гг., число тех, чье материальное положение улучшилось (23,8%), оказалось в ней больше, чем число тех, у кого оно ухудшилось (16,2%[4]), и такое соотношение характеризовало ситуацию только в этой страте, поскольку в двух других доминировало ухудшение положения в силу накопления эффекта недопотребления из-за снижения реальных доходов. Более того, как показали 11-я и 12-я волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, больший запас прочности позволил значительной части представителей верхней страты относительно успешно пережить и коронакризис.

Совсем иначе выглядит жизнь представителей нижней страты. Треть их не имеет постоянной работы, практически у каждого пятого нет собственного жилья. Подсобное хозяйство, которое гипотетически могло бы помочь им хотя бы с продуктами питания, в этой группе также есть сравнительно у немногих. Таким образом, представители нижней страты характеризуются не просто худ-

[4] У остальных оно не изменилось.

шим, но и гораздо менее устойчивым материальным положением, осложняемым наличием обязательных расходов на оплату долгов, отсутствием «подушки безопасности» в виде сбережений и осознанием плачевности своего будущего.

Обеспеченность представителей различных страт другими видами ресурсов

Мы подробно рассмотрели экономический ресурс представителей разных страт, так как именно с ним обычно ассоциируются ключевые различия в их ресурсообеспеченности. Однако на самом деле не менее яркими и значимыми являются и различия в обеспеченности их другими видами ресурсов, что отражается и на особенностях занятости их представителей. Так, занятость работающих из верхней страты характеризуется устойчивостью (95,0% их не просто работают на постоянной основе, но и официально оформлены в штат своей организации), см. табл. 7.5. Намного выше, как уже

Таблица 7.5

Особенности занятости представителей разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от работающих**

Особенности рабочих мест	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Особенности оформления отношений с работодателем				
Оформлены в штат на постоянной основе	58,3	85,1	95,0	*80,1*
Оформлены по временному письменному договору/контракту	24,8	10,0	2,7	*12,3*
Работают на основании устной договоренности	16,9	4,9	2,3	*7,6*
Работодатель обеспечивает:				
Своевременную выплату заработной платы	87,9	93,0	97,6	*92,7*
«Белую» зарплату	38,2	70,0	82,5	*64,3*
Оплату отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах	35,3	66,4	83,6	*61,9*
Оплату сверхурочных в случае наличия переработок	19,5	34,9	49,6	*34,1*
Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинскую помощь, питание, ссуды и т.п.)	1,2	4,2	10,7	*4,9*

Примечание. * Фоном выделены позиции, характеризующие большинство группы.

отмечалось в предыдущих главах, и их социальная защищенность в смысле соблюдения их трудовых прав.

Куда менее благополучной выглядит ситуация с занятостью у представителей средней и особенно нижней страт. Прежде всего, для работающих представителей нижней страты характерна вероятность оказаться в ситуации длительной (более 3-х месяцев) безработицы, многократно превышающая эту же вероятность для представителей верхней и даже средней страт. Так, среди работающих в нижней страте даже в относительно благополучном 2018 г. 31,9% имели опыт длительной безработицы за предшествующий год. В средней страте таких было 8,6%, а в верхней – всего 3,6%. Еще ярче различались в этих стратах доли тех, кому так и не удалось найти работу после длительной безработицы к моменту опроса – 6,1% в нижней, 1,2% в средней и 0,1% в верхней. При этом занятость работающих представителей нижней и средней страт предполагает рабочие места, значительно уступающие по своему качеству рабочим местам представителей верхней страты. Особенно это характерно для нижней страты, характеризующейся распространенностью непостоянной занятости, работой на основе устных договоренностей и слабой социальной защищенностью, что позволяет говорить о прекарной занятости как ее характерной особенности (на что обращалось внимание в главе 5).

Эта разница рабочих мест объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, это специфика сектора занятости представителей разных страт, а также тесно с ним связанная отрасль их занятости (табл. 7.6). Если в верхней страте более половины всех работающих заняты на государственных предприятиях, относящихся чаще к отраслям образования, здравоохранения, науки и культуры или к силовым структурам, а из рыночно ориентированных отраслей – к сфере финансов, страхования, маркетинга, консалтинга и т.п., то для нижней страты характерна занятость на предприятиях, созданных уже после реформ 1990-х. Отраслями же, где работают ее представители, выступают относительно чаще торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ, а также индустриальный сектор – промышленность, строительство и т.д. Это ощутимо сказывается и на уровне соблюдения прав работников (нарушаются они везде, но в разной степени и с разной частотой – в государственном секторе картина намного благополучнее).

Во-вторых, это размер предприятий, на которых работают представители разных страт (табл. 7.6). Для верхней страты характерна в основном занятость на крупных и средних предприятиях –

Таблица 7.6

Особенности предприятий, на которых работают представители разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от работающих**

Особенности предприятий	Страты			*В среднем по массиву*
	Нижняя	**Средняя**	**Верхняя**	
Форма собственности				
Государственное	**20,8**	37,9	**51,9**	*36,5*
Приватизированное	21,5	24,6	20,4	*22,8*
Вновь созданное частное (включая фермеров)	**44,7**	29,6	**22,0**	*31,9*
Иное (кооперативы, общественные организации, самозанятость и т.д.)	**12,9**	8,0	**5,7**	*8,8*
Численность работающих				
Менее 10 человек	**29,0**	16,8	**9,8**	*18,5*
От 10 до 50 человек	38,7	33,7	29,9	*34,2*
От 50 до 100 человек	16,4	24,3	24,0	*22,1*
От 100 до 1000 человек	**12,2**	17,9	**27,3**	*18,5*
Не менее 1000 человек	**3,7**	7,2	**9,0**	*6,7*
Отрасль				
Промышленность, энергетика, транспорт, строительство	49,1	39,0	28,8	*39,4*
Сельское и лесное хозяйство	**8,3**	4,1	**1,2**	*4,6*
Армия, правоохранительные органы, охранные и другие силовые структуры	**2,4**	4,7	**13,4**	*6,1*
Государственное или муниципальное управление	2,9	3,9	3,8	*3,6*
Торговля, включая оптовую и розничную, бытовое обслуживание, ЖКХ	26,2	20,1	14,5	*20,5*
Образование, здравоохранение, наука, культура	**8,7**	23,8	**28,8**	*20,9*
Информационные технологии и связь	1,2	1,6	2,1	*1,6*
Финансы, кредит, страховое дело, маркетинг, консалтинг и т.п.	**0,8**	2,5	**7,2**	*3,1*
Иное	0,4	0,3	0,2	*0,3*

Примечание. * Фоном выделены ячейки, показатели в которых больше среднероссийских на 5% и более. **Жирным шрифтом** в полярных стратах выделены показатели, различающиеся между собой не менее чем вдвое.

так, в 2018 г. 36,3% в ней работали на предприятиях с численностью работников от 100 человек и более, и еще 24,0% – на предприятиях, имеющих от 50 до 100 работников. Соответствующие показатели для нижней страты составляли всего 15,9% и 16,4%. Зато

в нижней страте втрое чаще (29,0% при 9,8% в верхней) можно встретить работающих на микропредприятиях с численностью менее 10 человек. Чаще встречается в ней и занятость на небольших предприятиях с числом работников от 10 до 50 человек.

Наконец, в-третьих, разница качества рабочих мест представителей разных страт связана со спецификой их профессиональных позиций, о которой уже упоминалось в ряде предшествующих глав применительно к данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. Прослеживается эта разница и на данных Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН. Представители верхней страты занимают преимущественно позиции высококвалифицированных специалистов (43,7% по состоянию на 2018 г.) и руководителей разного уровня (22,6%). Однако только этим разницу качества их рабочих мест, как и разницу рисков безработицы, объяснить нельзя. Так, например, в ситуации длительной безработицы оказывались перед опросом 2018 г. 40,6% работавших специалистов с высшим образованием в нижней страте, 9,4% – в средней и 1,0% – в верхней; по рабочим эти показатели составляли 31,5%, 9,1% и 4,5% соответственно. Согласно устной договоренности работали 18,0% рабочих из нижней страты, 3,3% – из средней и 2,3% из верхней. Полностью «белую» зарплату получали лишь 49,3% специалистов с высшим образованием из нижней страты при 81,7% из средней и 88,3% из верхней. Понятно, таким образом, что проблема не только в профессиональной структуре трех рассматриваемых страт, но и в специфике рабочих мест, которые занимают их представители с формально одинаковым рабочим статусом.

Столь заметная разница занимаемых представителями разных страт рабочих мест предопределяется прежде всего также уже упоминавшейся в предыдущих главах книги разницей в их квалификационном ресурсе. Квалификационный ресурс вообще является одним из ключевых ресурсов, заметно дифференцирующих страты по специфике занимаемых их членами рабочих мест, а население в целом – по месту в стратификационной иерархии. Понятие квалификационного ресурса у́же, чем понятие человеческого капитала [Becker, 1962; Mincer, 1958; Schultz, 1961], однако его ключевым компонентом также является общее число лет обучения. По этому показателю нижняя и средняя страты близки между собой, хотя в средней страте среднее число лет обучения все же несколько выше и в 2018 г. составляло 13,6 (и 13 лет по медиане), в то время как в нижней – 12,3 (и 12 лет по медиане). В верхней страте общее число лет обучения заметно выше и составляет 15,1 в среднем и 15 лет

по медиане. Естественно, что различается и уровень образования представителей трех рассматриваемых страт, о чем также уже говорилось в предыдущих главах. Поэтому здесь отметим лишь, что доля лиц с высшим образованием среди работающих представителей разных страт находилась в 2018 г. в диапазоне от 14,1% в нижней до 65,9% в верхней страте (при 33,4% в средней страте).

Однако не менее важен для оценки квалификационного ресурса представителей разных страт другой факт, о котором еще не упоминалось, – включенность в систему непрерывного образования, готовность к обновлению своих знаний после периода базового обучения. Если среди работающих представителей верхней страты за последние три года перед опросом 2018 г. в той или иной форме обновляли свои знания три четверти (72,1%) работающих, то в средней – уже лишь около половины (51,0%), а в нижней – треть (33,8%). Наибольшие разрывы в популярности различных форм обновления своих знаний среди работающих представителей разных страт были характерны для таких его форм, как прохождение повышения квалификации по своей специальности (32,4% в верхней страте при 7,7% в нижней), самообразование (чтение литературы по специальности, приобретение новых навыков работы и т.п.) – 31,8% в верхней страте при 7,6% в нижней, приобретение или совершенствование навыков работы на компьютере (21,6% в верхней страте при 9,7% в нижней), изучение иностранных языков на курсах или самостоятельно (9,7% и 1,7% соответственно).

Объективная разница в качестве квалификационного ресурса представителей разных страт отражается и в их субъективных оценках качества полученного ими образования. Так, для работающих из верхней страты характерны оценки уже полученного образования как хорошего (81,6%). В то же время в средней страте лишь около половины (50,4%) говорили в 2018 г. о том, что им удалось получить хорошее образование, а в нижней страте этот показатель вообще спускался до 22,4%.

Такие разрывы в объективных показателях квалификационного ресурса разных страт и в субъективных оценках их представителями качества своего образования лишь отчасти объясняются разницей в их профессиональном составе. Высшее образование, например, имели лишь 61,3% работающих на позициях профессионалов в нижней страте, 63,2% в средней страте и 89,4% в верхней страте. Однако еще большие разрывы в этой профессиональной группе характеризуют самооценки качества своего образования – в нижней страте его оценивали в 2018 г. как хорошее 47,4%, в сред-

ней – 72,4%, а в верхней – 94,7% работающих представителей этих страт. Естественно, что качество образования сказывается и на характере тех рабочих мест, на которые они могут претендовать.

Характер этих мест, в свою очередь, прямо влияет на другой очень важный для благополучия человека вид ресурсов – властный ресурс. Он может существовать в различных формах – политического ресурса, административного ресурса, ресурса влияния (в том числе на принятие решений у себя на работе), ресурса управления собственной деятельностью (автономность труда, т.е. власть над собой в процессе труда) и т.д. В любом случае наличие властного ресурса дает в современном российском обществе ощутимый экономический эффект, снижает отчуждение в труде и обеспечивает более высокие статусные позиции [Тихонова, 2014; Коленникова, 2017].

Рассмотрим три формы властного ресурса представителей различных страт – административный ресурс, ресурс влияния на принятие решений и автономность труда. Что касается административного ресурса, то он напрямую связан с профессиональным статусом. Мы рассматривали как имеющих его руководителей разного уровня, а также предпринимателей, имеющих наемных работников. Таких среди представителей верхней страты было в 2018 г. 20,5% (и 24,3% среди работающих ее представителей), в средней страте 6,8% (и 9,4% соответственно) и в нижней страте – 2,1% и 3,2%.

Заметно шире распространен в разных стратах ресурс влияния, т.е. возможность оказывать воздействие на принятие решений у себя на работе в масштабе своего подразделения или организации в целом (рис. 7.5). Если в верхней страте свыше трех четвертей работающих обладают ресурсом влияния, то в нижней страте подавляющее большинство (84,9%) характеризуются его отсутствием. Нехарактерен ресурс влияния и для средней страты, что позволяет говорить о том, что эта форма властного ресурса является сущностным признаком только работающих представителей верхней страты.

Наконец, что касается третьей формы властного ресурса – контроля за собственным трудом, то он также в наибольшей степени характерен для верхней страты. Как видно на рис. 7.6, все виды контроля за своим трудом (полностью самостоятельное принятие решений о содержании труда и его темпе, о времени отпуска и/или отгула, а также о времени начала или окончания работы) гораздо

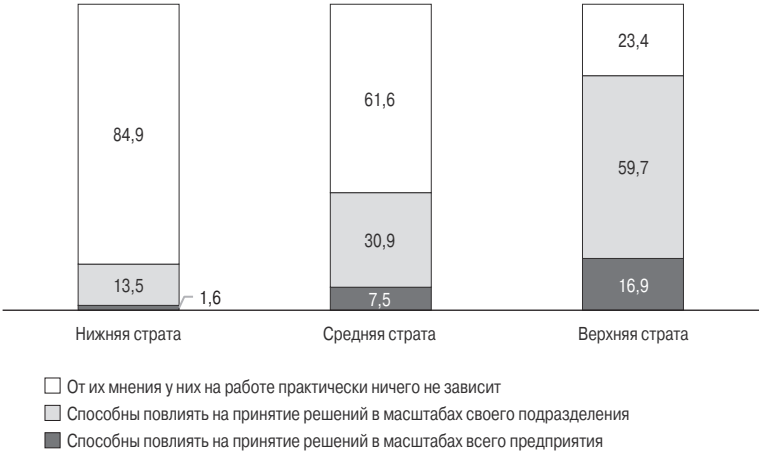


Рисунок 7.5

Специфика ресурса влияния представителей разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

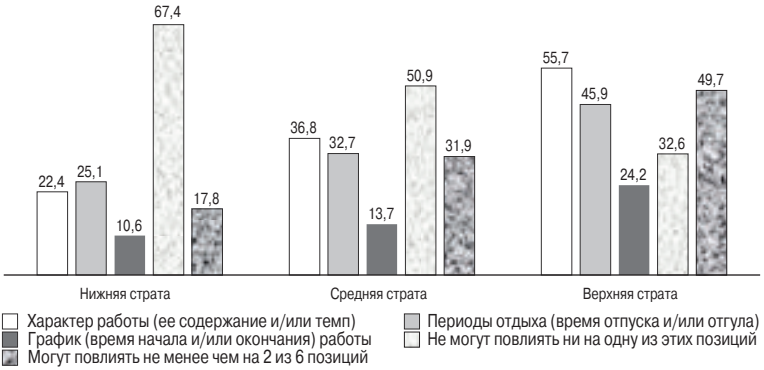


Рисунок 7.6

На что могут повлиять в организации собственного труда представители разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от работающих*

чаще встречаются в верхней страте, чем в двух других. В целом в верхней страте лишь 32,6% работающих не имели в 2018 г. ни одной из этих форм автономности труда, в то время как в средней и нижней страте таких было большинство – 50,9% и 67,4% соответственно.

В целом властный ресурс в одной из трех его форм (административный, ресурс влияния и автономность труда) имеют подавляющее большинство (89,0% в 2018 г.) работающих представителей верхней страты, большинство (63,8%) в средней и немногим более трети (38,9%) в нижней. Однако характер этого ресурса даже у имеющих его в них различается. Если в верхней страте основная часть (60,6%) имеют его более чем в половине рассматривавшихся его форм, то в средней страте таких уже лишь чуть больше четверти (28,4%), а в нижней – вообще только каждый десятый (10,8%). Таким образом, эта разновидность ресурсов практически отсутствует в нижней страте, слабо выражена даже у имеющих его в средней страте и в полной мере характерна только для верхней страты.

Большое влияние на вероятность очутиться в той или иной страте оказывает и культурный ресурс, который со времен П. Бурдье [Бурдье, 2002] обычно интерпретируется через условия социализации членов разных групп. В этом контексте важно, что подавляющее большинство (84,5%) нижней страты составляют люди, родители которых вообще не имели высшего образования. В средней страте таких также безусловное большинство (69,5% по состоянию на 2018 г.), причем даже те ее представители, которые работают на должностях специалистов с высшим образованием, наполовину (48,3%) выросли в семьях, где ни один из родителей не имел высшего образования, еще почти треть (31,0%) – где высшее образование имел только один из родителей и лишь каждый пятый – где его имели оба. Таким образом, это в значительной степени «интеллигенция первого поколения» с относительно ограниченным культурным капиталом. Что же касается верхней страты, то в ней большинство (52,0%) выросло в семьях, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, причем у 30,0% это образование имели оба родителя. Это означает не только то, что представители верхней страты имеют относительно больший культурный капитал, но (учитывая более благополучное положение лиц с высшим образованием в стратификационных иерархиях) также и то, что в этой страте довольно активно идут процессы социального воспроизводства.

Специфика культурного капитала представителей разных страт усугубляется и разницей в круге их постоянного общения. Так, если говорить об их супругах и друзьях, то для негативно привилегированной страты типично доминирование среди них людей без высшего образования, а для позитивно привилегированной – его обладателей (рис. 7.7).

Это означает, что лишь для верхней страты характерны не только первичная социализация в семьях с более высоким образовательным уровнем, но и круг постоянного общения как на работе, так и вне ее, предполагающий высокий образовательный уровень контрагентов по этому общению.

Отчасти с этим связано и принципиально иное качество ресурса социальных сетей[5] представителей трех выделенных страт (табл. 7.7). Наиболее ярко выражена дифференциация возможностей социальных сетей представителей верхней и нижней страт в их возможностях решать стратегически значимые проблемы. Так, в верхней страте в 11 раз чаще, чем в нижней, могут брать в долг у знакомых достаточно крупные для среднего россиянина суммы, что позволяет не залезать в кредитную кабалу в банках, в 9 раз чаще – обеспечивать качественный человеческий капитал своим детям и т.д.

Однако главным специфическим признаком верхней страты, принципиально отличающим ее от двух других, является наличие у ее представителей ресурса сетей как такового. Свыше 70% верхней

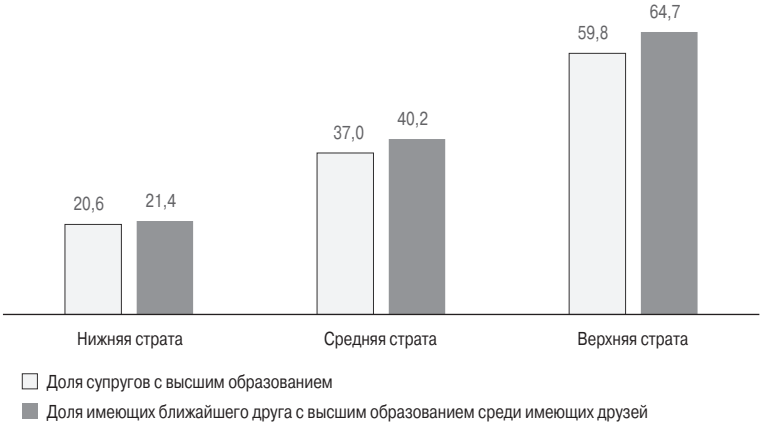


Рисунок 7.7

Доля имеющих супругов и ближайших друзей с высшим образованием среди представителей разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %*

Примечание. *Данные по супругам приведены от группы в целом, а не от состоящих в браке.

[5] Ресурс социальных сетей – это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, – иными словами, с членством в группе» [Бурдье, 2002: 66].

Таблица 7.7

Специфика ресурса социальных сетей представителей разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% (отранжировано по показателю поляризации способности сетей оказать соответствующий вид помощи)**

Виды помощи, которые могут оказать социальные сети	Страты			*Поляризация, разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Возможность взять в долг более 100 тыс. руб.	1,5	3,6	16,6	*11,07*
Поступление в хороший вуз	1,0	2,3	9,9	*9,90*
Устройство детей в хорошую школу	1,4	4,2	13,2	*9,43*
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении их проблем	1,9	2,3	8,8	*8,00*
Продвижение по карьерной лестнице	1,0	1,2	6,9	*6,90*
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	5,6	12,5	24,2	*4,32*
Устройство на хорошую работу	4,5	7,5	16,8	*3,73*
Решение жилищной проблемы	2,7	3,2	5,7	*2,11*
Возможность взять в долг до 100 тыс. руб.	17,9	24,2	35,7	*1,99*
Поиск приработков	15,0	15,8	13,6	*0,90*
Не имеют знакомых, способных оказать такого рода помощь	*63,6*	*51,4*	*29,7*	*0,47*

Примечания. * Серым фоном в таблице выделены значения, превышающие 50%.
** Соотношение показателей в верхней и нижней стратах. Темным фоном и белым шрифтом выделены пять максимальных показателей дифференциации.

страты могут рассчитывать на свои сети в решении хотя бы каких-то важных вопросов, в то время как в средней и нижней стратах большинство вообще не располагало в 2018 г. таким ресурсом[6]. Это очень важное отличие, особенно в условиях быстрого исчезновения в 2010-х годах у россиян ресурса сетей. Так, если в 2013 г.[7] безусловное большинство их (65,6%) еще располагало этим ресурсом, то всего пять лет спустя число имеющих его сократилось до 49,3%, т.е. более чем на четверть, а социальной нормой стала невозмож-

[6] Это не значит, что этого ресурса у них вообще нет – например, их могут подвезти на дачу или «по-соседски» посидеть иногда с детьми и т.п., однако это те формы помощи, которые, как правило, не способны повлиять на изменение положения человека с точки зрения его социальной мобильности и места в стратификационной системе.

[7] Используются данные общероссийского исследования ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» (см. Приложение В.1). Подробнее см. о нем [Бедность ..., 2014].

ность рассчитывать на помощь социальных сетей в решении хотя бы каких-то вопросов.

На формировании данной тенденции сказались, впрочем, не только и даже не столько изменения в установках и ценностях россиян, сколько изменения в той институциональной среде, в которой они находятся. Особенно резко (вдвое) сократилась, например, за период 2013–2018 гг. возможность получить помощь сетей при обращении к хорошим врачам или устройстве в хорошую больницу, что во многом было обусловлено маркетизацией российского здравоохранения. Почти вдвое сократилось также число людей, которым их сети могли бы помочь при устройстве на хорошую работу или поступлении в хороший вуз, что объяснялось изменениями на рынке труда, дальнейшим развитием процессов маркетизации образования и т.д.

Пандемия коронавируса с характерными для нее ограничениями мобильности и переходом многих на удаленную работу актуализировала потребность в социальных контактах и способствовала восстановлению социального капитала россиян в формах, не связанных с институциональной средой. Трудно сказать, насколько устойчивой окажется эта тенденция, однако само ее наличие в данный момент не вызывает сомнений, и на этот факт уже обращалось внимание в литературе [Каравай, 2021]. По данным 12-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, например, полное отсутствие потенциала социальных сетей характеризовало весной 2021 г. всего 18,6% россиян. Однако вряд ли стоит испытывать по этому поводу особый оптимизм, поскольку сети значительной (42,4%) части россиян очень низкоресурсные и способны оказать лишь один какой-то вид помощи – обычно одолжить сравнительно небольшую сумму денег (53,3% этой группы) или помочь в поиске приработков (18,4%).

Таким образом, сейчас в России уже произошла монетизация доступа ко всем ключевым социальным благам – хорошей работе, качественной медицине и образованию, к финансовым ресурсам, решению жилищных проблем и т.д. Результатом этого стало дальнейшее углубление неравенств в соответствующих областях, поскольку только в верхней страте есть как бóльшие монетарные, так и бóльшие немонетарные возможности доступа к ключевым социальным благам (хотя и в этой страте их имеет сравнительно немногочисленное меньшинство). Это, естественно, способствовало росту недовольства широких масс населения сложившейся ситуацией, в частности ситуацией в системе здравоохранения, где

социальные сети, еще недавно игравшие значимую компенсаторную роль при невозможности использовать платные медицинские услуги, резко уменьшили свои возможности.

В числе других важных в современных обществах видов ресурсов – физиологический и личностный ресурсы. Не останавливаясь на этом подробно, отметим лишь, что в верхней страте большинство (51,1%) оценивало в 2018 г. свое здоровье как хорошее. Учитывая, что члены этой страты обладают возможностями заботиться о нем (35,7% имеют регулярный спортивный досуг вне дома, 44,3% проводят отпуск так, как им хочется, вне дома и дачи, 53,0% контролируют состояние своего здоровья через профилактические осмотры), это вполне естественно. Иначе складывается ситуация со здоровьем в двух других стратах, причем эти различия сохраняются даже в рамках одних и тех же возрастных групп (рис. 7.8). При этом нужно оговориться, что если возможностей уделять внимание своему здоровью относительно больше в верхней страте, то угрозы для него относительно выше в нижней страте. Так, именно она характеризуется наибольшими показателями продолжительности рабочей недели – средняя ее продолжительность у работающих составляла в нижней страте в 2018 г. 45,49 часа (и 45 часов по медиане). В средней страте эти показатели составляли уже лишь 43,61 часа и 41 час, а в верхней – 42,98 часа и 40 часов. Доля лиц со сверхвысокой продолжительностью занятости также традиционно максимальна в нижней страте – 5,4% работающих в ней име-

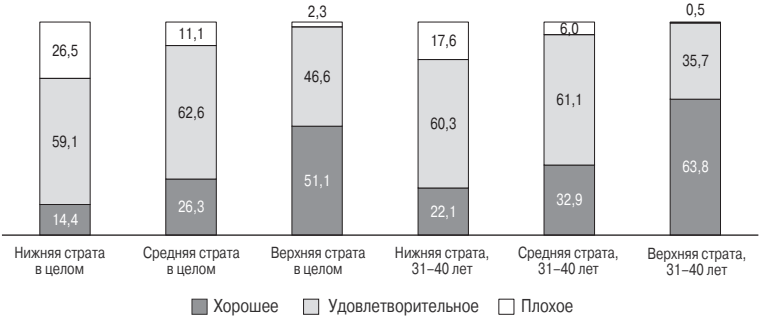


Рисунок 7.8

Самооценки состояния своего здоровья среди представителей разных страт и в когорте 31–40 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

ли продолжительность рабочей недели более 60 часов (при 3,7% в средней и 2,1% в верхней стратах).

Что же касается личностного ресурса, то ряд его особенностей подробно освещен в главе 10 данной книги. Поэтому здесь отметим лишь, что, в отличие от россиян из двух других страт, представители верхней страты ориентированы на долгосрочное планирование, нонконформизм, личную активность и ответственность за свою жизнь, а их жизненные цели носят достижительный характер. В средней же и нижней стратах доминируют установки на то, чтобы жить «здесь и сейчас», быть «как все», а также убежденность, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами.

Учитывая все вышесказанное, не удивительно, что проблемы, которые в наибольшей степени беспокоят представителей разных страт, также различаются весьма заметно (табл. 7.8). Для нижней страты наиболее типичны такие проблемы, как плохое питание, плохое материальное положение и недоступность необходимой медицинской помощи. При этом шире всего в ней распространены проблемы с материальным положением, здоровьем и работой. Для верхней страты, напротив, наиболее типично и шире всего в ней распространено отсутствие каких-либо проблем, а среди тех, кого какие-либо проблемы все же беспокоят, чаще встречается озабоченность такими из них, как отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела, а также проблемы, связанные с изменением своего общественного положения в последние годы.

Таким образом, тревожащие представителей нижней страты проблемы свидетельствуют о ее депривированности в отношении базовых (витальных) потребностей. Верхняя же страта характеризуется удовлетворенностью витальных потребностей, а ее недовольство сосредоточено в основном в сфере нехватки времени (хотя именно у ее представителей, как отмечалось выше, наименее продолжительная рабочая неделя), проблем со здоровьем (которое у ее представителей, как было показано, в целом лучше, чем в других стратах) и неудовлетворенности своим нынешним статусом (который выше, чем в двух других стратах). То, что эти проблемы вошли в список трех наиболее беспокоящих их проблем на фоне обеспокоенности основной массы россиян весьма конкретными материальными проблемами – еще одно свидетельство привилегированного положения представителей верхней страты.

Таблица 7.8

Основные проблемы, с которыми в течение года приходилось сталкиваться представителям разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,
*% (допускалось до трех ответов)**

Проблемы	Страты			*Поляризация, разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Проблемы, сильно связанные с принадлежностью к стратам				
Плохое материальное положение	**58,6**	40,0	11,5	*5,10*
Проблемы, связанные с их здоровьем	34,4	31,7	21,5	*1,60*
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	7,8	16,8	21,8	*0,36*
Проблемы, связанные с работой*	34,5	23,2	14,3	*2,4*
Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	23,8	13,7	6,4	*3,72*
Проблемы с жильем	16,5	11,3	5,3	*3,11*
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности	8,4	8,3	5,0	*1,68*
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т.п.) у кого-либо из членов семьи	5,7	4,6	2,8	*2,00*
Проблемы, связанные с изменением их общественного положения в последние годы	2,3	3,7	4,7	*0,49*
Плохое питание	6,8	2,4	0,8	*8,5*
Отсутствие внимания со стороны других людей	4,1	3,0	2,7	*1,52*
Проблемы с одеждой или обувью	4,5	2,8	1,8	*2,5*
Проблемы, слабо связанные с принадлежностью к стратам				
Семейные проблемы	15,9	17,9	12,9	*1,23*
Проблемы с детьми	7,0	7,7	8,7	*0,80*
Одиночество	5,3	2,7	4,1	*1,29*
Отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	2,3	2,0	3,1	*0,74*
Проблемы с возможностью получить образование	1,4	1,8	1,3	*1,08*
Незащищенность от насилия	2,5	0,8	1,7	*1,47*
Считают, что живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими серьезными проблемами	*5,3*	*15,8*	*39,5*	*0,13*

Примечания. ***Жирным шрифтом** в таблице выделены значения, превышающие 50%.

** Соотношение показателей в нижней и верхней стратах. Серым фоном выделены три максимальных показателя дифференциации в пользу верхней страты. Темным фоном и белым шрифтом выделены три показателя дифференциации в пользу нижней страты.

*** Данные приведены от работающих. По стратам в целом соответствующие показатели составляли в 2018 г. 26,4%, 18,6% и 12,2%.

Выводы

Ресурсообеспеченность всех страт, составляющих массовые слои населения, оставляет желать лучшего. Это касается не только доходов представителей разных страт, но и других видов их материальных и нематериальных ресурсов. Так, если говорить о таких традиционных для России как страны с долго сохранявшимися рудиментами натурального хозяйства элементах экономического ресурса как земля или скот, то даже в селах землю имеют в собственности уже менее трети сельчан, а скот – лишь каждый десятый. Это означает, что процесс обезземеливания крестьянства, начавшийся еще в 1990-е годы, продолжается до сих пор. В результате доля собственников земли среди сельских жителей сократилась только в последнее десятилетие в полтора раза. Что же касается скота, то для большинства имеющих скот сельских жителей это, как правило, элемент малоэффективного и не способного кардинально изменить их положение подсобного хозяйства. Только для входящих в верхнюю страту сельских жителей характерно наличие достаточно большого (в среднем около 10 голов) количества скота, предполагающее фермерскую деятельность и использование его в товарно-рыночных отношениях. А это значит, что образ жизни, включающий наличие натурального подсобного хозяйства, у большинства сельских жителей уже ушел в прошлое, хотя это и не повлекло за собой превращение его в городской образ жизни.

Если же говорить о горожанах, то типичные скорее для сельской местности активы встречаются и у них. Однако в крупных городах земля выступает скорее дополнительным признаком благополучия и чаще встречается у представителей верхней страты, в то время как в райцентрах это скорее малоэффективный рудимент эпохи натурального хозяйства и ее чаще можно встретить у представителей нижней страты. Благополучие, типичное для горожан, все еще описывается скорее формулой «дача, машина, квартира». Причем именно наличие дачи (садово-огородного участка с домом) наиболее ярко дифференцирует горожан по их благополучию, особенно в Москве и Санкт-Петербурге.

Что же касается основного жилья, то у подавляющего большинства россиян во всех стратах оно уже находится в собственности. Однако качество и размер этого жилья, влияющие и на его стоимость, и на его ликвидность, в большинстве случаев соответствуют лишь санитарным нормам и не позволяют рассматривать его как дополнительный актив «на черный день». В то же время

качество жилья заметно различается по стратам, особенно в рамках одних и тех же типов населенных пунктов. Наиболее сильная дифференциация в качестве жилья прослеживается между представителями разных страт в малых городах и селах, где жилье относительно дешево. Что же касается второго жилья, то его обладатели в большинстве своем относятся к верхней страте, причем в наибольшей степени это характерно для Москвы и Санкт-Петербурга. Однако даже в нижней страте многие также имеют в собственности второе жилье. При этом максимальна доля собственников второго жилья в нижней страте в селах, где это обычно доставшийся по наследству родительский дом.

Сложная жилищная ситуация многих россиян (а почти каждый шестой среди них и сейчас имеет менее 12 кв. м на человека) вынуждает их брать ипотечные кредиты, сильно подрывающие их экономический потенциал. Однако буквально взрывной рост долговой нагрузки россиян в последние 15 лет связан не только со все большим распространением ипотеки. В еще большей степени подорвал благосостояние россиян пережитый страной «товарный бум». В результате него большинство россиян имеет сейчас довольно полный набор домашнего имущества, в составе которого уже не только телевизор, холодильник, пылесос, стиральная машина и кухонная техника, но и автомобиль, компьютер, мобильный телефон, айфон или смартфон. Более того – наличие компьютера является уже нормой повседневной жизни даже для представителей нижней страты, и к половине приближается в ней доля обладателей автомобиля. «Платой» за это стало то, что кредиты все шире распространяются среди россиян на фоне относительной немногочисленности имеющих сбережения – только в верхней страте сбережения имеет большинство, и это ее характерная черта, так же как характерная черта нижней страты – наличие долговой нагрузки

Усугубляет тяжелое финансовое положение представителей нижней страты на фоне относительного благополучия их обеспеченности домашним имуществом и бóльшая непрочность их положения на рынке труда, в результате чего имеющаяся кредитная нагрузка в любой момент может стать для них неподъемной. Если представители верхней страты в большинстве своем имеют «подушку безопасности» в виде очень низких рисков длительной безработицы, а также уже упоминавшихся сбережений и недвижимого имущества при, одновременно, низкой кредитно-долговой нагрузке, то в нижней страте ситуация прямо обратная. Риски и реаль-

ный опыт длительной безработицы в ней встречаются достаточно часто, сбережения практически отсутствуют, кредитно-долговая нагрузка распространена очень широко, а имущество таково, что даже при его продаже экономическое положение его обладателей не может сколько-нибудь существенно улучшиться.

В значительной степени неустойчивость материального положения представителей нижней страты связана с особенностями занятости ее представителей. Для нижней страты характерна занятость на созданных уже после реформ 1990-х малых предприятиях, с точки зрения их отраслевой принадлежности относящихся относительно чаще к торговле, бытовому обслуживанию, ЖКХ, а также в индустриальном секторе (промышленность, строительство и т.д.). В то же время в верхней страте более половины всех работающих заняты на крупных и средних государственных предприятиях в сфере образования, здравоохранения, науки, культуры или в силовых структурах, а в негосударственном секторе экономики – на относящихся к сфере финансов, страхования, маркетинга, консалтинга и т.п. предприятиях и учреждениях. Это отражается и на уровне соблюдения трудовых прав представителей разных страт у них на работе, и на специфике их профессиональной структуры.

Однако даже в рамках одних и тех же профессиональных групп между рабочими местами представителей разных страт просматривается довольно существенная разница. За этой разницей стоят прежде всего различия в их квалификационном и культурном ресурсах. При этом нижняя и средняя страты в отношении этих ресурсов близки между собой. Только в верхней страте лица с высшим образованием составляют большинство. Однако обратное неверно – в верхнюю страту попадает менее половины лиц с высшим образованием, основная же масса лиц с высшим образованием оказывается в средней страте, и немалую роль играет в этой дифференциации их культурный капитал (социальное происхождение). Не менее ярко различает разные страты и включенность в систему непрерывного образования их работающих представителей, характерная для безусловного большинства лишь в верхней страте.

Специфика занятости, обеспечиваемая востребованностью на рынке труда характерной для верхней страты комбинации квалификационного и культурного ресурсов, обусловливает и различия властного ресурса работающих представителей разных страт. Сам факт наличия властного ресурса хотя бы в какой-то из его возможных в производственном коллективе форм сближает верхнюю

и среднюю страты – в них обеих его имеет большинство, в то время как в нижней – лишь около трети работающих. Однако характер этого ресурса в верхней и средней стратах различается. Если в верхней страте большинство имеют его одновременно и в форме автономности труда, и в виде ресурса влияния, то для средней страты характерна лишь автономность труда.

Различия в обеспеченности ключевыми видами ресурсов (экономическим, квалификационным, властным) представителей разных страт неслучайны – за ними стоят сложные процессы взаимодействия социального воспроизводства и социальной мобильности. Для нижней страты характерно не только отсутствие высшего образования у ее членов, но и то, что они выросли в семьях со сравнительно невысоким образовательным уровнем родителей. В средней страте лиц с высшим образованием уже больше, однако это в значительной степени «интеллигенция первого поколения», характеризующаяся восходящей социальной мобильностью. Что же касается верхней страты, то в ней большинство выросло в семьях, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, и сумело само получить этот тип образования. Это означает, что среди ее представителей доминируют процессы социального воспроизводства, причем разница в исходном культурном капитале представителей разных страт закрепляется различиями в круге их постоянного общения.

С этим в значительной степени связаны также качество ресурса социальных сетей представителей трех рассматриваемых страт и даже само его наличие. Главным специфическим признаком верхней страты, принципиально отличающим ее от двух других, является сам факт устойчивого наличия у большинства ее представителей ресурса сетей в какой-либо значимой его форме, в то время как в средней и нижней стратах большинство вообще не располагают таким ресурсом. В условиях, когда буквально за несколько лет новой социальной нормой для страны стала невозможность рассчитывать на помощь социальных сетей в решении каких-либо значимых вопросов, это очень важное отличие верхней страты. Что же касается средней и нижней страт, то они в наибольшей степени пострадали от проведенной в России в последние годы монетизации доступа ко всем ключевым социальным благам – хорошей работе, качественной медицине и образованию, доступу к финансовым ресурсам, решению жилищных проблем и т.д., поскольку сейчас не имеют уже ни монетарных, ни немонетарных возможностей для этого. Более того – у большинства пред-

ставителей этих страт ресурс социальных сетей обычно вообще отсутствует. У тех же, у кого он все-таки есть, их сети не способны оказать сколько-нибудь значительную помощь, поскольку они объединяют в основном представителей низкоресурсного населения. Даже активизировавшая социальные связи россиян пандемия коронавируса привела лишь к росту их готовности одалживать своим контрагентам по сетям небольшие суммы денег или помочь с поиском разовых приработков, являющихся малоэффективным способом изменения своего положения и нетипичных для высокоресурсной верхней страты.

Если говорить о других важных в современном мире видах ресурсов, в частности здоровье, то только представители верхней страты в большинстве своем оценивают его как хорошее. В двух других стратах доминирует оценка его как удовлетворительного, в том числе – и среди молодежи и лиц среднего возраста. Успешности представителей верхней страты способствуют также некоторые особенности их нормативно-ценностных систем, отражающие специфику их личностного ресурса.

Все эти различия обусловливают специфику не только ресурсообеспеченности или материальной составляющей повседневной жизни представителей разных страт, но и круг беспокоящих их проблем. Специфика их позволяет говорить об относительной беспроблемности жизни представителей верхней страты и озабоченности представителей нижней страты неудовлетворенностью даже базовых потребностей как характерных особенностях этих групп населения страны.

Глава 8. Поведенческие стратегии россиян из разных страт по улучшению своего социально-экономического положения[1]

Поведенческие стратегии индивидов и составляющие их поведенческие паттерны зависят прежде всего от имеющихся у них ресурсов и возможностей их использования в сложившейся «институциональной матрице» [Кирдина, 2000]. С другой стороны, успешность используемых индивидами поведенческих практик влияет не только на их личное благосостояние «на микроуровне» или положение в социальной иерархии, но во многом определяет также макроэкономическую и социально-политическую ситуацию в стране. Кроме того, сложившиеся у индивидов и социальных групп поведенческие паттерны значимы для изменения «институциональной матрицы» общества. Таким образом, существует определенная триада «институциональная среда – ресурсы индивида – поведенческие стратегии». Именно из этой предпосылки мы и исходили в своем анализе поведенческих стратегий населения России по улучшению своего материального положения, целью которого являлось рассмотрение связи различных поведенческих практик россиян с совокупностью их ресурсов и особенностями занимаемой ими в социальной иерархии структурной позиции.

Теоретико-методологические предпосылки анализа поведенческих стратегий россиян

В последние десятилетия проблематика динамики поведенческих практик населения страны по поддержанию и улучшению своего материального положения прочно вошла в число наиболее актуальных тем отечественной науки, причем, как правило, эти практики рассматриваются через призму адаптации россиян к быстро изменяющимся внешним условиям. Это естественно, поскольку крайне редко ученым удается воочию наблюдать трансформационные про-

[1] В данной главе частично использованы материалы статей [Каравай, 2019, 2020а].

цессы такого масштаба, как имевшие место в России в последние три десятилетия. Как свидетельствуют эмпирические данные [Гордон, 1994; Заславская, 1995; Шабанова, 2001; Адаптационные стратегии..., 2003 и др.], эти изменения уже в 1990-е годы оказали очень существенное влияние на социально-экономическое поведение населения – ведь именно в условиях рыночной экономики стало возможно иметь множественную официальную занятость, приватизировать и покупать недвижимость, сдавать ее в аренду, заниматься частным предпринимательством, эмигрировать и т.д.

Уже в 1990-е годы в отечественной литературе сложилась и определенная научная традиция изучения направленного на улучшение своего материального положения поведения как разновидности адаптационных практик, а также сформировался консенсус относительно того, что такое социальная адаптация. Наиболее точно суть его определила П.М. Козырева, отмечавшая, что социальная адаптация является процессом взаимодействия адаптанта с социальной средой, направленным на гармонизацию взаимоотношений между ними [Козырева, 2011: 24]. Это определение удачно дифференцирует социальную адаптацию от физиологической и психологической. Понятно из него и то, что адаптация, даже относясь к сфере взаимодействия с социальной средой, может быть направлена на самого человека, а не окружающую среду, не предполагая от него каких-либо «социальных действий». В этом случае можно говорить о пассивном, хотя и конструктивном характере социальной адаптации. Однако пассивное поведение может скрывать за собой и отсутствие этой адаптации. В этом случае можно говорить о неконструктивной пассивной социальной адаптации, не обеспечивающей успешной реализации человеком своих целей. Двоякий характер может носить и активное адаптационное поведение. Оно также может быть конструктивным, предполагающим выбор тех поведенческих стратегий, которые в большей или меньшей степени способствуют гармонизации взаимодействия индивида со средой, или же неконструктивным (в том числе деструктивным).

В психологической традиции изучения адаптации ее неконструктивность увязывается обычно с дезадаптацией индивида. Однако в социологической традиции анализа неконструктивные поведенческие практики, причем как пассивные, так и активные, могут свидетельствовать не о «потерянности» человека в изменяющейся внешней среде, а о нехватке индивидуальных ресурсов (от здоровья до ресурса социальных сетей), необходимых для реализа-

ции более конструктивных действий, роль которых человек понимает и которые в принципе готов реализовывать. Поэтому, прежде чем оценивать отсутствие конструктивных адаптационных практик как свидетельство дезадаптации индивида, необходимо сначала проанализировать локализацию этих практик в тех или иных различающихся их ресурсообеспеченностью социальных группах, а также факторы их распространенности. Этому принципу мы и следовали в своем анализе.

При этом, поскольку «жить не хуже других» входит в набор базовых целей россиян [Российское.., 2017], то ключевым для оценки характера социально-экономической адаптации представителей массовых слоев населения являлся для нас вопрос о том, какими именно способами они пытаются повысить уровень своего благосостояния. Именно действия по улучшению своего материального положения можно рассматривать как «ядерный» показатель специфики адаптационных стратегий в различных социальных группах.

Отдельно надо сказать при характеристике методологических предпосылок нашего анализа еще о двух обстоятельствах. Во-первых, поскольку материальное положение человека и его возможности определяются общей ситуацией в его домохозяйстве, а некоторые формы активности вообще могут носить затрагивающий сразу нескольких его членов характер (например, семейный бизнес или работа в подсобном хозяйстве), то рассмотрение социально-экономических поведенческих стратегий традиционно проводится применительно к индивидам не самим по себе, а как членам определенных домохозяйств. Мы также следовали этому общему правилу.

А во-вторых, мы учитывали, что в социологии сложилось несколько теоретических подходов, объясняющих выбор индивидами тех или иных поведенческих стратегий [Allen, Henderson, 2016; Moen, Wethington, 1992]. Так, структурный подход [Bengtson, Allen, 2009; Hareven, 1991; Saraceno, 1989 и др.] говорит о том, что индивиды предпочитают совершать те или иные адаптационные действия, направленные на сохранение и улучшение своего социального положения, в соответствии с теми структурными ограничениями, в которых они существуют в данный момент времени. К таким ограничениям относятся специфика институтов, в частности экономических, а также во многом определяемые ими виды и глубина распространенных в обществе неравенств. При этом индивидуальные взгляды людей на стратегии формирования их жизненного пути остаются в рамках структурного подхода на вто-

ростепенных ролях, т.е. априори предполагается, что индивиды просто приспосабливаются к окружающей среде.

Теория рационального выбора [Becker, 1981; Berk, 1980; Coleman, 1986 и др.], напротив, предполагает, что индивиды стремятся наращивать свое благосостояние, действуя рационально в соответствии со своими индивидуальными особенностями и предпочтениями и максимизируя отдачи от имеющихся у них ресурсов. При этом механизмы, объясняющие, как люди определяют ту «функцию полезности», которую максимизируют, остаются в ней пока дискуссионными. Кроме того, в рамках этого подхода не объясняется множество нерациональных действий, которые совершаются людьми на протяжении их жизни.

Третий подход, фактически объединяющий в себе два предыдущих, сводится к различным вариациям теории жизненного пути [Elder, Caspi, 1990; Narotzky, Besnier, 2014]. В его рамках речь идет о том, что на разных этапах жизни индивиды выбирают стратегии поведения, ставя перед собой разные цели и находясь в различных институциональных, культурных и социальных условиях. Именно эти условия и определяют нормы и ожидания людей, которые влияют на их поведение и могут способствовать их отклонению от норм экономической рациональности. Этот подход концентрирует внимание также на длительности и последовательности использования тех или иных стратегий адаптации на различных этапах жизни.

При всем разнообразии подходов к объяснению причин выбора индивидами поведенческих паттернов в социально-экономической сфере, все они учитывают как структурные, так и индивидуальные факторы такого выбора, хотя и выводят на первый план либо одни, либо другие группы этих факторов. В работах отечественных авторов [Авраамова, 2018; Козырева, 2013; Ромм, 2002 и др.] в большинстве случаев признается главенство персонального выбора индивидами поведенческих стратегий для оптимизации использования имеющихся ресурсов, однако их распространенность ставится в зависимость от институциональных факторов, в частности особенностей функционирования российской экономики. Соответственно, российские авторы в качестве индикаторов успешности используемых индивидами адаптационных практик рассматривают динамику (с объективной или субъективной точки зрения) социально-экономического положения индивидов. При этом в контексте любых подходов поведенческие практики вообще и стратегии социально-экономической адаптации, в частности, традиционно увязываются с теми ресурсами, которыми обладают индивиды или домохозяйства.

Общая распространенность различных действий по улучшению своего материального положения

В российском обществе существуют различные формы активного поведения населения по улучшению своего материального положения, которые можно разделить по их типам в соответствии с источниками реального или планируемого получения дополнительных доходов – использование возможностей рынка труда (в том числе за счет смены места жительства), имеющихся активов, трансфертов т.д. Весной 2018 г.[2] какие-либо из такого рода активных действий использовались в домохозяйствах 63,9% россиян, причем наиболее распространенными среди них являлись действия, связанные с рынком труда (рис. 8.1). На втором месте по распространенности были действия, связанные с получением помощи от своего окружения или наращиванием долговой нагрузки. В то же время действия, направленные на получение доходов от имеющихся активов, были распространены среди россиян сравнительно мало. Если же учесть двойственный характер подсобного хозяйства, доход от которого можно рассматривать как доход от трудовой деятельности, а не просто от имеющихся активов, и вычесть занимающихся им из состава получающих такого рода доходы, то доля использовавших в своих адаптационных стратегиях имеющиеся активы вообще становится очень невелика.

Что же касается не предпринимавших никаких действий по улучшению своего материального положения, то они в большинстве своем (54,3%) занимали такую позицию, поскольку считали, что ничего не могут сделать для изменения своего положения. Остальные же пассивные россияне (45,7%) просто не видели в этом необходимости, так как их материальное положение вполне их устраивало.

Естественно, что распространенность тех или иных действий должна зависеть от целого ряда факторов, в том числе и от наличия возможностей, которые можно использовать для повышения своего благополучия. Как показано в табл. 8.1, лица, имеющие работу, чаще остальных наращивают трудовые нагрузки для повышения своих доходов, причем лица с качественным квалификационным ресурсом более чем в половине случаев выбирают при этом вторичную занятость на постоянной основе. Активы в виде допол-

---

[2] Эмпирической базой анализа в данном разделе главы выступили данные 8-й волны общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенного весной 2018 г.

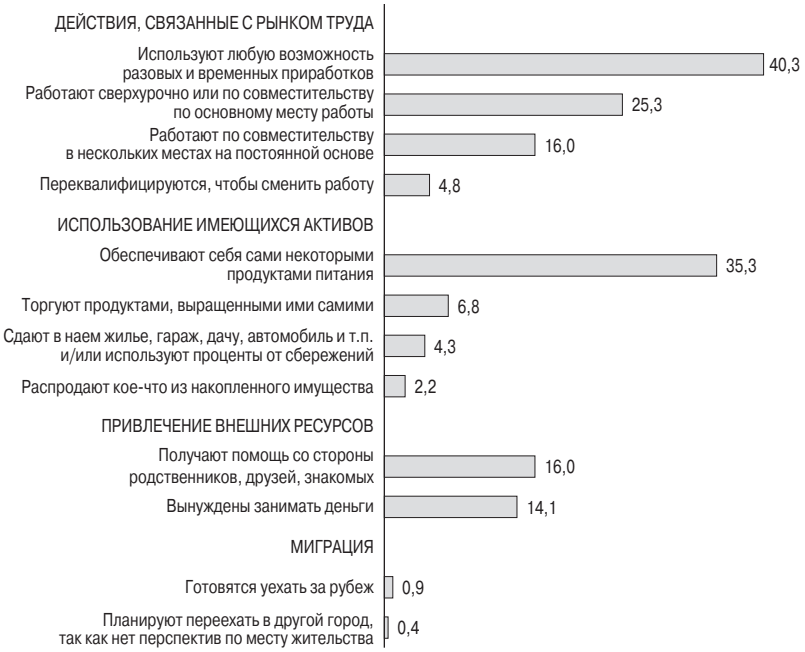


Рисунок 8.1

Распространенность различных действий по улучшению своего материального положения среди россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

% от тех, кто что-либо предпринимал

нительной недвижимости или сбережений могут обеспечивать рентный доход. Отсутствие же занятости, экономических ресурсов и качественного человеческого капитала ведет к тому, что индивидам чаще приходится прибегать к внешней помощи (при наличии ресурса социальный сетей) или (в случае его отсутствия) наращиванию долговой нагрузки. Другими словами, россияне используют все возможности, которые предоставляют им имеющиеся у них ресурсы, чтобы поддерживать или улучшать свое материальное положение. Таким образом, их адаптационные действия в большинстве случаев выглядят достаточно рациональными.

Если же говорить о россиянах, занимающих пассивную позицию (36,1% всего населения), то свыше половины их (19,6% всех россиян) характеризуются неконструктивным характером своей пассивности, поскольку они бездействуют из-за того, что не видят

Таблица 8.1

Адаптационные действия россиян с разной ресурсной обеспеченностью, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

*% от что-либо предпринимавших в течение предыдущего года**

Адаптационные действия	Располагаемые экономические ресурсы			Высококачественный квалификационный ресурс**	Ресурс социальных сетей***
	Земля	Другая недвижимость****	Сбережения		
Используют любую возможность разовых и временных приработков	37,3	40,0	37,1	**40,3**	**43,5**
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	22,1	30,8	27,5	33,0	27,3
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	15,1	18,2	14,7	21,3	16,4
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	3,9	5,6	3,6	4,0	4,9
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	**55,4**	**41,2**	**37,2**	31,0	33,5
Торгуют продуктами, выращенными ими самими	10,9	8,4	5,8	2,0	5,8
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	5,5	15,1	7,4	7,4	5,5
Распродают кое-что из накопленного имущества	1,4	2,9	2,1	3,4	2,1
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	11,9	13,4	14,9	15,3	17,6
Вынуждены занимать деньги	11,8	11,7	6,5	10,5	13,6
Готовятся уехать за рубеж	0,9	1,5	1,4	2,3	0,9
Планируют переехать в другой город, так как по месту их нынешнего жительства нет никаких перспектив	0,3	0,6	1,3	1,4	0,3

Примечания. *Фоном выделены максимальные значения по строке. **Жирным шрифтом** выделены максимальные значения по столбцу. Рассчитывалась доля в группах, имеющих соответствующий ресурс.

** Качество квалификационного ресурса определялось по методике, предложенной в статье: [Тихонова, Каравай, 2017б]. Для целей данного исследования, с учетом особенностей его инструментария, оно рассчитывалось по показателям количества лет обучения, наличия навыков работы с компьютером и применения этого навыка в профессиональной сфере, знания иностранных языков и применения их на рабочем месте, а также включенности в процесс непрерывного наращивания профессиональных знаний. Полученный Индекс имел значения от 0 до 15 баллов. Медианное значение для всей выборки составляло 5 баллов. Высокое качество этого ресурса соответствовало диапазону от 10 баллов и выше, среднее – от 5 до 9 баллов и низкое – 4 и менее баллов.

*** В предыдущей главе уже была дана общая характеристика ресурса социальных сетей и ситуации с ним как у россиян в целом, так и у представителей отдельных страт. В данном случае за основу расчетов были приняты все, имеющие его хотя бы в какой-то форме.

**** Помимо занимаемого жилья.

реальных путей для улучшения своего положения, хотя потребность в таком улучшении у них есть. В то же время нельзя говорить о том, что характеризующаяся неконструктивной пассивной адаптацией часть населения состоит только из дезадаптантов, поскольку такая стратегия присуща в основном россиянам старших возрастов, для которых возможности каких-либо конструктивных действий по улучшению своего положения действительно ограничены – доля ее приверженцев среди тех, кто старше 60 лет, более чем вдвое выше, чем среди более молодых россиян. При этом, однако, свыше половины тех, кто ничего не предпринимал для улучшения своего положения, хотя оно их не устраивало, были в 2018 г. в возрасте до 50 лет. И хотя часть из них имела плохое здоровье, нуждающихся в постоянном уходе членов домохозяйств и другие объективные ограничения их активности, все же около половины всех приверженцев неконструктивной пассивной адаптации разных возрастов можно уверенно считать дезадаптантами. Таким образом, к числу пассивных дезадаптантов может быть отнесен каждый десятый россиянин. Кроме того, еще 7,0% взрослого населения страны характеризуются неконструктивным характером их активности (т.е. она включает только наращивание долговой нагрузки или распродажу имущества), что позволяет и их рассматривать как дезадаптантов.

Остальные россияне распадаются на две группы. Одна из них (27,0%) использует только конструктивные формы адаптации. Другая, самая массовая (29,9%), сочетает в своем адаптационном поведении как конструктивные, так и неконструктивные действия (рис. 8.2). Отдельно стоит подчеркнуть, что гендерная дифференциация в отношении активных/пассивных и конструктивных/неконструктивных действий незначительна и касается в основном ограниченности возможностей

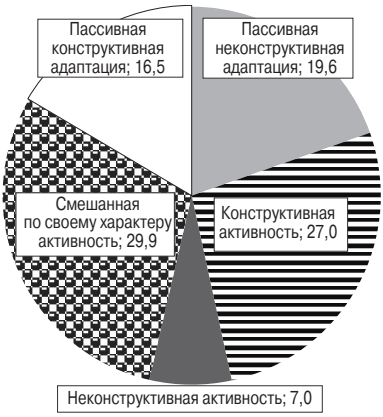


Рисунок 8.2

Численность групп с разными видами адаптационной активности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

активных конструктивных стратегий для женщин в малых городах[3].

Выше мы рассмотрели отдельные действия индивидов, имеющие конструктивный или неконструктивный характер и направленные на улучшение их материального положения. Однако эти действия могут различным образом группироваться в стратегии, реализуемые конкретными людьми и социальными группами. Неравномерное распределение ресурсов и доступа к разным институциональным возможностям (занятость во всех ее формах, возможности переквалификации или переезда и т.д.) среди населения приводит к значительному разнообразию этих стратегий в различных стратах.

Адаптационные стратегии россиян из разных страт

Для выявления групп, характеризующихся специфическими адаптационными стратегиями, а не просто отдельными видами их адаптационной активности, мы воспользовались алгоритмом двухэтапного кластерного анализа[4]. Это позволило выделить в группе предпринимавших в 2018 г. какие-либо действия для улучшения своего материального положения ряд кластеров, характеризующихся разными наборами адаптационных действий, формирующих при их сочетании различные адаптационные стратегии (табл. 8.2).

С учетом дополнительно двух пассивных стратегий общий список выделенных адаптационных стратегий включал в себя следующие их виды, которых по состоянию на 2018 г. оказалось в общей сложности 11:

1. Стратегия *«Вынужденное бездействие»* (19,6% взрослого населения страны), которая относится к пассивным и объединяет тех, кто не видит для себя возможностей улучшить свое материальное положение за счет дополнительных форм активности. Среди неработающих представителей этой группы населения (а 41,1% в ней в 2018 г. не работали) преобладают пенсионеры, составляющие свыше трех четвертей их состава, а среди работающих велика доля молодежи – почти четверть их младше 30 лет. Невзирая на про-

[3] Более подробно о других ключевых характеристиках россиян, использующих различные формы социально-экономической адаптации, см. [Каравай, 2019].

[4] Качество модели хорошее, силуэтная мера связности – 0,7.

Таблица 8.2

Адаптационные стратегии россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,
*% от что-либо предпринимавших в течение предыдущего года**

Адаптационные действия	Адаптационные стратегии								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	100,0	0,0	0,0	**20,9**	0,0	10,0	**23,3**	9,2	0,0
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	9,8	100,0	0,0	17,0	0,0	11,2	18,1	9,6	0,0
Используют любую возможность разовых и временных приработков	**25,2**	**23,4**	100,0	54,9	**31,4**	**22,9**	**34,5**	**33,3**	0,0
Работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	11,2	0,0	18,1	100,0
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	**24,8**	**21,7**	0,0	**41,5**	100,0	63,5	18,1	**20,1**	0,0
Торгуют продуктами, выращенными ими самими	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,9	0,4	0,0
Вынуждены занимать деньги	0,0	0,0	0,0	**25,7**	0,0	8,2	100,0	11,2	0,0
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	0,0	0,0	0,0	2,1	0,0	4,7	0,0	43,0	0,0
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений	0,0	0,0	0,0	1,2	0,0	1,2	0,0	**41,8**	0,0
Распродают кое-что из накопленного имущества	0,0	0,0	0,0	2,7	0,0	3,5	6,9	10,4	0,0
Готовятся уехать за рубеж	0,0	0,4	0,0	1,8	0,0	0,0	0,9	5,2	0,0
Другое (планируют переехать в другой город, так как по месту их нынешнего жительства нет никаких перспектив)	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	4,0	0,0

Примечания. * Серым фоном выделены максимальные значения по каждой строке, темным – значения, характеризующие свыше половины представителей соответствующего кластера, но не попадающие в первую категорию, а **жирным шрифтом** – используемые не менее чем 20% сторонников соответствующей стратегии, но не попадающие в две первые категории. Как видно из таблицы, как правило, россияне опираются при выборе стратегии на одно какое-то действие как доминирующее, но иногда используют при этом и другие доступные им действия. Лишь одна стратегия (IX) не предполагает наличия других действий, кроме характерной для всех ее представителей работы сверхурочно или по совместительству по основному месту работы.

живание преимущественно в городах (только 17,3% в ней проживали в селах), представители стратегии вынужденного бездействия гораздо чаще, чем россияне в целом, относились к нижней страте (рис. 8.3).

2. Стратегия *«Добровольное бездействие»* (16,5%) объединяет людей, которые ничего не предпринимают для улучшения собственного материального положения, поскольку улучшать его, по их мнению, им не требуется. Среди ее сторонников преобладают городские жители экономически активного возраста из обеспеченных слоев населения. Половина их (51,4%) не старше 40 лет, в том числе 28,8% составляла в 2018 г. молодежь 18–30 лет, и только 14,9% приверженцев этой стратегии проживали в сельской местности. Кроме того, свыше половины (55,4%) работающих ее сторонников относятся к руководителям и квалифицированным специалистам. Однако самыми главными отличиями сторонников стратегии добровольного бездействия является то, что безусловное большинство (71,8%) их обладает какими-либо ресурсами для адаптации – неудивительно, что практически половина их относилась в 2018 г. к верхней страте, и практически все остальные попали в среднюю страту.

3. Стратегия I («*Помощь близких*») в табл. 8.2 (6,2%) ориентирована, прежде всего, на получение помощи со стороны родственников, друзей и знакомых, хотя около четверти ее сторонников использовали в 2018 г. в зависимости от места проживания также либо разовые приработки (преимущественно в городах), либо подсобное хозяйство (чаще всего в селах). Данной стратегии чаще остальных придерживаются неработающие пенсионеры и студенты, проживающие в провинциальных городах и сельской местности. При этом в данной группе наблюдается наибольший, по сравнению с остальными, процент неработающих – по состоянию на 2018 г. 42,3% (при 27,5% среди населения в целом). Из них свыше половины (58,0%) – неработающие пенсионеры и свыше четверти (28,8%) – неработающие студенты вузов. С точки зрения их места в стратификационной иерархии это в массе своей (56,1%) представители средней страты, доля представителей нижней страты в данной группе примерно соответствует ее численности в массиве в целом, а доля представителей верхней страты чуть меньше, чем по россиянам в целом. При сравнительно небольшой доле среди представителей сторонников данной стратегии работающих, ее сторонники характеризуются обеспеченностью активами, хотя и не очень ярко выраженной (у 29,3% из них в 2018 г. была в собственности земля в той или иной форме, у 13,4% –

второе жилье, у 34,6% – хотя бы небольшие сбережения; ничего из этого не было у меньшинства (43,1%)). Самые главные их отличия – наличие довольно качественного ресурса социальных сетей (61,8% в данной группе могли обратиться к окружению за займами при 49,3% по населению в целом), а также принадлежность значительной их части к наиболее квалифицированным слоям населения – 41,3% их имели высшее образование. Таким образом, на внешнюю помощь в силу особенности их положения (возраст, здоровье, учеба и т.д.) обычно ориентируются неработающие представители относительно благополучных слоев населения, имеющие или получающие высшее образование, с неплохой ресурсообеспеченностью (в том числе и в отношении качества ресурса их социальных сетей). Члены этих сетей, помогая представителям данной группы, понимают ограниченность финансовых возможностей сторонников стратегии получения помощи и не готовы давать им в долг крупные суммы (лишь 6,9% в данной группе могут обратиться к окружению за займами от 100 тыс. руб. при 8,2% по населению в целом), но готовы оказать небольшую посильную помощь на «текущие расходы».

4. Стратегия II в табл. 8.2 «*Множественная постоянная занятость*» (6,1%). Сторонники данной стратегии, как следует из ее названия, стремятся улучшить свое материальное положение за счет работы по совместительству в нескольких местах на постоянной основе. Они относительно чаще проживают в крупных городах с широким рынком труда и востребованы на этом рынке, поскольку в большинстве случаев их уровень квалификации сравнительно высок. В плане отдачи от нее данная стратегия, судя по всему, довольно эффективна и в меньшей степени характерна для неблагополучных слоев – лишь 25,8% ее представителей относились в 2018 г. к нижней страте.

5. Стратегия III в табл. 8.2 «*Любые приработки*» (9,6%). Ее сторонники проживают в основном в крупных городах. Именно среди них самая большая доля молодежи до 30 лет (29,1%) и чаще, чем среди сторонников остальных стратегий, встречаются представители рабочих профессий (36,9% при 25,5% по массиву в целом). Таким образом, сторонников этой стратегии характеризует ориентация на рынок труда (обычно в местах их проживания довольно широкий), но при относительно слабых на нем позициях, не позволяющих рассчитывать на постоянное совместительство. Тем не менее сторонники данной стратегии оказываются в нижней страте сравнительно редко (27,8%).

6. Стратегия IV в табл. 8.2 «*Максимальная активность*» (8,4%). Ее сторонники используют в среднем наибольшее число адаптационных действий по сравнению с представителями остальных стратегий. В первую очередь эта стратегия основывается на интенсификации трудовой деятельности в виде сверхурочной занятости по основному месту работы, а также в форме разовых приработков. Помимо этого, многие сторонники этой стратегии используют помощь близких или займы, а также выращивают для себя кое-какие продукты питания, т.е. «крутятся» как могут. При этом сторонники данной стратегии характеризуются сравнительно высокой степенью обеспеченности разными ресурсами, которые используются ими для адаптации: 44,5% их имели в 2018 г. дачи, огороды или земельные участки, 27,2% – второе жилье, 29,3% – хотя бы небольшие сбережения. Таким образом, стратегия максимальной активности выбирается обычно городскими жителями, занимающими сравнительно прочные позиции на рынке труда и имеющими в результате этого некоторый запас ресурсов, используемых для улучшения своего материального положения. Однако доля представителей нижней страты среди них сравнительно велика (31,9%), и в целом группа сторонников этой стратегии характеризуется повышенными показателями рисков и депривиций. Это значит, что данную стратегию выбирают в целом относительно благополучные горожане в период временного ухудшения по каким-то причинам их жизненной ситуации, вынуждающего их начать «активно крутиться».

7. Стратегия V в табл. 8.2 «*Выращивание продуктов для себя*» (11,2%) основана на использовании личного подсобного хозяйства для собственных нужд. Она распространена преимущественно среди горожан, имеющих дачи (59,2%), и относительно благополучных сельских жителей, многие из которых имеют высшее образование и занимают рабочие места специалистов и руководителей. Наименее благополучная часть сельских жителей подсобным хозяйством в основном не занимается.

8. Стратегия VI в табл. 8.2 «*Выращивание продуктов на продажу*» (4,3%). Значимых различий между сторонниками этой и предыдущей стратегий ни в возрасте (медианный возраст составлял среди них 48 и 46 лет соответственно), ни в уровне занятости (имели работу 65,0% и 65,9% соответственно), ни в обеспеченности ресурсами нет. Более заметно отличаются их приверженцы друг от друга своими профессиональными позициями. Так, почти треть работающих сторонников стратегии выращивания продуктов для себя занимают позиции руководителей и специалистов (31,5% при

15,2% среди работающих сторонников стратегии выращивания продуктов на продажу), в то время как представители последней заметно чаще занимают позиции рядовых работников торговли и бытового обслуживания (60,8% при 48,9% среди работающих сторонников выращивания продуктов только для себя). Это означает, что «сельская интеллигенция» и горожане с садовыми участками, имея более устойчивое положение на локальных рынках труда, используют личное приусадебное хозяйство только для собственных нужд. Те же, у кого занятость неустойчива или доходы от нее меньше, чаще вынуждены ориентироваться на продажу продуктов «со своего огорода». В итоге, в отличие от предыдущей, эта стратегия в большей степени характерна для относительно менее благополучных слоев сельского населения, хотя и это скорее средние по их благосостоянию сельские жители, чем представители сельских «низов».

9. Стратегия VII в табл. 8.2 – «*Наращивание долговой нагрузки*» (5,8%). Треть (34,9%) сторонников этой стратегии проживали в 2018 г. в сельской местности и лишь 4,3% – в Москве и Санкт-Петербурге. Свыше половины (55,6%) их не имели никаких экономических ресурсов и при этом характеризовались одним из самых высоких уровней иждивенческой нагрузки – в среднем на одного работающего приверженца стратегии наращивания долговой нагрузки приходится более двух иждивенцев (для всего массива этот показатель составлял в 2018 г. 1,79). В то же время эта характеризующаяся высоким уровнем рисков часть населения в глазах остальных россиян не имеет безусловного права на поддержку со стороны социальных сетей в силу своей трудоспособности и наличия у их большинства (73,3%) работы. Однако неблагоприятное положение на локальных рынках труда, а также большое число иждивенцев приводят подавляющее большинство сторонников этой стратегии к необходимости наращивания и без того высокой долговой нагрузки: в основном это банковские кредиты (у 80,8% имеющих долги в данной группе) и накопившиеся мелкие долги (56,6% от имеющих какие-либо долги)[5]. Эта стратегия характерна чаще всего для представителей нижней страты, которые составляют в ней большинство (52,6%). Есть в этой группе и сравнительно много представителей средней страты, которые, хотя и облада-

[5] Сумма долей превышает 100%, так как индивиды с банковскими кредитами одновременно могли иметь и другие виды долговой нагрузки (долги физическим лицам, задолженность по оплате ЖКХ и пр.)

ют сравнительно бóльшими возможностями, однако, видимо, их недостаточно для реализации более эффективных стратегий.

10. Стратегия VIII в табл. 8.2 «*Мобильность*» (6,2%) получила такое название из-за того, что среди ее сторонников концентрируются практически все, кто ориентирован на внутреннюю или внешнюю миграцию. Ее приверженцы также сравнительно чаще, чем россияне в целом, имеют доходы от собственности (сдают внаем недвижимость, получают проценты по вкладам и т.п.). Почти треть (29,7%) их относится к верхней страте, и лишь каждый пятый (20,1%) – к нижней. Проживают они в основном в городах (75,1%), в том числе практически каждый шестой (17,3%) – в Москве и Санкт-Петербурге. Половина (49,5%) их имеет высшее образование, свыше трех четвертей младше 50 лет. В данной группе очень много (43,0% при 4,8% среди всех, что-либо предпринимавших для улучшения своего материального положения) также тех, кто готов сменить профессию, а не только эмигрировать или мигрировать. Другими словами, сторонники данной стратегии готовы и к территориальной, и к профессионально-образовательной мобильности, что нехарактерно для россиян в целом, и очень гетерогенны по своему составу.

11. Стратегия IX в табл. 8.2 «*Сверхурочная работа*» (6,2%) характерна для тех, кто из всего набора адаптационных действий предпочитает наращивать трудовую нагрузку на единственном рабочем месте. Эта стратегия сравнительно чаще распространена среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга, работающих на предприятиях, где сверхурочные часы принято оплачивать. При этом, что кажется парадоксальным, особенно учитывая схожесть их возрастных и профессиональных характеристик, среди сторонников сверхурочной работы почти в полтора раза больше представителей верхней страты и в два раза меньше представителей нижней страты, чем среди тех, кто придерживался стратегии максимальной активности (рис. 8.3).

Итак, в российском обществе в 2018 г. четко выделялись 11 адаптационных стратегий, на выбор которых влияли возраст, тип поселения по месту проживания, наличие занятости, наличие и характер располагаемых ресурсов, а также иждивенческая нагрузка. Поведение россиян в процессе выбора той или иной стратегии адаптации являлось, как правило, рациональным, поскольку они старались максимально использовать те возможности, которые предоставляли им их ресурсы и окружающая институциональная среда – от специфики локальных рынков труда и позиции в соци-

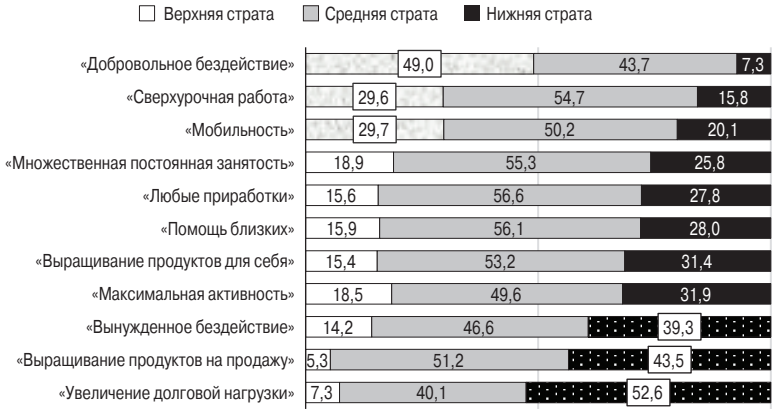


Рисунок 8.3

Доли представителей разных страт среди сторонников различных стратегий адаптации, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

*% (отранжировано по доле представителей нижней страты среди их сторонников)**

Примечание. * Три наиболее характерных для верхней и для нижней страт стратегии выделены неоднородной заливкой.

альных сетях до размеров дополнительных доходов от материальных активов и возможностей наращивания долговой нагрузки. При этом довольно широко была распространена среди россиян, особенно в нижней страте, также пассивная неконструктивная стратегия адаптации, предполагающая не максимизацию своего дохода, а сокращение своих потребностей, что являлось отражением тех крайне ограниченных возможностей, которые предоставляли им повседневные реалии их жизни.

Все охарактеризованные выше стратегии в разной степени распространены среди представителей трех рассматриваемых страт. Для представителей верхней страты в составе массовых слоев населения характерна прежде всего стратегия добровольного бездействия (36,6%), а из активных стратегий – «Сверхурочная работа» по месту основной занятости и «Мобильность». В средней страте стратегия добровольного бездействия встречается уже реже, чем стратегия вынужденного бездействия (14,5% против 18,4%), что говорит о близости структурных позиций ее представителей с представителями нижней страты. Среди других характерных для средней страты стратегий – ориентация на помощь близких у неработающих и систематическая или эпизодическая занятость

не по месту основной работы – у работающих. Что же касается нижней страты, то в ней заметно чаще, чем в двух других, распространены стратегии вынужденного бездействия (27,3%), увеличения долговой нагрузки (10,8%) и выращивания продуктов на продажу (6,6%).

Если соотнести выбираемые индивидами стратегии с их местом на условной «карте» жизненных возможностей и рисков, то, как показано на рис. 8.4, место в стратификационной иерархии четко коррелирует с избираемыми индивидами стратегиями улучшения своего материального положения. Отсутствие серьезных рисков и высокий уровень позитивной привилегированности позволяют сторонникам стратегии добровольного бездействия не переживать о том, что их положение может ухудшиться. Сразу становится заметным и отличие положения сторонников стратегии сверхурочной работы от, казалось бы, похожих на них по возрастным и профессиональным признакам представителей стратегии максималь-

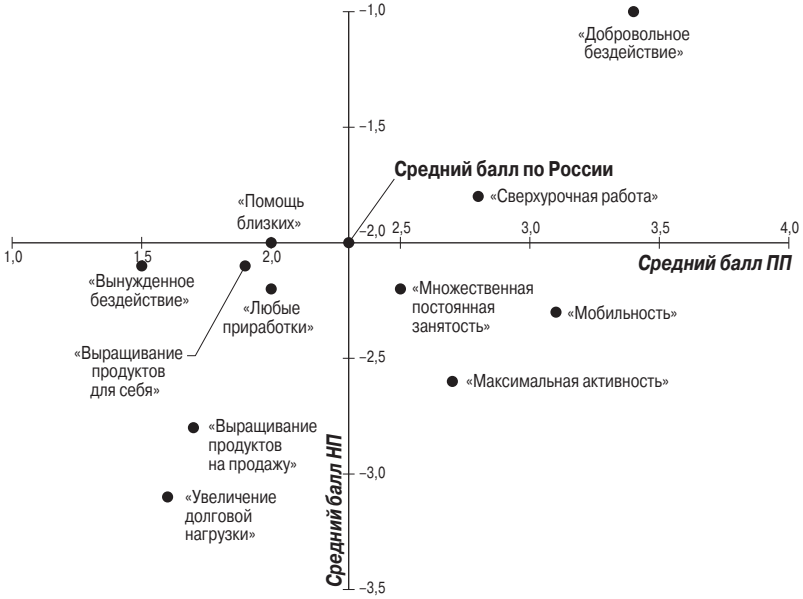


Рисунок 8.4

Место сторонников разных адаптационных стратегий в пространстве позитивной (ПП) и негативной (НП) привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *баллы*

ной активности: у первых гораздо меньший уровень депривации, чем у вторых, что позволяет им не так сильно «суетиться». Как следствие, первая стратегия шире распространена в верхней страте, чем вторая. Наконец, наиболее высокий уровень депривации при практически полном отсутствии жизненных возможностей объясняет распространенность стратегий наращивания долговой нагрузки и выращивания продуктов на продажу в нижней страте. Таким образом, можно констатировать, что соотношение жизненных шансов и рисков, характеризующее положение индивида в социальном пространстве, в значительной степени определяет его адаптационное поведение, которое, в свою очередь, влияет на динамику его социально-экономического положения.

Рис. 8.4 позволяет лучше понять и то, как место на социальном поле жизненных шансов, с одной стороны, а также рисков и деприваций, с другой, влияет на выбор стратегий адаптации. Так, при одних и тех же показателях располагаемых жизненных шансов неглубокая депривированность ведет скорее к выбору стратегии вынужденного бездействия, а глубокая – к стратегии увеличения долговой нагрузки. «Мобильность» характерна для представителей довольно благополучной по показателям позитивной привилегированности группы, однако имеющей при этом также высокие показатели испытываемых рисков. То есть спецификой сторонников этой стратегии выступает неконсистентность их статусных позиций, подталкивающая их к попыткам изменить свое положение за счет выхода за рамки той институциональной среды, в которой они находятся в данный момент, и перехода в другую институциональную среду. В российских условиях такого рода действия ассоциируются у населения прежде всего со сменой места жительства, в том числе (особенно для жителей Москвы и Санкт-Петербурга) – и с переездом в другую страну. К числу попыток выйти из своего противоречивого статусного положения относятся и попытки сменить институциональную среду за счет смены профессии.

Однако переоценивать масштаб различий в выборе адаптационных стратегий представителями разных страт все же не стоит. По ряду стратегий («Помощь близких», «Множественная постоянная занятость», «Максимальная активность») доля выбравших их в разных стратах очень близка. По другим стратегиям различия более яркие (табл. 8.3). Наиболее сильные различия в распространенности разных стратегий просматриваются по стратегиям выращивания продуктов на продажу и увеличения долговой нагрузки в нижней страте и добровольному бездействию в верхней стра-

те. Во всех этих случаях средняя страта занимает промежуточное положение, не приближаясь к «полюсам» социальной иерархии. В то же время по популярности стратегии «Любые приработки» она близка к нижней страте, а по стратегии «Сверхурочная работа» – к верхней.

Таблица 8.3

Распространенность различных стратегий социально-экономической адаптации в разных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Стратегии	Социальные страты			*Поляризация, разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Выращивание продуктов на продажу	6,5	4,2	1,1	*5,91*
Увеличение долговой нагрузки	10,5	4,5	2,0	*5,25*
Вынужденное бездействие	26,6	18,7	11,3	*2,35*
Выращивание продуктов для себя	12,6	11,9	7,4	*1,70*
Любые приработки	9,9	10,8	6,1	*1,62*
Максимальная активность	9,4	8,5	6,5	*1,45*
Помощь близких	6,0	6,8	4,6	*1,30*
Множественная постоянная занятость	5,9	6,4	5,6	*1,05*
Мобильность	4,5	6,3	8,7	*0,52*
Сверхурочная работа	3,7	7,2	7,3	*0,51*
Добровольное бездействие	4,4	14,6	39,4	*0,11*

Примечания. *Серым фоном выделены ячейки с наибольшими показателями по каждой строке. ** Рассчитано как соотношение выбравших соответствующие стратегии в нижней и верхней стратах.

Таким образом, благополучное настоящее позволяет многим представителям верхней страты не предпринимать никаких усилий для улучшения их материального положения. Представители нижней страты в среднем более активны, чем члены верхней страты, но среди них широко распространены неконструктивные или малоэффективные стратегии адаптации, что связано прежде всего со спецификой их ресурсообеспеченности, охарактеризованной в главе 7. Что же касается средней страты, то она занимает промежуточное положение, не тяготея выраженно в этом отношении ни к верхней, ни к нижней страте.

Динамика стратегий социально-экономической адаптации россиян в последние десятилетия

К началу 2000-х основной набор адаптационных действий, потенциально способных обеспечить улучшение материального благосостояния в новых институциональных условиях, в российском обществе уже сформировался. Эти действия были описаны и систематизированы в работах отечественных исследователей тех лет, в которых предпринимались также попытки оценить численность сумевших воспользоваться преимуществами новых институтов, позволяющих получать ренту с различных активов (недвижимости, инвестиций и пр.), заниматься предпринимательством, переквалифицироваться и свободно перемещаться на рынке труда не только вертикально, но и горизонтально. М.А. Шабанова, например, оценивала численность получивших дополнительные возможности групп примерно в 20% [Шабанова, 2001: 92]. По оценкам Е.М. Авраамовой [Адаптационные стратегии..., 2003: 20], тех, кто смог выстроить наиболее эффективные и успешные трудовые стратегии в новых рыночных условиях, включая предпринимателей и лиц с высокодоходной занятостью на единственной работе, было, по состоянию на середину 1990-х, чуть более 14%.

Таким образом, для большинства населения реализовать наиболее эффективные в экономическом отношении адаптационные практики было невозможно даже в тот, характеризовавшийся наибольшей социальной мобильностью [Тихонова, 2014], период. Однако это не означало отсутствия у остальных россиян разного рода адаптационных практик – наоборот, эти практики были весьма разнообразны и широко распространены, и если бы не они, то положение населения в 1990-е годы было бы намного хуже, чем это имело место в реальности. Наиболее доступными для россиян в 1990-е были действия, ориентированные на использование личного приусадебного или подсобного хозяйства, и именно их распространенность сразу же реагировала на ухудшение экономической обстановки. Так, в начале 1998 г., т.е. до кризиса 1998–1999 гг., доля россиян, которые трудились на своем приусадебном участке ради выживания, составляла, по данным С.Б. Герасимовой, 19%, а в 2000 г. их стало уже 24% [Герасимова, 2005: 193]. Широко распространена была тогда и такая форма адаптационных практик, как множественная занятость [Адаптационные стратегии..., 2003].

В начале 2000-х начался новый этап жизни российского общества, характеризовавшийся быстрым экономическим ростом.

Согласно данным ФСГС РФ, реальные располагаемые денежные доходы населения также непрерывно росли, увеличившись в 2000–2013 гг. в общей сложности в 2,7 раза, хотя ВВП вырос за тот же период лишь в 1,8 раза[6]. После начала экономического кризиса в 2014 г. реальные доходы россиян упали и к 2018 г. еще не вернулись к уровню 2010 г., хотя уровень ВВП уже превзошел к этому моменту показатели и 2014 г., и, тем более, 2010 г. (рис. 8.5).

Таким образом, динамика уровня доходов и их распределения в российских домохозяйствах свидетельствует о наличии в новейшей истории страны длительного периода их роста (2000–2013 гг.), что должно было бы способствовать и росту удовлетворенности россиян в эти годы своим материальным положением, а следовательно, – и повышению доли сторонников стратегии добровольного бездействия. С другой стороны, падение реальных доходов россиян в период с 2014 г. должно было бы стимулировать распро-

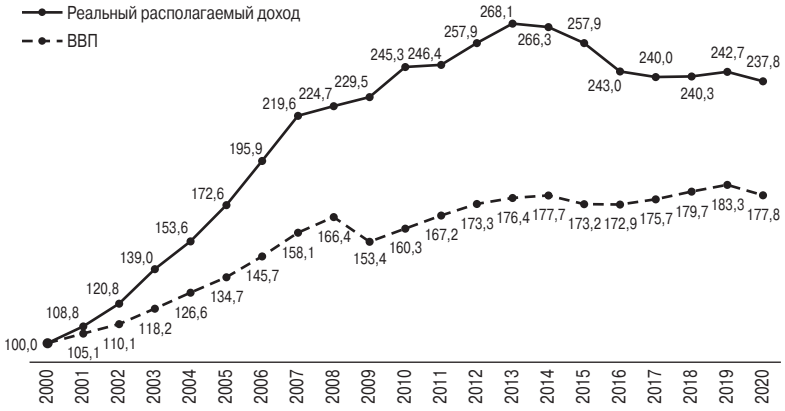


Рисунок 8.5

Динамика реальных располагаемых доходов населения в 2000–2020 гг. в сравнении с динамикой ВВП, ФСГС РФ, *% от уровня 2000 г.**

Примечание. * Реальные располагаемые денежные доходы. Центральная база статистических данных. Официальный сайт ФСГС РФ. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/cbsd_internal/DBInet.cgi (дата обращения: 21.12.2021 г.).

---

[6] ВВП годы (с 1995 г.). Национальные счета. Официальный сайт ФСГС РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vkFOBqDq/%D0%92%D0%92%D0%9F%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20(%D1%81%201995%20%D0%B3.).xls (дата обращения: 21.12.2021 г.).

странение тех видов их активности, которые наиболее характерны для негативной динамики материального положения. Если говорить о других особенностях динамики в этот период институциональной среды макроуровня, то специфика развития экономики на протяжении рассматриваемого периода не могла стимулировать массового стремления к росту знаний и квалификации, поскольку монетарные «отдачи» на них начиная с середины 2000-х годов снижались [Лукьянова, 2010; Тихонова, Каравай, 2018]. Соответственно, должна была бы потерять популярность и активность в наращивании своих знаний и квалификации.

Для проверки этих предположений с помощью применения уже упоминавшегося выше метода двухэтапного кластерного анализа на подвыборках тех, кто предпринимал какие-либо действия для улучшения своего положения, мы получили один и тот же набор активных адаптационных стратегий на пяти массивах данных исследований 2003–2018 гг.[7] Анализ эмпирических данных за этот период показал также, что рост благосостояния населения в начале 2000-х привел к заметному снижению доли населения, нуждающегося в активных действиях в целях своей социально-экономической адаптации. Если в начале «нулевых» 79,8% россиян предпринимали какие-либо действия для улучшения своего материального положения, то к весне 2008 г. их доля сократилась до 62,1% и далее изменялась незначительно. При этом среди населения с пассивным адаптационным поведением соотношение сторонников «вынужденного» и «добровольного» бездействия постепенно смещалось в пользу последних (в 2003 г. оно выглядело как 61,6:38,4, а в 2018 г. стало выглядеть как 54,3:45,7).

К осени 2020 г., в условиях новых реалий, связанных с распространением коронавирусной инфекции, вызвавшей значительные негативные изменения в экономике и жизни общества, многим прежде «добровольно» бездействующим россиянам пришлось начать предпринимать активные действия по сохранению собственного материального благополучия. В итоге в сентябре 2020 г. численность этой группы сократилась до 12,1%. Однако уже к весне 2021 г. она вновь начала расти, хотя так и не дошла до показателей 2018 г. (рис. 8.6). Другими словами, представители группы «добровольно» бездействующих россиян достаточно быстро адаптировалась к изменяющимся социально-экономическим услови-

[7] Речь идет об исследованиях ИС РАН за соответствующие годы. Подробнее см. Приложение В.1.

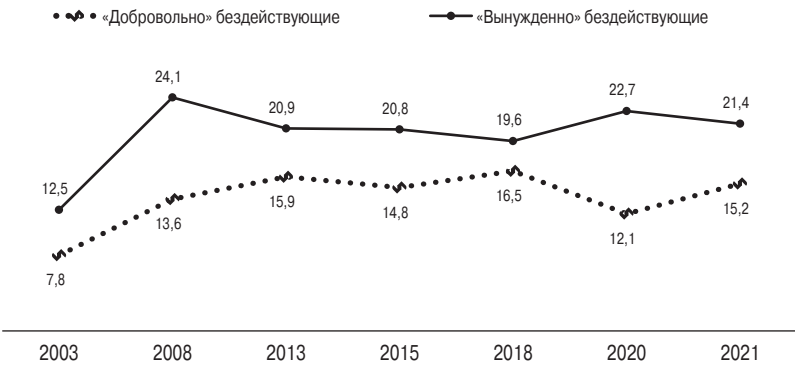


Рисунок 8.6

Динамика численности «добровольно» и «вынужденно» бездействующих в отношении улучшения собственного материального положения россиян, 2003–2021 гг., ИС ФНИСЦ РАН, %

ям. Произошло это не только за счет концентрации в этой части общества материальных и нематериальных ресурсов, но и из-за активной жизненной позиции представителей данной группы.

Вместе с тем доля «вынужденно» бездействующих россиян выросла осенью 2020 г. до 22,7% и осталась к весне 2021 г. почти неизменной по численности (21,4% при 20,9% в 2013 г.). Такое относительное постоянство доли этой группы среди массовых слоев населения как в сравнительно спокойном 2013 г., так и в пандемийных 2020–2021 гг. говорит о существовании институциональных факторов, обусловливающих ее воспроизводство. Свидетельствует это постоянство и об отсутствии примерно у пятой части населения страны возможностей для улучшения своего положения собственными силами в любых экономических условиях. Впрочем, учитывая состав данной группы, большинство которой составляют пенсионеры, это неудивительно и в очередной раз говорит лишь о бедственном положении многих пенсионеров в нашей стране.

Данные свидетельствуют также о том, что за этот период изменилась доля сторонников тех или иных активных адаптационных стратегий. Переломным моментом оказался социально-экономический кризис, начавшийся в конце 2014 г. В основном он затронул стратегии, связанные с рынком труда: в общей сложности число их сторонников сократилось в составе предпринимающих активные действия для улучшения своего материального положения к 2018 г.

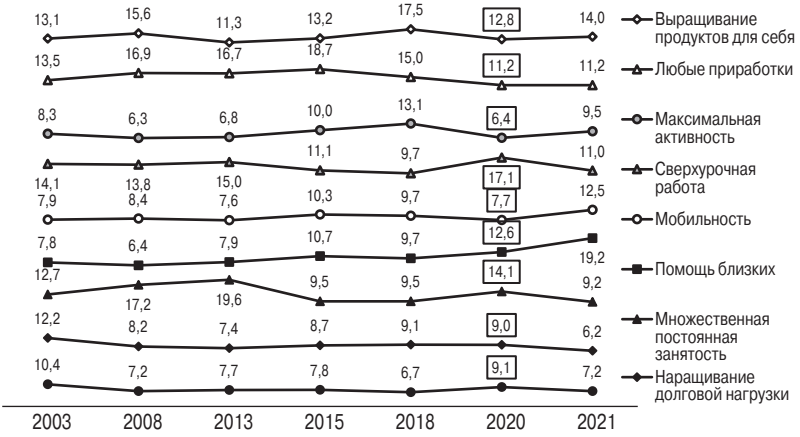


Рисунок 8.7

Распространенность различных *активных* адаптационных стратегий среди россиян в 2003–2021 гг., ИС ФНИСЦ РАН, *% от группы тех, кто что-либо предпринимал для поддержания/улучшения своего материального положения*

в 1,5 раза (с 51,3% в 2013 г. до 34,2% в 2018 г., см. рис. 8.7), при этом более чем в 2 раза (с 19,6% в 2013 г. до 9,4% в 2018 г.) уменьшилось число тех, кто выбирал множественную занятость. Заметно сократилась среди них и распространенность сверхурочной работы – с 15,0% в 2013 г. до 9,7% в 2018 г. Одновременно люди снова стали активнее трудиться в личном приусадебном хозяйстве (рост с 11,3% в 2013 г. до 17,5% в 2018 г.), а также чаще прибегать к максимальной активности, чтобы хоть как-то «удержаться на плаву»: доля сторонников этой стратегии выросла в 2013–2018 гг. практически в 2 раза – с 6,8% до 13,1%. Другими словами, экономический кризис 2014–2016 гг. привел к тому, что активная адаптация стала все реже предполагать устойчивую дополнительную трудовую активность на рынке труда и все чаще – малоэффективное производство продуктов питания в подсобном хозяйстве и попытки «крутиться» без устойчивых дополнительных источников доходов. Все же вплоть до начала пандемии картина распространения тех или иных стратегий оставалась довольно устойчивой[8].

[8] В большинстве массивов данных (4 из 7) количество кластеров не задавалось изначально. Исключением являлись лишь массивы 2008, 2015 и 2021 гг., где нам пришлось принудительно назначить характерное для других лет количество кластеров, поскольку автоматические расчеты показывали их изменение

Ситуация заметно изменилась в период пандемии. Наиболее масштабным и при этом устойчивым изменением оказался рост числа сторонников стратегии с ориентацией на помощь близких. Повлияла пандемия и на трудовую активность (рис. 8.8)[9]. Сделанный на рис. 8.8 переход от активной части населения к населению в целом и от стратегий адаптации к конкретным действиям в их составе помогает увидеть еще одну тенденцию, сформировавшуюся в условиях пандемии, – активизацию использования имеющихся активов для улучшения своего материального положения. Однако смысл этой активности по крайней мере для части ее использовавших изменился – в ряде случаев из конструктивной она превратилась в деструктивную, поскольку зачастую применительно к реализовывавшим ее речь шла уже не об использовании процентов от сбережений, а о «проедании» самих сбережений. В результате число имеющих сбережения россиян сократилось: весной 2021 г. каждый пятый из них (20,1%) утверждал, что в связи с кризисом им пришлось потратить все или бóльшую часть сбережений семьи. Увеличилось и число распродающих имущество.

При этом эмпирические данные свидетельствуют, что поправить свое материальное положение с помощью работы в условиях пандемии по-прежнему в основном удавалось представителям наиболее благополучных слоев общества, которые изначально занимали высокооплачиваемые рабочие места, поскольку именно для них в наибольшей степени характерна постоянная вторичная занятость и/или оплата сверхурочной занятости. Сокращение же возможностей для того, чтобы поправить свое материальное поло-

---

по отношению к относительно стабильным периодам развития. В 2008 г. процедура двухэтапного кластерного анализа выделила 5 активных адаптационных стратегий, в которых стратегии, связанные с трудовой активностью, оказались объединены в одну группу. На данных 2015 г., напротив, помимо 9 описанных выше активных адаптационных стратегий, автоматически выделилась еще одна, которая объединила индивидов, получающих доходы от собственности (сдачи в аренду недвижимости, проценты от сбережений и т.п.). Однако доля ее сторонников была в пределах статистической погрешности, поэтому мы отказались от ее рассмотрения как самостоятельной стратегии на длительном отрезке времени. На данных 2021 г. число кластеров также оказалось больше стандартного на одну стратегию. Все это свидетельствует о том, что в кризисные периоды поведение массовых слоев россиян по отношению к возможностям улучшения своего материального положения может немного меняться, но затем возвращается к устойчивому набору одних и те же стратегий.

[9] На рис. 8.8 сравниваются не распространенность тех или иных стратегий среди предпринимающих что-то для улучшения своего положения населения страны, а распространенность отдельных действий среди населения в целом.

Рисунок 8.8

Распространенность различных адаптационных *действий* среди россиян в 2018–2021 гг., ИС ФНИСЦ РАН, *% от россиян в целом*

жение за счет собственных усилий, в наибольшей степени затронуло в условиях пандемии наименее благополучные слои населения, для которых чаще характерны разовые приработки.

Кроме того, как мы и предположили выше, действия, связанные с наращиванием и обновлением своих знаний и квалификации, не только не приобрели среди россиян за период с начала 2000-х годов массового распространения, но стали встречаться даже реже. Так, с 2008 г., т.е. после завершения структурной перестройки экономики, во всех использованных массивах данных хоть как-то пополняли свои знания менее половины населения, хотя еще в 2003 г. их доля составляла более половины. Одновременно

переквалификация стала все реже рассматриваться в качестве способа улучшения своего материального положения – неслучайно в 2021 г. лишь 3,0% россиян говорили о том, что они переквалифицируются, чтобы сменить работу, хотя в 2003 г. таких было вдвое больше (6,4%).

Выводы

Формирование типичных поведенческих паттернов, направленных на социально-экономическую адаптацию к изменившимся внешним условиям, наиболее активно происходило в 1990-е, когда быстрая трансформация привычной институциональной среды вынуждала россиян искать дополнительные способы поддержания материального благополучия, а зачастую и выживания. При этом они сравнительно чаще выбирали тогда трудовые стратегии, связанные с разовыми приработками и работой в подсобном хозяйстве. Те же, кто избирал неконструктивную пассивную стратегию адаптации и тогда, и сейчас примерно в половине случаев делали это из-за объективных ресурсных ограничений, главными из которых были возраст, здоровье и другие объективные факторы. Однако другую половину, т.е. примерно каждого десятого россиянина, можно рассматривать как дезадаптантов. К последним можно отнести и те 7–9% взрослого населения страны, которые предпринимают какие-то действия для улучшения своего материального положения, но все эти действия имеют неконструктивный характер (увеличение долговой нагрузки, распродажа имущества и т.п.).

Что касается динамики адаптационных стратегий в 2000–2010-х годах, то в первой декаде нового века, на фоне общего роста благосостояния населения, отсутствие активности в поиске дополнительных источников доходов из-за невозможности что-то самостоятельно изменить в своей жизни стало постепенно сокращаться с одновременным ростом отсутствия такой активности в силу удовлетворенности все большей части россиян своим материальным положением. Таким образом, неконструктивная пассивная адаптация стала постепенно уступать свои позиции конструктивной пассивной адаптации, свидетельствующей, что происходящие изменения во внешней среде не требовали от многих россиян дополнительных действий. Однако для большинства взрослого населения страны все же и сейчас типичны активные стратегии социально-экономической адаптации разной степени

эффективности, и прежде всего – разовые приработки и выращивание продуктов для собственного потребления.

Что же касается 2010-х годов, то для них характерно было прежде всего сокращение после экономического кризиса 2014–2016 гг. числа тех, кто выбирает такие формы адаптационной активности, как множественная и сверхурочная занятость. В основе такой динамики лежит общее ухудшение ситуации на рынке труда из-за изменения «баланса сил» во взаимоотношениях работников и работодателей, делающее многие формы трудовой деятельности невыгодными для работников. Кроме того, из-за низких «отдач» на знания и квалификацию в отечественной экономике распространенность наращивания и обновления последних за последние полтора десятилетия резко сократилась.

В целом выбор россиянами одной из выделенных адаптационных стратегий определяется обеспеченностью их сторонников различными материальными и нематериальными ресурсами, местом проживания, возрастными и профессиональными характеристиками. Место в стратификационной иерархии также влияет на выбор адаптационных стратегий и их эффективность. Во-первых, оно определяет возможности индивидов накапливать ресурсы, необходимые для адаптации, которые с определенного момента «работают сами», не требуя каких-то дополнительных усилий. Поэтому многие исследователи фиксируют отмеченное и нами снижение адаптационной активности благополучного населения. Во-вторых, высокий уровень депривaций и рисков приводит к выбору малоэффективных стратегий адаптации, и, как следствие, для приверженцев соответствующих стратегий ни о каком расширении жизненных возможностей речь не идет. Это хорошо видно на специфике места в пространстве позитивной и негативной привилегированности сторонников таких стратегий, как «Максимальная активность» и «Выращивание продуктов на продажу». Обе эти стратегии предполагают достаточно большие затраты сил и энергии, но не позволяют снизить масштаб рисков и депривации хотя бы до среднего. В-третьих, понятнее становится при анализе стратегий адаптации через призму специфики структурных позиций человека с учетом совокупности его жизненных шансов и рисков также то, что стратегия «Увеличения долговой нагрузки» – это стратегия тех россиян, которые находятся в зоне наиболее высоких рисков и наиболее глубокой депривации при практически полном отсутствии возможности улучшить или хотя бы сохранить уровень своего материального благосостояния.

Представители верхней страты могут позволить себе при этом либо вообще не «суетиться» ради поддержания своего благополучного материального положения, либо, чаще, выбирать наиболее комфортные по сравнению с представителями других страт стратегии адаптации (дополнительные доходы от активов или от увеличения нагрузок на основной работе). В нижней страте, наоборот, индивиды массово вынуждены либо бездействовать из-за структурных и институциональных ограничений их активности, либо выбирать неконструктивные или низкоэффективные стратегии (наращивание долговой нагрузки и т.п.). Представители средней страты по избираемым адаптационным стратегиям занимают промежуточное положение между верхней и нижней стратами.

Таким образом, место в стратификационной иерархии имеет важное значение для формирования адаптационных практик населения. Высокая позиция в этой иерархии способствует накоплению активов, необходимых для адаптации, и доступности более комфортных для индивидов форм дополнительной трудовой активности. В то же время высокая концентрация различных рисков и депривиций приводит к тому, что у индивидов не хватает объективных возможностей для поддержания собственного материального благополучия даже при готовности к активизации своих усилий.

Качественные различия в характере и эффективности выбираемых представителями разных страт стратегий приводят к тому, что неравномерность распределения жизненных шансов и рисков в российском обществе только увеличивается. Отсутствие же действенных социальных и экономических институтов, которые могли бы противодействовать этим негативным тенденциям, способствует дальнейшему росту социальных неравенств.

Глава 9. Факторы дифференциации жизненных шансов и рисков в современном российском обществе: регрессионный анализ[1]

В предыдущих главах были рассмотрены демографический и профессиональный состав, ресурсообеспеченность и специфика занятости представителей разных страт. В данной главе мы вернемся к рассмотрению факторов дифференциации жизненных шансов и рисков в современном российском обществе, более того – факторы, определяющие положение индивида в пространстве позитивной и негативной привилегированности, являются основным ее предметом. Итак, чем же обусловливается неравенство в жизненных шансах и рисках для массовых слоев российского общества? Ответ на этот вопрос мы попытались найти с использованием данных 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (2018 г.).

Дифференциация работающих и неработающих россиян по особенностям их шансов и рисков

Занятость является одним из ключевых факторов, определяющих положение индивидов в пространстве жизненных шансов и рисков. При этом работающие россияне, в свою очередь, дифференцированы между собой по уровню их позитивной и негативной привилегированности в зависимости от их профессионального статуса и уровня человеческого потенциала. Если сравнить ситуации разных профессиональных групп в различных сферах жизни в пространстве неравенств (рис. 9.1.), то сразу заметна значительная дифференциация их представителей в производственной сфере, а также сфере сохранения и накопления человеческого потенциала.

В отношении **ситуации на работе** заметно, что руководители, профессионалы и специалисты рутинного нефизического труда

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Каравай, 2019; Каравай, 2020б].

(служащие) характеризуются сопоставимым уровнем рисков при значительных различиях в жизненных возможностях. Так, средний уровень негативной привилегированности для руководителей составлял в 2018 г. – 0,69 балла, а для служащих – –0,76 балла. При этом характер рисков последних связан прежде всего с нарушением их трудовых прав. В отношении служащих работодатели чаще не соблюдают базовое трудовое законодательство в области выплаты полностью «белой» зарплаты, оплаты в должном размере отпуска и больничного листа (46,9% при 35,0% среди руководителей и 30,5% среди профессионалов). Руководителям же обычно не принято оплачивать их сверхурочную работу, хотя свыше 40 часов в неделю трудится 56,7% руководителей (в том числе у 22,6% рабочее время превышало весной 2018 г. 50 часов), только 38,3% из перерабатывающих управленцев получали за это компенсацию от работодателей. Близки к руководителям в этом отношении и профессионалы – им не всегда оплачивают сверхурочную работу (46,4% работали, по данным 2018 г., свыше 40 часов, но лишь 39,9% это компенсировали), чем нарушают их базовые трудовые права. Две другие массовые профессиональные группы замыкают эту иерархию, причем по уровню негативной привилегированности рядовые работники торговли и бытового обслуживания заметно более уязвимы у себя на работе, чем рабочие. Проблема уязвимости положения работников сферы услуг заключается в тотальном нарушении их трудовых прав – в той или иной степени они не соблюдаются у 75,8% из них (при 56,0% среди рабочих и 49,6% среди работающих в целом). Если рассматривать эту проблему более детально, то среди рядовых работников торговли и бытового обслуживания 59,9% получают хотя бы частично «серую» зарплату (39,9% у рабочих, 35,7% у работающих в целом), 65,6% из них не оплачиваются полностью или частично отпуска и больничные листы (44,0% у рабочих, 38,1% у работающих), 25,5% работают по временному трудовому договору, а 17,4% – на основании устной договоренности (среди рабочих соответственно – 16,4% и 9,2%, среди работающих – 12,3% и 7,6%). Таким образом, положение большинства рабочих на рынке труда гораздо прочнее, чем у рядовых работников торговли и бытового обслуживания, и последние являются наименее защищенной профессиональной группой, хотя в других сферах жизни они менее уязвимы, чем рабочие.

Что же касается возможностей и жизненных шансов представителей разных профессиональных групп у них на работе, то хуже всего показатель позитивной привилегированности в про-

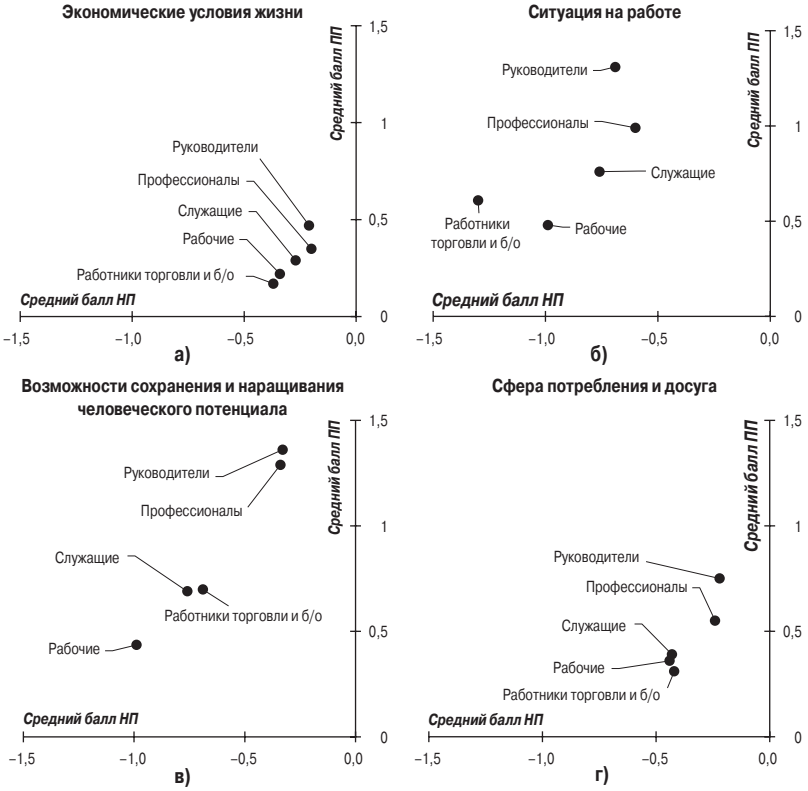


Рисунок 9.1

Профессиональные группы россиян в пространстве, построенном на осях позитивной (ПП) и негативной (НП) привилегированности в различных сферах жизни, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Примечание. *В число работающих также входят лица, не относящиеся ни к одной из выделенных категорий работников, но поскольку их совокупное число было невелико и сильно усложняло рисунки, мы не представили их положение в пространстве позитивной и негативной привилегированности.

изводственной сфере у рабочих, а лучше всего – у руководителей. Чуть хуже он у профессионалов и еще хуже – у служащих. Рядовые работники торговли и бытового обслуживания примыкают в этом отношении скорее к рабочим. Такое позиционирование разных профессиональных групп в пространстве шансов и рисков является следствием специфики труда офисных работников, включая служащих, которая обеспечивает им ресурс влияния и/или контроль над собственным трудом (у 88,2% руководителей, 61,9%

профессионалов и 51,1% служащих), а для многих и престижную в глазах общества работу (у 34,7% руководителей, 28,9% профессионалов и 19,6% служащих).

В то же время, если рассматривать **сферу сохранения и накопления человеческого потенциала**, то в ней аутсайдерами являются уже рабочие, для которых характерны максимальные риски и минимальные шансы по сравнению с представителями всех остальных профессиональных групп. Естественно, что характер труда рабочих не предполагает, как правило, применения навыков существования в цифровой среде. Однако в условиях тотальной цифровизации жизни даже на бытовом уровне тот факт, что большинство рабочих (86,6% при 54,6% среди работающих) не обладают соответствующими навыками, существенно сокращает их жизненные возможности. Разрывы между рабочими и работающими россиянами в целом в этой области даже больше, чем в отношении престижного образования (его не имеют 79,3% рабочих при 72,6% среди работающих) и доступа к качественным медицинским и оздоровительным услугам (78,5% и 75,2% соответственно). Ситуация с «цифровыми» навыками для многих рабочих усугубляется отсутствием у них доступа к цифровым технологиям (27,3% при 15,7% среди работающих) и качественному образованию (42,4% при 29,8% среди работающих). Что же касается позиций в сфере сохранения и наращивания человеческого потенциала рядовых работников торговли и бытового обслуживания, то они по уровню шансов и рисков для них в современной России сопоставимы со служащими. Возможности представителей обеих этих групп ограничены слабым доступом к качественным медицинским услугам, а риски связаны с недоступностью необходимого образования. Наконец, если говорить о руководителях и профессионалах, то совсем немногие из них характеризуются рисками в сфере сохранения и накопления человеческого капитала, а их возможности в этой области максимально широки на фоне всех остальных работающих россиян.

Несмотря на значительную дифференциацию представителей разных профессиональных групп в ситуации на работе и сфере сохранения и накопления человеческого капитала, по соотношению у них шансов и рисков **в экономических условиях жизни** значительных разрывов между ними не наблюдается. Можно говорить даже, что представители всех массовых профессиональных групп в целом в России уравнены и имеют очень мало каких-либо дополнительных возможностей или рисков. На экономическом поло-

жении гораздо сильнее сказываются другие факторы (например, иждивенческая нагрузка), чем профессиональный статус.

В сфере же **досуга и потребления,** также при сравнительно невысокой степени дифференциации различных профессиональных групп, основные преимущества руководителей и профессионалов выражены в их возможностях качественного проведения отдыха и расширенного товарного потребления. Депривации же многих служащих, рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания связаны с низким стандартом их жилищных условий.

Таким образом, не только само по себе наличие занятости, о роли которой для вероятности попасть в ту или иную страту много говорилось в предыдущих главах, но и профессиональный статус во многом определяет положение индивида в общем социальном пространстве позитивной и негативной привилегированности (рис. 9.2), причем происходит это прежде всего за счет ситуации на работе и различий в возможностях сохранения и накопления человеческого потенциала. Основные проблемы на работе для представителей разных профессиональных групп связаны с несоблюдением трудового законодательства, актуальным для всех работающих, но в разной мере. Что же касается сферы сохранения и накопления человеческого потенциала, то для служащих, работников сферы услуг и рабочих существуют серьезные барьеры на пути получения необходимого образования, менее ощутимые у руководителей и профессионалов. При этом в сфере потребления и досуга при относительно небольшой дифференциации между представителями разных профессиональных групп для них специфичны разные признаки позитивной и негативной привилегированности, а в сфере экономических условий жизни все профессиональные группы характеризуются близостью их положения, определяемого в основном иными, нежели специфика их занятости, факторами.

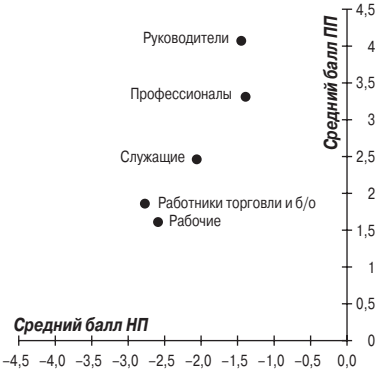


Рисунок 9.2

Положение профессиональных групп работающих россиян в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Неработающие россияне также характеризуются гетерогенностью по уровню позитивной и негативной привилегированности в разных сферах их жизни, исключая производственную. Так, неработающие студенты практически во всех сферах их жизни характеризуются в среднем наименьшим уровнем негативной и наивысшим уровнем позитивной привилегированности на фоне остальных неработающих россиян. Видимо, относительно благополучное положение родительских семей обусловливает широкие жизненные возможности и низкие риски неработающих студентов вузов почти во всех сферах жизни – 48,5% из них получают денежную помощь от родственников, а 49,3% происходят из семей, где оба родителя имеют высшее образование. Все это свидетельствует о качестве семейного человеческого, культурного и социального капиталов. Сравнительно высокий на фоне остальных уровень негативной привилегированности в экономических условиях жизни, обусловленный отсутствием собственных доходов и наличием у многих из них неэластичных расходов, связанных с арендой жилья, перекрывается возможностями родительской поддержки, поэтому неработающих студенты чаще (31,2%) относятся к верхней страте, чем к нижней (6,1%). В итоге по своим экономическим условиям жизни, а также возможностям в сфере потребления и досуга студенты вузов находятся в более благоприятном положении, чем неработающие россияне в целом.

Совсем другую картину демонстрирует жизнь неработающих пенсионеров, которые в силу возраста и связанных с ним факторов характеризуются существенной узостью жизненных возможностей при невысоком, за некоторым исключением, уровнем рисков. В экономической сфере вдвое более частое наличие постоянных неэластичных расходов, чем для россиян в целом (связанных в первую очередь с плохим здоровьем с сопутствующими тратами средств на лекарства и медицинские услуги), сокращает и без того узкие жизненные возможности неработающих пенсионеров. Неустойчивость экономического положения влечет за собой проблемы в сфере потребления и досуга, где негативная привилегированность зачастую связана с низкими стандартами потребления (22,8% при 12,7% для россиян в целом) и даже пищевыми депривациями (13,8% при 8,4% для россиян в целом). Позитивная же привилегированность в этой сфере связана у пенсионеров обычно с комфортностью их жилищных условий (13,5% при 4,6% среди россиян). И это понятно – ведь 26,1% (при 10,2% среди россиян) неработающих пенсионеров проживают в одиночестве,

а еще 49,3% – вдвоем с работающим[2] родственником, что означает, с учетом площади типовых квартир, относительно бóльший метраж на одного члена семьи, хотя о просторных современных квартирах речь применительно к ним, как правило, не идет.

Наиболее уязвимы неработающие пенсионеры с точки зрения накопления и сохранения человеческого потенциала, поскольку для них уже упущены возможности получения престижного образования, реже встречаются навыки активного существования в цифровой среде и чаще нет доступа к качественным медицинским и оздоровительным. Кроме того, для них выше вероятность дальнейшего ухудшения состояния здоровья и особенно отсутствия доступа к цифровым технологиям в повседневной жизни (62,7% при 24,4% среди россиян в целом).

Остальные незанятые россияне по своему положению в пространстве жизненных шансов и рисков сопоставимы с неработающими пенсионерами при большей общей распространенности среди них лишений и рисков. В целом же наш анализ показывает, что отсутствие занятости не является первоочередным фактором, обусловливающим положение индивидов в стратификационной иерархии, поскольку в эту часть населения входят и неработающие студенты, и пенсионеры из разных типов домохозяйств (причем имеющие сами разный прошлый опыт занятости), и неработающие по разным причинам. Жизненные шансы и риски представителей этих групп принципиально различны. Другими словами, отсутствие занятости – это в ряде случаев следствие совокупного влияния других факторов, определяющих принадлежность индивида к той или иной страте, чем прямая причина его места в стратификационной иерархии. Поэтому в следующей части главы мы сосредоточимся на выявлении наиболее полного списка факторов, определяющих положение индивидов в этой иерархии с помощью регрессионного анализа без учета фактора занятости.

Выбор переменных и построение регрессионной модели

Наш регрессионный анализ предполагал определение влияния того или иного фактора на вероятность попадания индивида в одну из трех страт, выделенных на основании Индекса ЖШиР.

---

[2] Данные показывают, что более чем у 90% неработающих пенсионеров, проживающих с кем-то в паре, второй член домохозяйства имеет работу.

Поскольку переменная принадлежности к той или иной страте по Индексу ЖШиР имеет три категории, то в качестве инструмента исследования мы выбрали метод мультиномиального регрессионного анализа. Опорной категорией (базой) стала средняя страта, которая, как мы уже не раз отмечали выше, представляет собой стандарт жизненных возможностей, рисков и депривaций, характерных для массовых слоев российского общества. Коэффициенты полученной регрессионной модели будут, соответственно, показывать, как определенный фактор (независимая переменная) влияет на вероятность индивида оказаться в страте, отличной от средней, по сравнению с теми, для кого этот фактор не характерен, при средних значениях всех остальных независимых переменных, т.е. при прочих равных условиях.

Выбор независимых переменных был обусловлен в значительной степени самой методикой построения Индекса ЖШиР. Мы не могли включить в модель те показатели, которые были использованы для его построения, так как они в значительной степени коррелировали с зависимой переменной. Переменные, связанные с профессиональной сферой, также не могли нами учитываться, поскольку они неизбежно делили выборку на две части (работающих и неработающих) и искажали получаемые для других факторов оценки. В то же время мы не могли не включить контрольные переменные, связанные с образованием и материальным положением, поскольку без учета их влияния определение роли остальных факторов могло быть затруднено. Поэтому мы выбрали для анализа такие характеризующие их переменные, которые не входили в расчет Индекса ЖШиР. В остальном наш выбор сравниваемых факторов обусловливался уже имеющимися исследованиями, посвященными изучению стратификации общества по жизненным шансам и рискам или по уровню и качеству жизни [Лежнина, 2019; Мареева, 2018а; Popova, Pishniak, 2016; Тихонова, 2018б; 2019а и др.], а также анализу различных типов неравенств [Овчарова и др., 2016; и др.]. Кроме того, мы включили в нашу регрессию показатели, отражающие обеспеченность индивидов нематериальными видами ресурсов – человеческим, социальным и культурным капиталами, а также некоторыми индивидуальными характеристиками (от здоровья до личностных особенностей), которые также могут рассматриваться как специфические ресурсы. Про часть из этих факторов речь шла в других главах, прежде всего главе 7, и характер их влияние понятен. Часть же мы рассмотрим более подробно, чтобы попытаться объяснить причины их включения в регрессию и механизмы их действия.

Предварительный отбор факторов показал, что можно выделить несколько групп независимых переменных, определяющих место человека в стратификационной иерархии. Во-первых, это индивидуальные социально-демографические характеристики – пол, возраст, состояние здоровья, а также такие характеристики домохозяйства, как тип поселения по месту проживания, иждивенческая нагрузка и среднедушевой доход. На рис. 9.3 представлены различные социально-демографические группы россиян, распределенные в пространстве позитивной и негативной привилегированности. Как видно из этого рисунка, из всех индивидуальных характеристик наибольшее влияние на социальную дифференциацию имеют преклонный возраст и состояние здоровья. Именно эти факторы с высокой степенью вероятности предопределяют нахождение в нижней страте. В то же время, как видно из рис. 9.3, нет факторов социально-демографического характера, которые обеспечивали бы нахождение в верхней страте уже просто в силу их наличия.

Если конкретизировать эти выводы, то, как свидетельствуют наши данные, лица с плохими самооценками здоровья испытывают депривации и ограничения их возможностей во всех рассматриваемых сферах жизни. Так, средний балл по шкале негативной привилегированности для них составлял –2,9 балла, а по шкале позитивной привилегированности 1,2 балла (при соответствующих значениях 1,5 и 3,0 балла в группе с хорошими самооценками здоровья, и –2,1 и 2,0 балла в группе со средними его самооценками). Что же касается гендерного фактора, то несмотря на то, что мужчины по сравнению с женщинами характеризуются более широкими возможностями в экономической и производственной сферах, в этих же сферах для них высоки и риски депривации. Среди работающих мужчин чаще распространен физический труд (51,1% против 19,9% среди работающих женщин) с неблагоприятными условиями труда (29,7% против 20,6% соответственно). Все это влечет за собой и нестабильность доходов – еще один риск, который для мужчин более актуален, чем для женщин (15,9% против 10,3% соответственно).

Очень значим для рисков депривации также фактор иждивенческой нагрузки (рис. 9.4). При этом важно не только само ее наличие, но и характер, так как даже индивиды, в домохозяйствах которых есть иждивенцы, в стратификационной иерархии, основанной на соотношении позитивной и негативной привилегированности, находятся в разном положении. Значение имеет в этом случае как

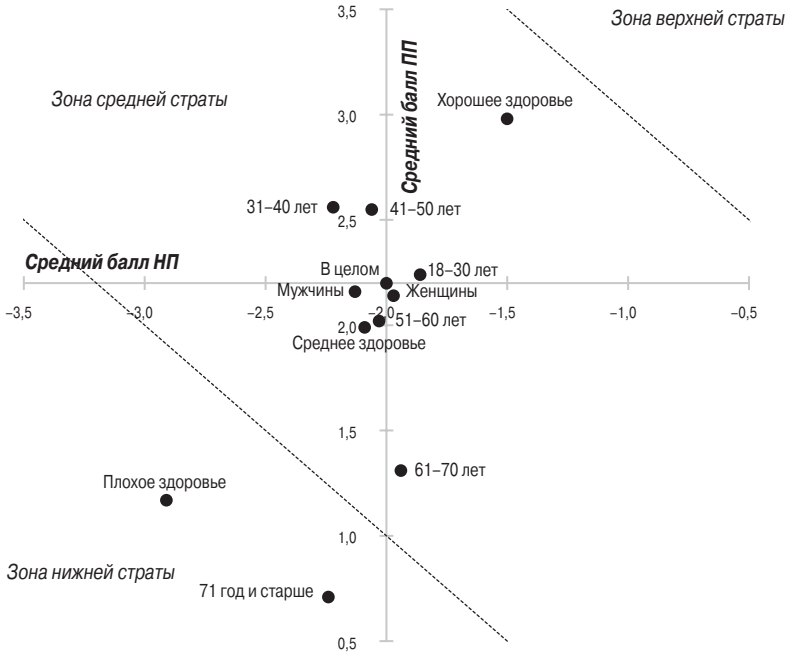


Рисунок 9.3

Влияние социально-демографических характеристик на положение индивидов в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности*, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Примечание. * Для большей наглядности пересечение осей координат было установлено в точке, соответствующей средним значения позитивной и негативной привилегированности по всем россиянам в целом. Помимо этого, на рисунке показаны зоны позитивной и негативной привилегированности, соответствующие трем стратам, выделенным по Индексу ЖШиР. Таким образом читателю легче оценить положение той или иной социально-экономической группы населения по отношению к положению всего населения в целом и представить ее соотношение с той или иной стратой. При этом стоит учитывать, что на рисунке отражены средние показатели в баллах по соответствующей группе, а не процентные соотношения, и сказать, например, что все лица с плохими самооценками здоровья попадают в нижнюю страту, нельзя. Речь идет о том, что индивиды с плохими самооценками здоровья в среднем имеют выше риски попадания в нижнюю страту.

тип незанятости членов домохозяйства, так и размер иждивенческой нагрузки на занятых членов семьи. Даже равное количество работающих и неработающих членов домохозяйства повышает риски нахождения в нижней страте, не говоря уже о более высокой иждивенческой нагрузке. При этом на вероятность нахождения в верхней страте наличие и размер иждивенческой нагрузки столь значимого влияния не оказывают.

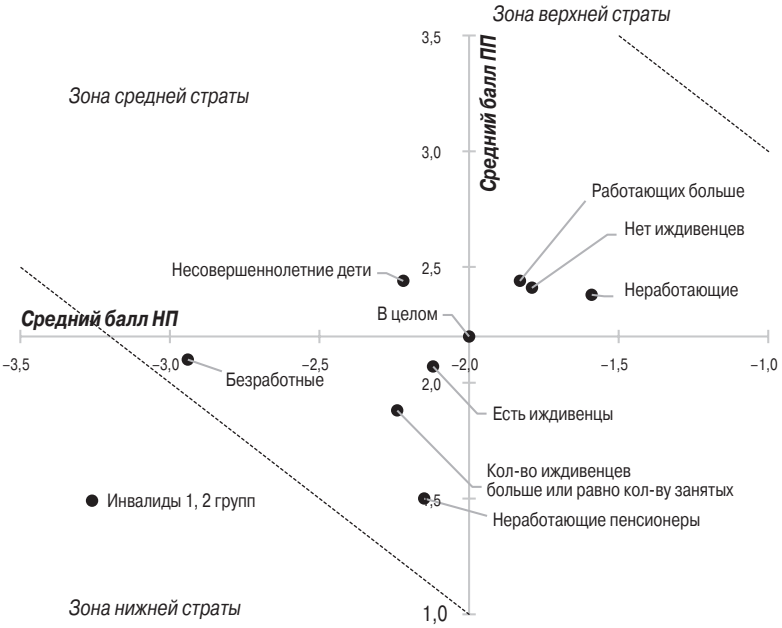


Рисунок 9.4

Влияние иждивенческой нагрузки, а также наличия иждивенцев разного типа в составе домохозяйства на положение индивидов в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Основные депривации, от которых страдают семьи с высокой иждивенческой нагрузкой, лежат не в экономической сфере, как можно было бы предположить, а в возможностях сохранять и наращивать человеческий капитал, о значимости которых уже не раз говорилось в предыдущих главах. Если рассматривать субшкалы Индекса ЖШиР по каждой из четырех сфер, то в сфере «Экономические условия жизни» средний балл по шкале позитивной привилегированности среди семей с высокой и низкой иждивенческой нагрузкой одинаков и составляет 0,3 балла, а по шкале негативной привилегированности –0,2 и –0,3 балла соответственно. В то же время по субшкале «Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала» средние баллы позитивной привилегированности составляют 0,9 и 0,7 балла, а негативной привилегированности – –0,5 и –0,9 балла соответственно. Другими словами, высокая иждивенческая нагрузка не позволяет членам

домохозяйства расширять свои возможности за счет обновления и наращивания человеческого потенциала, что негативно сказывается и на их положении в стратификационной иерархии.

Влияние типа иждивенцев в семье не столь однозначно, как влияние уровня иждивенческой нагрузки. Например, уязвимое положение представителей домохозяйств, в составе которых есть неработающие пенсионеры, может обусловливаться не только низкими, по сравнению с семьями без иждивенцев, среднедушевыми доходами, но и тем, что эти пенсионеры, как мы отмечали выше, зачастую живут одни. Позволить себе содержать неработающих студентов могут только домохозяйства с высокой степенью ресурсообеспеченности. Другими словами, влияние типа иждивенцев, проживающих в домохозяйстве, на положение индивида в пространстве жизненных шансов и рисков необходимо оценивать в более широком контексте.

Рассматривавшиеся в главе 4 данной книги различия в социально-экономическом положении жителей городов и сел распространяются и на показатели их места в социальном пространстве позитивной и негативной привилегированности (рис. 9.5). Депривация сельских жителей проявляется во всех сферах жизни, а имеющиеся у них жизненные возможности не позволяют как-то нивелировать эти риски. Интересно и то, что жители СанктПетербурга, как уже отмечалось в главе 4, при сопоставимом с москвичами уровне позитивной привилегированности заметно меньше подвержены каким-либо депривациям. Более того, уровень негативной привилегированности у жителей Москвы в среднем ближе к населению районных центров, чем к центрам субъектов РФ, находящихся в этом отношении в наиболее благополучной ситуации. Это говорит о том, что существуют негативные факторы, обусловливающие более уязвимое положение москвичей по сравнению с жителями других крупных городов, и к вопросу о том, что это за факторы, мы еще вернемся ниже.

В числе факторов, определяющих положение индивидов в стратификационной иерархии, и обеспеченность их значимыми видами ресурсов. В этой связи важны прежде всего характеристики квалификационного ресурса, в качестве показателя которого мы рассматривали в соответствии с классической традицией анализа человеческого капитала [Mincer, 1962] количество лет обучения. Этот показатель при высокой его степени корреляции с уровнем образования (Ро Спирмена – 0,83) и сравнительно низкой коррелированности с зависимой переменной (Ро Спир-

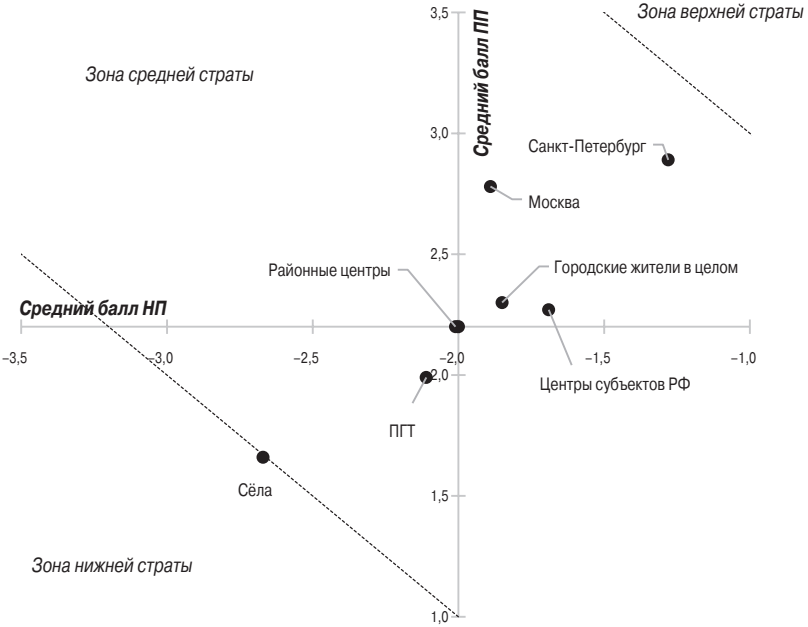


Рисунок 9.5

Влияние типа поселения по месту проживания на положение индивидов в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

мена – 0,36), мог быть включен в регрессионную модель в качестве ковариаты.

Второй фактор из этой группы – ресурс социальных сетей [Bourdieu, Passeron, 1990], который в российском обществе играет важную роль и может значимо влиять на положение индивидов в социальном пространстве [Тихонова, 2014; Каравай, 2016]. В качестве показателя обеспеченности социальным капиталом мы воспользовались специальным Индексом потенциала ресурса сетей, основанном на вопросе о возможностях привлечения разных видов помощи со стороны сетей[3], весь спектр которых был раз-

[3] Индекс потенциала ресурса сетей (социального капитала) основан на вопросе о видах помощи, которые респондент может привлечь со стороны своего окружения. Индекс строился с использованием метода нарастающего итога, где каждая более высокая градация включала все предыдущие, т.е., например, обладателям «дефицитных связей» могли быть доступны любые

делен на 5 разновидностей: 1) полное **отсутствие возможности привлечь помощь** со стороны; 2) доступность лишь **простейшей помощи** в виде поиска мелких приработков и получения мелких займов (до 100 тыс. руб.); 3) **ресурс социальных сетей в области образования и медицины** (т.е. обеспечение с их помощью доступа к хорошим врачам и педагогам; 4) **связи,** помогающие найти хорошую работу, продвинуться в карьере, поступить в нужный вуз, решить проблемы с жильем; 5) наиболее ценные **дефицитные связи**, открывающие доступ к должностным лицам для решения своих проблем и/или позволяющие занимать крупные суммы денег. В 2018 г. свыше половины россиян характеризовались отсутствием потенциала помощи со стороны сетей, что дает нам возможность оценить влияние различного характера ресурса сетей на вероятность индивида оказаться в верхней или нижней страте по Индексу ЖШиР.

Еще одним важным нематериальным ресурсом является культурный капитал, подразумевающий освоение норм и знаний, характерных для определенного типа культуры, и отражающий условия социализации индивида [Bourdieu, Passeron, 1990]. Доступный нам инструментарий позволял использовать для оценки культурного капитала индивида три показателя условий его социализации: уровень образования отца, уровень образования матери и тип поселения по месту проживания на момент поступления индивида в школу.

Фактически квалификационный, социальный и культурный ресурсы линейно влияют на уровень и позитивной, и негативной привилегированности (рис. 9.6), выстраивая группы, различающиеся наличием и характером этих ресурсов, в пространстве жизненных шансов и рисков по его диагонали. При этом, что очень важно в свете того, что все рассмотренные выше факторы могут предопределять принадлежность к нижней страте, но не предопределяют с высокой долей вероятности принадлежность к верхней страте, максимальный объем двух из этих трех видов нематериальных ресурсов характерен именно для верхней страты. Мы имеем в виду квалификационный ресурс высокого качества и ресурс социальных сетей в виде дефицитных связей. Конечно, связь между этими ресурсами и принадлежностью к верхней страте носит двусторонний характер, однако важно, что она есть и выражена достаточно

остальные виды помощи со стороны их социальных сетей, а у тех, кому были доступны простейшие виды помощи, они ограничивались только мелкими займами и поиском разовых приработков. См. подробнее [Каравай, 2016: 5].

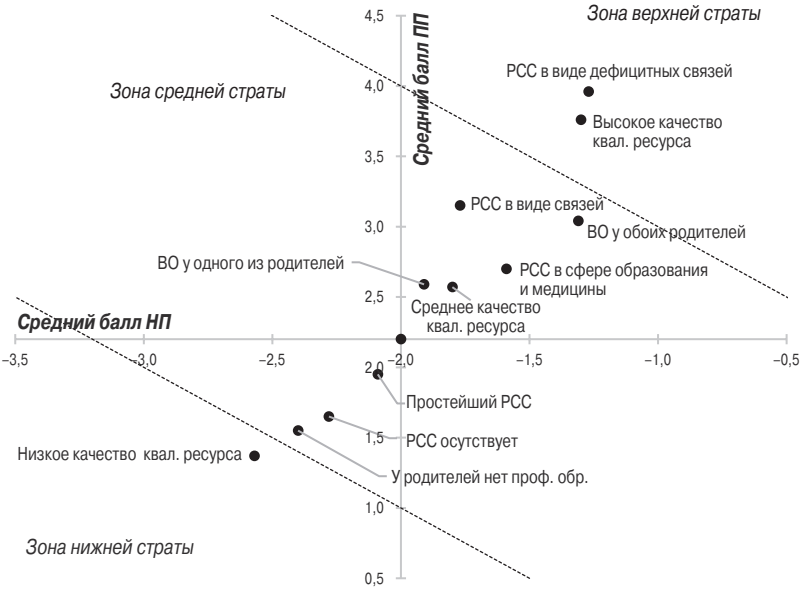


Рисунок 9.6

Влияние обеспеченности квалификационным, социальным и культурным ресурсами на положение индивидов в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

ярко. Это обусловило включение соответствующих видов ресурсов в нашу регрессию.

Важным видом ресурсов из этой группы является также личностный ресурс индивидов. Особенности его мы операционализировали через показатели локус-контроля[4], отражающего ориентацию индивида на принятие на себя ответственности за происходящее в его жизни или же на приписывание основной роли в своей судьбе внешним обстоятельствам, а также временнóго горизонта человека как периода, на который он планирует свою жизнь. При этом мы исходили из того, что, как уже было показано

[4] В нашем инструментарии операционализировать этот показатель можно было через выбор в паре альтернативных нормативных суждений: 1) человек сам кузнец своего счастья, и успех, и неудачи – все в его руках; 2) жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями. Выбор первого варианта свидетельствовал, по нашей оценке, о наличии у респондента внутреннего локус-контроля, а второго – о наличии внешнего локус-контроля.

ранее [Тихонова, 2019а], уровень благополучия индивидов в современном обществе связан с характерным для них типом локус-контроля и их временны́м горизонтом. Поскольку вопрос о специфике личностного ресурса у представителей разных страт подробно освещен в главе 10, мы не будем на нем здесь отдельно останавливаться. Однако подчеркнем, что необходимость включения его в регрессию также являлась не произвольным решением, а вытекала из проведенного предварительно анализа.

Таким образом, в целом список включенных в построение регрессионной модели переменных приобрел вид, указанный в табл. 9.1, где также приведена распространенность соответствующих признаков в используемом нами массиве данных. Всего в изначальную мультиномиальную регрессию входили 15 переменных, включая 3 ковариаты и техническую переменную взаимодействия показателей уровня образования матери и отца[5].

Таблица 9.1

Описание независимых переменных, включенных в регрессионную модель, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Показатель	Распределение значений
Ковариаты	
Возраст	Дискретная переменная, значения от 18 до 89 лет, среднее – 43,6 года, медиана – 42 года
Количество лет обучения	Дискретная переменная, значения от 2 до 25 лет, среднее – 13,45 лет, медиана – 13 лет
Среднедушевой доход в домохозяйстве	Непрерывная переменная соотношения среднедушевого дохода в семье и медианного дохода в соответствующем типе поселения*. Значения от 0,1 до 16,7, среднее – 1,16
Остальные переменные	
Пол	Мужской – 45,8%; Женский (база)** – 54,2%
Самооценки здоровья	Хорошее – 27,6%; Среднее (база) – 58,5%; Плохое – 13,9%
Соотношение работающих и неработающих в домохозяйстве***	Поровну или неработающих больше (база) – 52,6% Работающих больше – 47,4%
Проживание в Москве****	Москва – 7,4%; Остальные населенные пункты (база) – 92,6%
Проживание в сельской местности	Села – 23,1%; Города (база) – 76,9%
Место проживания на момент поступления в школу	Москва или Санкт-Петербург – 7,0% Крупный город (центр субъекта РФ) – 22,5% Малый или средний город (районный центр) – 31,1% Села или ПГТ (база) – 39,4%

[5] По причине высокой корреляции переменных образования матери и отца (ρ Спирмена равнялось 0,696), помимо них мы включили и переменную их взаимодействия, т.е. различных вариаций уровней образования в родительской паре. Переменная была создана автоматически алгоритмом в ходе построения регрессионной модели в программном пакете IBM SPSS Statistics.

Ресурс социальных сетей	Отсутствует (база) – 50,7%; Простейшая помощь – 22,1%; РСС в области образования и медицины – 8,4%; Связи – 10,6% Дефицитные связи – 8,2%
Локус-контроль	Внешний (база) – 48,0%; Внутренний – 52,0%
Планирование жизни	Хотя бы на год вперед – 53,3%; Не планируют вообще (база) – 46,7%
Образование отца	Высшее – 24,1%; Среднее специальное – 36,6%; Не выше общего среднего (база) – 39,3%
Образование матери	Высшее – 27,6%; Среднее специальное – 37,9% Не выше общего среднего (база)– 34,5%
Соотношение уровней образования матери и отца	*Различные комбинации*

*Примечания.** Методика анализа доходного распределения была взята из [Модель..., 2018]. Для построения показателя использовались медианы распределения среднедушевых доходов в следующих типах поселений: столицы (Москва и Санкт-Петербург), центры субъектов РФ, районные центры, поселки городского типа и села. По мнению авторов этой методики, в условиях отсутствия баз данных, репрезентирующих население каждого из регионов России, в наибольшей степени учесть территориальный аспект разницы в уровне доходов позволяет сравнение доходов индивидов с поселенческой медианой.

** Базовой категорией, т.е. той, в сравнении с которой определялось влияние того или иного фактора на вероятность индивида оказаться в страте, отличной от средней, мы обычно выбирали наиболее массовую, однако в ряде случаев (локус-контроль, соотношение работающих и неработающих членов домохозяйства и пр.) нам было важно оценить влияние наличия конкретного признака (внутренний локус-контроль, низкая доля иждивенцев в семье), поэтому за базу принималось его отсутствие.

*** В ходе анализа мы рассматривали различные показатели иждивенческой нагрузки, включая в модель показатели, обозначающие различные типы иждивенцев (несовершеннолетние дети, инвалиды разных групп, безработные и пр.) и их количество, однако только показатель соотношения количества работающих и неработающих членов домохозяйства при прочих равных оказал значимое влияние на зависимую переменную.

**** В ходе регрессионного анализа мы рассматривали в качестве фактора стратификации также показатель, отражающий факт проживания в Москве или Санкт-Петербурге, т.е. в наиболее крупных мегаполисах страны. Мы предполагали, что инфраструктура и специфика социальных институтов этих городов должна благоприятно влиять на жизненные шансы их жителей. Однако этот показатель оказался незначимым, тогда как включение переменной, отражающей проживание индивида именно в Москве, не ухудшило модель, и этот фактор оказался значимым.

Для выбора наиболее подходящей итоговой версии модели мы воспользовались алгоритмом последовательного удаления, в ходе которого в модель сначала включаются все отобранные переменные, а затем наименее значимые из них последовательно исключаются до тех пор, пока все оставшиеся не будут вносить статистически значимый вклад в модель. В нашем случае этот алгоритм исключил из анализа переменную образования отца, а также переменную взаимодействия показателей уровня образования родителей. Таким образом, в итоговую модель[6] вошли 13 независимых переменных (табл. 9.2).

[6] Статистики изначальной модели (с 15 независимыми переменными): псевдо R2: Кокса и Снелла = 0,356, Нэйджелкерка = 0,409; МакФаддена = 0,215; Информационные критерии: AIC = 5367,944; BIC = 5648,383. Статистики итоговой модели (с 13 независимыми переменными): псевдо R2: Кокса и Снелла = 0,355, Нэйджелкерка = 0,408; МакФаддена = 0,214; Информационные критерии: AIC = 5362,986; BIC = 5619,039.

Таблица 9.2

Результаты мультиномиального регрессионного анализа факторов, определяющих положение индивидов в стратификационной иерархии, основанной на Индексе ЖШиР *(база – средняя страта)*

Факторы	**Нижняя страта**	**Верхняя страта**
Ковариаты		
Возраст	0,988***	1,000
Среднедушевые доходы	0,630***	1,941***
Количество лет обучения	0,849***	1,255***
Остальные переменные		
Мужчины (по сравнению с женщинами)	1,312***	0,900
Самооценки состояния здоровья (по сравнению со средними самооценками)		
Хорошие	0,617***	2,067***
Плохие	2,162***	0,309***
Работающих больше (по сравнению с теми, у кого в семьях неработающих больше или столько же, сколько работающих)	0,798***	1,086
Проживание в Москве (по сравнению с остальными населенными пунктами)	1,653**	0,874
Проживание в сельской местности (по сравнению с городами)	1,693***	0,596***
Тип поселения проживания на момент поступления в школу (по сравнению с теми, кто пошел в школу в селах и ПГТ)		
Москва или Санкт-Петербург	0,455***	2,001***
Другие крупные города	0,931	1,310*
Малые и средние города	0,901	1,179
Ресурс социальных сетей (по сравнению с теми, у кого он отсутствует)		
Дефицитные связи	0,511***	2,979***
Связи	0,835	2,233***
РСС в области образования и медицины	0,369***	1,803***
Простейшая помощь	0,912	1,109
Личностные характеристики		
Внутренний локус-контроль (по сравнению с внешним)	0,604***	1,877***
Планирование жизни хотя бы на год вперед (по сравнению с теми, кто не планирует совсем)	0,725***	1,532***
Образование матери (по сравнению с теми, чьи матери не получили профессионального образования)		
Высшее (вкл. незаконченное высшее)	0,713***	1,167
Среднее профессиональное	0,881	0,088

Примечание: В таблице приведены показатели exp(β), *** – 1%-ный уровень значимости, ** – 5%-ный уровень значимости, * – 10%-ный уровень значимости коэффициентов.

Факторы неравенства жизненных шансов и рисков

Согласно полученным результатам, часть из рассматриваемых нами факторов влияет только на вероятность индивида оказаться в нижней страте – это мужской пол, высокая иждивенческая нагрузка в домохозяйстве, а также отсутствие высшего образования у его матери. Остальные факторы одновременно влияли и на уменьшение рисков оказаться в нижней страте, и на рост вероятности попасть в состав верхней страты. Механизм действия большинства этих факторов понятен, однако часть из них требует некоторых пояснений. Так, согласно нашей модели, вероятность попадания в нижнюю страту оказывается повышена при прочих равных в случае проживания в Москве[7], что, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Дополнительный анализ показал, что основные риски для москвичей связаны с ситуацией на работе – по отношению к 66,1% работающих жителей столицы работодатели не соблюдают трудовое законодательство, и у 15,4% есть опыт длительной безработицы. Для сравнения – у жителей других городов соответствующие показатели равны 45,3% и 13,1%, а для сельских жителей – 57,8% и 16,3%. Естественно, что такого рода проблемы с занятостью влекут за собой и нестабильность доходов, которая характерна для 15,6% москвичей и лишь для 11,2% жителей других городов. Другими словами, при всем том, что Москва в значительной степени отличается от любого другого города страны по уровню жизни ее населения, особенности локального рынка труда повышают риски нестабильной занятости, длительной безработицы и социальной незащищенности. Причем, как показал наш анализ, происходит это за счет очень высоких рисков для составляющих значительную долю населения столицы мигрантов первого поколения, поскольку для потомственных москвичей такая ситуация абсолютно не характерна. Полностью нейтрализовать действие этого фактора не способна даже более благополучная, чем в других городах, профессиональная и образовательная структура населения Москвы.

Интересна ситуация и с ролью квалификационного ресурса в стратификации. Согласно нашему анализу, при прочих равных каждый дополнительный год обучения сокращает риски нахождения в нижней страте и повышает вероятность попадания в верхнюю.

---

[7] Подчеркнем, что выборка по Москве (как и по другим регионам) не была репрезентативной и имела довольно ограниченный характер (295 человек).

При этом лица с высоким качеством квалификационного ресурса имеют расширенные жизненные возможности не только в производственной сфере, но и в области сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а совокупные риски для них минимальны. В то же время лица с низким качеством квалификационного ресурса испытывают серьезные депривации во всех сферах жизни при самых скромных жизненных возможностях.

В отличие от квалификационного ресурса отсутствие ресурса социальных сетей не сказывается на рисках депривации россиян. В то же время для попадания в привилегированную верхнюю страту важен характер помощи, которую они могут привлечь со стороны своего окружения. И, как видно из табл. 9.2, минимальный ее уровень, сокращающий вероятность попадания в депривированных слои и значимо расширяющий жизненные шансы, – это доступ к заслуживающим доверия врачам и педагогам. И действительно, основные проблемы для лиц с отсутствующим или простейшим потенциалом ресурса сетей связаны с образованием и здоровьем – именно в этой области они отличаются существенным уровнем негативной депривации и совсем небольшими жизненными возможностями. Наши результаты показали также, что каждый последующий уровень ресурса социальных связей заметно повышает вероятность нахождения в верхней страте, а для лиц, имеющих доступ к дефицитным связям, характерен наименьший уровень рисков депривации и наиболее широкие жизненные возможности.

Что же касается культурного капитала, то те, кто начинал школьное обучение в Москве или Санкт-Петербурге, во взрослом возрасте выделяются на фоне остальных россиян сравнительно невысоким уровнем рисков и широким набором жизненных шансов во всех сферах, но особенно в сфере экономической безопасности, а также в сфере потребления и досуга. Принимая во внимание то, что большинство (свыше 90%) поступивших в школу в столицах, продолжают там жить и во взрослом состоянии, можно утверждать, что неравенство в жизненных шансах между жителями столиц (в первую очередь Москвы) и других регионов предопределено в момент рождения. Активные процессы внутренней миграции в этих условиях обусловливаются в том числе и этим фактором: люди пытаются найти «лучшую жизнь» если не для себя (поскольку в целом для жителей Москвы, как мы отмечали ранее, в отличие от потомственных москвичей, риски депривации при прочих равных довольно высоки), то хотя бы для своих детей.

Образование родителей в гораздо меньшей степени, чем место рождения и первичной социализации, определяет жизненные возможности россиян во взрослом состоянии, однако на вероятность оказаться в нижней страте образование матери оказывает заметное влияние. Преимущества тех, чьи матери имели высшее образование, связаны в основном со сферой образования и здоровья – они не только сами чаще остальных имеют высшее образование, но и чаще готовы платить за дополнительное обучение и медицинские услуги (и делают это). В то же время для расширенных жизненных возможностей одних только усвоенных в семье норм в отношении своего человеческого потенциала недостаточно – по крайней мере, наши результаты показали, что вероятность попадания в верхнюю страту от образования родителей не зависит.

В большей степени, чем происхождение, положение индивида в социальной иерархии определяют его нормы, ценности и установки. И внешний локус-контроль, и отсутствие привычки планировать свою жизнь увеличивают риски депривации индивида и сокращают его возможности во всех основных сферах жизни. Другими словами, личностные установки индивидов, в частности отсутствие осознания ответственности за свою жизнь и навыков ее планирования повышают риски его попадания в депривированные слои общества и сокращают шансы оказаться в верхней страте. Конечно, здесь есть и обратная связь. Так, детям из благополучных семей, где родители имели высшее образование, чаще присущи внутренний локус-контроль и готовность к длительному планированию своей жизни. Однако факт большой значимости личностных особенностей для определения места индивида в стратификационной иерархии в России подтверждается и при учете этого обстоятельства, причем эти особенности оказываются для вероятности попасть в ту или иную страту важнее, чем образование матери или продолжительность собственного образования.

Выводы

Риски негативной привилегированности в российском обществе в наибольшей степени зависят от аскриптивных, поселенческих и связанных с составом домохозяйств характеристик индивидов. И здесь на первый план выходит здоровье, так как люди с плохим его состоянием характеризуются высокими рисками депривации практически во всех сферах их жизни, не имея возможностей их

сократить. Более того, наши результаты свидетельствуют, что негативное влияние целого ряда других факторов также связано со здоровьем. Прежде всего, это возраст (поскольку здоровье ухудшается с годами). Однако для мужчин риски ухудшения здоровья выше, чем для женщин, а у сельских жителей ситуация дополнительно усугубляется сложностью для них доступа к качественной и своевременной врачебной помощи. Решение проблем со здоровьем осложняется тем, что риск его ухудшения зависит и от условий социализации индивида, т.е. от того, усвоил ли человек привычки здорового образа жизни в родительской семье.

В значительной степени риски депривации связаны также с местом жительства индивидов. О существенном неравенстве в уровне жизни горожан и сельских жителей известно давно. Наши результаты говорят о том, что ситуация до сих пор не изменилась, и сельские жители испытывают депривации во всех сферах жизни, хотя их жизненные возможности также ограничены. Более того, проживание в сельской местности на момент прохождения ранних этапов социализации также повышает риски депривации у индивидов во всех сферах жизни, даже если они впоследствии переехали в город. Это означает, что сельские жители получают высокие риски депривации уже при рождении, что может быть одной из причин их переезда в города за лучшей во всех смыслах жизнью.

В совершенно противоположной ситуации по сравнению с сельскими жителями находятся москвичи – развитая инфраструктура и специфика социальных институтов столицы предоставляют им широкие жизненные возможности. Однако жизнь в столице связана с высоким риском депривации в производственной сфере. Эти риски связаны со спецификой локального рынка труда, в результате чего для большинства работающих москвичей не соблюдается в полной мере трудовое законодательство, и это не может не сказываться на их жизненных возможностях в целом. Однако затрагивают эти риски в основном не потомственных москвичей, а мигрантов первого поколения.

Надо отметить, что массовое нарушение трудовых прав работников – специфика не только московского, но и всего российского рынка труда. Наше исследование показало, что, несмотря на высокий статус и связанные с ним широкие жизненные возможности, даже благополучные в других сферах руководители характеризуются сравнительно высоким уровнем негативной привилегированности в производственной сфере, хотя у остальных профессиональных групп, особенно рабочих и рядовых работников торговли

и бытового обслуживания, ситуация на работе выглядит, конечно, гораздо хуже. Для представителей этих профессиональных групп существуют также значимые барьеры, ограничивающие их возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала, что усугубляет их и без того шаткое положение на рынке труда.

Если риски депривации в российском обществе зависят прежде всего от демографических факторов, то расширение жизненных возможностей в большей степени зависит от ресурсообеспеченности индивидов. Качественный квалификационный ресурс, наличие высокопотенциальных социальных связей, ранняя социализация в обеих столицах, привычка планировать свою жизнь и брать ответственность за нее на себя не только минимизируют депривации и риски индивидов, но и существенно расширяют их жизненные возможности. Прослеживается также кумулятивный эффект этих факторов, действие которых особенно ярко проявляется при накоплении человеческого потенциала, что способствует дальнейшему расширению жизненных шансов индивидов.

В целом наш анализ показывает, что место человека в стратификационной иерархии обусловливается большим набором факторов, определяющих как характерные для него депривации и риски, так и широту его жизненных возможностей. Однако основные барьеры, препятствующие его восходящему движению по «социальной лестнице» и повышающие риски нисходящего движения по ней, связаны с ограниченностью возможностей накопления и сохранения своего человеческого потенциала. Эти барьеры имеют как культурный, так и структурный характер.

Глава 10. Специфика идентичностей, социального самочувствия и мировоззрения основных страт российского общества[1]

В предыдущих главах данной книги было показано, что характер различий между представителями разных страт заставляет предполагать, что в основе поляризации представителей массовых слоев россиян по критерию их жизненных шансов и рисков лежат различия, связанные со спецификой их места в системе экономических отношений, причем эта специфика вытекает из имеющихся у них активов и обусловлена особенностями их позиции на разных рынках. Это означает, что выделенные нами страты могут рассматриваться как «классы в себе», т.е. как совокупность близких классовых позиций. Но началось ли у них формирование специфического сознания и идентичностей, а также насколько они понимают свои групповые интересы? Или же пока даже полярные страты из числа выделенных – это не столько основа для формирования полноценных классов, способных выступить субъектами борьбы за свои интересы, сколько простая совокупность объективно близких статусных позиций? И в чем вообще проявляется специфика представителей разных страт в субъективной сфере, т.е. есть ли особенности у их идентичностей, установок, норм, представлений о нынешней ситуации в России и запросов к государству? Ответы на эти вопросы мы постараемся дать в этой и двух последующих главах.

Особенности идентичностей россиян из разных страт

Рассмотрим прежде всего специфику идентичностей (самоидентификаций) представителей разных страт. Именно вопрос о наличии специфических идентичностей является одним из ключевых при оценке этапа превращения класса как набора близких структурных позиций в «класс для себя», с сопутствующим этому процессу

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Тихонова, 2020].

формированием специфического классового сознания. Учитывая значимость этого вопроса, в социологической науке разработано довольно много способов измерения специфики идентичностей. Это и графические модели, на которых человеку надо идентифицировать свое место в обществе, и разного рода самоопределения себя в открытых вопросах, и оценка своей близости с теми или иными группами и т.д. Учитывая специфику инструментариев использованных нами исследований[2] и целей нашего анализа, нами были применены 10-ступенчатый графический тест на идентификацию своего места в обществе и вербальный тест на степень близости с теми или иными социальными группами.

Сразу подчеркнем – в обоих случаях довольно отчетливо просматривалась на общем фоне в основном специфика идентичностей только верхней страты. Так, если говорить о вербальном тесте на степень близости с теми или иными социальными группами, то верхняя страта характеризуется бóльшим числом значимых идентичностей, чем представители других страт, что говорит о ее большей включенности в систему социальных связей современного российского общества, большей «укорененности» в нем. Ее представители обычно называют в числе групп, близость с которыми они ощущают в значительной степени, 3–4 из 11 предлагавшихся в анкете (среднее число таких идентичностей равнялось у них в 2015 г. 3,6; в нижней страте соответствующий показатель составлял 2,7, а в средней – 3,3). Таким образом, пресловутый «кризис идентичностей» затронул эту страту в наименьшей степени. И хотя даже применительно к ней нельзя не согласиться с Е.Н. Даниловой и В.А. Ядовым в том, что нестабильная социальная идентичность является нормой жизни современных обществ вообще и российского общества в частности [Данилова, Ядов, 2004], все же для наиболее благополучных представителей массовых слоев населения в России в большей степени характерно наличие устойчивых идентичностей, и прежде всего – макроидентичностей с людьми той же профессии или тех же пристрастий и увлечений (табл. 10.1). При этом, в отличие от двух других страт, представители верхней страты в массе своей хотя бы отчасти чувствуют себя европейцами (табл. 10.1).

---

[2] Эмпирической базой анализа, результаты которого изложены в данной главе, выступили два массива данных. Один из них – массив данных 3-й волны Мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г.). Второй – массив данных 8-й волны этого же Мониторинга (апрель 2018 г.). Подробнее см. Приложение В.1.

Отличается верхняя страта и распространенностью некоторых отрицательных идентичностей, т.е. таких оснований для самоотнесения себя к тем или иным группам, которые не предполагают даже незначительной близости с ними. Так, они в большинстве своем, в отличие от двух других страт, вообще не идентифицируют себя как бедных (табл. 10.1).

Большинство (почти 60%) представителей верхней страты не идентифицировали себя в 2018 г. и как представителей низшего класса. И хотя отрицательная идентичность с низшим классом характеризовала в тот момент и представителей средней страты, однако в ней доминирование этой идентичности было менее выраженным, лишь на величину статистической погрешности отличаясь от половины группы. В связи с анализом классовых идентичностей стоит подчеркнуть, что концепт классов вообще существует в общественном сознании в России в довольно причудливой форме. Во всяком случае, как видно из табл. 10.2, с местом в иерархии жизненных шансов и рисков самоопределение себя как представителя того или иного класса соотносится весьма условно – большинство во всех стратах относит себя к среднему классу. И хотя распространенность идентичности со средним классом характеризуется линейным ростом от нижней к верхней страте, а с низшим и рабочим классами – обратной зависимостью, но показатели статистической связи между этими переменными невысокие. Это говорит о том, что осознание своей классовой принадлежности (ее отрефлексированность), хотя и началось, но все еще находится у россиян в начальной фазе этого процесса.

При этом даже в молодежных подгруппах разных страт не наблюдается четкой связи осознания классовых идентичностей с объективным положением индивидов. Так, уверенно идентифицируют себя как представителей среднего класса 20,4% молодежи от 18 до 25 лет в верхней страте, 15,4% в средней страте и 21,1% в нижней страте. Членами рабочего класса себя ощущают 17,6% молодых представителей верхней страты, 13,6% – средней и 20,2% нижней. Наконец, чувствуют четко выраженную общность с низшим классом 5,6% молодежи из верхней страты, 6,5% из средней и 11,9% из нижней. Таким образом, только идентичность с низшим классом связана у молодых россиян с реальным пребыванием внизу социальной иерархии, но и эта связь достаточно слаба. Конечно, можно считать, что данная возрастная группа находится пока еще в поиске своих идентичностей, и в этом плане ситуация с ней не показательна. Однако и в возрастной когорте 26–35 лет, члены

Таблица 10.1

Самооценки представителями разных страт близости для них некоторых групп, о которых они могли бы сказать: «Это – мы», ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., *%**

Степень ощущаемой близости с различными группами	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Люди той же профессии, занятия			
В значительной степени	35,1	48,0	60,9
В некоторой степени	49,1	41,3	35,9
Не ощущают близости	15,8	10,7	3,2
Люди тех же пристрастий и увлечений			
В значительной степени	43,1	55,0	63,2
В некоторой степени	42,9	36,0	31,6
Не ощущают близости	14,0	9,0	5,2
Бедные			
В значительной степени	10,6	8,9	6,2
В некоторой степени	44,6	41,9	33,7
Не ощущают близости	44,8	49,2	60,1
Европейцы			
В значительной степени	5,0	9,6	9,2
В некоторой степени	32,3	37,0	43,9
Не ощущают близости	62,7	53,4	46,9

Примечание. * Фоном здесь и далее в главе выделены показатели, превышающие 50%, т.е. характерные для большинства группы.

которой уже гораздо лучше понимают свое реальное положение, эта связь, хотя и приобретает устойчивый и линейный характер, также слаба. Даже в отношении идентичности со средним классом, в отношении которой разрывы в ответах представителей полярных страт максимальны, они не имеют качественного характера. Так, уверенно идентифицируют себя как представителей среднего класса 23,1% молодежи от 26 до 35 лет в верхней, 17,8% в средней и 10,9% в нижней стратах. При этом чувствуют четко выраженную общность с низшим классом 6,3% молодежи из верхней страты, 8,6% из средней и 11,4% из нижней.

В то же время нельзя сказать, что у молодежи из разных страт (как, впрочем, и у представителей других поколений в них) нет никакой ярко выраженной специфики идентичностей. Качественные различия характеризуют молодежь из разных страт, например, в отношении идентичности с людьми той же профессии – в зна-

Таблица 10.2

Самооценки представителями разных страт близости для них тех или иных классов, о которых они могли бы сказать: «Это – мы», ИС ФНИСЦ РАН, 2015 г., %

Степень ощущаемой близости с различными классами	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Представители низшего класса			
В значительной степени	10,7	9,1	6,1
В некоторой степени	43,9	38,3	35,8
Не ощущают близости	45,4	52,6	58,1
Представители рабочего класса			
В значительной степени	22,0	22,9	17,7
В некоторой степени	52,2	45,8	45,3
Не ощущают близости	25,8	31,3	37,0
Представители среднего класса			
В значительной степени	15,1	20,8	21,6
В некоторой степени	50,5	51,4	54,8
Не ощущают близости	34,4	27,9	23,6

чительной степени ощущают общность с ними 59,6% представителей возрастной когорты 26–35 лет в верхней страте, 47,4% в средней и только 38,6% в нижней. Та же тенденция, хотя и менее ярко выраженная, прослеживается в когорте 18–25 лет. Таким образом, профессиональная идентичность гораздо важнее для россиян, в том числе молодых, чем классовая.

Четкая линейная зависимость идентичностей от принадлежности к той или иной страте характеризует также самоидентификацию молодых россиян с гражданами России (в наибольшей степени она присуща молодежи из верхней и в наименьшей – молодежи из нижней страты) и с людьми тех же взглядов на жизнь (эта идентичность также шире всего распространена среди молодежи из верхней страты). Это говорит не только об опережающих темпах формирования гражданской идентичности прежде всего в верхней страте, но и о более высокой значимости мировоззренческих идентичностей в целом для наиболее благополучной части россиян вообще и молодежи в частности.

Рассмотрим теперь специфику самоидентификаций представителей разных страт с использованием результатов 10-ступенчатого графического теста на самоопределение своего места в вертикальной иерархии статусов в обществе. Хотя в каждой страте есть

те, кто относит себя к верхам и к низам общества, однако в целом распределение их представителей по разным «ступенькам» «лестницы социальных статусов» существенно различно (рис. 10.1). В верхней страте около трех четвертей относили себя весной 2018 г. к верхней половине позиций в статусной иерархии общества. В средней страте к верхней части «лестницы социальных статусов» относило себя уже меньшинство (45,9%). Что же касается нижней страты, то для ее представителей характерна низкая самооценка собственного статуса. Прослеживается и обратная тенденция – к нижним позициям[3] в иерархии социальных статусов относило себя большинство представителей нижней страты (55,5%), треть средней страты (32,3%) и лишь каждый десятый в верхней страте. Таким образом, интуитивно ощущаемая слоевая идентичность, в отличие от осознанной классовой самоидентификации, выражена в разных стратах довольно отчетливо. И в этом смысле процесс формирования определенного ощущения своей статусной принадлежности можно считать продвинувшимся уже довольно далеко. То есть россияне интуитивно уже довольно четко ощущают свое место в рамках вертикальной иерархии социальных статусов, но на вербальном уровне это место у них еще не отрефлексировано как соответствующее определенному классу.

Верхняя страта характеризуется четко выраженным социальным воспроизводством субъективных статусов – свыше 60% в ней относят к верхней половине социальной лестницы также семью, в которой они выросли, что способствует устойчивости статусных идентичностей ее представителей. Тот факт, что только в верхней страте у большинства ее членов (52,0% при 30,5% в средней и 15,5% в нижней) хотя бы один из родителей имел в 2018 г. высшее образование, подтверждает наличие объективных предпосылок для таких оценок. При этом в когорте до 30 лет включительно такая ситуация характерна в верхней страте для 71,3%, а затем, по мере нарастания возраста, идет линейное сокращение численности выходцев из семей, где родители имели высшее образование. Это связано с разной образовательной структурой различных поколений и говорит об усиливающихся процессах социального воспроизводства лиц с высшим образованием, составляющих ядро верхней страты. Данный факт заставляет предполагать дальнейшее распространение

[3] Наиболее популярная у россиян 6-я позиция сверху является одновременно и «точкой перелома». Поэтому в расчет как верхней, так и нижней части спектра статусных позиций эта позиция в данном случае не включалась.

в ней характерных именно для нее идентичностей и установок. Неслучайно, если у выходцев из семей, принадлежавших к верхней половине общества, в этой страте профессиональные идентичности были четко выражены в 2018 г. у 64,9%, то у тех ее представителей, кто поставил своих родителей на нижние три «ступени» «лестницы социальных статусов», т.е. у выходцев из семей «социальных аутсайдеров», сумевших за счет восходящей социальной мобильности сделать «рывок вверх», – лишь у 49,3%. С европейцами никогда не идентифицируют себя 48,0% первых и 63,8% вторых, что говорит не только о роли социального происхождения для формирования тех или иных идентичностей вообще, но и о большей внутренней близости потомственных представителей верхних слоев общества к европейской культуре.

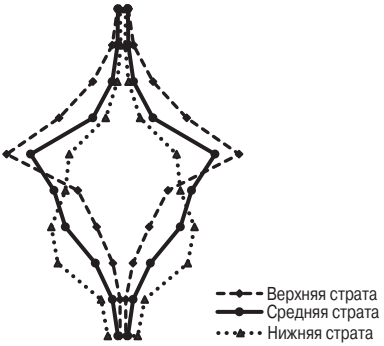


Рисунок 10.1
Модели субъективной стратификации трех основных страт российского общества, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Социальное самочувствие, жизненные цели и социально-психологические особенности представителей массовых страт российского общества[4]

Принципиальные различия в самоощущении своего положения в обществе сказываются и на различиях в удовлетворенности собственным статусом в обществе и своей жизнью в целом у представи-

[4] При выделении характерных субъективных особенностей представителей различных страт использовалась программа Chaid (*Chi-square automatic interaction detection*), являющаяся одной из разновидностей регрессионного анализа. Обычно она применяется для эффективного поиска взаимосвязи между большим числом переменных, а также для построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В данном случае использовалась первая функция данной программы, что позволило выделить из нескольких сотен переменных, относившихся в использованном массиве данных 2018 г. к социальному самочувствию, нормативно-ценностным системам, установ-

телей разных страт. Как видно из табл. 10.3, безусловное большинство представителей верхней страты однозначно ими довольны, а их социально-психологическое состояние, как правило, позитивное. Представители нижней страты, напротив, в массе своей не могут охарактеризовать как хороший не только свой статус в обществе, но и свою жизнь в целом, а нормой их жизни, с точки зрения типичного для них социально-психологического состояния, выступают негативные чувства – тревога, раздражение, озлобленность, агрессия. Средняя страта занимает промежуточное положение – с одной стороны, ее представители имеют скорее позитивное социально-психологическое состояние, а с другой – они в массе своей не считают хорошим ни свой статус в обществе, ни свою жизнь в целом. Эти особенности сохраняются, даже если рассматривать представителей одних и тех же возрастных когорт из этих страт. Учитывая то, что говорилось в главе 1 данной книги о роли социального самочувствия как одной из ключевых характеристик, дифференцирующих классы в рамках неовеберианской традиции анализа социальных неравенств, столь яркие качественные различия говорят не только о корректности избранной методологии выделения разных страт российского общества и классовой подоснове различий в их положении, но и об очень большой глубине социальных неравенств даже среди представителей массовых слоев населения, качественно различающих не только отдельные их возможности, но и бытие в целом.

Отметим, что особенности социального самочувствия представителей разных страт не зависят от специфики их возрастного состава. Даже если мы возьмем одни и те же возрастные группы, то удовлетворенность своей жизнью, а также доминирующее социально-психологическое состояние в верхней и нижней стратах будут принципиально различаться (рис. 10.2). Если для молодых представителей верхней страты типичны позитивное восприятие своей жизни (54,1%), эмоциональный подъем (36,8%) и спокойное состояние (50,2%), то у молодых россиян из нижней страты они встречаются редко. Для них характерно скорее негативное восприятие своей жизни (17,0% оценили ее как плохую, 7,7% – как хорошую и еще 75,3% оценили ее как удовлетворительную), а также негативное социально-психологическое состояние в целом, в том

кам и оценкам происходящего, наиболее статистически значимые с точки зрения характеристики субъективных особенностей разных страт. Именно на них мы и сосредоточились в последующем содержательном анализе.

числе тревога (19,6%), апатия (16,6%), раздражение (14,0%), озлобленность и агрессия (3,9%). Более того, оценки своей жизни как хорошей у них встречаются даже реже, а как плохой – чаще, чем у представителей среднего и старшего возрастов в нижней страте, что в принципе нехарактерно для молодежи вообще и молодежи из средней и верхней страт в частности. Учитывая присущий молодости оптимизм, это говорит об очень серьезном недовольстве молодежи из нижней страты своей жизнью, выраженном заметно сильнее, чем у более старших представителей данной страты.

Разница в социальном самочувствии представителей разных страт отчасти обусловлена схожестью жизненных целей, которые они перед собой ставят, при принципиально разных возможностях реализации этих целей в силу специфики занимаемых ими структурных позиций. Однако, хотя в целом жизненные цели россиян из разных страт достаточно близки, но есть и задачи, которые ставит перед собой большинство только в верхней страте, в отличие от остальных двух страт. Это, прежде всего, попадание в определенный круг людей и влияние на то, что происходит вокруг них, т.е. цели, связанные с достижением определенного места в сообществе и возможностью ощущать свою значимость в нем. Реализация этих целей позволяет минимизировать характерные для современных обществ эффекты отчуждения. Различается в разных стратах и распространенность установок на карьеру, получение хорошего образования и превращение в подлинного профессионала своего дела, а также занятость на престижной и интересной работе (табл. 10.4). Таким образом, верхнюю страту отличает распространенность так называемых «достижительных установок»,

Таблица 10.3

Удовлетворенность жизнью, восприятие представителями разных страт своего места в обществе и их социальное самочувствие, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Показатели	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Считают, что жизнь в целом складывается хорошо	8,3	24,7	60,1
Оценивают свой статус в обществе как хороший	8,3	25,8	55,0
Ощущают эмоциональный подъем или чувствуют себя спокойно, уравновешенно	41,8	61,9	84,4
Находятся в состоянии безразличия, апатии или ощущают тревогу, раздражение, озлобленность, агрессию	58,2	38,1	15,6

причем как по отношению к обществу в целом, так и в той сфере, которая имеет особое значение для формирования устойчивых идентичностей россиян – в профессиональной сфере. В молодежной подгруппе этой страты все жизненные цели достижительного характера выражены еще ярче, чем в данной страте в целом. Впрочем, среди молодежных подгрупп двух других страт эти цели также распространены шире, чем в соответствующих стратах в целом. Учитывая принципиально разную вероятность достичь желаемого для представителей соответствующих страт[5], близость жизненных целей молодежи из разных страт приведет в будущем к усилению разрыва между ожиданиями и реальностью с соответствующим дальнейшим ухудшением социально-психологического состояния молодежи из нижней страты.

Как видно из данных табл. 10.4, в отношении жизненных целей, связанных с достижением успеха в **макромире**, между тремя выделенными стратами просматриваются четко выраженные различия, хотя и сглаженные в молодежных их подгруппах, где большинство чаще предъявляет к жизни примерно одинаковые запросы. Однако к таким относящимся к **микромиру** целям, как создать счастливую

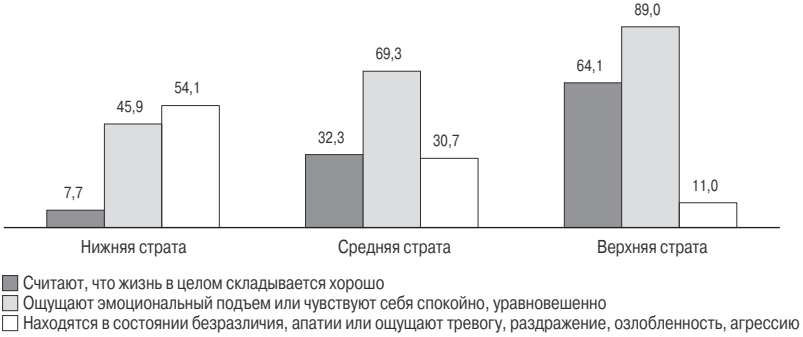


Рисунок 10.2

Удовлетворенность жизнью и социальное самочувствие россиян до 30 лет включительно из разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

[5] Так, например, вероятность иметь в возрасте 31–40 лет хорошее (хотя бы по собственным оценкам) образование составляла 21,0% для представителей нижней, 53,8% для представителей средней и 80,7% для представителей верхней страт; вероятность иметь в этом возрасте интересную работу составляла 15,4%, 43,6% и 80,7% соответственно; престижную работу – 6,3%, 26,9% и 60,1% соответственно; стать хорошим профессионалом – 25,0%, 44,2% и 63,3% соответственно и т.д.

семью, воспитать хороших детей, иметь надежных друзей, иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие, честно прожить свою жизнь, хорошо зарабатывать, жить не хуже других и т.д., представители разных страт стремятся практически в равной степени. Близки представители разных страт и по некоторым желаемым способам проведения своего свободного времени – практически в равной степени они хотели бы посещать развлекательные мероприятия (клубы, дискотеки и т.п.), регулярно встречаться с друзьями, проводить много времени со своими детьми. В то же время представители верхней страты гораздо чаще хотели бы читать книги, журналы, газеты, вести активную культурную жизнь (посещать театры, музеи, выставки, кинотеатры и т.п.), иметь регулярный спортивный досуг вне дома (фитнес-клубы, секции, оздоровительные занятия), получать новые знания и навыки, причем как связанные, так и не связанные с их работой. Если в верхней страте лишь 37,1% говорили весной 2018 г. о том, что у них нет желания заниматься хотя бы одним из этих видов деятельности, то в средней страте таких было уже большинство, а в нижней страте – почти две трети. При этом бóльшая мотивированность представителей верхней страты на способствующие поддержанию качества их человеческого потенциала виды активности сохраняется и при контроле возраста и уровня образования, сильно влияющих на стремление человека к активным формам проведения своего свободного времени.

К числу характерных особенностей представителей верхней страты на фоне двух других относятся также некоторые их установки, отражающие определенные социально-психологические особенности, типичные для представителей этих страт. Так, например, для представителей верхней страты в гораздо большей степени характерна установка на долгосрочное планирование своей жизни (рис. 10.3). В еще большей степени, чем верхняя страта в целом, склонна к планированию своей жизни входящая в ее состав часть молодежи страны. Так, среди россиян до 30 лет включительно не планировали свою жизнь лишь 18,7% находящихся в составе верхней страты при 34,3% у тех, кто был в составе средней страты и 52,3% молодежи из нижней страты. При этом планировали свою жизнь на три года вперед и более 35,0% молодежи из верхней страты, 22,4% – из средней и 20,9% из нижней. Учитывая связь показателей финансового благополучия и способности к долгосрочному планированию [Тихонов, 2019; Тихонова, 2019а], это означает дальнейшее углубление в перспективе разрыва между

Рисунок 10.3
Горизонт планирования у представителей разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

верхней и нижней стратами уже в силу одной только разницы в их горизонте планирования.

Говоря о других отличиях представителей верхней страты, немаловажно отметить, что для большинства их характерен внутренний локус-контроль, понимаемый как установка на личную ответственность человека за собственную судьбу. Так, три четверти их (76,3% по состоянию на 2018 г.) были убеждены, что человек сам кузнец своего счастья. В то же время в нижней страте доминирует внешний локус-контроль, и большинство в ней считают, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями. В сред-

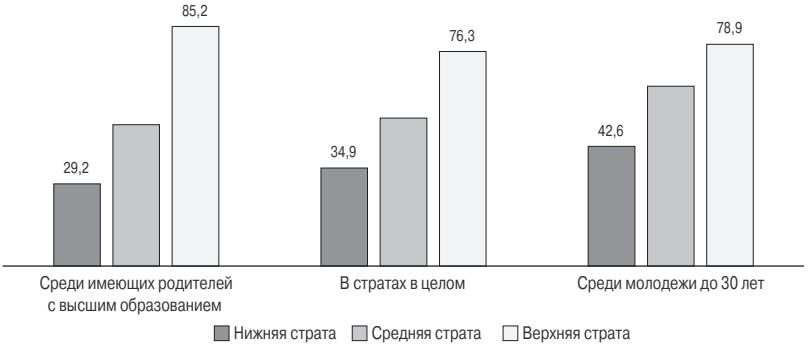


Рисунок 10.4
Доля имеющих внутренний локус-контроль в разных стратах, среди молодежи до 30 лет и в семьях, где оба родителя имели высшее образование, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Таблица 10.4

Особенности жизненных целей, которые *не ставили* перед собой представители разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

(отранжировано по показателям разрыва в верхней и нижней стратах)

Цели, которые *не входили* в жизненные планы	Страты			*Поляризация, разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
По стратам в целом				
Иметь интересную работу	9,9	6,7	1,1	*9,0*
Стать профессионалом в своем деле	11,6	6,6	1,9	*6,1*
Хорошо зарабатывать	8,2	6,2	2,2	*3,7*
Получить хорошее образование	24,5	16,4	6,8	*3,6*
Заниматься любимым делом	11,1	7,9	3,4	*3,3*
Побывать в разных странах мира	31,0	19,2	9,6	*3,2*
Получить престижную работу	21,4	17,9	9,2	*2,3*
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	45,2	37,1	20,6	*2,2*
Попасть в определенный круг людей	61,3	56,0	45,4	*1,4*
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где они живут	56,0	51,0	47,0	*1,2*
Иметь доступ к власти	74,7	72,3	65,9	*1,1*
По молодежи до 30 лет включительно				
Стать профессионалом в своем деле	7,7	2,6	0,5	*15,4*
Заниматься любимым делом	6,0	3,1	1,0	*6,0*
Побывать в разных странах мира	16,6	7,1	3,8	*4,4*
Хорошо зарабатывать	2,1	1,0	0,5	*4,2*
Получить хорошее образование	11,5	6,1	3,8	*3,0*
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	26,0	18,7	12,0	*2,2*
Иметь интересную работу	4,7	2,0	2,9	*1,6*
Попасть в определенный круг людей	40,0	38,0	34,4	*1,2*
Иметь доступ к власти	53,6	57,7	54,5	*1,0*
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где они живут	42,1	40,6	41,1	*1,0*
Получить престижную работу	4,3	4,9	6,2	*0,7*

Примечание. *Приведены только те из 21 жизненных целей, которые характеризовались наиболее значимыми отличиями в их распространенности среди представителей разных страт. **Жирным шрифтом** выделены цели, различающиеся между собой по их распространенности в полярных стратах более чем на 10%. Фоном выделены показатели, превышающие 50%.

ней страте мнения на этот счет разделяются практически поровну (рис. 10.4). Эти различия, как и длина временнóго горизонта, имеют в современной России огромное значение, поскольку тип локус-контроля также входит сейчас в число главных факторов, определяющих динамику материального положения человека [Тихонов, 2019; Тихонова, 2019а].

Тип локус-контроля различается, впрочем, не только в зависимости от собственной принадлежности к той или иной страте, но и в зависимости от уровня образования родителей, т.е. культурного капитала человека в терминологии П. Бурдье [Бурдье, 2005]. Так, в семьях родителей с высшим образованием в 2018 г. внутренний локус-контроль встречался в 61,8% случаев, а способность к долгосрочному планированию – в 70,1% случаев, в то время как в семьях, где оба родителя не имели высшего образования, соответствующие показатели составляли 48,4% и 48,6%, т.е. характеризовали менее половины группы.

Интереснее то, что реальное место в пространстве позитивной и негативной привилегированности оказывается теснее связано именно с социально-психологическими характеристиками индивидов, чем с процессами социального воспроизводства. Об этом говорят, в частности, показатели коэффициента Спирмена для соответствующих переменных. Так, для связи типа локус-контроля с уровнем образования родителей он составлял в нашем массиве данных 0,109, а для его связи с принадлежностью к той или иной страте – 0,281. В то же время наличие внутреннего локус-контроля в сочетании с высшим образованием родителей, т.е. наличие одновременно двух этих важных для достижения благополучия в жизни даже в отдельности факторов существенно повышает вероятность оказаться в составе верхней страты и понижает вероятность оказаться в составе нижней страты (рис. 10.4). Все это означает, что вероятность оказаться в будущем в составе разных страт у детей, родившихся в семьях с разным уровнем образования родителей, заметно различается. Так, у детей, родившихся в семьях, где ни один из родителей не имел высшего образования, вероятность оказаться в составе нижней страты была в России в 2018 г. почти втрое выше, чем в составе верхней страты (35,4% против 13,7%). При этом в семьях, где оба родителя имели высшее образование, соотношение попадающих в нижнюю и верхнюю страту было обратным (13,7% против 39,6%). Однако и среди них большинство оказалось все же не в верхней, а в средней страте, как и среди выходцев из семей, где оба родителя не имели высшего образова-

ния. Это говорит об относительной открытости модели существовавшей в последние десятилетия в России социальной структуры.

Таким образом, тип локус-контроля – не сопутствующая разнице в происхождении представителей разных страт, а сущностная их особенность. В то же время, как видно на рис. 10.4, молодежь разных страт в меньшей степени различается по данному показателю, чем страты в целом. При этом молодые россияне из средней страты гораздо ближе в этом отношении к молодежи из верхней страты и качественно отличаются от нижней страты, представители которой независимо от возраста характеризуются доминированием внешнего локус-контроля. Однако если в верхней страте доля имеющих внутренний локус-контроль с возрастом принципиально не меняется (даже в группе старше 60 лет она составляет 59,2%), то в средней страте картина принципиально иная. В районе 40 лет в ней устанавливается неустойчивое равновесие между приверженцами внутреннего и внешнего локус-контроля, а после 60 лет однозначно доминирует уже внешний локус-контроль (62,2%). Это говорит о сложных процессах постепенного изменения базовых социально-психологических характеристик представителей средней страты при одновременной устойчивости соответствующих особенностей верхней и нижней страт.

Довольно ярко выделяются на фоне других россиян представители верхней страты и по распространенности среди них установок на конформизм или нонконформизм. Во всяком случае, большинство в ней (54,8%) весной 2018 г. считало, что выделяться среди других лучше, чем жить «как все». Среди остальных россиян доминировала иная установка – 70,0% в нижней и 60,9% в средней стратах считали, что жить «как все» лучше, чем выделяться среди других, и эти различия воспроизводились также в разных возрастных когортах. В то же время в разных стратах возрастная динамика выбора в этой дилемме различалась. Так, в верхней страте доля нонконформистов постепенно снижалась с 70,3% в группе 18–30-летних до 36,7% среди тех, кто был старше 60 лет, причем качественный перелом происходил после 40 лет. В средней страте нонконформизм был характерен только для молодежи до 30 лет, и уже в когорте 31–40 лет доля нонконформистов снижалась до 40,0%, а минимальным ее значением в старших возрастных когортах данной страты было 25,7%. Наконец, в нижней страте даже молодежь характеризовалась, в противовес двум другим стратам, не нонконформизмом, а стремлением «быть как все» (62,6%), причем с возрастом число сторонников этой жизненной позиции доходило до 77,2% (в группе от 60 лет и старше).

Взгляды представителей разных страт на ситуацию в России

Характеризуя отношение представителей разных страт к происходящему в России, нужно прежде всего отметить, что большинство (53,6%) представителей верхней страты считали весной 2018 г. ситуацию в стране нормальной. В то же время в других стратах отношение к этой ситуации даже в этот относительно благополучный период было прямо обратным – большинство (56,7% в нижней и 50,9% в средней стратах) считали ее кризисной, причем многие их представители вообще воспринимали ее как катастрофическую. Еще ярче противоположность оценок представителей разных страт просматривалась применительно к ситуации в их регионе и том населенном пункте, где они проживают (рис. 10.5).

По-разному оценивают представители разных страт также вектор перемен в стране в последние годы. Так, в верхней страте почти 60% считали в 2018 г., что эти перемены к лучшему. В то же время в нижней страте доминировала убежденность, что перемены последних лет были к худшему. В средней страте мнения по этому поводу не имели безусловного лидера. Кроме того, в верхней страте половина была убеждена, что страна и в ближайший год будет

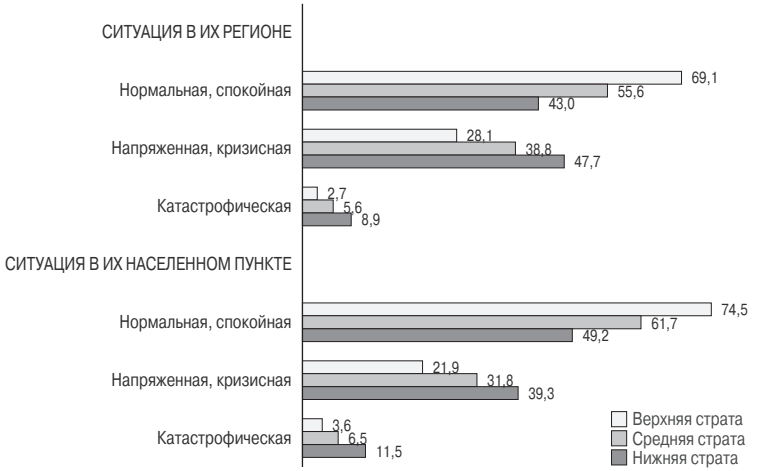


Рисунок 10.5

Оценки представителями разных страт ситуации в их регионе и населенном пункте, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

развиваться успешно, в то время как в нижней страте доминировала убежденность, что страну ждут трудные времена, а в средней – что ничего принципиально в ближайший год не изменится.

Тем не менее, хотя большинство в верхней страте смотрит на ситуацию в России с несвойственным основной массе россиян оптимизмом, и в ней доминирует убежденность, что существенные реформы в экономической и политической сферах уже назрели. Если, ориентируясь на предложенную в виде национальных проектов руководством страны повестку дня посмотреть, в чем же, в первую очередь, по мнению представителей верхней страты, должны проявиться эти перемены, то это обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий. Более 90% ее представителей говорили в 2018 г. о том, что эта задача важна для них лично. В нижней страте считали эту цель значимой также большинство, но все же менее ярко выраженное (78,6% при 86,6% в средней). Заметно менее значимыми, чем такого рода рывок, видятся для представителей верхней страты, как и для остальных россиян, такие задачи, как существенный рост малого и среднего бизнеса, снижение роли государства в экономике, расширение пространства свободы во всех сферах жизни, укрепление институтов демократии и местного самоуправления. При этом едины с остальными россиянами представители верхней страты в высокой оценке важности доступной и качественной медицинской помощи – крайне болезненной в последние годы для всех россиян теме, значимость которой лишь возросла в условиях пандемии, а также в оценке значимости приведения в порядок региональных и местных дорог, роста реальных доходов работающего населения, увеличения размеров пенсий, создания современной инфраструктуры в сельской местности, формирования равных образовательных возможностей[6] и т.д.

Говоря о специфике взглядов и норм, характерных для представителей разных страт, нельзя не отметить и то, что упоминавшиеся выше установки на собственные усилия для достижения достаточно амбициозных целей и готовность быть «не как все» имеют, наряду с несомненными плюсами для мотивирования представителей верхней страты на бóльшую экономическую активность, и свои минусы. Представителям ее в гораздо меньшей степени, чем остальным россиянам, присуща солидарность с неблагополучными членами общества, и в большей степени – стигматизация бед-

[6] Приводятся в порядке убывания доли тех, кто говорил о значимости для них этих задач.

ных (хотя большинство и в ней винит в бедности россиян государство) (табл. 10.5). Это обусловлено шире распространенной среди них верой в меритократический характер российского общества, в то время как представители двух других страт считают главными факторами успеха в нем везение и связи.

Взгляды и оценки представителей разных страт влияют и на «социальные действия» их представителей. Во всяком случае, как уже отмечалось в предыдущих главах данной книги, представители верхней страты не только более активны, если ощущают потребность в улучшении своего материального положения, но и ориентированы в своих стратегиях улучшения материального положения преимущественно на рынок труда. Для россиян же из средней и особенно нижней страт характерны бóльшая пассивность и более частый выбор неконструктивных или малоэффективных стратегий (наращивание долговой нагрузки, использование подсобного хозяйства и т.п.). Заметные различия прослеживаются и в готовности представителей разных страт защищать свои трудовые права. Лишь каждый десятый работающий представитель

Таблица 10.5

Распространенность в разных стратах некоторых мировоззренческих установок, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%*

Установки *(выбор в парах альтернативных суждений)*	**Страты**		
	Нижняя	**Средняя**	**Верхняя**
Благополучное положение в российском обществе сегодня – результат, прежде всего, высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы, приложенных усилий	28,1	39,1	52,6
Благополучное положение в российском обществе сегодня – в основном результат везения или наличия нужных связей	71,9	60,9	47,4
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	37,2	48,3	53,4
Надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	62,8	51,7	46,6
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, оказались в такой ситуации в основном по вине государства (низкие зарплаты, пенсии и т.п.)	72,0	62,1	51,0
Большинство из тех, кто находится сегодня в бедности, виноваты в этом сами – это следствие вредных привычек, лени, нежелания менять свою жизнь	28,0	37,9	49,0

верхней страты при каждом седьмом в средней и пятом в нижней страте ничего не станут предпринимать в случае, если их трудовые права будут нарушены. При этом самыми распространенными методами борьбы за свои права во всех стратах станут попытки напрямую договориться с работодателем (40,8% в верхней при 33,7% в средней и 33,4% в нижней стратах), обращение в суд (20,5%, 12,3% и 6,4% соответственно), а также обращение в профсоюзную организацию и СМИ. Однако в готовности использовать эти методы борьбы представители верхней страты, как видно из приведенных выше данных, намного опережают представителей двух других страт. Еще важнее то, что для представителей нижней и средней страт в большей степени характерны готовность «перетерпеть» и ничего не предпринимать, а также ориентация на смену работы или участие в протестных акциях, в то время как для представителей верхней страты – активное использование предусмотренных для этого законодательством возможностей.

Прослеживаются особенности социальных действий представителей разных страт и в других областях – реальных способах проведения своего досуга, действиях по обновлению своего человеческого капитала и т.д. Так, например, каждый третий работающий представитель верхней страты повышал за последние три года уровень своего образования или квалификации, причем каждый четвертый использовал для этого платные образовательные услуги. В средней и нижней стратах соответствующие показатели составляли для повышения уровня образования и квалификации 16,4% и 4,9%, а для платных образовательных услуг – 11,5% и 3,4%.

Выводы

Три выделенные нами по характерным для них жизненным шансам и рискам страты имеют довольно яркие особенности идентичностей, социального самочувствия, установок, нормативно-ценностных систем и отношения к происходящему сегодня в России. При этом средняя и нижняя страты ближе между собой, чем средняя и верхняя, хотя по некоторым позициям (в частности, жизненным целям, которых хотели бы достичь ее члены) средняя страта, и особенно входящая в нее молодежь, тяготеет именно к верхней страте.

Что касается идентичностей, то у представителей разных страт довольно четко выражена слоевая идентичность, и в этом смысле процесс формирования определенного ощущения своей статус-

ной принадлежности можно считать продвинувшимся в российском обществе уже довольно далеко. Однако классовая самоидентификация у представителей разных страт еще только начинает формироваться, хотя уже сейчас верхняя страта тяготеет скорее к идентичности со средним классом, а нижняя страта – с низшим классом. Это значит, что россияне интуитивно уже довольно четко ощущают свое место в рамках вертикальной иерархии статусов, но на вербально-понятийном уровне связь его с классовой принадлежностью ими еще не отрефлексирована. Однако другие их вербальные идентичности – как положительные (прежде всего профессиональная идентичность, а также идентичность с европейцами), так и отрицательные (с низшим классом или с бедными) имеют четкую специфику в разных стратах, что свидетельствует об особенностях формирования системы идентичностей представителей разных страт. Закреплению характерных для каждой из них идентичностей будет способствовать усиливающееся межгенерационное воспроизводство полярных страт, хотя до последнего времени социальная структура российского общества имела достаточно открытый характер.

Социальное самочувствие представителей разных страт выглядит еще более контрастно, чем их идентичности. Безусловное большинство представителей верхней страты однозначно довольны своей жизнью и статусом в обществе, а их социально-психологическое состояние, как правило, позитивное. Представители нижней страты, напротив, в массе своей не могут охарактеризовать как хороший не только свой статус в обществе, но и свою жизнь в целом, а нормой их жизни, с точки зрения типичного для них социально-психологического состояния, выступают негативные чувства – тревога, раздражение, озлобленность, агрессия, апатия. Средняя страта занимает промежуточное положение – с одной стороны, ее представители имеют скорее позитивное социально-психологическое состояние, а с другой – они в массе своей не считают хорошим ни свой статус в обществе, ни свою жизнь в целом. Учитывая ту роль, которую еще М. Вебер справедливо отводил этому показателю в числе признаков разных классовых позиций, столь яркая разница в социальном самочувствии представителей разных страт служит еще одним подтверждением оправданности рассмотрения их представителей как занимающих принципиально разное место в социальной иерархии.

Жизненные цели россиян из разных страт в целом близки, но есть и задачи, которые большинство ставит перед собой лишь

в верхней страте. Это, прежде всего, так называемые «достижительные цели», связанные с занятием определенного места в сообществе и возможностью ощущать свою значимость в нем, минимизировав характерные для современных обществ эффекты отчуждения. Различается в разных стратах и распространенность установок на карьеру, получение хорошего образования и превращение в подлинного профессионала своего дела, а также наличие престижной и интересной работы. Просматривается также бóльшая мотивированность представителей верхней страты на способствующие поддержанию качества их человеческого потенциала виды досуговой активности, хотя по многим другим видам такой активности различий между стратами практически не наблюдается. При этом практически не различаются по распространенности те жизненные цели, которых хотели бы достичь представители разных страт в отношении своего комфортного микромира – созданию семьи, формированию круга надежных друзей, воспитанию хороших детей, наличию интересного досуга и т.п.

Если говорить о социально-психологических особенностях представителей разных страт, то, в отличие от россиян из двух других страт, представители верхней страты ориентированы на долгосрочное планирование, нонконформизм, личную активность и ответственность за достижение своих целей. В средней же и нижней стратах доминируют установки на то, чтобы жить «здесь и сейчас», быть «как все», а также убежденность, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами. При этом вероятность оказаться в будущем в составе разных страт у детей, родившихся в семьях с разным уровнем образования родителей, заметно различается, как различается для них и вероятность иметь определенный тип локус-контроля, горизонт планирования, нонконформистские установки и т.д. Однако положение человека в социальной иерархии во взрослом состоянии до последнего времени зависело все-таки скорее от его социально-психологических характеристик, чем от образовательного уровня или социального статуса родительской семьи. В итоге тип локус-контроля и способность к долгосрочному планированию своей жизни оказываются не сопутствующими разнице в происхождении представителей разных страт, а сущностными особенностями представителей этих страт независимо от социального происхождения, которое может лишь повысить вероятность наличия этих особенностей.

Большинство в верхней страте смотрит на ситуацию в России с несвойственным основной массе россиян оптимизмом. Одна-

ко и в ней доминирует убежденность, что существенные реформы в экономической и политической сферах уже назрели. Если, ориентируясь на предложенную в виде национальных проектов руководством страны повестку дня, посмотреть, в чем же в первую очередь, по мнению верхней страты, должны проявиться эти перемены, то это обеспечение рывка в сфере науки и высоких технологий. Значима, хотя и в меньшей степени, эта задача и для членов двух других страт. Большинство других стоящих перед страной задач представители всех страт оценивают еще более единодушно, в частности, все они дают высокую оценку важности обеспечения доступной и качественной медицинской помощи, а также приведения в порядок региональных и местных дорог, роста реальных доходов работающего населения, увеличения размеров пенсий, создания современной инфраструктуры в сельской местности, формирования равных образовательных возможностей.

Достаточно единодушны представители трех описанных страт и во многих других своих оценках, хотя определенные различия между ними все же есть. Так, в верхней страте заметно меньше распространены солидаристские установки, а бедные стигматизируются ими чаще, чем остальными россиянами. Все эти особенности, как и особенности идентичностей, установок и социального самочувствия представителей верхней страты, сохраняются при учете различий в возрастном, образовательном и профессиональном составе разных страт.

Верхняя страта характеризуется не только особенностями установок и нормативно-ценностных систем – различия в отношении ее представителей к себе и к миру отражаются и в их поведенческих стратегиях. Так, характерная для мировоззрения ее членов значимость личной активности реализуется в их большей практической активности в разных областях жизни или в защите своих интересов. Представители же средней и нижней страт заметно отличаются в этом отношении от верхней страты.

В заключение, отвечая на поставленные в начале данной главы вопросы, отметим – говоря об основных стратах российского общества, мы имеем дело пока лишь с формирующимися классами, в которых классовая принадлежность скорее интуитивно ощущается, чем сознательно рефлексируется. Лишь очень постепенно и только при определенных внешних условиях (усиление гомогенности состава данных страт, снижение роли не связанных с рынком труда неравенств в определении благосостоянии человека и т.д.) они смогут превратиться из «классов-в-себе» в «классы-для-

себя». В то же время их усиливающееся социальное воспроизводство скоро сделает специфику не только их положения, но и мировоззрения, идентичностей, понимания собственных интересов и вытекающих из всего этого поведенческих паттернов гораздо более очевидной, чем сейчас, и тогда именно классовая модель анализа станет оптимальным инструментом для изучения социальной структуры российского общества.

Глава 11. Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт[1]

В предыдущих главах книги был проведен комплексный анализ жизненных шансов и рисков, которыми характеризуется положение различных групп россиян. Этот анализ позволил выявить основания и продемонстрировать наиболее важные проявления объективных неравенств в качестве жизни, характеризующих социальную структуру современного российского общества. Еще одно измерение этой картине, позволяющее глубже понять сегодняшнюю социальную реальность, может добавить субъективное восприятие социальной структуры и социального неравенства населением, в том числе различия в этом отношении между представителями разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам.

Проблема объективных и субъективных измерений неравенства как одного из ключевых вызовов современного этапа мирового развития вышла на первый план в научных и общественных дискуссиях после кризиса 2008–2009 гг., однако и до этого опасения, связанные с растущим неравенством, все чаще озвучивались научным сообществом. По оценке известного американского специалиста по социальным неравенствам и социальной структуре Д. Груски, до 1960–1970-х годов неравенство также признавалось значимой и общественно важной проблемой, но предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведет к снижению неравенства, а политическое управление им будет становиться проще по мере перехода обществ к более благополучным формам «продвинутого» индустриализма. Большинство работ послевоенного периода с помощью разных подходов и теоретических рамок анализа обосновывали единый тезис о том, что в новой социальной реальности социальные неравенства сглаживаются, возможности становятся распространены более равномерно, а классовые

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Мареева, 2018б].

конфликты и классовые различия становятся все менее заметными [Grusky, 2011].

Однако в 1960–1970-х годах дискурс анализа неравенства заметно изменился, развернувшись практически в противоположную сторону, и тезис о снижении неравенства утратил свои позиции. Исследования же последних лет приводят к выводу о том, что неравенство продолжает усиливаться. Это характерно одновременно и для неравенств как между индивидами и домохозяйствами в рамках одной страны, так и для неравенств между странами и регионами. При этом экономисты отмечают, прежде всего, растущее (или как минимум не снижающееся) монетарное неравенство – по доходам и особенно богатству, что отразилось в последние годы в целом ряде посвященных этой проблеме работ [Миланович, 2017; Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015]. Социологи же обращают внимание на сохранение множества немонетарных форм неравенств и появление новых их типов при сохранении значимости традиционных их форм [Savage, Li, 2021]. Пандемия не только обострила эту проблему, но еще ярче проявила различные измерения неравенства на микроуровне – от неравенства в доступности необходимой медицинской помощи до неравенства положения на рынке труда с точки зрения возможности сохранения занятости в специфических социально-экономических условиях последних лет.

Озабоченность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества – в частности, задача снижения уровня неравенства внутри стран и между ними вошла в Цели устойчивого развития ООН. Целый ряд докладов международных организаций в последние годы был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире – в частности, доклад неправительственной некоммерческой организации Oxfam International, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе – «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству, и как это можно остановить»; серия докладов Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016–2017 гг., впервые посвященный именно проблемам неравенства, и др. [EBRD, 2017; Hardoon, Ayele, Fuentes-Nieva, 2016; World Bank, 2016; World Bank, 2018].

Отдельным и очень важным вопросом выступает при этом специфика восприятия социальных неравенств и их допустимой глубины населением. С оценками неравенств тесно связаны

и восприятие населением страны социальной структуры общества, в котором они живут, и определение ими своего собственного положения в пространстве социальных позиций. Запрос на сокращение неравенств может формироваться в условиях их излишней, в представлениях населения, глубины, а также в отношении тех неравенств, которые воспринимаются общественным сознанием как нелегитимные. Негативные последствия оценки неравенств населением как излишне высоких, имеющих несправедливые основания и в целом не соответствующих «идеальной» общественной модели, могут иметь далеко идущие социальные последствия – генерировать социальную напряженность, ухудшать социально-психологическое состояние населения, создавать основания для делегитимизации власти в его глазах, способствовать формированию запроса на изменение общественного договора с государством. С другой стороны, восприятие неравенств как меритократических может выступать ресурсом для экономического развития, стимулом для инвестиций населения в человеческий капитал и повышения продуктивности его активности в целом.

Субъективное восприятие неравенств можно рассматривать и как часть более широкой дискуссии о справедливости [Штомпка, 2017] и необходимости учета субъективных представлений населения при оценке общественного благосостояния [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016]. Несмотря на то, что исследования показывают, что население может ошибаться в оценках глубины объективного неравенства и своих позиций в системе неравенства [Gimpelson, Treisman, 2018], его субъективные оценки важны сами по себе, поскольку они могут выступать предпосылками социальных действий и выбора тех или иных поведенческих стратегий на микроуровне.

Обсуждение степени остроты, факторов и последствий объективно существующих неравенств активно ведется и в российской научной среде, причем с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи. Так, только в последние несколько лет появилось сразу несколько таких работ [Аникин, Тихонова, 2016; Капелюшников, 2017; Овчарова, Попова, Рудберг, 2016]. Однако вопросу восприятия неравенств населением уделяется сравнительно меньше внимания, хотя посвященные этой проблематике работы все же периодически выходят [Гимпельсон, Монусова, 2014; Мареева, Тихонова, 2016; Салмина, 2007]. Явно недостаточно внимания уделяется и представлениям населения

о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этой области также представлены [Косова, 2016; Мареева, Тихонова, 2016; Тихонова, 2014].

В силу как недостаточной освещенности самой этой темы, несмотря на ее растущую важность, так и значимости выявления выступающих константами общественного сознания или специфических для отдельных слоев и групп населения норм, взглядов и установок, в данной главе мы сосредоточимся именно на субъективном срезе социальных неравенств. Будут рассмотрены их восприятие россиянами из массовых слоев, оценка населением основанной на них социальной структуры российского общества, а также дифференциация взглядов на этот счет в зависимости от положения индивидов в пространстве жизненных шансов и рисков. Такой анализ позволит не только лучше понять специфику ви́дения нынешнего общественного устройства России ее населением, но и определить ключевые вызовы для дальнейшего развития страны, связанные с проблемами социального неравенства. Как и в предыдущих главах, в своем эмпирическом анализе мы опираемся в основном на данные 2018 г., поскольку пандемия заметно повлияла на социальное самочувствие россиян, вызвав в нем определенные флуктуации. Кроме того, само понятие нормы в этот период в представлениях населения подверглось «коррозии». Однако точечно мы используем и данные других лет[2].

Острота монетарных и немонетарных неравенств в оценках россиян

Начнем наш анализ с общего восприятия «ландшафта» социальных неравенств россиянами и динамики этих представлений в последние несколько лет. Первое, что стоит отметить, – это высокая актуализированность проблемы неравенств в общественном сознании. В 2021 г., говоря о тех задачах, которые Россия, с учетом новых реалий, должна решать в первую очередь, 37,3% россиян отметили именно смягчение социальных неравенств. Эта задача

[2] Эмпирической базой для анализа, результаты которого изложены в данной главе, выступили массивы данных ряда общероссийских репрезентативных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН: «О чем мечтают жители России?» (март 2012 г.), «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г.), а также 11-й и 12-й волн Мониторингового исследования ИС ФНИСЦ РАН (октябрь 2015 г. и апрель 2018 г.). Подробнее о них см. Приложение В.1.

оказалась в общественных представлениях второй по важности в общем рейтинге стоящих перед страной задач, пропустив вперед только борьбу с коррупцией (39,9%). При этом об отсутствии острых неравенств в современной России в 2018 г. говорили лишь 1,5% населения, и всего 9,3% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств. Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляло при этом неравенство по доходам – его отмечали как самое болезненное для общества в целом 83,8% населения, а как болезненное лично для себя – 69,4%. Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимались связанные с базовыми аспектами качества жизни – медициной и жильем. За ними следовала группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности – неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, образованию, а также неравенство возможностей для детей из разных слоев общества. Остальные неравенства как болезненные для общества в целом отмечало менее трети населения (табл. 11.1).

Сравнение данных 2015 и 2018 гг. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств, влияющих на общество в целом, в представлениях населения в этот период, за небольшими исключениями, не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать в числе наиболее острых проблему неравенства доступа к медицинской помощи (58,7% в 2015 г. и 69,6% в 2018 г.) и образованию (40,3 и 47,7% соответственно). Эти два типа неравенств напрямую связаны с человеческим потенциалом, который, согласно ряду сценариев, должен был бы стать одним из ключевых драйверов нового этапа развития страны. В этом контексте такая динамика оценок выступает тревожным индикатором ситуации в данной сфере. В новых условиях это особенно важно, так как в 2020 г. именно равный доступ к медицинскому обслуживанию назывался россиянами главным критерием справедливого общества, опережая по популярности в общественном сознании даже такие принципы, как различия в доходах или уровне жизни.

В оценке тех неравенств, от которых страдают сами россияне, в период 2015–2018 гг. происходили изменения, свидетельствующие об их растущей остроте. Так, заметно возросла болезненность восприятия неравенства в доступе к медицинской помощи (с 38,9% до 51,2%); более чем в два раза выросла доля россиян, отмечающих, что они страдали от неравенства в возможностях отдыха и досуга (с 12,4% до 27,0%); в меньшей степени, но также увеличилась доля тех, кто болезненно воспринимал неравенство

Таблица 11.1

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов, ИС ФНИСЦ РАН, 2015–2020 гг., *%**

Типы неравенств	Болезненные для общества в целом		Болезненные лично для респондента		
	2015	2018	2015	2018	2020
Доходов	**81,9**	**83,8**	**65,6**	**69,4**	**67,2**
В доступе к медицинской помощи	**58,7**	**69,6**	38,9	**51,2**	46,2
В доступе к хорошим рабочим местам**	47,5	**51,9**	36,7	37,5	38,1
Жилищных условий	**60,7**	**64,0**	30,1	36,0	32,3
В возможностях отдыха и проведения досуга	14,0	22,4	12,4	27,0	20,5
В доступе к образованию	40,3	47,7	15,7	22,5	19,9
В возможностях для детей из разных слоев общества	30,7	32,6	17,9	19,0	25,9
В обладании собственностью	18,0	19,5	12,4	15,6	19,1
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	7,7	8,7	9,9	10,6	6,2
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10,0	8,8	10,7	10,1	14,1
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	—	6,5	—	9,3	5,2
В физических возможностях	6,9	6,4	9,1	9,1	9,3
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	—	4,1	—	3,8	1,5
Таких неравенств нет	2,5	1,5	8,6	9,3	9,6

Примечания. *Серым фоном выделены позиции, увеличение по которым по сравнению с предыдущей точкой замера составило более 5%. **Жирным шрифтом** выделены показатели, превышающие 50%. **Доли приведены для работающего населения.

в доступе к образованию (с 15,7% до 22,5%) и неравенство жилищных условий (с 30,1% до 36,0%). Таким образом, даже в условиях экономического кризиса проблема неравенств не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься россиянами еще острее – причем основные изменения коснулись оценок ситуации в собственной жизни, а не положения дел в обществе в целом, что может приводить к большей социальной напряженности. Что касается динамики этих представлений в 2018–2020 гг., т.е. под влиянием пандемии, то она оказалась неоднозначной – возможно, в силу резкого изменения внешних обстоятельств и смещения «точки отсчета» во многих сферах жизни. Общий рейтинг неравенств, затрагивающих самих респондентов, практически

не изменился, и его продолжило возглавлять неравенство доходов. Однако острота восприятия неравенства в доступе к медицинской помощи и в возможностях отпуска и досуга несколько снизилась (возможно, в силу того, что ухудшения в этих сферах затронули все население, в том числе и благополучных его представителей). Это же касается остроты неравенства жилищных условий. Однако более обостренно стало восприниматься россиянами неравенство, связанное с разными стартовыми возможностями детей.

Как же влияет на восприятие остроты неравенств для общества в целом и себя лично положение в пространстве жизненных рисков и шансов? Данные показывают, что в оценках тех неравенств, от которых страдает общество в целом, россияне из разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам, в целом оказываются достаточно близки. Рейтинг наиболее острых для общества неравенств в их представлениях совпадает, и они со схожей частотой отмечают наиболее болезненные из них для общества (табл. 11.2). Это говорит о том, что такие оценки даются населением исходя из общего видения ситуации в обществе в целом, а не только на основании своего субъективного положения, и еще раз подчеркивает единодушие населения страны в его неудовлетворенности в отношении ситуации с неравенствами, в том числе немонетарными, в современном российском обществе. Это также может косвенно свидетельствовать о понимании даже представителями привилегированных групп населения неустойчивости своих позиций – даже если какие-то неравенства не касаются сегодня их лично, они могут коснуться их буквально завтра.

Два заметных расхождения между разными стратами в их взглядах на ситуацию с неравенствами в обществе в целом наблюдаются в оценках неравенств в возможностях полноценного отдыха и досуга и в возможностях для детей из разных слоев общества – представители нижней страты по сравнению с представителями верхней чаще считают острым первый тип неравенства и реже отмечают второй. Наибольший разрыв в оценке остроты неравенства в возможностях полноценного досуга и отдыха характерен при этом для россиян в возрасте 31–40 лет (среди них это неравенство отмечают как острое для общества 26,5% из нижней страты и 13,8% из верхней), а также для россиян в возрасте 51–60 лет (22,4% и 9,9% соответственно). Проблему неравенства возможностей для детей из разных слоев представители верхней страты, наоборот, воспринимают острее, чем представители нижней, в основном за счет различий во взглядах на этот вопрос россиян в возрасте 18–30 лет

(32,5% и 26,4%), а также 41–50 лет (45,5% и 23,3%) – т.е. тех, кто, возможно, сам еще недавно сталкивался с подобными неравенствами или обеспокоен будущим подрастающих детей. Отметим также, что сам факт наличия детей несколько актуализирует для представителей нижней страты проблему неравенства возможностей отдыха и досуга, а для представителей верхней страты – проблему неравенства возможностей для детей.

Это может отражать различную сравнительную значимость для них соответствующих проблем: если неравенство возможностей для детей из разных слоев означает воспроизводство неравенства в межгенерационной перспективе и снижение социальной мобильности, то неравенство в возможностях досуга и отдыха может расцениваться как значимое различие в сфере потребления. Для негативно привилегированной группы в силу ее неблагополучного положения различия в возможностях потребления могут восприниматься более болезненно, в то время как для позитивно привилегированной группы более актуальными становятся проблемы сохранения устойчивого положения в условиях внешней нестабильности, в том числе в межгенерационной перспективе.

Что же касается тех оценок, которые связаны с наиболее болезненными неравенствами в их собственной жизни, то различия между стратами, выделенными по жизненным шансам, депривациям и рискам в этом отношении оказываются заметно больше, чем при оценке ситуации в обществе в целом, и наиболее заметны они для самых распространенных неравенств (табл. 11.2). Можно говорить о том, что повседневная жизнь позитивно и негативно привилегированных групп в относительно стабильных внешних условиях качественно отличается, по оценкам их членов, по остроте влияния на нее прежде всего неравенств в области доходов, доступа к медицинской помощи и жилищных условий, а также неравенств в доступе к хорошим рабочим местам, возможностях для отдыха и досуга, доступе к образованию. По остальным неравенствам различия малозначимы. Такая картина в целом неудивительна, поскольку эти неравенства относятся к тем сферам жизни, которые частично были учтены при построении Индекса жизненных шансов и рисков, но она еще раз подчеркивает наиболее характерные для зон благополучия и неблагополучия в современной России проявления неравенств.

При этом в верхней страте 23,2% ее представителей отмечают, что не страдают ни от каких неравенств, в то время как среди членов нижней страты эта доля составляет только 2,6%. Средняя

Таблица 11.2

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов из разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *%**

Неравенства	Болезненные для общества в целом			Болезненные лично для респондента		
	Страты					
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Доходов	83,9	83,9	83,2	**79,2**	71,3	**49,6**
В доступе к медицинской помощи	72,6	68,7	67,1	57,4	51,5	40,4
Жилищных условий	62,2	65,5	63,1	**43,7**	35,2	**26,8**
В доступе к хорошим рабочим местам**	51,0	52,1	52,5	**44,9**	38,5	**26,5**
В доступе к образованию	47,4	48,9	45,0	23,4	23,6	18,1
В возможностях для детей из разных слоев общества	29,6	33,3	35,2	18,4	20,1	16,8
В возможностях отдыха и проведения досуга	25,6	22,2	17,8	30,6	27,3	20,9
В обладании собственностью	20,3	17,8	22,5	14,4	15,7	16,9
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10,4	7,9	8,5	9,0	10,1	11,8
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	9,3	8,6	7,8	11,4	10,9	8,7
В физических возможностях	7,7	5,9	5,7	10,0	9,0	8,0
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	6,5	6,2	6,9	8,9	9,0	10,6
В возможностях пользования компьютером и Интернетом	4,9	3,8	3,4	3,3	3,9	4,2
Таких неравенств нет	*0,8*	*1,6*	*2,0*	*2,6*	*7,8*	*23,2*

Примечания. *Серым фоном здесь и далее выделены позиции, которые выбрали более 50% представителей соответствующей группы. **Жирным шрифтом** в таблице выделены позиции, по которым доли назвавших соответствующие неравенства в числе значимых для них лично различались в полярных стратах более чем в полтора раза.

**Доли приведены для работающего населения.

страта, как и во многих других вопросах, демонстрирует картину, характерную для общества в целом, но оказывается при этом ближе скорее к негативному, чем к позитивному полюсу российского общества.

Оценка справедливости неравенств и запрос на их сокращение в разных стратах

Однако при анализе субъективных представлений о неравенствах важна оценка не только их остроты и глубины, но и их справедливости, легитимности их оснований. К сожалению, данные говорят о том, что в этом отношении ситуация в российском обществе даже в периоды стабильного развития выглядит неблагополучно. Так, половина россиян в 2018 г. считала, что система распределения частной собственности в России является несправедливой, и еще 41,6% были отчасти согласны с этим, отчасти нет. Говоря о том, как оцениваются в России способности и квалификация, только 15,7% были согласны с тем, что люди получают за них достойное вознаграждение, 40,0% лишь отчасти согласны с этим, а 44,3% не согласны с этим утверждением. При этом, оценивая собственную ситуацию, россияне были настроены еще более критично – 87,2% их полностью или отчасти согласились с тем, что получают значительно меньше, чем заслуживают.

В отношении оценки реальной картины с неравенствами в российском обществе и запросов к государству на их сокращение дифференциация позиций россиян в зависимости от их принадлежности к той или иной страте носит различный характер. Так, россияне из страты, характеризующейся устойчивым доминированием позитивной привилегированности, более оптимистично оценивают ситуацию в России с точки зрения неравенства распределения частной собственности, хотя и среди них доля считающих ее несправедливой в разы превышает долю оценивающих ее как справедливую. Представители всех трех страт сходятся и в том, что эффективность труда, которая в целом представляется россиянам легитимным основанием неравенства, о чем мы еще скажем ниже, в современных российских условиях не отражается в соответствующей оплате труда – от 41,7% до 46,7% каждой страты не согласны с тем, что работники в России в целом получают достойное вознаграждение за свои усилия, а от 31,8% до 48,0% считают, что это относится и к их личной ситуации[3] (рис. 11.1). Неудивительно, что в таких условиях

[3] Если же говорить только о работающих россиянах, то лишь 14,1% их (от 11,8% до 17,6% в разных стратах) считали в 2018 г., что люди в России получают соответствующее вознаграждение за свою квалификацию, интеллектуальные способности и тяжесть труда. Наиболее остро дисбаланс между своей зарплатой, с одной стороны, и необходимой для их работы квалификацией и тяжестью их труда, с другой, воспринимают представители нижней страты – в ней

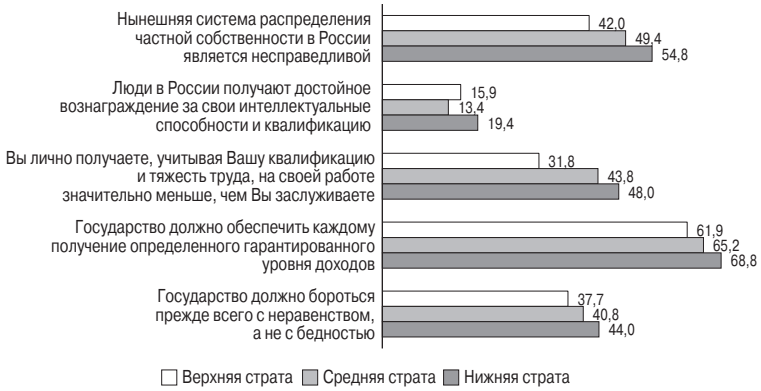


Рисунок 11.1

Оценка справедливости неравенств в российском обществе и запрос к государству на его сокращение в разных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

*% согласных**

Примечание. *На рисунке не представлены те, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

большинство представителей каждой из выделенных страт находят привлекательной идею гарантированного уровня доходов.

Нужно обратить внимание, что, как и при оценке неравенств, россияне из разных страт сходятся в оценке ситуации, сложившейся в обществе в целом, но различаются в оценках своего собственного положения в этой ситуации – в данном случае это видно из оценок справедливости оплаты собственного труда, которая наиболее болезненно воспринимается представителями страты с доминированием негативной привилегированности.

При этом представители всех трех страт склоняются к тому, что государство должно бороться, прежде всего, с неравенством, а не с бедностью. Данная точка зрения доминирует даже среди представителей нижней страты (44,0% их согласны с этим утверждением, 16,2% не согласны, а остальные не дали определенного ответа). Это говорит о том, что сами россияне ощущают важность и остроту разных типов немонетарных неравенств, характеризующих их повседневную жизнь.

о том, что они получают значительно меньше того, чем заслуживают с учетом этих факторов, говорили в тот момент более половины работающих ее представителей (53,1% при 45,2% в средней и 30,5% в верхней страте).

Формированию запроса к государству на борьбу с неравенствами способствуют и доминирующие в общественном сознании представления о причинах бедности и богатства в современном российском обществе – большинство населения видит эти причины в основном не в личных качествах или усилиях самого человека, а в воздействии «внешних» факторов: вины государства в первом случае (62,9%) и везения или социального капитала – во втором (61,5%). Однако при большем благополучии, как уже отмечалось в главе 10 данной книги, чаще можно встретить представления о меритократических основах общественного устройства российского общества. Так, если в нижней страте причины бедности видят в недостаточной активности государства по борьбе с ней более 70%, и столько же объясняют везением и связями достижение благополучия отдельными людьми, то в верхней страте россияне делятся в этом отношении на две практически равные подгруппы. Устойчиво верят во влияние на положение человека внешних факторов, объясняя одновременно и бедность, и благополучие именно ими, 53,6% нижней страты и 29,3% верхней. Средняя страта занимает между ними промежуточное положение (41,4%).

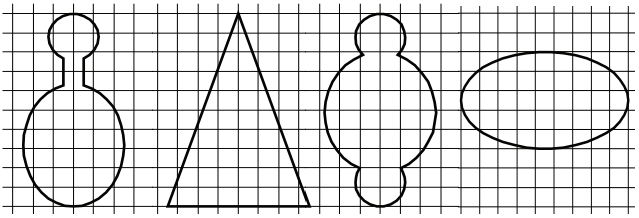
Восприятие общей проблемы социальных неравенств как достаточно острой – и для общества в целом, и для собственной жизненной ситуации – приводит к формированию запроса россиян на сокращение существующих неравенств. Одной из иллюстраций этого является наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями современного российского общества в оценках населения. Описывая его конфигурацию, три четверти россиян представляли себе весной 2018 г. «пирамиду» с широким «низом» и постепенно суживающимся «верхом» (44,9%) или сочетание многочисленных нижних слоев, оторванных от малочисленных верхних (31,0%). Модели, характеризующиеся массовыми средними слоями (с немногочисленными верхними и нижними слоями или вообще без них) выбирали для описания реального положения дел лишь четверть россиян. Между тем, говоря об идеальной модели, более половины населения выбирало общество высокой социальной однородности, в то время как модели без массовых средних слоев выступали в роли идеальных лишь для 27,2%. Это ярко демонстрирует запрос большей части населения на снижение социальных неравенств в современной России.

Сравнение с данными 2012 г. (табл. 11.3) показывает, что представления россиян за этот период заметно трансформировались, и основной тенденцией стало снижение толерантности к степени

Таблица 11.3

Идеальная и реальная модели современного российского общества в представлениях россиян, 2012–2018 гг.,

*% от россиян в возрасте 18–55 лет**

Модели российского общества				
Идеальная (2012)	9,1	20,2	31,5	39,2
Идеальная (2018)	7,2	19,3	19,6	53,9
Реальная (2012)	28,4	57,5	12,2	1,9
Реальная (2018)	30,6	44,3	16,8	8,3
Разница (2012)	*–19,3*	*–37,3*	*19,3*	*37,3*
Разница (2018)	*–23,4*	*–25,0*	*2,8*	*45,6*

Примечание. * Выборка исследования 2012 г. охватывала россиян не старше 55 лет, поэтому данные 2018 г. в таблице для сопоставимости также приведены только для россиян в возрасте 18–55 лет. При этом различия с данными по населению в целом составляли в 2018 г. по всем позициям не более 1 п.п.

общественного неравенства и рост запроса на социальную однородность. Модели «пирамиды» или немногочисленных верхних слоев при многочисленных нижних, впрочем, в обоих случаях выбирали в качестве оптимальных для России в совокупности менее 30% населения, и снижение приверженности им сократилось незначительно. А вот «голоса» за модель с массовыми средними слоями при немногочисленных верхних и нижних слоях или модель социальной однородности резко перераспределились за 2012–2018 гг. в пользу последней, т.е. именно модель общества социальной однородности стала пользоваться наибольшей популярностью у большинства населения. Что же касается оценок реальной социальной структуры современного российского общества, то в этом отношении изменения были менее выраженными. В итоге первые две модели продолжают представляться россиянам отражением реальной, но не идеальной структуры общества, в то время как 4-я модель все больше отражает «несбыточный идеал», демонстрируя нарастающее стремление к сглаживанию неравенств в российском обществе.

Отличаются ли в этом плане представители разных страт, выделенных по их жизненным шансам, депривациям и рискам? Данные показывают, что различия между ними не носят качественного характера. Во всех трех группах доминирует представление о социальной структуре современного российского общества как пирамиде (43,8% в нижней и 45,6% % в верхней) или многочисленных нижних слоях при небольшой доле верхних (34,2% в нижней и 28,8% в верхней стратах). Оценка желаемых моделей общественной структуры при этом различается в несколько большей степени, хотя в целом общая картина в разных группах остается схожей: так, к обществу социальной однородности (модель 4 в табл. 11.3) склоняются 56,5% представителей негативно привилегированной группы при 46,5% позитивно привилегированной, а к модели с высоким неравенством (т.е. модели 1 и 2 в табл. 11.3) – 25,5% и 30,2% соответственно. Таким образом, независимо от собственного положения в пространстве жизненных шансов и рисков, россияне фиксируют устойчивое несоответствие между оптимальной и реальной структурами российского общества, что также приводит к росту запроса среди населения на сглаживание существующих неравенств.

Этот вывод дополнительно можно проиллюстрировать, выделив, с одной стороны, тех, чьи представления о реалиях современной России связаны с констатацией достаточно высокой степени неравенства (т.е. выбирающих 1-ю или 2-ю модель как реальную в табл. 11.3) и при этом не соответствуют их представлениям об идеальном общественном устройстве (которые отражаются в выборе ими 3-й или 4-й модели как идеальной), а с другой стороны тех, чьи представления о реальной и идеальной модели современного общества совпадают (независимо от степени неравенства, которую они при этом фиксируют). Численность этих групп составляла в 2018 г. по населению в целом 57,2% и 15,1% соответственно[4], что свидетельствует о высоком дисбалансе между ожиданиями и реальностью у большинства россиян. В верхней страте этот дисбаланс меньше, чем в нижней (ожидания не совпадают с реальностью

[4] Остальные 27,7% россиян включали тех, кто констатирует невысокую степень неравенства в современной России (выбирая модели 3 или 4 как реальные), а также тех, кто, склоняясь к более высокому или низкому уровню неравенства как в своих идеальных представлениях, так и при описании реальности, расходятся при этом в конкретной конфигурации модели (например, описывая действительность с помощью модели 1, но выбирая как идеальную модель 2).

у 52,7% и 60,8% этих групп соответственно, а совпадают – у 17,7% и 13,6%), но даже эти небольшие различия не меняют общей картины, подтверждая, что, независимо от собственного положения в матрице немонетарного неравенства жизненных шансов и рисков, высокая доля населения предъявляет запрос на иную конфигурацию социальной структуры российского общества. Причем это относится даже к наиболее благополучным с точки зрения соотношения их жизненных шансов и рисков россиянам.

Такая ситуация порождает ряд серьезных вызовов для государственной социально-экономической политики в отношении обеспечения в российском обществе справедливости при сокращении неравенств. Ответ на эти вызовы должен учитывать те ресурсы реализации продуктивной роли неравенств, которые дают представления населения о справедливости, тем более что такой ресурс в российском обществе пока еще есть, хотя и сокращается.

Прежде всего в этой связи надо отметить, что, стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян имеют в виду всё же не равенство доходов и условий жизни (41,3%), а равенство возможностей (58,7%). Это соотношение в последнее десятилетие было достаточно устойчиво, хотя по сравнению с 1995 г. доля выбирающих равенство доходов в противовес равенству возможностей заметно возросло (в тот момент оно составляло 25/75), что может отражать разочарование в «правилах игры», не способствующих закреплению справедливых в глазах населения оснований для неравенств. Наблюдающаяся в долгосрочном периоде тенденция роста запроса на равенство доходов свидетельствует о том, что потенциал «продуктивности» неравенств, который можно было бы использовать в целях развития страны, постепенно сокращается. Причем, в отличие от ситуации с оценками неравенств в обществе в целом или моделей социальной структуры, в разных стратах эта картина различается достаточно заметно: так, среди характеризующихся доминированием позитивной привилегированности равенство возможностей выбирают более чем три четверти (78,5%), в средней страте эта доля снижается до 58,5%, отражая общестрановую картину, а в страте, характеризующейся доминированием негативной привилегированности, она падает до 45,7%, т.е. в ней доминирует установка на равенство доходов. Кроме того, такое доминирование характерно в ней как для неработающих, так и для работающих ее представителей, в отличие от двух других страт, где сторонники равенства доходов концентрируются в основном среди экономически неактивного населения.

Такое соотношение установок говорит о том, что при дальнейшем ухудшении социально-экономической ситуации, причем не столько в отношении доходов населения, сколько в отношении доступных россиянам жизненных шансов и ограничивающих их возможности рисков, их запрос на равенство доходов будет усиливаться.

Возможности для реализации продуктивной роли неравенств дает и то, что в общественном сознании пока продолжают доминировать представления о допустимости и даже желательности справедливых по своим основаниям неравенств, которые связаны с трудовой деятельностью людей. Пока еще бóльшая доля россиян склонна скорее соглашаться, чем не соглашаться с тем, что работающие быстрее и эффективнее должны получать больше, чем занимающие те же позиции, но работающие менее эффективно (62,4% согласны с этим и 6,4% не согласны), а также с тем, что неравенство доходов справедливо, если все имели равные возможности для заработка (50,7% и 15,1%). Более высокие доходы у тех, кто получил более высокий уровень образования, считают справедливыми 45,2%, а несправедливыми – 10,0%. Таким образом, эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств, хотя и при определенных оговорках. При этом разные профессии в качестве такого основания россиянами скорее не воспринимаются – их считают справедливым основанием неравенства 25,2%, а несправедливым – 34,0%. Нужно отметить, однако, что достаточно высокие доли лишь отчасти согласных со справедливостью этих оснований неравенств свидетельствуют о неоднозначности восприятия россиянами ситуации, сложившейся в данной сфере. Возможно, здесь сказывается недоверие россиян к тому, что такие «правила игры» действительно могут быть установлены и соблюдаться для всех, поскольку пока принципы справедливости, по их мнению, на практике не выполняются.

Более того, динамика ответов на эти вопросы свидетельствует о том, что толерантность даже к тем неравенствам, которые ранее представлялись справедливыми большинству населения, постепенно снижается. Так, в 2013 г. более высокая заработная плата у тех, кто работает быстрее и эффективнее, представлялась справедливой 73,9% населения (в 2018 г. – уже 62,4%), а у тех, кто получил более высокий уровень образования – 62,7% (в 2018 г. – 45,2%). Возникающее в условиях равенства возможностей неравенство доходов считали пять лет назад справедливым 64,5% россиян

(в 2018 г. – 50,7%), а разные профессии как основание неравенства доходов – 46,8% (в 2018 г. – 25,2%). Как видим, в этот период произошло значительное снижение толерантности ко всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми большинству населения в 2013 г. Это соотносится и с приведенной выше динамикой представлений населения об идеальных и реальных моделях социальной структуры – неэффективное функционирование или отсутствие «правил игры», которые в нормативной модели расцениваются как справедливые, но не выполняются на практике, приводит к растущему запросу на общее «выравнивание». С точки зрения перспектив развития страны это также говорит о сокращении возможного потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития.

Эта картина также имеет свою специфику для представителей массовых слоев, занимающих качественно различающееся положение в пространстве жизненных шансов и рисков. Члены верхней страты гораздо более толерантны в своем отношении к неравенствам, чем члены нижней страты, и это касается как неравенств в целом, возникших в условиях равенства возможностей, так и конкретных их оснований – они в значительно большей степени считают приемлемыми неравенства, основанные на более эффективной работе или более высоком уровне образования. Неравенства, возникшие при исходном равенстве возможностей и основанные лишь на различиях в эффективности работы или уровне образования, считают справедливыми только 18,5% нижней страты, 23,5% средней и 31,2% верхней – таковы в этих группах доли согласных одновременно со всеми тремя этими утверждениями. Разные профессии в качестве основания неравенства воспринимаются во всех группах неоднозначно, но в верхней страте они чаще рассматриваются как справедливое основание неравенства, в нижней страте – как несправедливое (рис. 11.2).

Еще более неоднозначной выглядит оценка россиянами проявлений неравенств, обусловленных монетарным неравенством – возможностей для имеющих более высокие доходы обеспечивать себе более высокие уровень и качество жизни. Так, население достаточно толерантно относится к покупке ими лучшего жилья (46,2% согласных с тем, что это справедливо, при 13,8% отмечающих, что это несправедливо) и считает скорее справедливым то, что они смогут дать детям лучшее образование (37,4% и 21,6% соот-

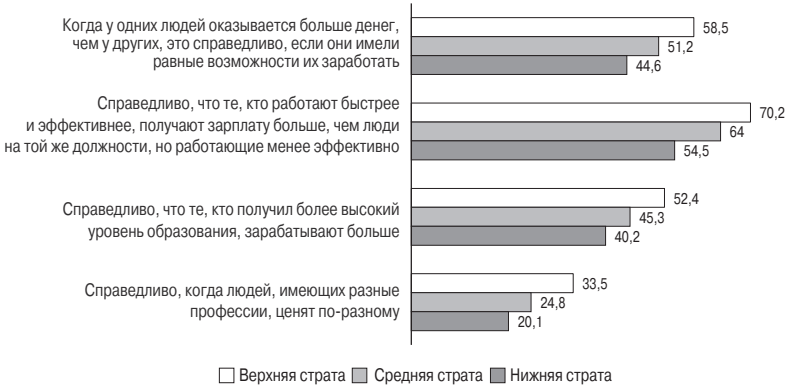


Рисунок 11.2

Оценка справедливости различных оснований неравенства в различных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% согласных**

Примечание. *На рисунке не представлены доли тех, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

ветственно[5]). В отношении большей пенсии для людей с бóльшими зарплатами доли согласных и несогласных со справедливостью такого положения дел еще больше сближаются (30,6% и 25,3%), а вот в отношении возможностей для людей с высокими доходами получать медицинские услуги более высокого качества доля согласных значительно ниже доли несогласных с таким положением вещей (22,6% и 39,6%). По всей видимости, платное образование для детей (при наличии опции бесплатного образования для всех) воспринимается значительной частью населения, если говорить о справедливости ситуации в обществе в целом, не столько как дополнительная возможность социальной мобильности и более успешного старта, сколько как одно из направлений потребления, как и жилье, что приводит к более спокойной оценке этого проявления неравенства; в отношении же неравенств в жизненно важной сфере медицинского обслуживания (с учетом обострения этой проблемы в данной сфере в глазах россиян) население не так толерантно.

Динамика в этом отношении также демонстрирует снижение толерантности к проявлениям неравенств в разных сферах жиз-

[5] Причем среди россиян, имеющих несовершеннолетних детей, эти цифры практически не меняются – так, согласны со справедливостью этого 36,1% из них, а не согласны – 22,2%.

Рисунок 11.3

Оценка справедливости различных неравенств в разных стратах, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% согласных**

Примечание. *На рисунке не представлены те, кто выбрал ответы «отчасти согласен, отчасти нет» и «не согласен».

ни: так, в 2012 г. покупку лучшего жилья имеющими более высокие доходы считали справедливым 51,6% (в 2018 г. – 46,2%), лучшее образование для детей из обеспеченных семей принимали как справедливое 49,8% (в 2018 г. – 37,4%), более высокую пенсию для имеющих более высокие зарплаты считали справедливой 48,4% (в 2018 г. – 30,6%), а доступ к медицинским услугами более высокого качества для имеющих бóльшие доходы расценивали как справедливый 27,3% (в 2018 г. – 22,6%). Правда, нужно отметить, что доли считающих это несправедливым также сократились, хотя и в заметно меньшей степени – по всей видимости, происходит снижение поляризации взглядов россиян в данной области. Тем не менее это не отменяет главного вывода из приведенных выше данных – за период 2012–2018 гг. произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов.

В этой связи представители верхней страты, сохраняющие пока относительно бóльшую толерантность к разным проявлениям неравенств, могут еще выступать социальной базой поддержки социально-экономической политики государства, основанной

на идее продуктивных неравенств и их стимулирующей роли, в то время как нижняя страта уже в массе своей не готова поддерживать такой вектор развития (рис. 11.3). Скорее несправедливым представители верхней страты считают только неравный доступ к медицинским услугам, хотя среди них перевес даже в этом вопросе не так значителен: 32,6% при 29,8% оценивающих это неравенство как справедливое. В то же время среди россиян из нижней страты доля согласных со справедливостью разных проявлений неравенства заметно превышает долю несогласных только в отношении лучших жилищных условий. В отношении образования для детей эти доли сближаются, а при оценке неравенства пенсий и доступа к медицине, возникшего на основании неравенства доходов, доля несогласных со справедливостью такого положения дел заметно превышает долю считающих это справедливым (и особенно велик разрыв в отношении медицинских услуг – 46,6% и 17,4% соответственно).

Субъективная социальная структура российского общества

Обратимся теперь к другому, также связанному с общей темой данной главы, сюжету – вопросу субъективной социальной структуры российского общества. Выше мы рассматривали вопрос о том, как эта структура в целом выглядит с точки зрения россиян, но к ее анализу можно подойти и с другой стороны, определив ее общую конфигурацию через те оценки, которые население дает своему собственному положению в обществе и его динамике. Эти оценки могут даже в большей степени определять социальное самочувствие россиян, чем объективные реалии их жизни, хотя последние, безусловно, оказывают влияние на сами эти оценки. О распределении оценок своего положения в обществе в разных стратах уже шла речь в главе 10. Важно, однако, рассмотреть не только различия субъективных оценок своего положения в обществе, но и степень их расхождения с желаемым, справедливым общественным положением. Оценка своего положения в обществе «по справедливости» представителями разных страт по жизненным шансам представлена на рис. 11.4.

В целом запросы россиян в отношении положенного им «по справедливости» места в обществе нельзя назвать завышенными – среди них также доминируют средние позиции (в 2018 г. – 40,7%) или позиции выше среднего (в 2018 г. считали, что должны нахо-

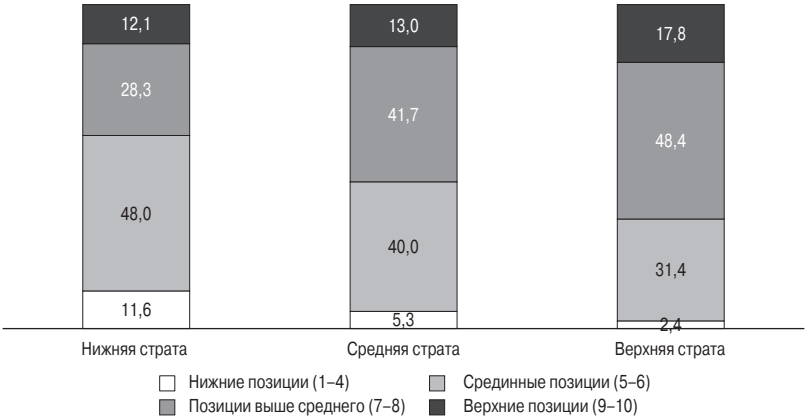


Рисунок 11.4

Самооценка положенного им «по справедливости» положения в обществе представителями разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

диться на 7—8 ступени, 39,1% россиян), хотя на самых верхних позициях в обществе видят справедливое для себя место только 13,7%. При этом в группах с разным соотношением жизненных шансов и рисков оценки своего справедливого общественного положения имеют следующий характер: представителям верхней страты чаще всего справедливыми кажутся позиции выше среднего (48,4% при 31,4% выбирающих средние позиции); в средней страте доли выбирающих позиции выше средних и средние позиции практически совпадают (41,7% и 40,0%), а в нижней страте доминирует представление как о справедливых для себя срединных позициях, а не позициях выше среднего (28,3% и 48,0% соответственно) (рис. 11.4). Более того, если в верхней страте доля ставящих себя «по справедливости» на две самые высокие позиции заметно превышает долю определяющих себя на четыре самые нижние позиции (17,8% и 2,4%), то в нижней страте они практически совпадают (12,1% и 11,6%). Все это говорит о том, что представители наименее благополучной страты с точки зрения характеризующих их жизнь рисков и депривaций, с одной стороны, а также шансов и возможностей, с другой, отличаются не только более низкой самооценкой своего положения в обществе, но и более низкими запросами в этом отношении. Они в массе своей считают, что высокие позиции в обществе им вообще «не положены». Частично именно такая

ситуация – более высокие представления о собственном справедливом положении у тех, кто изначально объективно находится в более благоприятной ситуации, и более низкие запросы среди менее благополучных групп – сглаживает социальную напряженность среди населения в целом и его наименее благополучных слоев в частности. Однако даже она не ликвидирует ее полностью, поскольку, во-первых, для представителей нижней страты речь идет все-таки при определении их справедливого места в социальной иерархии о средних, а не нижних позициях, а во-вторых, даже при большей скромности их запроса, разрыв между реальным и справедливым общественным положением у них все же заметно выше, чем у представителей средней и верхней страт. Так, для населения в целом расхождение между занимаемым положением и тем положением, которое они должны были бы занимать «по справедливости», составляет в среднем 1,6, а медианная величина разрыва – 1 «ступенька» «социальной лестницы». Однако если в верхней страте эти значения составляют 1,1 и 1, то в нижней – 2,0 и 2, т.е. справедливая позиция представляется для находящихся в зоне доминирования негативной привилегированности россиян в среднем на две «ступени» выше реальной.

Таким образом, субъективная стратификация, с одной стороны, связана с теми позициями, которые россияне занимают на иерархической шкале жизненных шансов и рисков, но, с другой – тяготение к срединным позициям, как и различие запросов, которое может зависеть от большого количества факторов (представлений о норме при справедливом положении дел, уровня жизни и его динамики – как собственного, так и в референтной группе и т.д.) вносят в эту картину свои корректировки.

Выводы

Проблема социальных неравенств остро стоит сегодня для российского общества не только с точки зрения их объективной глубины, но и с точки зрения восприятия населением этой проблемы как особенно острой. Социальные неравенства представляют собой серьезный вызов для общества, и население видит основным актором решения этой проблемы именно государство. Дисбаланс между «идеалом» и «реальностью» при этом опасен снижением доверия к власти и сокращением для нее «коридора возможностей». В этом отношении рост разрыва между ожидани-

ями и реальностью, характерный для представителей всех страт, вызывает особое беспокойство. Важно, что проблему неравенств осознают представители как наиболее, так и наименее благополучных групп. Представители трех страт, выделенных по характеризующим их положение жизненным шансам и рискам, в целом сходятся в оценках ситуации с неравенствами в обществе в целом, хотя свое собственное положение в различных измерениях неравенства они при этом характеризуют по-разному: их повседневная жизнь отличается, по их собственным оценкам, по остроте влияния на нее неравенства доходов, доступа к медицинской помощи, жилищных условий, доступа к хорошим рабочим местам, неравенства возможностей отдыха и досуга, доступа к образованию – т.е. всех тех неравенств, которые они считают наиболее острыми для российского общества.

Динамика ситуации при этом свидетельствует, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается: происходит снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. Это может оказать негативное влияние на возможности решения стратегической задачи, поставленной перед страной – «прорывного» развития. С другой стороны, часть россиян, особенно представители верхней страты, еще сохраняют толерантность к проявлениям неравенств, возникающих на справедливых основаниях, а также в большей степени разделяют идею о меритократических основаниях неравенств в современном российском обществе (хотя и среди них это представление не является доминирующим). Поэтому они пока еще способны выступать социальной базой поддержки вектора развития, основанного на идеях дифференциации результатов труда при исходном равенстве возможностей и стимулирующей роли неравенств. В то же время нижняя страта уже не готова поддерживать такой вектор развития, как и тяготеющая к ней в этом отношении средняя страта.

Что касается субъективной социальной структуры современного российского общества, то накануне коронакризиса она уже выглядела неблагополучно, поскольку характеризовалась серьезным расхождением реальных оценок своего положения и тех позиций в социальной иерархии, которые россияне должны были бы занимать в обществе «по справедливости». Последние представлялись им более высокими, чем их нынешние позиции, однако их

запросы в этом отношении нельзя назвать сильно завышенными. При этом нижняя страта, хотя и характеризуется наиболее скромными запросами в этом отношении, оказывается в наименее благополучной ситуации с точки зрения разрыва между реальным и справедливым, по мнению ее представителей, положением дел, остро переживая свое нынешнее положение. О неблагополучии в области субъективного восприятия социальной структуры российского общества свидетельствует также динамика изменения представлений о ней и рост запроса на формирование в России общества социальной однородности.

Глава 12. Запрос представителей разных страт к социальной политике[1]

Разное восприятие происходящего в России, как и объективно различающееся положение представителей трех выделенных страт, влекут за собой специфику их запроса к государственной социальной политике. Актуализирует этот запрос как то, что экономические реформы последних десятилетий в России повлекли за собой ряд серьезных социальных трансформаций, так и то, что на протяжении всего этого периода страна постоянно сталкивается с кризисами, вызванными экономическими шоками (как в 2008–2009 гг. или 2014–2016 гг.) или эпидемической ситуацией (как в 2020–2021 гг.). В результате резко актуализировался и вопрос об изменении конфигурации общественного договора, а для него едва ли не ключевое значение имеет государственная социальная политика. В жизни неоэтакратических обществ, к которым, по мнению ряда ученых [Ильин, 2008; Шкаратан, Ястребов, 2008] относится и Россия, государство всегда играло крайне важную роль. Однако в постсоветский период участие государства в обеспечении благополучия населения было сведено к минимуму, так как масштабные институциональные преобразования 1990-х требовали мобилизации ресурсов страны. К середине 2000-х состояние социальной сферы уже не оставляло возможностей самоустранения государства из вопросов социальной политики. Это запустило процесс ее активизации и поиска форматов, релевантных сложившейся в российском обществе ситуации. В результате на фоне общемирового снижения активности государств всеобщего благосостояния Россия начала поиск новой конфигурации системы социальной политики. Характер этого поиска был связан с выбором ее новых приоритетов и организационных форм. Этот поиск продолжается и сейчас, поскольку сложившийся на сегодня ее формат, который во многом строится на национальных проектах, плохо справляется со своими задачами: при формальном выполнении проектных показателей социальные проблемы населения в большинстве случаев остаются нерешенными, что фиксируется, в том числе, и социологическими исследованиями [Двадцать пять лет ..., 2018].

---

[1] В данной главе частично использованы материалы статьи [Lezhnina, 2019].

Социокультурная динамика последних десятилетий, заключающаяся в постепенном смещении ценностных установок россиян в сторону значимости интересов индивидов и их готовности брать на себя ответственность, рационализировать свои действия, планировать свою жизнь и т.д. [Готово ли..., 2010], требует более конструктивного диалога власти с населением, так как последнее становится все более активным субъектом, влияющим на «коридор возможностей» развития страны и открыто выражающим свои позиции. Эта ситуация требует обновления формата взаимодействия общества и государства, в том числе в социальной сфере. В этой связи крайне важно понимать, каковы же ожидания населения от государства как актора в социальном пространстве и насколько они дифференцированы в зависимости от индивидуальной ситуации с жизненными шансами и рисками. Такое понимание дает возможность построить социальную политику, которая будет не только эффективной, но и легитимной в глазах разных слоев населения.

Население во всем мире предъявляет спрос на участие государства в общественной жизни и социальную поддержку с его стороны, хотя масштаб, общая логика и приоритеты желаемой помощи от страны к стране отличаются [Williams, Hill, Davies, 1999]. В академической среде наблюдается некоторый консенсус в понимании того, что влияет на восприятие населением социальной политики. С одной стороны, это культурно-идеологические детерминанты [Blekesaune, 2013; Edlund, 2006, Groskind, 1994; Jæger, 2006; Hasenfeld and RaVerty, 1989], свойственные обществу в целом и отдельным его группам. Эти факторы отношения к социальной политике оцениваются обычно через общекультурные особенности восприятия в той или иной стране, регионе и т.д. политики перераспределения, сокращения неравенств и выравнивания жизненных шансов населения [Andreß, Heien, 2001; Blekesaune, Quadagno, 2003; Finseraas, 2009; Jaeger, 2006, 2013; Svallfors, 1997, 2003]. Отдельное внимание уделяется реакции населения на динамику социальной политики, особенно в условиях ее либерализации [Chung, Mueleman, 2017]. Эти, по сути, мировоззренческие детерминанты ожиданий населения от государства чаще всего рассматриваются и при межстрановых сопоставлениях. Кроме того, культурно-идеологические паттерны, в свое время став основой национальных моделей социальной политики, сегодня также влияют на дифференциацию запроса населения (и его установок во взаимоотношениях с государством в целом) через особенности

восприятия тех или иных институтов и инструментов обеспечения общественного благополучия [Gelissen, 2002; Gundelach, 1994; Papadakis, Bean, 1993; Peillon, 1996; Svallfors, 2003; Blekesaune, Quadagno, 2003, van Oorschot, Meuleman, 2012][2].

С другой стороны, на запрос к социальной политике оказывают воздействие и собственные интересы конкретных людей, вытекающие из особенностей их жизненной ситуации. Значимость индивидуальных интересов в вопросе восприятия социальной политики в целом и отдельных ее механизмов неоднократно подтверждалась эмпирическими исследованиями. В литературе развернуто продемонстрировано, что существующие у населения проблемы или риск столкновения с ними повышают поддержку идеи государственного вмешательства в решение соответствующих вопросов. При этом проблемы и риски трактуются в основном через персональные социально-экономические и социально-демографические характеристики. В целом считается, что специфика запроса к социальной политике со стороны женщин обусловлена их ролью в рождении и воспитании детей [Chung, Meuleman, 2017; Taylor-Gooby, Leruth, 2018], тех или иных социально-профессиональных групп (с учетом образования, квалификации, типа профессиональной деятельности/классовой принадлежности) – нестабильностью и незащищенностью их позиций на рынке труда [Iversen, Soskice, 2001; Rehm, 2011; Edlund, 1999; Svallfors, 1997; Andreß, Heien, 2001; Papadakis, Bean, 1993; Forma, 1997], бедных – низким уровнем жизни [Edlund, 1999; Cook, Barrett, 1992], разных возрастных когорт – их потребностями на том или ином этапе жизненного пути [Arts, Gelissen, 2001; Baute, Meuleman, Abts, 2018; van Oorschot, Mueleman, 2012; Busemeyer et al., 2009]. В ряде случаев отмечается, что такие формы государственной поддержки, как система здравоохранения и пенсионного обеспечения в силу того, что рано или поздно всем приходится к ним обращаться, не подвержены специфическому влиянию этих факторов. Негативная и позитивная привилегированность в отношении жизненных шансов также могут рассматриваться как особенности индивидуальных жизненных ситуаций.

---

[2] Институты и инструменты социальной политики традиционно формируются в логике ее основных моделей с акцентом на разделяемые в обществе принципы. Именно поэтому в либерально ориентированных странах инструменты, например, пенсионного страхования носят индивидуализированный характер (накопительная система), в то время как в странах с высоким уровнем солидарности возможны субсидиарные ее формы (распределительная система).

Запрос россиян к государству как отражение их социокультурных особенностей

Изученность запроса к государству у населения посткоммунистических стран не очень глубока даже при наличии целого ряда исследований на эту тему [Mason, Kluegel, Wegener, 1995; Domanski, Heyns, 1995; Mason, 1995; McDonough, 1995; Salmina, 2014]. Тем не менее из них понятно, в частности, что отношения россиян с государством зачастую воспринимаются через устойчивые стереотипы, среди которых представления об избыточном патернализме населения, его высоких ожиданиях от власти, запросе на тотальное равенство как проявление ностальгии по советскому периоду и т.д. В целом же запрос населения к социальной политике описывают лишь отдельные работы [Социальные неравенства..., 2008; Авраамова, 2008]. Согласно им, население страны ориентировано на ключевую роль государства в реализации социальной политики, но мнения о том, каковы ее приоритеты и в какой форме (прямых трансфертов или создания соответствующих институтов) она должна осуществляться, неоднозначны. Более того, имеющийся задел исследований применительно к России не позволяет понять, насколько этот запрос гомогенен, в какой степени он обусловлен социально-экономическими, социально-демографическими и иными характеристиками россиян, насколько имеющиеся жизненные шансы влияют на запрос населения к государству и т.д.

Однако уже тот факт, что россияне ожидают активного участия государства в обеспечении их жизни, очерчивает рамки легитимной для них социальной политики за пределами либеральной логики. При этом вытекающие из соответствующих представлений запросы нельзя назвать завышенными. Так, согласно данным Всемирного исследования ценностей (*World Value Survey*)[3], оценивая по 10-балльной шкале степень необходимой ответственности государства за обеспечение граждан[4], россияне в 2017 г. в целом

---

[3] Подробнее см. http://www.worldvaluessurvey.org. Здесь приведены данные 7-й волны этого исследования, которая проводилась в 2017–2018 гг.

[4] 10-балльная шкала строилась таким образом, что 1 балл соответствовал позиции «Люди сами должны нести больше ответственности за то, чтобы себя обеспечить», а 10 баллов – позиции «Государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все люди были обеспечены». При этом стоит отметить, что речь идет не об оценке относительно текущего состояния социальной политики и ее институтов, а о нормативных представлениях об участии государства в обеспечении граждан в принципе.

не отличались от жителей таких стран, как Германия, Чехия, Польша, Нидерланды, Хорватия и т.д. в своих медианных оценках – во всех этих странах медиана ответов проходила на уровне 5 баллов. Меньшая потребность в ответственности государства за своих граждан (4 балла) была характерна для населения Австрии и Швейцарии, а выше она была в таких странах, как Испания и Исландия (6 баллов), а также Грузия (8 баллов). Распределение ответов на этот вопрос в России в сравнении с некоторыми из этих стран представлено на рис. 12.1.

Таким образом, российское население концептуально демонстрирует возложение ответственности за обеспечение граждан страны на государство примерно на уровне европейских стран, что, впрочем, не умаляет высокого уровня соответствующих ожиданий. Но основаны ли эти ожидания на патернализме и иждивенческих настроениях?

Согласно данным Всемирного исследования ценностей, оценка россиянами допустимости разницы в доходах, являющаяся индикатором степени солидарности и толерантности к неравенствам, по 10-балльной шкале[5] составляла в 2017 г. 6 баллов, и в этом они были схожи с жителями Германии, Болгарии, Нидерландов и т.д. Оценки ниже (5 баллов) давало население Австрии, Хорватии, Испании, Чехии и т.д., а выше – Польши (8 баллов) и Грузии (10 баллов). Таким образом, ориентации на обеспечение равенства доходов у россиян также в целом не выделяется на фоне европейских стран, что свидетельствует о готовности их к социальной политике с допустимостью довольно глубокого неравенства.

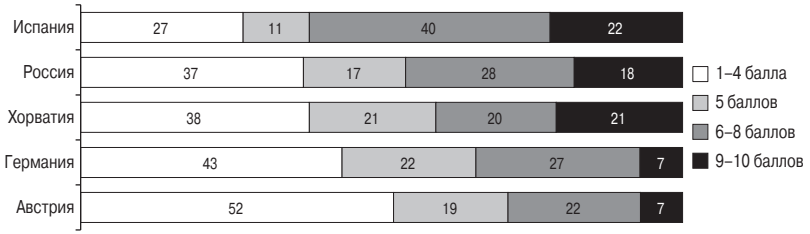


Рисунок 12.1

Оценка степени необходимой ответственности государства за обеспечение своих граждан, WVS, 2017–2018 гг., %

[5] 10-балльная шкала строилась таким образом, что 1 балл соответствовал позиции «Разница в доходах не должна быть очень большой», а 10 баллов – позиции «Тот, кто больше работает, должен получать больше».

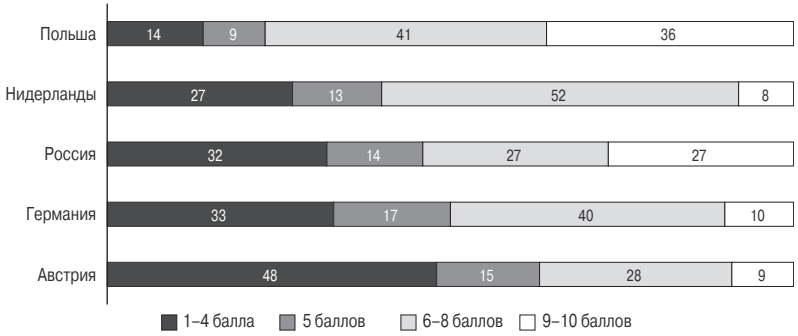


Рисунок 12.2

Отношение к неравенству в доходах, WVS, 2017–2018 гг., *%*

По своему запросу на равенство доходов россияне в наибольшей степени схожи с жителями Германии – о том, что разница в доходах не должна быть слишком большой (1–4 балла шкалы), говорят около трети жителей этой страны. При этом в России в 2,5 раза выше запрос на глубокую дифференциацию доходов в привязке к усилиям и в целом доминирует установка на дифференциацию доходов (рис. 12.2). Это в очередной раз подтверждает, что россияне в большинстве своем не ориентированы на выравнивание их доходов и поддерживают меритократические принципы организации оплаты труда.

В то же время стоит заметить, что запрос на общество социальной однородности у россиян растет, о чем свидетельствуют приводившиеся в главе 11 данные об отношении населения в целом и представителей разных страт к разным моделям социальной структуры. Исключением на общем фоне является лишь население столиц – на модель общества социальной однородности как оптимальную для России, например, в 2018 г. были ориентированы только 42,4% жителей Москвы и Санкт-Петербурга, хотя во всех остальных регионах ее начало в последнее время выбирать большинство их жителей. Впрочем, равенство возможностей для проявления способностей каждого человека традиционно важнее для россиян, чем равенство доходов и условий жизни. Об этом в 2021 г. говорило большинство населения – 58,3%, в то время как обратную позицию (равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей) разделяли только 41,5%.

Таким образом, у россиян есть и растет запрос на умеренность неравенства в обществе, хотя до сих пор сохраняется и запрос на глубокую дифференциацию доходов, но основанную на меритократических принципах. Более того, в столицах, которые предоставляют наибольшие возможности для успеха в различных сферах, чем и привлекают россиян с достижительными установками, запрос на общество социальной однородности до сих пор не стал нормой. Это же характерно и для представителей верхней страты.

В целом, если следовать общей логике населения, можно сказать, что у россиян существуют представления о минимальном стандарте жизни, который государство должно обеспечивать человеку независимо ни от чего, а те, кто хотят больше, должны этого добиваться своим трудом. Однако государство должно контролировать, чтобы из-за нетрудовых доходов эти неравенства не стали избыточно глубокими. При этом индивидуальные социально-демографические особенности или место в стратификационной иерархии слабо влияют на общую позицию населения по этому вопросу, но влияют на оценки остроты сложившейся в этой области ситуации.

Однако запрос россиян на выполнение государством своих социальных функций намного шире, чем просто потребность в социальной защите или обеспечении минимального социального стандарта всем гражданам. Так, например, более 90% населения (табл. 12.1) в 2018 г. говорили о том, что государство всегда должно обеспечивать достойный уровень жизни пожилым (97,7%), медицинскую помощь всем нуждающимся (97,2%), справедливую оплату труда (95,5%) и равенство возможностей для детей из семей с разным достатком (92,2%). Первоочередные функции государства в представлении россиян – обеспечение базовых гуманитарных гарантий (с особым вниманием к сфере здравоохранения) и институциональных рамок функционирования социально-экономической системы. Более 80% россиян предъявляли запрос также на обеспечение государством возможностей получения образования (89,3%), жилья (88,4%), работы по специальности (86,9%), прожиточного минимума безработным (82,0%) и сокращение разницы в доходах между бедными и богатыми (81,8%).

Такой расширенный набор запросов населения к государству является как исторически сохраняющейся нормой, так и отражением ощущения своей уязвимости, когда в решении целого ряда вопросов россияне не могут рассчитывать на собственные силы. Вариации представлений о том, что государство должно своим

гражданам, не меняют заметным образом общей картины ни для одной из различных социально-демографических групп. Такая ситуация, с одной стороны, свидетельствует об несостоятельности текущей социальной политики, когда уверенности в своем будущем не испытывают даже относительно благополучные группы, а с другой – в очередной раз демонстрирует относительное единство россиян в их запросе к социальной политике.

В то же время индивидуальные ситуации, т.е. место в стратификационной иерархии, дифференцируют восприятие критичности участия государства в решении тех или иных вопросов (табл. 12.1). Бесспорным и не зависящим от места в этой иерархии является запрос на обеспечение нормального уровня жизни при достижении старости, справедливой оплаты труда, а также медицинской помо-

Таблица 12.1

Обязанности государства по отношению к населению в представлениях россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %*

(отранжировано по убыванию показателя для нижней страты)

Функции государства	Страты		
	Нижняя	*Средняя*	*Верхняя*
Обеспечивать нормальный уровень жизни честно отработавшим свое людям в старости	97,8	97,8	97,1
Обеспечивать медицинской помощью всех, кто в ней нуждается	97,6	97,2	96,4
Обеспечивать равенство возможностей для детей из семей с разным достатком	95,8	91,2	89,2
Обеспечивать справедливую оплату труда всех работающих	95,2	96,0	94,4
Обеспечивать получение необходимого образования всем, кому это нужно	91,2	89,4	86,1
Обеспечивать работой по специальности каждого, кто хочет работать	90,3	87,0	81,1
Обеспечивать минимально необходимым жильем тех, кто сам не в состоянии это сделать	89,5	89,2	84,5
Сокращать разницу в доходах между бедными и богатыми	87,2	81,6	74,0
Обеспечивать уход за детьми работающих родителей	84,9	82,2	74,1
Выплачивать всем ежемесячно определенную сумму денег в качестве ренты от природных богатств страны	83,9	78,7	73,0
Обеспечивать прожиточный минимум безработным	82,2	83,2	78,2

Примечание. * Фоном выделены позиции, в рамках которых ответы представителей полярных страт отличаются не менее чем на 5 п.п.

щи всем нуждающимся, т.е. функций, связанных с обеспечением институциональных возможностей активной профессиональной деятельности, и базовых гуманитарных функций. При этом во всех вопросах, которые связаны с предоставлением благ, доступ к которым может быть обеспечен усилиями самих россиян, позиция представителей верхней страты заметно смягчена по сравнению с позицией двух остальных. Так, например, о необходимости сокращать разницу в доходах между бедными и богатыми в 2018 г. говорили 87,2% представителей нижней страты, в то время как для представителей верхней старты этот показатель составлял только 74,0%. Об обеспечении ухода за детьми работающих родителей силами государства (а не за счет усилий самих родителей) негативно и позитивно привилегированное население говорило в 84,9% и 74,1% случаев соответственно. Ориентация на перераспределение ренты от природных богатств вообще свойственна россиянам, но если для верхней страты доля ее сторонников составляла 73,0%, то для нижней страты – уже 83,9%. Таким образом, представители массовых слоев независимо от их места в стратификационной иерархии в целом едины в своих запросах к государству, однако позитивная привилегированность делает ориентацию на столь значимую роль государства менее категоричной.

В сложившихся сегодня в России условиях модель ожидаемой населением государственной поддержки как элемента социальной политики определяется через активное участие государства в решении проблем широкого круга социально незащищенных слоев: в 2020 г. 42,2% россиян отмечали, что государство должно защищать всех малоимущих, и еще 36,2% – что от государства требуется оказание адресной помощи только социальным группам, не по своей вине попавшим в трудное положение (безработным, бедным семьям с детьми и т.д.). О необходимости минимизации роли государства в том или ином виде говорили около одной пятой населения (рис. 12.3), при этом 14,3% из них допускали выполнение им исключительно гуманитарной функции, когда государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот).

При этом, как видно из данных рис. 12.3, за последние практически 15 лет предпочтения россиян относительно модели социальной поддержки несколько изменились. Около 80% населения в разные годы этого периода склонялись к расширенному видению состава социально незащищенных слоев: в их число включались все группы, попавшие в трудное положение, в том числе безработ-

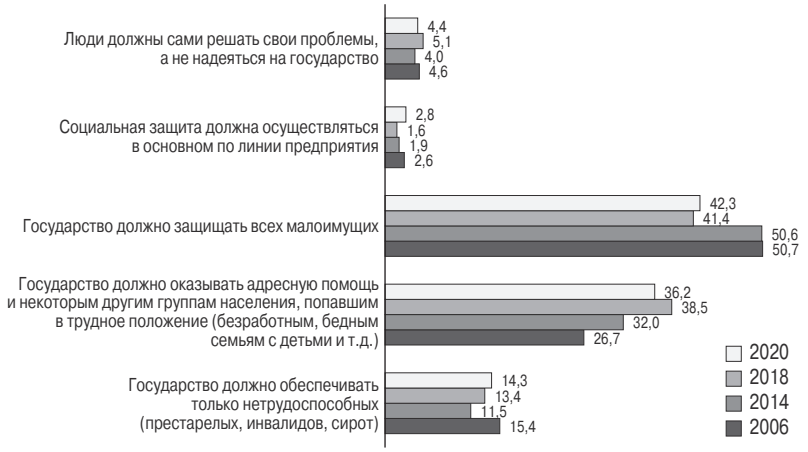


Рисунок 12.3

Динамика представлений россиян о желаемых принципах построения системы социальной защиты граждан, ИС ФНИСЦ РАН, 2006–2020 гг., *%**

Примечание. *Данные за 2014 г. приведены согласно исследованию ИС ФНИСЦ РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя». Данные за 2006 г. приведены согласно исследованию ИС ФНИСЦ РАН «Социальная политика и социальные реформы» (см. Приложение В.1).

ные, бедные семьи с детьми и т.д., а также все малоимущие. Однако за этот период произошло «перетекание» сторонников формирования максимально развернутого списка получателей социальной поддержки в состав сторонников умеренно развернутого их списка: доля тех, кто говорил о необходимости помощи всем малоимущим, сократилась с 50,7% в 2006 г. до 41,4% в 2018 г. и осталась практически на том же уровне (42,2%) в 2020 г., а доля тех, кто говорил о категориальных принципах помощи попавшим в трудное положение, увеличилась с 26,7% в 2006 г. до 38,6% в 2018 г., также не сильно изменившись в 2020 г. (36,2%). Это является свидетельством того, что россияне стали более ответственно подходить к вопросу определения спектра получателей социальных трансфертов, что стало их реакцией на ощущение ограниченности ресурсов государственной помощи, а также изменения их представлений о причинах бедности [Бедность..., 2014].

Относительно благополучная ситуация с жизненными шансами ослабляет запрос к государству на социальную поддержку. Так, например, в 2018 г. для верхней страты наиболее распространенным представлением о том, как должна строиться система соци-

альной поддержки, была ориентация на категориальную помощь (41,9%), в то время как для остальных такой позицией стало более широкое понимание социально уязвимых групп, включающее всех малоимущих (рис. 12.4).

Кроме того, среди представителей верхней страты была максимальна по сравнению с остальными доля тех, кто минималистичным образом формулирует ожидания от социальной защиты со стороны государства: среди них говорили о необходимости обеспечении исключительно нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот) или о необходимости самостоятельно решать свои проблемы в совокупности 23,1% при 18,9% в средней и 14,7% в нижней стратах.

Эти особенности хорошо корреспондируют с описанным в главе 10 данной монографии солидаристским потенциалом разных страт. Хотя большинство россиян (54,0% согласно данным 2018 г.) считают, что надо проявлять гуманность, и те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не так успешен (только 46,0% считали, что материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо), однако с ростом жизненных шансов россиян увеличивается и степень их ориентации на то, что успехов люди должны добивать-

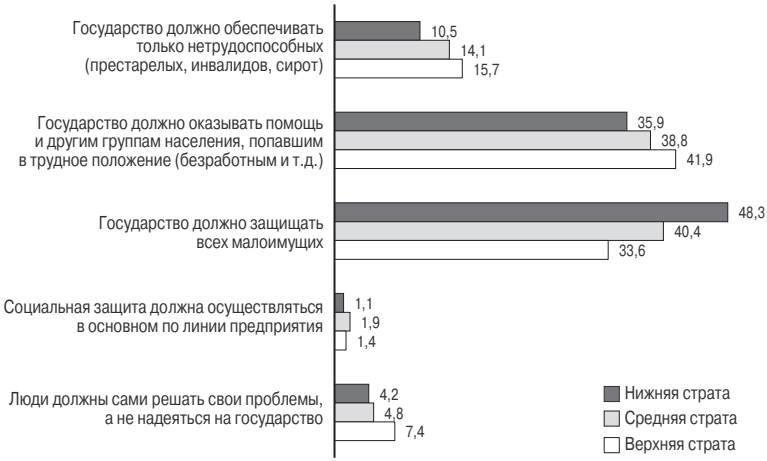


Рисунок 12.4

Желаемые принципы построения системы социальной защиты граждан, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

ся сами. Если для позитивно привилегированной страты поддержка этой позиции была нормой, то уже в средней страте она переставала доминировать, а в нижней страте почти две трети говорили уже о том, что более успешные должны помогать тем, кто преуспел меньше.

Таким образом, в целом в настоящий момент понятие «социальной поддержки» имеет для россиян расширенную трактовку. При этом логика перераспределения ресурсов между социальными группами с разной степенью благополучия легитимна и, более того, поддерживаема всеми стратами. Однако относительно менее широко распространенная потребность в социальной поддержке и ориентация на личную ответственность человека за свою жизнь как характерная особенность представителей позитивно привилегированной страты приводят к тому, что их запрос к системе государственной социальной поддержки более сдержан по сравнению с остальными россиянами, а на личные жертвы ради помощи другим около половины из них не готовы.

Ключевым актором социальной политики, по мнению населения, является не просто государство, а федеральный центр. Его ответственность в обеспечении практически любых общественных благ от благоприятной экологии до достойного положения пенсионеров выше, чем у других субъектов (табл. 12.2). Региональные власти должны вносить меньший, но все же весомый вклад в решение таких проблем, как поддержание благоприятной экологической обстановки (по данным 2018 г. – 29,9%) и обеспечение жильем (19,9%), разделяя в этих вопросах ответственность с местными властями (22,5 и 20,4% соответственно). При этом от городских и районных властей россияне ожидают активного участия в помощи семье и детям (23,0%), включая обеспечение детскими дошкольными учреждениями (32,5%). Работодатели в их представлениях обязаны гарантировать справедливую оплату труда (36,6%) и обеспечение рабочего места (24,2%). Сами россияне относительно чаще готовы нести ответственность за личную безопасность (22,8%) и получение высшего образования (22,4%).

При этом представители нижней страты чаще остальных ожидают от государства в лице федерального центра тех или иных социальных благ. Только среди ее представителей доминирует ответственность федерального центра за обеспеченность жильем (52,4% при 39,7–44,3% соответственно), а также помощь семье и детям (54,1% при 41,9–47,9% в верхней и средней стратах). Наряду с этим собственная ответственность за свою жизнь признается ими заметно реже, особенно в отношении приобретения жилья

Таблица 12.2

Распределение ответственности за решение различных проблем в глазах населения, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

*(отранжировано по убыванию показателя для позиции «Государство»)**

Сферы ответственности	Государство (федеральные власти)	Региональные власти	Местные власти	Сами люди	Работодатели	Профсоюзы
Пенсионное обеспечение	86,5	6,9	3,3	1,3	0,7	1,4
Борьба с бедностью	77,3	11,9	6,7	3,2	0,5	0,5
Справедливое распределение материальных благ	74,7	11,1	7,3	4,4	1,6	1,1
Медицинская помощь	69,5	15,9	12,0	1,8	0,4	0,4
Возможность получения среднего образования	62,8	10,0	13,1	13,7	0,3	0,2
Возможность получения высшего образования	58,4	11,9	6,6	22,4	0,6	0,2
Помощь семье и детям	48,6	18,3	23,0	7,9	0,7	1,6
Личная безопасность	46,4	9,2	20,8	22,8	0,7	0,2
Обеспечение жильем	45,8	19,9	20,4	12,3	1,2	0,5
Справедливая оплата труда	44,5	9,9	6,2	0,7	36,6	2,2
Обеспечение детскими дошкольными учреждениями	40,5	24,9	32,5	0,8	0,5	1,0
Благоприятная экологическая обстановка	38,6	29,9	22,5	7,7	1,2	0,2
Обеспечение рабочего места	37,2	15,3	17,4	4,8	24,2	1,1

Примечание. *Фоном выделены позиции, показатель по которым превышает 50%.

(7,0% при 13,9–15,9% у остальных страт), получения высшего (19,8% при 21,8–27,8% для средней и верхней страт) и среднего (10,0% при 14,7–16,6% соответственно) образования.

Жители столиц в целом солидарны с остальным населением страны в вопросах ответственности государства в решении ключевых социальных проблем: справедливости, бедности, доступности медицинской помощи и поддержки пенсионеров. Однако в отношении инструментов социальной политики и управления отдельными ее отраслями москвичи и петербуржцы роль региональных и местных властей оценивают ниже, чем представители более мелких населенных пунктов. Здесь федеральному центру отведена безусловно доминирующая роль во всех вопросах (табл. 12.3). Таким образом, для городов федерального значения близость к «центру власти» размывает значимость региональных/муниципальных

мероприятий. Наряду с этим у их жителей снижен, по сравнению с остальными россиянами, уровень собственной ответственности за решение проблем в таких сферах, как получение высшего образования (14,5% при 19,9–25,6% для остальных населенных пунктов), личной безопасности (15,9% и 21,3–25,2% соответственно), обеспеченности жильем (4,8% при 12,6–14,0% соответственно).

Таким образом, роль государства в обеспечении социального благополучия населения страны в глазах россиян очень велика. Однако, несмотря на нынешнее расширенное представление россиян о составе тех, кто нуждается в социальной поддержке, со временем это представление будет корректироваться в сторону большей сфокусированности на определенных социальных группах и в этом смысле большей адресности. То есть адресность будет означать не бóльшую нуждаемость, а наличие объективных оснований для материальных проблем у определенных категорий населения. Такая логика государственного участия в социальной

Таблица 12.3

Ответственность федеральных властей за решение различных проблем в глазах жителей разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% (отранжировано по убыванию показателя для столиц)**

Проблемы	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность
Пенсионное обеспечение	86,2	88,8	86,1	84,6
Борьба с бедностью	81,8	80,7	77,2	72,5
Справедливое распределение материальных благ	79,7	77,6	72,9	71,7
Возможность получения среднего образования	78,8	66,4	58,6	57,6
Медицинская помощь	76,5	68,9	69,1	67,9
Возможность получения высшего образования	72,6	61,9	55,9	52,4
Обеспечение жильем	62,2	44,1	46,0	41,2
Благоприятная экологическая обстановка	59,0	36,4	35,6	36,3
Помощь семье и детям	57,6	46,7	50,0	45,4
Личная безопасность	56,0	43,2	44,0	48,5
Обеспечение детскими дошкольными учреждениями	54,1	35,7	42,3	38,1
Справедливая оплата труда	52,8	45,3	43,4	41,9
Обеспечение рабочего места	49,5	33,0	36,7	37,1

Примечание. * Фоном в таблице выделены позиции, отличающиеся от остальных в строке не менее чем на 5 п.п.

поддержке населения разделяется абсолютным большинством россиян, даже несмотря на некоторую специфику их позиций, зависящую от особенностей их жизненных шансов, рисков и депривацией, в том числе – связанных с их местом проживания, этапом жизненного цикла, через который они проходят, и т.д.

Особенности социально-экономического положения представителей массовых слоев как фактор формирования их ожиданий от социальной политики

Если же говорить не об общих представлениях россиян о целесообразной социальной политике, а о роли государственной поддержки применительно к их конкретным ситуациям, то более половины населения (52,2% в 2018 г. и 50,7% в 2021 г.) традиционно считает, что без поддержки со стороны государства им и их семьям не выжить. Чуть реже они говорят о том, что смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в государственной поддержке (в 2018 г. – 47,8%, а в 2021 г. – 49,1%). И хотя это соотношение за последние годы изменилось (в 2014 г. оно было равно 60:40, а в 2006 г. – 65:35), доля нуждающихся в помощи со стороны государства по-прежнему остается доминирующей. Это означает, что за последнее десятилетие, на протяжении которого страна столкнулась с крупными экономическими кризисами и пандемией коронавируса, население успешно училось адаптироваться к изменяющимся условиям, но до сих пор в заметной мере остается зависимым от поддержки государства, ссылаясь на объективные обстоятельства. О необходимости государственной поддержки чаще говорят женщины (в 2021 г. – 56,6% при 43,6% для мужчин), а также россияне с высокой и скорее высокой иждивенческой нагрузкой[6] (в 2018 г. 51,0–62,7% при 40,9–45,7% для остальных). Патернализм является нормой также для россиян после достижения 50 лет (в 2021 г. – 55,1% для россиян 51–60 лет и 78,2% – для тех, кто старше 60 лет при 35,9–44,5% для остальных возрастных когорт).

[6] Показатель иждивенческой нагрузки рассчитывался как отношение количества работающих членов домохозяйства к общему количеству его членов. Высокая нагрузка объединяет диапазон значений от 0 до 0,33, скорее высокая – от 0,34 до 0,5, скорее низкая – от 0,5 до 0,75, низкая – от 0,76 до 1.

Среди представителей нижней страты самодостаточными в вопросе обеспечения будущего своей семьи считают себя менее трети (в 2018 г. 27,3%), в средней страте этот показатель стремится к половине (49,2%), а в верхней страте достигает трех четвертей (75,2%). Таким образом, объективную необходимость в поддержке государства представители верхней страты фиксируют относительно редко, а представители нижней страты – в подавляющем своем большинстве. Средняя страта в своих ощущениях в этом вопросе занимает промежуточное положение. Эта тенденция сохраняется и если рассматривать работающих из разных страт.

О том, что они не имеют тех или иных проблем и живут нормально, в 2018 г. говорили 17,4% населения. В 2006 г. этот показатель был ниже – 10,6%. Реже это отмечали россияне старше 60 лет (12,2%), а также те, кто отличались высокой иждивенческой нагрузкой (9,4%). Доля тех, кто сталкивается с материальными проблемами, стабильна во времени (39,2% % и в 2018 г., и в 2006 г.). Пониженными ее показателями отличаются россияне на пике карьеры (51–60 лет, 34,8%), жители мегаполисов (33,6%) и те, кто имеет низкую иждивенческую нагрузку (32,6%). Доля россиян, отмечавших среди наиболее беспокоящих их проблем отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности варьируется в связи с дифференциацией по полу, возрасту, типу населенного пункта, иждивенческой нагрузке незначительно (в диапазоне 6 п.п.). В этой связи можно говорить о том, что вопрос социальных гарантий актуален для всех групп россиян. При этом доля тех россиян, которые ничего не предпринимали для улучшения собственного положения, потому что ничего не могли для этого сделать, за последние годы выросла с 13,0% в 2006 г. до 19,6% в 2018 г., а в 2021 г. она достигла 21,4% населения. Вариация этого показателя в большинстве демографических групп в 2021 г. была в диапазоне 15,0–39,3%, на общем фоне выделяются только россияне в возрасте старше 60 лет (39,3%). Впрочем, еще до пандемии, в 2018 г., этот показатель составлял уже 36,2%. Сказывается специфика этапа жизненного цикла и на разной обеспокоенности проблемами со здоровьем, распространенность которых нарастает с возрастом (в 2018 г. – с 15,7% для россиян 18–30 лет до 59,9% для тех, кто старше 60 лет), а также проблемой доступа к медицинским услугам (23,6% после 60 лет при 10,3–17,2% для остальных возрастных групп).

Для представителей различных страт ситуация с актуальными для них проблемами дифференцирована более выраженно,

чем у разных социально-демографических групп. Во-первых, как уже отмечалось в предшествующих главах, представители верхней страты в 8 раз чаще по сравнению с нижней говорят о том, что живут хорошо и не имеют никаких серьезных проблем (39,5% и 5,3% соответственно). Во-вторых, только для нижней страты наблюдается доминирующая, типовая для всей группы проблема – плохого материального положения, о которой в 2018 г. говорили 58,6% ее представителей. А в-третьих, сам набор и порядок проблем, с которыми сталкиваются россияне из разных страт, варьируется (рис. 12.5). При этом всех россиян объединяют проблемы со здоровьем, которые еще до пандемии были актуальны более чем для трети каждой из страт. Однако в остальном представители разных страт находятся в принципиально различных жизненных условиях, что является основанием для дифференциации их запроса к государственной социальной политике.

Хотя население страны достаточно массово не может самостоятельно справляться с проблемами, которые перед ним вста-

Рисунок 12.5

Проблемы, с которыми сталкивались на протяжение последнего года перед опросом представители разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., *% от числа имеющих в них проблемы (отранжировано по показателям для нижней страты)**

Примечание. *На рисунке приведены данные только по тем проблемам, с которыми сталкивались не менее 10% представителей хотя бы одной из страт из числа имеющих проблемы.

ют, эффективность государства в решении социальных проблем, за которые население возлагает на него ответственность, остается достаточно низкой. Так, изменение положения дел за последние пять лет в различных секторах социальной политики россияне даже в относительно благополучном 2018 г. чаще оценивали как ухудшение, чем как улучшение. Исключением была только ситуация с детскими дошкольными учреждениями, динамика которой вызывала позитивную реакцию практически в 2 раза чаще, чем негативную. Отрицательная оценка изменений доминировала над положительной и при рассмотрении состояния экономики страны в целом, а также ряда социальных отраслей. Так, для жилищной и пенсионной сфер, а также возможностей зарабатывать соответствующая разница превышала 2 раза, а для системы здравоохранения – 4,5 раза (табл. 12.4).

В 2020 г., в разгар пандемии, негативная оценка изменений в различных сферах социальной жизни стала наиболее распространенной и даже доминирующей. Так, например, об ухудшении состояния экономики страны в целом говорили в этот момент

Таблица 12.4

Оценка динамики ситуации в различных сферах жизни российского общества за последние 5 лет перед опросом, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 и 2020 гг., *% (отранжировано по убыванию показателя для позиции «Улучшилось» в 2018 г.)*

Сферы жизни		**Улучшилось**	**Не изменилось**	**Ухудшилось**
Дошкольные детские учреждения	2018	29,2	54,2	16,6
Состояние экономики страны в целом	2018	26,0	39,6	34,4
	2020	8,4	29,9	61,7
Возможность зарабатывать	2018	16,3	47,0	36,7
Жилищная ситуация	2018	15,4	53,6	31,0
Среднее образование	2018	15,0	59,8	25,2
Высшее образование	2018	14,2	59,1	26,7
Пенсионное обеспечение	2018	14,2	53,6	32,2
	2020	8,0	51,4	40,6
Здравоохранение	2018	10,5	42,4	47,1
Ситуация в социальной сфере	2020	12,0	39,4	48,6

уже 61,7% россиян, уровня жизни населения – 67,4%, морального состояния общества – 56,6%, ситуации в социальной сфере – 48,6%. Динамику ситуации с пенсионным обеспечением отрицательно оценивали в 5 раз чаще, чем положительно (40,6% и 8,0% соответственно).

В целом ситуация с системой здравоохранения была одной из самых напряженных в социальной сфере еще до пандемии коронавируса. Ухудшение медицинского обслуживания не беспокоило в 2018 г. только 12,0% россиян, более половины из них испытывали по этому поводу или сильную тревогу (39,2%), или постоянный страх (15,3%). Эти опасения небезосновательны, ведь уже в тот момент заметной части населения приходилось использовать платные медицинские услуги (44,1% за последние три года перед опросом), и более чем в половине случаев (57,0%) это было связано с отсутствием их бесплатных аналогов.

Соотношение жизненных шансов, рисков и депривaций, с которыми россияне сталкиваются в своей жизни, влияет и на уровень позитивности, с которым они смотрят на изменение ситуации в социально-экономической сфере. В нижней страте отрицательная оценка изменений в социальной сфере встречается в 2,5–9 раз чаще, чем положительная. В то же время в верхней страте эти показатели в большинстве случаев близки друг к другу (табл. 12.5). Оценки динамики ситуации в различных сферах жизни представителями средней страты занимают промежуточное положение. Наиболее консистентна оценка изменений россиянами из разных страт в отношении среднего и высшего образования. Для всех эта оценка скорее негативная, чем позитивная, однако разница в положительных и отрицательных оценках для групп с доминированием позитивной и негативной привилегированности довольно значительна. Наибольшая же разница между позициями представителей разных страт наблюдается в отношении динамики жилищной ситуации и состояния экономики страны в целом.

В целом верхняя страта видит как положительные, так и отрицательные изменения, что позволяет говорить об отсутствии у ее представителей восприятия ситуации в стране как острой и требующей незамедлительного вмешательства со стороны государства. Исключением является лишь положение дел в системе здравоохранения. При этом в глазах менее благополучных страт сложившаяся в социальной сфере ситуация выглядит весьма пессимистично. Это свидетельствует о том, что за счет своих ресурсов представители верхней страты в целом успешно решают часть своих социаль-

Таблица 12.5

Оценка динамики ситуации в различных сферах жизни российского общества за последние 5 лет представителями разных страт, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % *(отранжировано по убыванию показателя для позиции «Улучшилось» в нижней страте)*

	Нижняя страта			Средняя страта			Верхняя страта		
Сферы жизни	**Улучшилось**	**Ухудшилось**	***Разница***[1]	**Улучшилось**	**Ухудшилось**	***Разница***	**Улучшилось**	**Ухудшилось**	***Разница***
Дошкольные детские учреждения	23,6	22,7	*1,1*	28,5	15,8	*12,7*	39,4	9,6	*29,8*
Состояние экономики страны в целом	18,4	40,3	*–21,9*	27,0	34,5	*–7,5*	34,8	25,2	*9,6*
Среднее образование	13,4	29,1	*–15,7*	13,8	24,4	*–10,6*	20,5	21,5	*–1,0*
Пенсионное обеспечение	11,4	39,4	*–28,0*	14,2	32,4	*–18,2*	18,2	20,9	*–2,7*
Высшее образование	11,2	28,0	*–16,8*	13,0	27,2	*–14,2*	21,7	23,4	*–1,7*
Жилищная ситуация	9,1	40,2	*–31,1*	15,8	29,9	*–14,1*	23,9	20,1	*3,8*
Возможность зарабатывать	9,3	48,3	*–39,0*	16,0	36,5	*–20,5*	27,8	19,6	*8,2*
Здравоохранение	6,4	56,3	*–49,9*	10,5	45,5	*–35,0*	16,6	37,6	*–21,0*

ных проблем, не возлагая ответственность за это на государство и институциональную среду.

Однако подобное отношение возможно лишь при наличии ресурсов. Ресурсы же эти, как было показано в главе 7, у большинства россиян очень невелики или вообще отсутствуют. Даже такой традиционный ресурс, как помощь со стороны своих социальных сетей, многим россиянам получить уже затруднительно. Так, даже возможность взять в долг сумму менее 100 тыс. руб. имели в 2021 г. менее половины (46,7%) жителей сел и 63,9% жителей столиц (свыше 100 тыс. руб. – 10,9% и 22,2% соответственно). Среди тех, кто достиг возраста 60 лет, возможность взять в долг не более или свыше 100 тыс. руб. была у 46,1% и 6,1% соответственно, в то время как у более молодого населения эта форма ресурса социальных сетей встречалась в большинстве случаев (51,5–56,1% и 11,4–18,9% соответственно в разных возрастных когортах).

В целом стоит отметить, что россияне пытаются выстроить свои социальные сети вокруг тех ресурсов, которые им необходимы в зависимости от их повседневных потребностей и рисков, с которыми они сталкиваются в своей жизни. Молодежь 18–30 лет,

например, заметно чаще остальных говорит о наличии у них знакомых, которые могут помочь устроиться на хорошую работу (18,4% при 3,2–12,9% для остальных возрастных групп) или поступить в вуз (12,2% при 2,4–6,2% соответственно), а те, кто уже достиг 60-летнего рубежа, реже концентрируются на возможностях поиска приработка: такие знакомые есть только у 9,5% из них, в то время как для остальных возрастных когорт соответствующий показатель равен 27,4–29,1%.

Таким образом, ни собственные экономические активы, ни ресурс сетей не могут выступать сегодня для населения страны «страховкой», покрывающей несовершенства государственной системы социальной поддержки. При этом даже для наиболее ресурсных групп ресурс сетей выступает ненадежным подспорьем в решении их проблем – нет ни одной позиции, в отношении которой большинство в верхней страте могло бы использовать ресурс сетей.

В этих условиях, сталкиваясь с проблемами, которые они не в силах решить, россияне не могут не возлагать ответственность на государство. При этом в определяемом уже не нормативно-ценностными представлениями, а личными интересами россиян, запросе к социальной политике начинают наглядно проявляться особенности положения и рисков повседневной жизни представителей разных страт, выделенных на основе их жизненных шансов и депривиаций (рис. 12.6). Четко начинает прослеживаться специфика этих запросов и у различных социально-демографических групп.

В целом об отсутствии необходимости в помощи со стороны государства при решении тех или иных их проблем в 2020 г. говорили только 13,7% россиян, а в 2018 г. –17,2%. Мужчины даже в условиях начавшейся пандемии говорили о своей независимости от государственной поддержки несколько чаще женщин (15,0% и 12,7% соответственно, хотя еще в 2018 г. соответствующая разница составляла 1,5 раза (21,2% и 13,7% соответственно). Относительно редко возможности со всем справляться самостоятельно отмечали россияне старше 60 лет (в 2020 г. – 10,6%). При этом пандемия несколько выровняла представления россиян относительно роли государственной поддержки в их жизни, сократив разницу между различными социально-демографическими группами.

Если оценивать структуру основных потребностей населения в вопросе о государственной социальной поддержке, то в наибольшей степени россиянам необходимо содействие государства

Рисунок 12.6

Проблемы, в решении которых россиянам и их семьям в наибольшей степени требуется государственная поддержка и содействие, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,

% (допускалось не более трех ответов)

в таких вопросах, как обеспечение справедливой оплаты труда (40,0%) и решение проблем с необходимой медицинской помощью (38,9%), а также прямая материальная поддержка (35,5%). В остальных вопросах – трудоустройства (23,1%), обеспечения жильем (24,4%), получения необходимого образования (13,7%) – помощь государства требуется им менее чем в трети случаев. Таким образом, наиболее распространенные текущие запросы россиян на активизацию социальной политики государства сопряжены с созданием институциональных и инфраструктурных возможностей решать возникающие у них повседневные проблемы и локальной материальной помощью для социально слабых групп (пенсионеры, лица с плохим здоровьем и т.д.).

Спецификой в ожиданиях относительно социальной политики государства отличается, в первую очередь, пожилое население – россияне в возрасте 60 лет и старше. Около половины из них ожидают содействия в решении материальных вопросов (49,1%) и проблем с необходимой медицинской помощью (47,1%). В меньшей степени упоминаются ими проблемы с жильем, образова-

нием, ситуацией на рынке труда. Молодежь в возрасте 18–30 лет, наоборот, помимо актуальной для всех трудоспособных потребности в справедливой оплате труда (36,5–47,6% для разных возрастных когорт россиян моложе 60 лет) имеет повышенный запрос на помощь государства в трудоустройстве (30,3% при 22,1–25,0% для россиян 31–60 лет) и получении необходимого образования (21,1% при 7,6–15,5% для населения 30–59 лет). Представители домохозяйств с несовершеннолетними детьми немного чаще говорят о необходимости помощи государства в вопросах получения образования (17,6% при 11,5% для тех, у кого в домохозяйствах нет детей) или приобретения жилья (28,4% и 22,2% соответственно). Такая специфика запроса россиян к государственной поддержке соответствует особенностям этапов жизненного цикла, на которых находятся представители этих возрастных групп. При этом жители столиц реже говорят о том, что в решении тех или иных проблем им нужна помощь государства, особенно в вопросах, связанных с рынком труда, что обусловлено развитой социальной инфраструктурой и относительной эффективностью соответствующих институтов в Москве и Санкт-Петербурге (табл. 12.6).

Если обратить внимание на то, как место в стратификационной иерархии влияет на запрос населения к государству, а также о какой необходимой им помощи говорят представители тех или

Таблица 12.6

Проблемы, в решении которых семьям россиян требуется государственная поддержка и содействие, ИС ФНИСЦ РАН, 2020 г.,
% (допускалось 3 варианта ответа)

Проблемы	**Столицы**	**Центры субъектов РФ**	**Районные центры**	**Сельская местность**
Трудоустройство	16,7	19,9	23,1	28,5
Обеспечение справедливой оплаты труда	31,7	41,0	43,1	39,6
Получение необходимого образования	9,9	14,2	15.5	13,0
Решение проблем с необходимой медицинской помощью	35,7	36,0	41,2	40,4
Обеспечение жильем	32,1	17,5	25,0	26,8
Материальная поддержка	25,8	38,2	38,3	34,3
Поддержка государства не нужна, со всем справляемся самостоятельно	*18,7*	*15,6*	*10,7*	*12,8*

иных страт, то стоит отметить, что с ростом благополучности положения увеличивается доля тех, кто не рассчитывает на помощь государства, а запрос на те или иные формы поддержки сокращается. Так, если россияне из верхней страты в 2018 г. говорили о том, что со всем справляются сами и не нуждаются в государственной поддержке более чем в трети случаев (36,2%), то для тех, кто относился к средней и нижней стратам, этот показатель был равен 16,5% и 5,5% соответственно. Однако во всех стратах хотя бы какую-то поддержку со стороны государства ожидает большинство, но масштаб этих ожиданий в разных стратах различен. О необходимости материальной поддержки со стороны государства россияне с доминированием позитивной привилегированности говорили в 3 раза реже, чем с доминированием негативной привилегированности. Исключение из общего правила – сокращение запроса на поддержку при получении необходимого образования и квалификации. В этом вопросе представители верхней страты ожидали содействия государства в 13,8% случаев – это чаще, чем среди россиян из средней (10,8%) и нижней (8,8%) страт.

Таким образом, на основе оценки собственной ситуации и осознания своих ключевых проблем россияне сегодня четко формулируют потребность в определенных видах помощи со стороны государства. Не последнюю роль в этом играет то, что ограниченность их ресурсов не позволяет им успешно решать свои проблемы самостоятельно.

Выводы

Запрос россиян на участие государства в решении социальных проблем общества высок, хотя и не выше, чем у населения значительной части европейских стран. Этот запрос обусловлен не столько иждивенческими настроениями, сколько остротой объективных повседневных проблем населения и ресурсными ограничениями для самостоятельного их решения. Мешают их решению также объективные сложности: ограниченность доступа к социальной инфраструктуре у значительной части населения, прежде всего в сельской местности, и плохо функционирующие базовые социальные институты, в частности рынок труда. Постоянное ухудшение состояния социальной сферы обусловливает, по мнению россиян, необходимость оперативной реакции государства, в первую очередь федерального центра, на сложившуюся ситуацию. Основ-

ными пунктами социальной повестки дня, по мнению населения, выступают более последовательная реализация гуманитарных функций социальной политики государства с акцентом на сферу здравоохранения, а также гарантии соответствующих институциональных условий для самостоятельной активности населения по решению своих ключевых социально-экономических проблем. Во всех этих вопросах россияне проявляют единодушие, что свидетельствует о наличии консенсуса в нормативно-ценностных системах разных групп населения на этот счет и о существовании базы для формирования нового общественного договора между государством и населением страны. Единственным исключением при этом является позиция жителей столиц, которые по сравнению с остальным населением ориентированы менее патерналистски.

Однако представления различных социальных групп о том, какая социальная политика поможет им компенсировать возникающие в их жизни социально-экономические риски, имеют свою специфику, определяемую их потребностями и ресурсообеспеченностью. Так, трудоспособное население в наибольшей степени обеспокоено состоянием институтов рынка труда, а пожилые россияне – инфраструктурой системы здравоохранения. При этом ожидания у россиян актуализируются прежде всего относительно тех отраслей социальной политики, которые значимы для них в текущий момент, но не тех, которые станут актуальными в перспективе, – например, состояние здравоохранения или пенсионного обеспечения не очень сильно беспокоит молодежь. Точкой, генерирующей наибольшую турбулентность в вопросах благополучия, является пожилой возраст: после 60 лет разного рода риски для россиян множественно возрастают, а после 70 лет достигают критического состояния.

Место в социальной иерархии также влияет на ожидания от социальной политики, причем влияет заметно больше, чем социально-демографические характеристики индивидов. Население с доминированием позитивной привилегированности отличается от россиян с доминированием негативной привилегированности, однако не столько характером запросов, сколько интенсивностью выраженности этого запроса и широтой его распространения. Основная напряженность от нерешенности социальных проблем в обществе концентрируется в итоге в нижней и, отчасти, средней стратах. Верхняя же страта, хотя и формулирует в целом те же, что и представители двух других страт, ожидания к государству,

но в решении собственных проблем ориентируется в основном на собственные силы и ресурсы.

Пандемия коронавируса, несмотря на свою масштабность, не внесла выраженных изменений в ожидания россиян относительно государственной социальной политики. Это в очередной раз свидетельствует об устойчивости соответствующих представлений населения, причем на уровне не столько реакции на текущие личные обстоятельства, сколько нормативно-ценностной составляющей запроса россиян к государственной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная структура любого общества сложна и многогранна. Тем более сложна она как объект изучения в обществе, переживающем период быстрых трансформаций, таком как Россия. При этом сам тип российского общества до сих пор не ясен – одни считают его неоэтакратическим, другие – разновидностью сословного, третьи – классовым и т.д. Из этого вытекает и неопределенность оснований, которые должны послужить базисом для выделения главных элементов его социальной структуры. Вот почему для нашей страны особенно актуально понимание того, что нет и не может быть единственно правильного на все случаи жизни подхода к изучению социальной структуры общества. Скорее нужно говорить о необходимости формирования «сетки» построенных по разным основаниям моделей социальной структуры, которая позволила бы более объемно представить себе процессы, происходящие в данной области, нащупать ядра ключевых социальных групп, составляющих в настоящее время российское общество.

Именно из этих соображений исходила наша рабочая группа в своем анализе социальной структуры общества, сложившегося в современной России. В работах[1] ее членов были уже опробованы самые разные подходы к решению этой задачи. Так, в числе возможных моделей социальной структуры анализировались градационные (градуалистские) модели доходной стратификации, стратификации по уровню жизни и профессиональной иерархии, а также классовая модель, основанная на отношениях эксплуатации с выделением класса «новых капиталистов» и «нового рабочего класса». Часть важнейших выводов, полученных в ходе

[1] Основными из них являются [Модель ..., 2018; Тихонова, 2014]. См. также [Аникин, 2009; Лежнина, 2019; Тихонова, 2015; 2017; 2018а; 2018б; 2018в; Mareeva, Lezhnina, 2019 и др].

этой работы, совпали, а часть взаимодополнили друг друга и способствовали углублению понимания сущности складывающейся сегодня в России модели социальной структуры и разворачивающихся в этой области процессов.

Новым этапом нашей работы стало изучение существующей в данный момент социальной структуры российского общества через призму жизненных возможностей и шансов, с одной стороны, а также депривaций и рисков, характеризующих представителей массовых слоев населения страны, с другой. При выборе именно этого подхода мы исходили прежде всего из того, что неравенства, дифференцирующие представителей разных групп, становятся все более многообразными, а сфера их действия все более расширяется, уже давно перешагнув границы чисто экономических отношений. Соответственно, выделение социальных групп в рамках единой модели социальной структуры должно осуществляться с учетом не только экономических оснований (дохода, имущества, специфики занятости, уровня жизни, благосостояния в целом), но и оснований неэкономического характера. Второй отправной точкой для нашего анализа стало стремление учесть не только признаки благосостояния или лишений, как мы это делали при анализе модели стратификации по уровню жизни, но и признаки разного рода шансов или рисков, которые в условиях обострения проблем безопасности и сохранения устойчивости своего положения начинают приобретать столь большое значение, что даже рассматриваются некоторыми авторами (У. Бек, Г. Стэндинг, Ж. Тощенко и др.) как ключевое основание для построения модели социальной структуры. Наконец, в-третьих, нам хотелось понять, чем отличается повседневная жизнь представителей разных групп российского общества во всем ее многообразии, какие из этих различий являются ключевыми и насколько адекватно они воспринимается представителями этих групп.

Именно руководствуясь этими соображениями, на данном этапе своей работы мы выбрали в качестве отправной теоретико-методологической точки нашего анализа идею М. Вебера о позитивной и негативной привилегированности по отношению к существующей в обществе норме, т.е. об отклонениях от нее жизненных шансов человека как в «плюс», так и в «минус», в качестве ключевых оснований для выделения групп, занимающих в рамках стратификационной иерархии принципиально разное место. Надо еще раз подчеркнуть специально, что мы использовали именно идею М. Вебера о роли в стратификации жизненных шансов, а не его

методологию определения принадлежности к разным группам, поскольку за период, прошедший с момента ее разработки, в социальной структуре общества даже в развивающихся странах произошли кардинальные изменения. Стоит упомянуть и то, что мы с самого начала понимали, что сам по себе основанный на данной идее теоретико-методологический подход не способен дать ответа на вопрос о причинах неравенства выделяемых на его основе групп или типе общества, которому соответствует полученная модель. Однако при грамотном анализе он все же может помочь оценить сравнительную роль для принадлежности к разным стратам тех или иных типов неравенств, а также факторов, обусловливающих состав этих страт и вероятность для отдельно взятых индивидов оказаться в их составе. А это, в свою очередь, позволяет высказать определенные предположения и об основаниях социальной дифференциации в России в рамках вертикальной иерархии статусов, и о самом типе существующего в ней общества, поскольку в разных типах обществ дифференцирующую роль играют различные характеристики индивидов.

Однако, поскольку применение такой «поисковой» по своему характеру методологии[2] может сильно зависеть от особенностей реализации лежащей в ее основе идеи и операционализации используемых в ней показателей, то для большей надежности полученных результатов мы проанализировали две «линейки» мониторинговых массивов, рассмотрев получаемую на их данных модель стратификации российского общества при различающихся версиях операционализации 24 признаков позитивной и негативной привилегированности. Более того, для оценки ее устойчивости мы рассмотрели эту модель в динамике и учли ее специфику в территориально-поселенческом аспекте. И, как показало наше исследование, основанная на идее М. Вебера о жизненных шансах и рисках как основании для выделения групп в рамках социальной иерархии методология позволяет построить устойчивую во времени, практически не зависящую от версий ее операционализации и специфики использованных массивов модель социальной структуры современного российского общества, отражающую систему распределения в нем ключевых неравенств в различных областях.

---

[2] Поскольку в российской практике такого рода методология пока вообще не использовалась, а в других обществах существует отличающееся от российской ситуации понятие «нормы» (причем в каждом из них свое), то исследование, результаты которого излагаются в данной монографии, является по своему характеру именно «поисковым», что сами авторы прекрасно понимают.

В ходе нашего анализа выяснилось также, что признаки позитивной и негативной привилегированности характеризуются неодинаковыми схемами распределения в массовых слоях российского общества. Прежде всего в этой связи надо отметить, что дифференциация по признакам позитивной привилегированности в нем сейчас в целом глубже, чем по признакам негативной привилегированности, и это ключевая характеристика социального пространства современной России. В то же время, если рассматривать модели социальной структуры в рамках каждого из типов поселений, то для них закономерность большей глубины позитивной привилегированности по отношению к негативной не действует. Напротив, бóльшая глубина характеризует в каждом из них неравенства в испытываемых лишениях и рисках. Таким образом, относительно бóльшая глубина неравенств в возможностях и жизненных шансах в стране в целом задается столь глубокими неравенствами в этой области у жителей разных типов поселений, что они меняют сам тип модели социальной стратификации для страны в целом в сравнении с моделями социальной структуры локальных сообществ в российском обществе.

К числу других особенностей распределения признаков позитивной и негативной привилегированности в сложившейся модели стратификации относится то, что множественные признаки позитивной привилегированности встречаются в России реже, чем множественные признаки негативной привилегированности. Еще одной такой особенностью выступает наличие факторов, «работающих» одновременно и на повышение вероятности иметь множественные признаки позитивной привилегированности, и на снижение вероятности иметь множественные признаки негативной привилегированности. Однако другие факторы работают только на вероятность переместиться вверх или вниз по одной из этих шкал. При этом почти каждый пятый россиянин не имеет вообще никаких признаков позитивной привилегированности, и примерно столько же не имеют никаких признаков негативной привилегированности. Все это означает, что безусловное большинство представителей массовых слоев населения в нашей стране находится в очень близких жизненных ситуациях, отражающих ту «норму» (социальный стандарт), которая существует сегодня для них в российском обществе. Более того – эта особенность модели стратификации российского общества не просто устойчива, но и усилилась в условиях пандемии коронавируса в 2020–2021 гг.

Динамика распределения признаков позитивной и негативной привилегированности в последние годы свидетельствует о том, что тенденция «усреднения» уровня и качества повседневной жизни россиян за счет уменьшения доли испытывающих множественные депривации и риски действует довольно активно. Более того – близость положения большинства представителей массовых слоев мало связана с экономической ситуацией в стране, поскольку набор жизненных шансов, депривиций и рисков гораздо более инерционен, чем показатели дохода. Тем не менее в целом в период 2013–2019 гг. фиксировался постепенный рост среднего показателя Индекса жизненных шансов и рисков, лежащего в основе построенной модели стратификации. Однако рост этот был очень медленным и отражал лишь довольно быстрое распространение цифровой грамотности среди всех слоев российского населения. В условиях пандемии этот рост приостановился и даже произошел некоторый откат. Однако связано это было не только с экономическими последствиями коронавируса, но и с административными ограничениями, уменьшившими досуговые возможности россиян и создавшими для многих из них проблемы в производственной сфере.

На основании соотношения признаков как позитивной, так и негативной привилегированности в массовых слоях российского населения можно выделить три макрогруппы (страты), занимающие принципиально разное положение в системе социальных неравенств. Эти страты вертикально ранжированы по отношению друг к другу. Одна из них (средняя или срединная в рамках вертикально организованных статусных позиций в стратификационной иерархии) соответствует существующему в массовых слоях российского общества социальному стандарту («норме») жизненных возможностей, шансов, депривиций и рисков. Вторая (характеризующаяся доминированием позитивной привилегированности) находится в социальной иерархии выше первой, поскольку ее возможности и жизненные шансы шире, а испытываемые ее представителями лишения и риски меньше или вообще отсутствуют. В то же время переоценивать степень благополучия представителей даже этой страты не стоит – почти две трети в ней имеют хотя бы один признак негативной привилегированности. Наконец, третья (характеризующаяся доминированием негативно привилегированности) страта объединяет находящихся внизу социальной иерархии россиян, которые не могут обеспечить себе тот уровень и качество жизни, который типичен для среднего гражданина

нашей страны. Численно эти страты объединяли по состоянию на 2018 г. свыше половины, около 20% и около четверти россиян соответственно. В условиях пандемии численность верхней страты сократилась примерно до 10% с одновременным ростом средней страты на фоне неизменности численности нижней страты.

Как свидетельствует анализ соотношения различных признаков возможностей и шансов, с одной стороны, а также депривацией и рисков, с другой, главные различия между стратами лежат отнюдь не в области их экономического благополучия. Если говорить о работающих их представителях, то наибольшая поляризация характеризует сейчас жизнь представителей верхней и нижней страт в области их занятости. Это позволяет предположить, что общий характер различий их жизненных шансов и испытываемых лишений во многом зависит от их места в системе производственных отношений. Однако если говорить об этих стратах в целом, а не только о работающих их членах, то наибольшая поляризация характеризует возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала у представителей верхней и нижней страт (что отчасти объясняет и причины различий положения представителей этих страт в системе производственных отношений). Решающую роль в эти различия вносит поляризация представителей верхней и нижней страт по их навыкам ориентации в цифровой среде, а также возможностям использования социально привлекательных форм образования и заботы о здоровье для взрослых и детей в своих домохозяйствах сверх гарантированных государством. Это именно те факторы самовоспроизводства страт на межгенерационном и индивидуальном уровне, которые, по мере роста значимости качества человеческого потенциала и цифровизации экономики, будут иметь все большее значение. Особо следует отметить при характеристике различий между стратами также разный стандарт их домашнего имущества, что заставляет предполагать сохранение интереса россиян к потребительскому кредитованию.

Неравенства в шансах и рисках, относящихся к разным сферам жизни, как правило, симметричны. Позитивная привилегированность человека в одной сфере жизни оказывается сопряжена с его бóльшими возможностями и в других ее аспектах, включая социальные контакты и общение. Это обусловливает более благополучное положение верхней страты сразу во всех сферах жизни, также как и неблагополучное положение нижней страты даже в отношении шансов на счастливую семью и хороших детей (что свидетельствует об оправданности постановки вопроса о полноценной стабильной

семье как новой форме социальных неравенств). Такая взаимосвязь возможностей и рисков в разных сферах жизни подтверждает, что на основании многомерной позитивной или негативной привилегированности в современном российском обществе формируются зоны благополучия и неблагополучия, различающиеся не только и даже не столько экономическими, сколько неэкономическими аспектами жизни попадающих в них россиян.

Пребывание в этих зонах характеризуется разной степенью устойчивости, что отражает бóльшую или меньшую консистентность статусов представителей разных страт. Подавляющее большинство представителей нижней страты имеют очень мало шансов качественно улучшить свое положение и выйти из ее состава, т.е. в российском обществе ярко выражен эффект «липкого пола», от которого почти невозможно «оторваться». Так, в 2018 г. нижняя страта более чем на три четверти состояла из людей, входивших в нижнюю страту и в 2013 г. В то же время в верхней страте этот показатель составлял менее половины, что говорит о гораздо менее устойчивом положении ее членов, непрочности их благополучия и быстром обновлении состава этой страты на микроуровне. Таким образом, в отличие от эффекта «липкого пола», эффект «липкого потолка» в современном российском обществе для представителей массовых слоев населения выражен весьма умеренно.

Несмотря на значительные масштабы социальной мобильности, в результате которой из страты в страту всего за пять лет (2013–2018 гг.) перешло около трети населения, каждая страта имеет в своем составе крупное устойчивое ядро, которое репрезентирует ее характерные особенности ярче, чем они выражены в соответствующих стратах в целом. Для нижней страты в числе таких особенностей прежде всего очень низкие показатели занятости – четыре пятых в составе ее ядра составляют незанятые. Отчасти это объясняется тем, что в ядро нижней страты входит значительная часть пенсионеров, доля которых в нем почти достигает двух третей. Однако и среди не достигших пенсионного возраста представителей ядра нижней страты половина не работает, что позволяет говорить о незанятости как характерной особенности этой страты в целом. Прямо противоположными тенденциями характеризуется ядро верхней страты, где до начала пандемии работали около 90% ее членов допенсионного возраста, а доля пенсионеров составляла лишь около четверти.

Попытка построить модель социальной структуры российского общества, в основе которой лежало бы не общее число

признаков позитивной и негативной депривированности и определение доминирования у конкретных индивидов возможностей и жизненных шансов, с одной стороны, или деприваций и рисков, с другой, а их сочетание (композиция) с использованием методов байесовской статистики показала, что российское население все еще находится в большинстве своем в состоянии борьбы за выживание. О высоком уровне экзистенциальной безопасности, позволяющем говорить о постматериалистической эволюции ценностей [Инглхарт, Вельцель, 2011], в России можно пока только мечтать. Все 5 групп («эмпирических» классов), выделенных по характерной для них композиции жизненных шансов и рисков с использованием такого подхода, – это не группы, различающиеся их стилями жизни, а более дробное деление выделенных ранее трех страт с учетом для нижней страты – факта занятости или незанятости, а для средней – уровня благосостояния. Такое соотношение двух классификаций, из которых одна основана на соотношении числа жизненных шансов и рисков, а вторая – на их композиции (наборе), свидетельствует о том, что в целом эта композиция в современном российском обществе зависит не от этапов жизненного цикла, специфики интересов человека и т.д., а от его места в вертикально структурированном пространстве социальных позиций с характерным для каждой из них набором наиболее значимых рисков и возможностей. И лишь для самой верхней части массовых слоев их общий набор начинает достаточно ощутимо зависеть и от не относящихся к структурным позициям факторов.

Применение основанного на композиции жизненных шансов и рисков подхода позволило сделать также ряд других важных выводов. Еще нагляднее стала ключевая роль отсутствия доступа к информационным технологиям и недоступности необходимого им образования среди испытываемых «низами» общества деприваций и рисков, а для работающих их представителей – значимость несоблюдения трудового законодательства у них на работе. Для «верхов» массовых слоев при этом наиболее важным в их наборе признаков позитивной и негативной привилегированности вновь оказались такие показатели, как ресурс влияния на работе и наличие у нее характеристик, являющихся объектом желаний большинства россиян применительно к их занятости. Подтвердилась и важность среди признаков позитивной привилегированности наличия развитых навыков существования в цифровой среде и расширенных возможностей текущего потребления, а также вывод

о противоречивости и неустойчивости положения «верхов» массовых слоев, поскольку даже в них значительная часть сталкивается на работе с нарушениями своих базовых трудовых прав и неблагоприятными условиями занятости. Особенно усилилась эта тенденция в условиях пандемии и перехода «на удаленку». В то же время сфера экономических условий жизни и при этом методе стратификации россиян оказалась относительно менее значимой.

Важным выводом из этой части нашего анализа стало также разделение средней страты на эмпирические классы, условно названные нами «средним» средним и нижним средним классами и демонстрация того, что граница благополучия проходит в современной России именно между ними. Таким образом, к относительно благополучной части населения даже в относительно стабильных условиях развития страны может быть отнесено 25–30% россиян, а остальные различаются лишь разной степенью их неблагополучия, причем относительно неглубокое неблагополучие является в современной России социальной нормой. Это значит, что «центр тяжести» социальной структуры российского общества смещен вниз гораздо сильнее, чем это фиксировалось в предыдущих исследованиях [Модель ..., 2018; Тихонова, 2014 и др.]. Если говорить о динамике в этой области, то обращает на себя внимание рост в последние годы именно нижнего среднего класса. При этом к фазам экономического цикла наиболее чувствительной является граница между нижним средним классом и классом, условно названным нами «нижним классом в экономике».

В условиях широты зоны социального неблагополучия особое значение имеет понимание соотношения нижней страты и россиян, чьи доходы не достигают уровня прожиточного минимума. Как показал проведенный анализ, эти группы лишь отчасти пересекаются между собой. Зона даже ярко выраженного на среднероссийском фоне социального неблагополучия оказывается гораздо шире, чем бедность «по доходам». В то же время многие бедные имеют типичные для среднего россиянина уровень и качество жизни. Кроме того, они меньше, чем представители нижней страты, отличаются от остальных россиян по своим «социальным действиям». Представители же нижней страты отличаются от большинства россиян не только доминированием в их жизни рисков и лишений, но и реальными поведенческими особенностями, в частности спецификой избираемых ими образовательных траекторий с ранним отказом от продолжения образования, распространенностью добровольного отказа от занятости, спецификой

моделей брачности и деторождения, а также популярностью в этой страте пассивной стратегии адаптации и неэффективностью или даже деструктивностью избираемых активных ее моделей. Все эти особенности традиционно описывают в социологической литературе именно положение «низов», в то время как для бедных «по доходам» они характерны в гораздо меньшей степени. С точки зрения состава этих групп понятие «низов» также применимо скорее к представителям нижней страты, чем к бедным «по доходам» – если первые это в основном имеющие низкий образовательный уровень и находящие вне сферы труда люди, а в случае занятости – работники неквалифицированного физического или рутинного низкоквалифицированного нефизического труда, то вторые это обычно россияне, оказавшиеся в ситуации бедности в результате высокой иждивенческой нагрузки детьми и сравнительно низких заработных плат из-за их сильной региональной, отраслевой и поселенческой дифференциации доходов. Неудивительно, что с субъективной бедностью в большей степени коррелирует именно пребывание в составе нижней страты, чем доходы ниже прожиточного минимума.

Такое положение дел обусловлено тем, что дефицит текущих доходов – не главная причина, обусловливающая нахождение в зоне социального неблагополучия в современной России. Гораздо большее значение для этого имеют другие виды ресурсов – квалификационный, социальный (ресурс социальных сетей), культурный, властный, личностный, а также состояние здоровья, наличие разного рода экономических активов и т.д. Представители низкоресурсных групп, в основном относящиеся к нижней страте, оказываются в итоге «вытолкнуты» на самые неблагоприятные позиции в социальной иерархии, а высокоресурсные (что характерно для верхней страты) занимают в этой иерархии относительно лучшие позиции.

В то же время динамика ресурсообеспеченности россиян по многим видам ресурсов вызывает тревогу. Еще 10–15 лет назад большинство россиян обладало ресурсом социальных сетей, позволявшим хотя бы отчасти компенсировать общий относительно низкий уровень их ресурсообеспеченности и вытекающие для них из этого негативные последствия. Однако сейчас наличие относительно качественного социального капитала – привилегия лишь верхней страты. Особенно болезненно это сказалось на неравенствах в сфере доступа ко всем ключевым социальным благам – хорошим врачам, качественному образованию, финан-

совым ресурсам и т.д. Фактически процесс монетизации доступа к ним в России сейчас уже почти завершился, что привело к резкому сокращению возможностей их получения для подавляющего большинства россиян. Основная причина этого – исчезновение немонетарных каналов доступа к ним в силу сокращения ресурса социальных сетей на фоне достаточно высокой стоимости соответствующих услуг на рынке. В этих условиях верхняя страта ярко выделяется на фоне остальных россиян не только наличием у ее представителей монетарных возможностей, обеспечивающих доступ к ключевым социальным благам, но и сохранившимися у многих из них немонетарными возможностями для этого.

Нельзя не обратить внимание в контексте динамики ресурсообеспеченности россиян также на активно продолжающееся обезземеливание сельских жителей, почти полный уход из их жизни практики содержания домашнего скота и в целом исчезновение пресловутой противоположности городского и сельского образа жизни по крайней мере в этом отношении. Эти процессы разворачиваются во всех слоях сельского населения, и разница между тремя рассматриваемыми стратами здесь заключается не в доле их представителей, имеющих «огороды» или скот, а в том, что для нижней страты и приусадебные участки, и скот выступают рудиментом эпохи натурального хозяйства, а для верхней страты это относительно чаще элементы фермерских хозяйств, ориентированных на продажу своей продукции. То же самое относится и к городским жителям, среди которых также встречаются фермеры. Но есть в сельской местности и нехарактерные для городов тенденции, связанные с положением разных страт. Так, например, именно в «малой России» концентрируется наиболее неблагополучное во всех отношениях население, «выдавливаемое» туда из городов. Кроме того, именно для «малой России» характерна наибольшая поляризация жилищных условий представителей нижней и верхней страт.

Что касается ситуации с другими видами ресурсов, то квалификационный и властный ресурсы в их сколько-то ярко выраженной форме – привилегия тоже в основном представителей верхней страты, как и наличие хорошего здоровья или тех личностных особенностей, которые повышают вероятность добиться успеха в жизни в современном российском обществе. То же самое можно сказать и о культурном капитале представителей разных страт, который во многом отражает особенности идущего в России процесса социального воспроизводства разных слоев. Если верхняя страта в большинстве

своем состоит из людей, не только получивших высшее образование, но и выросших в семьях, где хотя бы один из родителей также его имел, то для средней страты его наличие нехарактерно, а те, кто его все-таки получил – это в основном «интеллигенция первого поколения». Что же касается нижней страты, то ее представители не только имеют самые низкие показатели квалификационного ресурса, но и самые низкие показатели уровня образования родителей. Все это приводит к тому, что рабочие места представителей разных страт имеют принципиально разное качество. Они отличаются устойчивостью занятости на них, характером оформления трудовых отношений, степенью социальной защищенности в плане соблюдения трудового законодательства, уровнем заработных плат, степенью отчужденности труда и т.д. Более того – они сосредоточены в разных секторах и отраслях экономики. Для представителей верхней страты это в основном рабочие места в учреждениях образования, здравоохранения, науки, культуры и т.п., а также на крупных предприятиях, находящихся в собственности государства, или в силовых структурах. Из рыночно ориентированных отраслей это учреждения, относящиеся к сфере финансов, страхования, маркетинга, консалтинга и т.п. Представители же нижней страты работают относительно чаще на созданных в последние 30 лет малых предприятиях в сфере торговли, бытового обслуживания, ЖКХ, а также на предприятиях индустриального сектора (включая транспорт и строительство). Более того, резко различается и качество рабочих мест представителей разных страт с формально одинаковым профессиональным статусом.

Ресурсообеспеченность россиян из разных страт во многом определяет и стратегии их социально-экономического поведения. Притом можно даже сказать, что характер избираемых ими адаптационных стратегий зависит не просто от принадлежности к той или иной страте, но и от соотношения показателей позитивной и негативной привилегированности у конкретных индивидов. Так, стратегия добровольного бездействия, предполагающая отсутствие любых дополнительных действий по отношению к обычной занятости в силу отсутствия необходимости улучшения своего положения, избирается теми, у кого практически нет признаков негативной привилегированности и одновременно присутствуют высокие показатели позитивной привилегированности. Стратегия вынужденного бездействия, когда пассивность объясняется отсутствием возможности что-то изменить в своей жизни, избирается теми, кто имеет сравнительно низкие показатели и негативной,

и позитивной привилегированности. Стратегия увеличения долговой нагрузки характеризует тех, кто имеет максимально выраженную негативную привилегированность при одновременно низких показателях позитивной привилегированности и т.д. Если же говорить о распространенности разных стратегий в тех или иных стратах, то россияне из верхней страты могут позволить себе либо ничего не делать для улучшения своего положения, поскольку оно их итак устраивает, либо выбирать наиболее комфортную и экономически эффективную стратегию наращивания трудовых усилий по основному месту работы. В отличие от них представители нижней страты либо бездействуют при болезненно переживаемом собственном положении из-за того, что не видят возможностей его улучшить, либо выбирают неконструктивные и неэффективные стратегии действий (наращивание долговой нагрузки, распродажа имущества и т.д.).

Что касается динамики этих стратегий, то после каждого экономического кризиса растет число тех, кто ориентирован на производство для себя продукции на своем садовом участке или в приусадебном хозяйстве, и такого рода деятельность превращается из хобби в форму экономического подспорья для семьи. Затем, по мере стабилизации ситуации в экономике, происходит определенный «откат назад». Однако после экономического кризиса 2014–2016 гг. такого рода отката не произошло даже к весне 2018 г. Специфичным для последствий недавнего экономического кризиса является и сокращение распространенности стратегий, связанных с различными формами трудовой активности. Это отражает общее ухудшение ситуации на рынке труда из-за изменения «баланса сил» во взаимоотношениях работников и работодателей в ходе последнего экономического кризиса, сделавшего многие формы трудовой активности невыгодными для работников. В условиях пандемии, уменьшившей распространенность разовых и временных приработков, эта тенденция сохранилась. Такая динамика, как и различающаяся доступность стратегий с неодинаковой экономической эффективностью для представителей разных страт, потенциально будет способствовать углублению как немонетарных, так и монетарных различий между стратами.

Эконометрический анализ сравнительной роли не связанных с занятостью факторов принадлежности к разным стратам показал, что среди факторов, с большой степенью вероятности предопределяющих принадлежность к нижней страте, в основном такие аскриптивные или относящиеся к составу домохозяйств факторы,

как плохое здоровье, старческий (старше 70 лет) возраст, наличие в составе домохозяйства инвалидов 1 и 2 групп, и, в несколько меньшей степени, проживание в сельской местности. Из факторов же, с высокой степенью вероятности предопределяющих возможность принадлежности к верхней страте, можно назвать только общую высокую ресурсообеспеченность и принадлежность к потомственным москвичам. При этом само по себе проживание в Москве при прочих равных условиях, наоборот, повышает вероятность попасть в нижнюю страту за счет очень высоких рисков и депривиций москвичей первого поколения, составляющих значительную часть жителей Москвы.

Если говорить о том, какие именно ресурсы оказываются наиболее значимыми для вероятности оказаться в верхней страте, то это высокопотенциальный ресурс социальных сетей и такие компоненты личностного ресурса, как навык долгосрочного планирования своей жизни и внутренний локус-контроль. Даже квалификационный ресурс играет гораздо меньшую роль, чем эти виды ресурсов, хотя каждый дополнительный год обучения все же сокращает риски нахождения в нижней страте и повышает вероятность попадания в верхнюю страту. Важно подчеркнуть также, что «ресурсы тянутся к ресурсам» – вероятность встретить индивида с высоким уровнем какого-то ресурса выше для тех, у кого и другие виды ресурсов представлены в четко выраженной форме, что дает также своего рода синергетический эффект. При этом низкие показатели одних видов ресурсов еще чаще соседствуют с низкими показателями других их видов, чем высокие с высокими. Это во многом объясняет сильную выраженность эффекта «липкого пола» при умеренной выраженности эффекта «липкого потолка».

Объективные различия в положении, ресурсообеспеченности и месте в системе производственных отношений представителей разных страт находят отражение и в их идентичностях, установках, нормативно-ценностных системах и оценках происходящего в стране. Во всех этих аспектах специфика верхней страты выражена гораздо более ярко, чем в средней и нижней стратах. Так, если россияне в целом довольно четко ощущают свою слоевую принадлежность, но осознание своей классовой принадлежности (ее отрефлексированность) у них находится еще в начальной фазе этого процесса, то представители верхней страты наиболее часто в сравнении с остальными ощущают себя представителями среднего класса и однозначно не чувствуют своей соотнесенности с низшим классом.

К числу наиболее ярких различий между представителями разных страт относятся и их установки, в частности распространенность внутреннего локус-контроля. При этом качественные различия в распространенности среди них внутреннего локус-контроля сохраняются и при рассмотрении молодежи из этих страт или тех их членов, родители которых имели одинаковый уровень образования. Таким образом, это сущностная характеристика разных страт, а не следствие отличий в их возрастной структуре или особенностей первичной социализации их представителей. То же самое относится и к различиям в горизонте планирования – если в нижней страте большинство не планируют свою жизнь даже на год вперед, то для верхней страты типично ее долгосрочное планирование, и эти различия также сохраняются при сравнении однотипных подгрупп из разных страт. Кроме того, для представителей верхней страты характерны гораздо более выраженные достижительные мотивации, а в их жизненные цели гораздо чаще входят установки на карьеру, престижную и интересное работу, на то, чтобы стать хорошим профессионалом в своем деле, получить хорошее образование и т.д. Все эти установки смолоду задают представителям разных страт разные типы «социальных действий» и закрепляются в ходе социального воспроизводства разных страт.

В то же время, поскольку жизненные цели представителей разных страт, в особенности молодежи из них, различаются гораздо меньше, чем возможности для реализации этих целей, то для представителей нижней (а отчасти и средней) страты заведомо запрограммирован дисбаланс между ожиданиями и реальностью. Этот дисбаланс усугубляет вызываемые объективными особенностями их положения различия в социальном самочувствии представителей разных страт, на роль которого при выделении ключевых элементов социальной структуры обращал внимание еще М. Вебер. Если для представителей верхней страты характерно позитивное восприятие своей жизни и статуса в обществе, а их доминирующее социально-психологическое состояние – эмоциональный подъем или спокойствие, то для нижней страты (и даже ее молодежных когорт) характерны тревога, апатия, раздражение, озлобленность, а их жизнь и статус в обществе кране редко заслуживают у них позитивные оценки. При этом, в отличие от активных и ориентированных на институционализированные формы защиты своих интересов (суд, профсоюзная организация, СМИ) представителей верхней страты, члены нижней страты относительно чаще готовы

в случае нарушения этих интересов «перетерпеть» или использовать малоэффективные протестные акции.

Все эти особенности, относящие к субъективным характеристикам разных страт, в той или иной степени проявляются и в их оценках ситуации, сложившейся сегодня в России вообще и с неравенствами в частности, а также в их запросе в реализуемой государством социальной и экономической политике. Так, общую ситуацию в России представители верхней страты, в отличие от других россиян, воспринимают довольно оптимистично. В отношении сложившейся в России на основе системы существующей в ней неравенств модели стратификации, как и в вопросе о несовпадении этой модели с той, которую они бы считали оптимальной для нашей страны, или в вопросе о приоритетах государственной социальной политики все три страты также схожи между собой (хотя в верхней страте запрос на научный и технологический «прорыв» России артикулируется особенно четко). Единодушны с представителями двух других страт они и в своих оценках ситуации с неравенствами в нашей стране – все они считают эту ситуацию неблагополучной, а сформировавшиеся неравенства (особенно в области медицинской помощи, жилищных условий, доступа к хорошим рабочим местам и образованию) – болезненными для общества в целом. Эта точка зрения с годами получает среди россиян все бóльшую поддержку, сокращая, тем самым, продуктивный потенциал самих этих неравенств. В то же время применительно к оценкам их личной ситуации представители разных страт довольно заметно различаются в своих оценках болезненности для них тех или иных неравенств.

Что же касается запроса россиян к государственной социальной политике и контуров того общественного договора, который может сформироваться при реализации этого запроса, то здесь также можно говорить о единодушии позиции россиян, занимающих разное место в социальной иерархии: позитивно привилегированное население отличается от негативно привилегированного не столько характером, сколько интенсивностью выраженности одного и того же запроса. Основными пунктами этого запроса для россиян сегодня выступает более последовательная реализация социальной политики государства с акцентом на сферу здравоохранения, а также гарантии наличия институциональных условий для самостоятельной активности населения по решению своих проблем.

Если кратко резюмировать ключевые выводы, вытекающие из нашего исследования в отношении сложившейся в России модели

стратификации, то следует прежде всего отметить: модель социальной иерархии, основанная на соотношении жизненных шансов и возможностей человека, с одной стороны, а также испытываемых им депривaций и рисков – с другой, в современной России уже сформировалась. Более того, она достаточно устойчива – даже в условиях различных этапов экономического цикла и внеэкономических шоков (например, обострения геополитической обстановки или пандемии коронавируса), характеризовавших в последние годы жизнь страны, она практически не менялась. Это говорит о том, что период транзита в России уже давно завершен. Показывает наше исследование и то, что эта версия градуалистских (градационных) моделей стратификации является перспективным инструментом анализа социальной структуры современного российского общества при решении многих задач – от изучения электоральных предпочтений и протестного потенциала населения до анализа особенностей потребительского поведения отдельных групп и оптимизации мер социальной политики. Этим преимущества данного подхода, впрочем, далеко не исчерпываются, поскольку он позволяет не только получить интегральную модель социальной структуры массовых слоев российского общества, но и рассматривать положение различных групп в социальном пространстве, построенном на осях позитивной и негативной привилегированности, оценивать динамику ситуации с жизненными шансами и рисками не только в целом, но и по каждому из них в отдельности и т.д.

Что же касается вопроса о типе социальной структуры, существующей сегодня в России, то, как свидетельствуют результаты нашего исследования, в силу значительной роли неравенств неклассового типа жизненные шансы и риски большинства россиян слабо связаны с их классовой принадлежностью. Их активы, если говорить о массовых слоях населения, для большинства из них не способны нейтрализовать эффект от воздействия других факторов. Особенно ярко выражено это применительно к нижней страте, принадлежность к которой в наименьшей степени связана с местом в системе рыночных отношений. Отчасти это обусловлено очень высокой долей в составе данной страты незанятого населения, а отчасти – тем, что даже для занятых ее членов решающую роль в их принадлежности к ней играют факторы социально-демографического характера (здоровье, место жительства и т.п.). В то же время нижняя страта характеризуется и самыми низкими показателями квалификационного, культурного, личностного, физио-

логического и других видов ресурсов, что, видимо, и делает даже трудоспособных ее членов не представляющими особого интереса для экономики.

Для средней страты картина оснований ее места в стратификационной иерархии оказывается наиболее пестрой и неоднозначной, и говорить о ней как о каком-то формирующемся классе было бы неверно. Скорее это очень гетерогенные и различающиеся степенью своего благополучия слои населения без четко выраженной специфики активов, места в системе экономических отношений, мировоззрения и социальных действий. Поскольку ресурсы их примерно соответствуют типичным для всей рабочей силы, то решающую роль в определении характерного для них соотношения жизненных шансов и рисков играют факторы неклассового характера: место жительства, иждивенческая нагрузка в домохозяйствах, состояние здоровья и т.п.

В отличие от нижней и средней страт верхняя страта выступает полем формирования класса, который в развитых обществах принято называть «средним». Это неустойчивая на микроуровне группа людей, специфика положения которых зависит, тем не менее, в первую очередь именно от специфики их ресурсообеспеченности и обусловленного ею места в системе производственных отношений. Важно и то, что, несмотря общую неустойчивость ее положения, в этой страте есть характеризующееся межгенерационным воспроизводством ядро, составляющее примерно половину этой страты. Связь места в социальной иерархии и характерных для ее представителей положения, поведения и мировоззрения прослеживается в этом ядре очень наглядно, как и то, что, хотя ресурсы представителей этой страты имеют в основном инкорпорированный характер, но в них входит также вполне ощутимый вещественный и финансовый компонент.

Таким образом, в современной России мы сталкиваемся с парадоксальной и во многом уникальной ситуацией, когда в современном индустриальном обществе с рыночной экономикой не просто отсутствует классовая модель социальной структуры, но одновременно сосуществуют разные основания для выделения ее элементов, занимающих разное положение в иерархически организованной системе неравенств. Так, хотя природа места не входящего в состав массовых слоев правящего класса в социальной иерархии довольно дискуссионна, но все чаще говорится о роли среди определяющих это место факторов неосословных (клановых, родственных и т.п.) оснований. Параллельно в России идет

процесс формирования в составе массовых слоев населения особой группы, в основе благополучия которой лежит специфика ее места на рынке труда, определяемая имеющимися у ее представителей активами. К ней примыкает часть среднего и малый бизнес. Эта группа по особенностям ее положения, занятости и поведения – типичный средний класс. Однако большинство населения страны, возможно, в силу слабой конкурентности как российской экономики в целом, так и рынка труда в частности, находится в ситуации, когда его положение зависит от факторов неклассового характера. Именно для изучения их дифференциации и подходит в наибольшей степени использованная в данной книге методология анализа социальной структуры.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение В.1

Описание использованных массивов эмпирических данных

Мониторинговые исследования РНИСиНП

Численность выборки общероссийского мониторингового исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем[1] колебалась в 1994–2001 гг. в различных исследованиях в диапазоне от 1500 до 3000 человек. Квоты по возрастному представительству и по социально-профессиональной принадлежности задавались на основе пропорционального соответствия их данным Госкомстата РФ составу населения по каждому региону в отдельности. Наряду с возрастным и социально-профессиональным составом при опросах соблюдались пропорции по типу поселения, полу, возрасту и этнической принадлежности, что позволяло обеспечить необходимую репрезентативность. В качестве регионов опроса, для каждого из которых составлялась самостоятельная подвыборка, были избраны 12 территориально-экономических районов России плюс г. Москва. Таким образом, выборка в каждом случае была двухступенчатой квотной – сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам. Что касается отбора респондентов, соответствующих этим квотам, то

[1] Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) был в 2001 г. преобразован в Институт комплексных социальных исследований Российской академии наук. В 2005 г. последний вошел в созданный на базе трех академических институтов социологического профиля Институт социологии РАН, с 2017 г. – Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Таким образом, большинство использованных в книге исследований проводились одной и той же исследовательской группой, а полевую их часть во всех случаях осуществлял Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. – Ф.Э.Шереги).

выборка носила маршрутный характер с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения. Замена в случае отказа производилась за счет следующего адреса по маршруту.

Проверка качества интервью производилась двумя путями: 1) за счет контроля по месту опроса (адресу) путем непосредственного посещения респондента или его телефонного опроса; 2) в процессе контроля качества заполняемости анкет. Процедура контроля охватывала 3–5% выборки.

«Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.[2]

Численность выборки репрезентативного общероссийского тематического исследования «10 лет российских реформ глазами россиян», проведенного ИКСИ РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в ноябре 2001 г., составила 1736 человек в возрасте от 18 лет и старше. Эта выборка носила стандартный для большинства общероссийских исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН характер – сначала определялась численность респондентов в каждом регионе, а затем внутри региона задавались квоты по пяти признакам.

«Богатые и бедные в современной России», 2003 г.[3]

Исследование «Богатые и бедные в современной России» проводилось в марте 2003 г. ИКСИ РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ. Его основная выборка включала в себя 2106 человек. Принципы ее носили стандартный для большинства общероссийских исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН характер.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного экспертного опроса по богатым слоям населения, которая насчитывала 209 человек. Из них 50% были опрошены в Москве и Санкт-Петербурге, а 50% равными долями во всех территориально-экономических районах страны.

---

[2] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Изменяющаяся ..., 2004].

[3] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Россия ..., 2004].

«Социальное неравенство в социологическом измерении», 2006 г.[4]

Исследование «Социальное неравенство в социологическом измерении» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Национальным инвестиционным Советом в рамках проекта Горбачев-Фонда «Социальное неравенство и публичная политика» в марте-апреле 2006 г. Опрос в этом исследовании проводился по стандартной общероссийской выборке. Численность респондентов составила 1751 человек.

«Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?», 2008 г.[5]

Исследование «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в марте 2008 г. по той же модели выборки, что и описанные выше общероссийские опросы. Численность респондентов составила 1750 человек.

«Бедность и бедные в современной России», 2013 г.[6]

Исследование ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» было проведено в апреле 2013 г. Принципы построения выборки, применявшейся в этом исследовании, были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых использованы в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного опроса по бедным, которая насчитывала 300 человек. В рамках этой дополнительной выборки опрашивались россияне, среднедушевые доходы в семьях которых были не выше, чем прожиточный минимум в регионе их проживания.

---

[4] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Социальные ..., 2008].

[5] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Малообеспеченные ..., 2008].

[6] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Бедность ..., 2014].

«Средний класс в современной России: 10 лет спустя», 2014 г.[7]

Исследование ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» было проведено в феврале 2014 г. Принципы построения выборки, применявшейся в этом исследовании, были традиционными для большинства других исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, результаты которых использованы в книге. Общая численность опрошенных в рамках репрезентативной для российского населения в целом части опроса составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного опроса по средним слоям населения, которая насчитывала 300 человек. В рамках этой дополнительной выборки опрашивались россияне с высшим образованием, представлявшие разные регионы пропорционально численности их населения в составе населения страны в целом, среднедушевые доходы в семьях которых были не ниже, чем медианные доходы в регионе их проживания.

Мониторинг ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2014–2021 гг.[8]

В книге использовались данные различных волн Мониторинга, проводимого ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН. Первое исследование в рамках этого проекта было проведено в октябре-ноябре 2014 г., второе – в марте 2015 г., третье – в октябре 2015 г., четвертое – в марте 2016 г., пятое – в октябре 2016 г., шестое – в мае 2017 г., седьмое – в октябре 2017 г., восьмое – в марте-апреле 2018 г., девятое – в октябре 2018 г., десятое – в июне 2019 г., одиннадцатое – в октябре 2020 г., двенадцатое – в марте 2021 г. Объем выборочной совокупности исследования в каждой волне составлял от 2000 до 4000 респондентов, репрезентировавших взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше. Как и в исследованиях РНИСиНП и ИКСИ РАН, на первой ступени выборки районирование осуществлялось по федеральным округам Российской Федерации в соответствии с делением ФСГС РФ. Вторая ступень

---

[7] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Средний ..., 2016].

[8] Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: [Российское ..., 2015а; 2015б; 2016а; 2016б; 2017].

формирования выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого федерального округа. На третьей ступени формирования выборки внутри субъектов РФ рассчитывались квоты по типам поселений. На четвертой ступени формирования выборки, при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса, соблюдались квоты по социально-профессиональной принадлежности и полу, а также возрастные пропорции.

Российский Мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)

Мониторинг реализуется с 1992 г. ежегодно. В настоящее время он проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН[9]. РМЭЗ НИУ ВШЭ представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. В пул данных каждой волны обследования входят две отдельные базы, репрезентирующие население России как в целом, так и в разрезе домохозяйств. Наряду с одномоментной (поволновой) репрезентацией используется и выборка, которая позволяет вести панельный анализ.

В данной книге использовались, как правило, репрезентативные по населению страны индивидуальные данные волн 2013–2020 гг., хотя в отдельных главах использованы и панельные данные. Данные за 2013 г. были собраны с начала октября по конец декабря 2013 г. (16 087 респондентов, в том числе 12 984 совершеннолетних); за 2014 г. – с начала октября 2014 г. по конец февраля 2015 г. (12 908 респондентов, в том числе 10 454 совершеннолетних); за 2015 г. – с начала октября 2015 г. по конец января 2016 г. (12 667 респондентов, в том числе 10 209 совершеннолетних); 2016 г. – с начала октября 2016 г. по конец января 2017 г. (12 554 респондента, в том числе 10 116 совершеннолетних); за 2017 г. – с начала октября 2017 г. по конец февраля 2018 г. (12 441 респондент, в том числе 10 016 совершеннолетних); за 2018 г. – с начала октября 2018 г. по конец января 2019 г. (12 161 респондент, в том числе 9835 совер-

[9] Более подробно см. на официальном сайте Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms).

шеннолетних); за 2019 г. – с начала октября 2019 г. по конец января 2020 г. (12 228 респондентов, в том числе 9916 совершеннолетних), за 2020 г. – с начала октября 2020 г. по конец января 2021 г. (12 123 респондента, в том числе 9374 совершеннолетних). В тех случаях, когда использовались панельные данные, это оговаривается в тексте особо и дается характеристика соответствующей выборки.

«Всемирное исследование ценностей» (World Value Survey)

World Value Survey – это серия исследований для изучения ценностных ориентаций и их влияния на развитие обществ, качество жизни и демократию. Сбор данных в этом исследовании был запущен в 1981 г. В 2017–2020 гг. проводилась 7-я волна исследования, в которой участвовали 80 стран, включая Россию. В упомянутых в книге странах опрос проходил в 2017–2018 гг. Национальные выборки репрезентативны с учетом пола, возраста респондентов, размера домохозяйств, места проживания. Подробнее см. http://www.worldvaluessurvey.org.

Приложение 2.1

Показатели расчета Индекса жизненных шансов и рисков и их операционализация на массивах РМЭЗ НИУ ВШЭ

Показатели	Операционализация
1. СУБШКАЛА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ»	
Позитивная привилегированность	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья (сам факт наличия)	**Скажите, пожалуйста, какие из следующих предметов или услуг есть у Вас или в Вашей семье?** — Другая квартира или часть квартиры
Наличие иной недвижимости (при условии одновременного наличия автомобиля)	**Скажите, пожалуйста, какие из следующих предметов или услуг есть у Вас или в Вашей семье?** — Отечественный легковой автомобиль – Легковой автомобиль иностранной модели — Дача или другой дом, часть дома, садовый домик
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	**Представьте себе не очень приятную картину: все члены Вашей семьи лишились всех источников дохода. Как долго Ваша семья сможет материально жить так же, как Вы живете сейчас, то есть, не уменьшая расходов, только за счет денежных сбережений, ничего не продавая из имущества?** — *Полгода и больше*

Показатели	Операционализация
Негативная привилегированность	
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	*УЧИТЫВАЛОСЬ НАЛИЧИЕ 2-х И БОЛЕЕ ПОЗИЦИЙ** **Скажите, пожалуйста, Ваша семья имеет неоплаченные счета за жилье, то есть за квартиру и коммунальные услуги?** — Да **Скажите, пожалуйста, на сегодняшний день у Вашей семьи есть какие-то долги по кредитам?** — Да **Скажите, пожалуйста, на сегодняшний день у Вашей семьи есть какие-то денежные долги частным лицам?** — Да **Сколько всего денег частным лицам должна Ваша семья на сегодняшний день?** (*РАСЧЕТНЫЙ КОД* с учетом соотношения с доходами домохозяйства)
Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств	**Теперь я хочу задать Вам несколько вопросов о Ваших жилищных условиях. Вы снимаете жилье?** — Да **Проживают в домохозяйстве с инвалидами** (*РАСЧЕТНЫЙ КОД*)
Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	*УЧИТЫВАЛОСЬ ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОЯННОЙ РАБОТЫ ИЛИ ПРИ НАХОЖДЕНИИ В НЕОПЛАЧИВАЕМОМ ОТПУСКЕ* **Скажите, пожалуйста, в течение последних 30 дней Вы занимались (Еще) какой-нибудь работой, за которую Вам заплатили или должны заплатить?** — Да

2. СУБШКАЛА «СИТУАЦИЯ НА РАБОТЕ»	
Позитивная привилегированность	
Наличие ресурса влияния на работе	**Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?** *ВЕРХНИЕ 6–9 СТУПЕНЕЙ ДЛЯ РАБОТАЮЩИХ*
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	**Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены возможностями для Вашего профессионального роста?** – Полностью или скорее удовлетворен
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	**Организация оплачивает ДМС?** – Да **За счет каких средств Вы учились на этих курсах?** – Оплачивал работодатель
Негативная привилегированность	
Неблагоприятные условия занятости	**В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?** – Да **В настоящее время Ваше предприятие осталось должно Вам какие-то деньги, которые по разным причинам не выплатило вовремя?** – Да **В течение последних 12 месяцев Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию?** – Да

Показатели	Операционализация
Несоблюдение на работе законодательства	**Скажите, пожалуйста, Вы оформлены на этой работе официально, то есть по трудовой книжке, трудовому соглашению, контракту?** – Не оформлены официально **Как Вы думаете, все ли эти деньги были проведены официально?** (*ИМЕЮТСЯ В ВИДУ ЛЮБЫЕ ВЫПЛАТЫ НА РАБОТЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 30 ДНЕЙ*) – Часть официально, часть нет – Все – неофициально
Риски длительной безработицы	**Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где Вы работаете, по каким-то причинам закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?** – Совсем не уверены *РАСЧЕТНЫЙ КОД ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К БЕЗРАБОТНЫМ ПО МЕТОДОЛОГИИ МОТ* **Ваше основное занятие в настоящее время?** – У Вас сейчас нет работы **Хотели бы Вы найти работу?** – Да **Если бы на прошлой неделе Вам предложили подходящую работу, Вы смогли бы приступить к ней сразу?** – Смог (ла) бы

3. СУБШКАЛА «ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ И НАРАЩИВАНИЯ СВОЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»	
Позитивная привилегированность	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	**В течение последних 12 месяцев Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?** *В СЛУЧАЕ ОТВЕТА «ДА»:* **За счет каких средств Вы учились на этих курсах?** – Личных средств **Тратила ли Ваша семья в течение последних 30 дней деньги на оплату занятий взрослых членов семьи в различных секциях, на курсах, у преподавателей?** – Да **Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании оплачивать дополнительные занятия детей – музыкальную школу, иностранные языки, спортивные секции, кружки и т.п.?** – Да **Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании оплачивать учебу ребенка в ВУЗе?** – Да **Тратила ли Ваша семья в течение последних 30 дней деньги на содержание и оплату занятий детей в дошкольных учреждениях, школах, секциях, кружках, на оплату частных уроков, репетиторов, в том числе и на подарки педагогам?** – Да

Показатели	Операционализация
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье	**В течение 12 месяцев платили ли Вы официально за**: – Скорую помощь – Амбулаторную нестоматологическую помощь **Кому, как и сколько всего денег Вы официально заплатили в течение последних трех месяцев за Ваше пребывание в больнице, медицинскую помощь, лечение там, не считая платы за лекарства, шприцы и перевязочные материалы?** (*УЧИТЫВАЛСЯ САМ ФАКТ ОПЛАТЫ*) **Кому, как и сколько всего денег Вы или Ваша семья официально заплатили за оказанные Вам стоматологические услуги, включая зубопротезирование, в течение последних трех месяцев?** (*УЧИТЫВАЛСЯ САМ ФАКТ ОПЛАТЫ*) **Кому, как и сколько Вы официально заплатили за это профилактическое обследование в течение последних трех месяцев?** (*УЧИТЫВАЛСЯ САМ ФАКТ ОПЛАТЫ*) **У Вас есть договор на дополнительное добровольное медицинское страхование, обслуживание с какой-нибудь страховой фирмой, поликлиникой, больницей, медицинским центром? Пожалуйста, не учитывайте полисы ОМС, полисы для выезжающих за границу и т.п.** – Да

Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	**Скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев пользоваться Интернетом?** – Да **Для чего Вы пользовались Интернетом?** – Для учебы – Для работы – Для развлечений – Для общения с другими людьми – Для получения информации о новостях – Для расширения кругозора, повышения своего культурного уровня – Для получения справочных материалов – Для покупок, получения товаров и услуг – Для посещения сайтов социальных сетей – Для чего-то еще *РАСЧЕТНЫЙ КОД*: НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ДЛЯ ПЯТИ ЗАДАЧ
Негативная привилегированность	
Недоступность необходимого образования	**Уровень образования ниже общего (полного) среднего** *НЕТ АТТЕСТАТА О ПОЛНОМ СРЕДНЕМ ОБРАЗОВАНИИ, ОБ ОКОНЧАНИИ 10–12 КЛАССОВ, УЧИЛИСЬ В ШКОЛЕ МЕНЕЕ 10 ЛЕТ И НЕТ ДРУГИХ ДИПЛОМОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ*

Показатели	Операционализация
Вероятность значимого ухудшения здоровья	**В течение последних 12 месяцев случалось ли так, что кто-то из членов Вашей семьи нуждался в каком-то из следующих видов медицинской помощи и не смог ее получить только из-за нехватки денег?** – Не смог получить амбулаторное, поликлиническое лечение – Не смог получить стационарного лечения: в больнице, госпитале, клинике – Не смог получить стоматологическую помощь – Не смог купить необходимые лекарства **Является ли производство, на котором Вы работаете, вредным или опасным, то есть дающим Вам право на досрочное назначение трудовой пенсии, на дополнительные выплаты или льготы?** – Да
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни	**У Вас или в семье есть…** – Планшет – Компьютер переносной - ноутбук, лэптоп или нетбук – Смартфон, коммуникатор, i-Phone **Дома нет доступа в Интернет** (низко- и высокоскоростного)
4. СУБШКАЛА «ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ДОСУГА»	
Позитивная привилегированность	
Хорошие возможности проведения отпуска	**Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании провести всей семьей отпуск за границей?** — Да

	Тратила ли Ваша семья в течение последних 30 дней деньги на путевки в санатории, дома отдыха, детские лагеря, на туристические поездки и другое, исключая расходы на транспорт? — Да
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	*РАСЧЕТНЫЙ КОД:* **Набор ТДП в домохозяйстве** (** - расчетные коды): 1. **Есть телевизор (обычный или плоский) 2. **Есть мобильная связь (смартфон и/или мобильный) 3. *Есть стиральная машина-автомат* 4. **Есть стационарный компьютер или ноутбук 5. **Есть холодильник NO-Frost и/или отдельная морозильная камера 6. *Есть микроволновая печь* 7. **Есть гаджеты (цифровая фото-, видеотехника и/или MP3-плеер, GPS-навигатор) 8. **Домашняя видео-, аудиоаппаратура (проигрыватели дисков, видеомагнитофоны и пр.) 9. *Есть кондиционер воздуха* 10. ***Есть планшет* 11. *Есть посудомоечная машина* *УЧИТЫВАЛОСЬ НАЛИЧИЕ БОЛЕЕ 1,25 МЕДИАНЫ ТДП (8 и более), при этом ТДП определенных категорий считались следующим образом:* Базовый набор ТДП (ТВ, холодильник, стиралка, пылесос, мобильный телефон /смартфон, кухонная техника). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу.

Показатели	Операционализация
Особая комфортность жилищных условий	Компьютер и компьютерная техника (ПК, ноутбук, планшет и т.п.). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу. Гаджеты (фото- и видеотехника, MP3, GPS) учитывались как один ТДП в случае наличия хотя бы чего-то одного из данной группы. Домашняя аудио- и видео-техника *(DVD, видеомагнитофон, домашний кинотеатр и пр.) учитывались как один ТДП в случае наличия хотя бы чего-то одного из данной группы.* Редкие и престижные товары домашнего пользования (кондиционер, посудомоечная машина и прочее). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу. *РАСЧЕТНЫЙ КОД НА ДВУХ ВОПРОСАХ:* **Площадь жилища в кв. м** **Количество членов семьи** 36 кв. м – на первого члена домохозяйства и +18 на каждого последующего, т.е.: 54 кв. м – для домохозяйства из 2 членов 72 кв. м – для домохозяйства из 3 членов и т.д.
Негативная привилегированность	
Наличие пищевых депривaций	*РАСЧЕТНЫЙ КОД: ДОМОХОЗЯЙСТВО ЗА ПОСЛЕДНИЕ 7 ДНЕЙ НЕ ПОКУПАЛО МЯСО, РЫБУ И ФРУКТЫ (НИЧЕГО ИЗ ЭТОГО СПИСКА)*

Суженный стандарт предметного потребления	Число ТДП *ТА ЖЕ МЕТОДИКА РАСЧЕТА ОБЩЕГО ЧИСЛА ТДП, ЧТО И ДЛЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ПОЗИТИВНОЙ ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТИ В ДАННОЙ ОБЛАСТИ, НО УЧИТЫВАЛОСЬ ЧИСЛО ТДП МЕНЕЕ 0,75 МЕДИАНЫ (т.е. менее 5)*
Плохие жилищные условия	**Скажите, пожалуйста, жилье, в котором Ваша семья живет в настоящее время, это …** — Общежитие **Ваша семья занимает…** — Часть квартиры — Часть дома *РАСЧЕТНЫЙ КОД НА ДВУХ ВОПРОСАХ, ВЫДЕЛЯЮЩИЙ ИМЕЮЩИХ МЕНЕЕ 12 КВ. М НА ЧЕЛОВЕКА:* **Площадь жилища в кв. м** **Количество членов семьи**

* Прописным курсивом выделены комментарии, относящиеся к расчету соответствующих позиций при построении Индекса ЖШиР.

Приложение 2.2

Показатели расчета Индекса жизненных шансов и рисков и их операционализация на массивах Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН

Показатели	Операционализация
1. СУБШКАЛА «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ»	
Позитивная привилегированность	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья (сам факт наличия)	**Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи?** — Второе жилье (квартира, зимний дом, апартаменты, таунхаус и т.п.)
Наличие иной недвижимости (при условии одновременного наличия автомобиля)	**Что из перечисленного ниже находится в собственности Вашей семьи?** — Дача, садово-огородный участок с домом **Имеет ли Ваша семья (т.е. все проживающие <u>совместно с Вами</u> родственники) следующие предметы и если имеет, то сколько им примерно лет?** — Отечественный автомобиль **или иномарка**
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	**Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Ваша семья имеет?** — Сбережения, достаточные, чтобы Вы и Ваша семья могли прожить на них не менее года

Негативная привилегированность	
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	**Если говорить о Вашей финансовой ситуации, то что из перечисленного ниже Ваша семья имеет?** *УЧИТЫВАЛОСЬ НАЛИЧИЕ 2-х И БОЛЕЕ ПОЗИЦИЙ* * — Невыплаченные полностью кредиты в банках — Невыплаченные полностью кредиты у себя на работе — Крупные долги частным лицам — Накопившиеся мелкие долги — Долги по квартплате более чем за два месяца
Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств	**Есть ли в настоящее время среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами:** — Инвалиды 1 и 2 групп инвалидности – Хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся пенсионерами или инвалидами 1 и 2 групп
Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	**Что является для Вашей семьи основными источниками дохода?** — Разовые приработки, заработки от случая к случаю (*ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОЯННОЙ ЗАНЯТОСТИ*) **Как конкретно на Вас сказался нынешний финансово-экономический кризис? Вы:** — В связи с кризисом оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы — В связи с кризисом задерживают выплату зарплаты уже больше месяца **Обеспечивает ли Вам работодатель?** — Своевременную выплату заработной платы

Показатели	Операционализация
2. СУБШКАЛА «СИТУАЦИЯ НА РАБОТЕ»	
Позитивная привилегированность	
Наличие ресурса влияния на работе	**Кто в основном принимает решения для Вас по следующим вопросам? Вы, Ваш руководитель, или Вы и Ваш руководитель вместе?** — Какие задания выполнять — Как изменить темп работы — Когда выйти в отпуск — Когда приходить на работу — Когда уходить с работы — Когда взять отгул **Если говорить о Вашей нынешней работе, то можете ли Вы сказать, что Вы:** — Способны повлиять на принятие решений в масштабах всего предприятия — Способны повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	*ХОТЯ БЫ ОДИН ИЗ ТРЕХ ОТВЕТОВ ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СИТУАЦИЯ НА РАБОТЕ ОЦЕНИВАЕТСЯ КАК ХОРОШАЯ* **В каких сферах Вы добились желаемого?** — Получить престижную работу — Иметь интересную работу — Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)

Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	**Обеспечивает ли Вам работодатель?** — Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинскую помощь, питание, ссуды и т.п.)
	Негативная привилегированность
Неблагоприятные условия занятости	*ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ЧАСОВ РАБОТЫ В НЕДЕЛЮ СОСТАВЛЯЕТ БОЛЕЕ 45 ЧАСОВ* **Обеспечивает ли Вам работодатель?** — Оплату сверхурочных в случае их наличия
Несоблюдение на работе законодательства	**Обеспечивает ли Вам работодатель?** *УЧИТЫВАЛИСЬ ОТВЕТЫ «НЕТ»* — Официальное оформление на работу по письменному трудовому контракту или по приказу — «Белую» зарплату — Оплату отпуска и больничного листа в предусмотренном российским законодательством размерах
Риски длительной безработицы	**Оказывались ли Вы за последний год (включая нынешний момент) в ситуации, когда Вы нигде не работали и не учились более трех месяцев подряд?** — Да

Показатели	Операционализация
3. СУБШКАЛА «ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ И НАРАЩИВАНИЯ СВОЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»	
Позитивная привилегированность	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	**Каков вид Вашей профессиональной деятельности?** — Студенты вузов **Какое образование Вы получили?** — Незаконченное высшее — Высшее гуманитарное, в т.ч. экономическое — Высшее техническое или естественнонаучное — Два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук **Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств:** – Платные образовательные услуги для взрослых (вуз, курсы, частные уроки и т.п.) **Как Вы за последние 3 года пополняли свои знания?** – Брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника + *ДРУГИЕ ПЛАТНЫЕ ВИДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ* **Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств:** – Платные образовательные учреждения или услуги для детей (кружки, музыкальная школа, частные уроки, частные школы или детские сады и другое)

Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируются государством, формы заботы о здоровье	*ПРИ УСЛОВИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ ИЗ-ЗА НИЗКОГО КАЧЕСТВА БЕСПЛАТНЫХ АНАЛОГОВ* **Использовали ли Вы за последние 3 года за счет собственных средств:** — Платные медицинские услуги для взрослых — Платные оздоровительные услуги для взрослых (санатории, дома отдыха, клубы здоровья, спортивные и оздоровительные секции и другое) — Платные медицинские услуги для детей — Платные оздоровительные учреждения для детей (в том числе спортшколы и пионерлагеря)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	Для каких задач Вы используете Интернет? *НЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ДЛЯ ДВУХ ЗАДАЧ (НАПРИМЕР, РАБОТА + СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ) ПРИ УСЛОВИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ НЕ РЕЖЕ НЕСКОЛЬКИХ РАЗ В НЕДЕЛЮ*
Негативная привилегированность	
Недоступность необходимого образования	Как вы оцениваете свои возможности получения образования и знаний, которые Вам необходимы? — Плохо **Удалось ли Вам реализовать такую жизненную цель, как получить хорошее образование?** — Хотелось бы его получить, но вряд ли смогу добиться этого **Какое образование Вы получили?** — Начальное — Неполное среднее

Показатели	Операционализация
Вероятность значимого ухудшения здоровья	**Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?** — Проблемы с получением необходимой медицинской помощи
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни	**Имеет ли Ваша семья (т.е. все проживающие <u>совместно с Вами</u> родственники) следующие предметы?** *НЕ ИМЕЮТ НИЧЕГО ИЗ ЭТИХ ТРЕХ ПРЕДМЕТОВ* — Планшет, айпад — Компьютер, в том числе ноутбук — Айфон, смартфон Какие из перечисленных ниже навыков Вы используете на своей работе? — Работа на компьютере *НЕ ИМЕЮТ ЭТОГО НАВЫКА*
4. СУБШКАЛА «ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ДОСУГА»	
Позитивная привилегированность	
Хорошие возможности проведения отпуска	**Как Вы оцениваете свои возможности отдыха в период отпуска?** — Хорошо
	Имеет ли Ваша семья (т.е. все проживающие <u>совместно с Вами</u> родственники) следующие предметы: 1. Телевизор жидкокристаллический или плазменный 2. Телевизор цветной обычный 3. Холодильник 4. Пылесос 5. Стиральная машина-автомат

Возможность расширенного стилевого товарного потребления	6. Микроволновая печь, кухонный комбайн и т.п. кухонная техника 7. Планшет, айпад 8. Отечественный автомобиль 9. Автомобиль-иномарка (в т.ч. собранный в России) 10. Видеокамера, цифровой фотоаппарат 11. Посудомоечная машина 12. Компьютер, в том числе ноутбук 13. Айфон, смартфон 14. Мобильный телефон 15. Кондиционер 16. Антенна спутникового телевидения *УЧИТЫВАЛОСЬ НАЛИЧИЕ БОЛЕЕ 1,25 МЕДИАНЫ ТДП (9 и более), при этом ТДП определенных категорий считались следующим образом:* Базовый набор ТДП (ТВ, холодильник, стиралка, пылесос, мобильный-смартфон, кухонная техника). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу. Компьютер и компьютерная техника (ПК, ноутбук, планшет и т.п.). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу. Гаджеты (фото- и видеотехника, MP3, GPS) учитывались как один ТДП в случае наличия хотя бы чего-то одного из данной группы. Домашняя аудио- и видео-техника *(DVD, видеомагнитофон, домашний кинотеатр и пр.) учитывались как один ТДП в случае наличия хотя бы чего-то одного из данной группы.* Редкие и престижные товары домашнего пользования (кондиционер, посудомоечная машина и прочее). Каждый из этих видов ТДП принимался за единицу.

Показатели	Операционализация
Особая комфортность жилищных условий	*ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ФИЛЬТР* **Имеет ли Ваше нынешнее жилье все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)?** — Да **Сколько квадратных метров общей площади (включая кухню, коридор и т.д.) приходится на каждого члена Вашей семьи?** 36 кв. м – на первого члена домохозяйства и +18 на каждого последующего, т.е.: 54 кв. м – для домохозяйства из 2 членов 72 кв. м – для домохозяйства из 3 членов и т.д. *ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ПРОЖИВАЛ В ТАУНХАУЗЕ ИЛИ КОТТЕДЖЕ, ГДЕ МНОГИЕ КОММУНАЛЬНЫЕ УДОБСТВА ИМЕЮТ АВТОНОМНЫЙ ХАРАКТЕР, ТО ФИЛЬТР ПО НАЛИЧИЮ ОСНОВНЫХ КОММУНАЛЬНЫХ УДОБСТВ НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ*
Негативная привилегированность	
Наличие пищевых депривaций	**Как Вы оцениваете свое питание в настоящее время?** — Плохо **Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?** — Плохое питание

Суженный стандарт предметного потребления	**Как Вы оцениваете свою ситуацию с одеждой в настоящее время?** — Плохо **Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?** — Проблемы с одеждой или обувью Число ТДП *ТА ЖЕ МЕТОДИКА РАСЧЕТА ОБЩЕГО ЧИСЛА ТДП, ЧТО И ДЛЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ПОЗИТИВНОЙ ПРИВИЛЕГИРОВАННОСТИ В ДАННОЙ ОБЛАСТИ, НО УЧИТЫВАЛОСЬ ЧИСЛО ТДП МЕНЕЕ 0,75 МЕДИАНЫ (т.е. 5 и менее)*
Плохие жилищные условия	**Имеет ли Ваше нынешнее жилье все основные коммунальные удобства (центральное отопление, водоснабжение, канализация, электричество)?** — Нет *РАСЧЕТНЫЙ КОД НА ДВУХ ВОПРОСАХ, ВЫДЕЛЯЮЩИЙ ИМЕЮЩИХ МЕНЕЕ 12 КВ. М НА ЧЕЛОВЕКА:* **Площадь жилища в кв. м** **Количество членов семьи**

* Прописным курсивом выделены комментарии, относящиеся к расчету соответствующих позиций при построении Индекса ЖШиР.

Приложение 2.3

Распространенность признаков позитивной привилегированности среди россиян, 2015 г., %

Число признаков позитивной привилегированности	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
0	15,2	24,3
1	25,7	21,0
2	21,2	17,1
3	17,0	14,3
4	10,3	9,9
5	6,2	6,3
6	2,8	3,6
7	1,1	2,4
8	0,4	0,7
9	0,2	0,4
10	0	0,1
11	0	0
12	0	0

Приложение 2.4

Распространенность признаков негативной привилегированности среди россиян, 2015 г., %

Число признаков негативной привилегированности	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
0	9,8	15,1
1	21,6	23,0
2	26,7	21,5
3	21,5	17,2
4	12,6	11,8
5	5,2	6,8
6	1,8	2,9
7	0,6	1,2
8	0,1	0,4
9	0,0	0,2
10	0	0
11	0	0
12	0	0

Приложение 2.5

Распространенность признаков позитивной привилегированности среди россиян, 2018 г., %

Число признаков позитивной привилегированности	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
0	12,3	21,0
1	25,1	22,6
2	21,7	19,7
3	17,7	15,7
4	11,9	9,3
5	6,4	5,8
6	3,1	3,6
7	1,1	1,6
8	0,6	0,7
9	0,1	0,2
10	0	0,1
11	0	0
12	0	0

Приложение 2.6

Распространенность признаков негативной привилегированности среди россиян, 2018 г., %

Число признаков негативной привилегированности	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
0	12,1	18,1
1	24,6	22,5
2	26,6	22,4
3	20,0	16,1
4	10,4	9,2
5	4,3	5,1
6	1,4	2,5
7	0,5	0,8
8	0,1	0,2
9	0	0,1
10	0	0,1
11	0	0
12	0	0

Приложение 2.7

Данные, использованные для построения общей (интегральной) модели стратификации массовых слоев россиян по ИЖШиР на двух массивах данных, 2015 г., %

Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
12	0	0
11	0	0
10	0	0
9	0,1	0,30
8	0,2	0,30
7	0,4	1,10
6	1,0	2,10
5	2,3	4,20
4	4,4	5,20
3	7,7	7,80
2	11,1	9,90
1	12,6	11,70
0	14,4	11,80
–1	14,7	11,7
–2	12,8	11,0
–3	9,3	9,8
–4	5,5	6,6
–5	2,3	4,1
–6	0,9	1,6
–7	0,3	0,7
–8	0,1	0,3
–9	0	0,1
–10	0	0
–11	0	0
–12	0	0

Приложение 2.8

Данные, использованные для построения общей (интегральной) модели стратификации массовых слоев россиян по ИЖШиР на двух массивах данных, 2018 г., %

Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР	РМЭЗ НИУ ВШЭ	ИС ФНИСЦ РАН
12	0	0
11	0	0
10	0	0,1
9	0	0,10
8	0,2	0,30
7	0,5	1,10
6	1,2	1,90
5	2,3	3,30
4	5,3	5,10
3	8,7	7,80
2	12,1	10,60
1	14,5	12,30
0	15,4	14,60
–1	14,0	13,1
–2	11,4	11,9
–3	7,5	8,4
–4	4,2	4,7
–5	1,8	2,4
–6	0,6	1,5
–7	0,3	0,5
–8	0	0,1
–9	0	0,1
–10	0	0,1
–11	0	0
–12	0	0

Приложение 2.9

Данные, использованные для построения общей (интегральной) модели стратификации массовых слоев россиян по ИЖШиР на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2018–2020 гг., %

Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР	РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018	РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019	РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2020
12	0	0	0
11	0	0	0
10	0	0	0
9	0	0	0
8	0,2	0,1	0,1
7	0,5	0,5	0,2
6	1,2	1,1	0,5
5	2,3	2,7	1,1
4	5,3	5,0	2,6
3	8,7	8,5	6,0
2	12,1	12,1	11,4
1	14,5	15,9	16,4
0	15,4	15,9	18,5
–1	14,0	14,1	17,4
–2	11,4	11,2	12,1
–3	7,5	7,2	7,4
–4	4,2	3,4	3,7
–5	1,8	1,5	1,7
–6	0,6	0,6	0,6
–7	0,3	0,2	0,2
–8	0	0,1	0
–9	0	0	0
–10	0	0	0
–11	0	0	0
–12	0	0	0

Приложение 2.10

Доля имеющих различные показатели привилегированности по отдельным сферам жизни в разных стратах, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %*

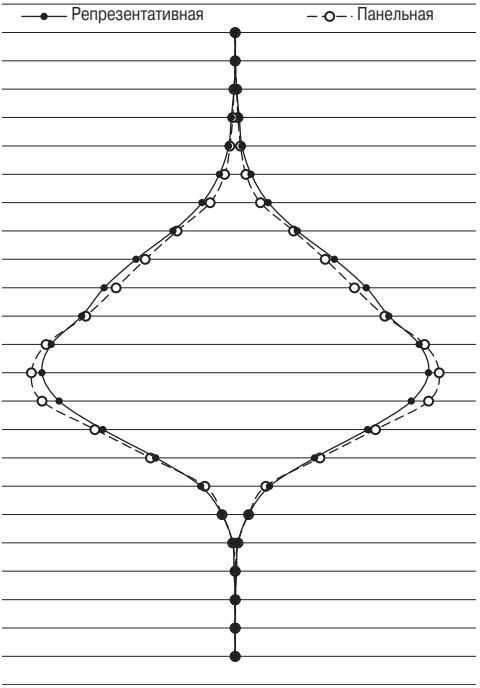
Значения субиндексов по отдельным шкалам, отражающим ситуацию в различных сферах жизни	Страты			*Поляризация, разы***
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
Экономические условия жизни				
Положительные	2,2	13,3	44,0	*20,0*
Нулевые	51,3	62,0	50,5	*0,98*
Отрицательные	43,5	24,8	5,5	*0,02*
Ситуация на работе				
Положительные	1,8	11,8	44,0	*24,44*
Нулевые	68,4	71,8	49,6	*0,73*
Отрицательные	29,9	16,4	6,4	*0,21*
Возможности сохранения и наращивания своего человеческого капитала				
Положительные	4,6	47,7	92,4	*20,09*
Нулевые	14,7	30,9	6,9	*0,47*
Отрицательные	80,7	21,4	0,7	*0,009*
Особенности потребления и досуга				
Положительные	4,1	34,9	80,0	*19,51*
Нулевые	28,3	46,4	18,4	*0,65*
Отрицательные	67,6	18,7	1,6	*0,02*

* Серым фоном в таблице выделены максимальные значения в каждой страте по отдельным субшкалам в случае, если они превышали 50%.

** Соотношение долей с соответствующими значениями Индекса в верхней и нижней стратах. Темным фоном и белым шрифтом выделены максимальные показатели поляризации в жизненных шансах и рисках применительно ко всем четырем рассматриваемым сферам жизни.

Приложение 3.1

Конфигурация моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на репрезентативной и панельной базах данных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013 г., %



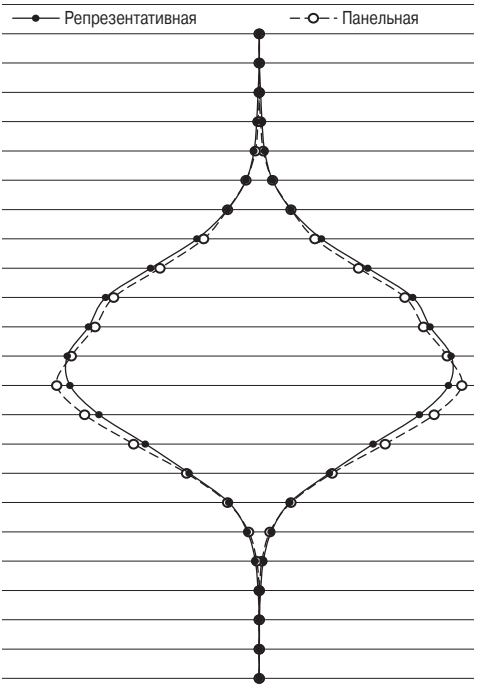
Значение ИЖШиР	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Репрезентативная	Панельная
12	0,0	0,0
11	0,0	0,0
10	0,0	0,0
9	0,1	0,1
8	0,3	0,2
7	0,5	0,4
6	1,2	0,8
5	2,5	1,9
4	4,7	4,4
3	7,5	6,8
2	9,9	9,0
1	11,6	11,3
0	13,9	14,4
–1	14,6	15,5
–2	13,3	14,7
–3	10,0	10,6
–4	6,0	6,4
–5	2,6	2,3
–6	1,0	1,0
–7	0,2	0,2
–8	0,1	0,0
–9	0,0	0,0
–10	0,0	0,0
–11	0,0	0,0
–12	0,0	0,0

Репрезентативная база данных:
Нижняя страта 33,2%,
Средняя страта 50,0%,
Верхняя страта 16,8%

Панельная база данных:
Нижняя страта 35,2%,
Средняя страта 50,1%,
Верхняя страта 14,7%

Приложение 3.2

Конфигурация моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на репрезентативной и панельной базах данных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2015 г., %



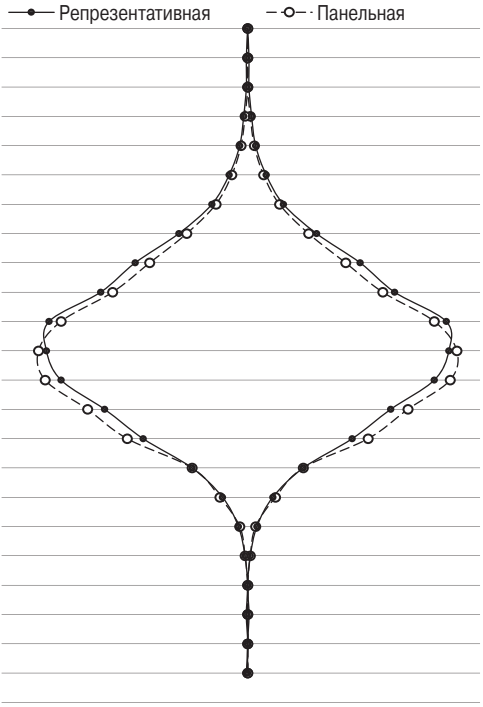
Значение ИЖШиР	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Репрезентативная	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Панельная
12	0,0	0,0
11	0,0	0,0
10	0,0	0,0
9	0,1	0,0
8	0,2	0,1
7	0,4	0,3
6	1,0	1,0
5	2,4	2,4
4	4,7	4,2
3	8,2	7,5
2	11,6	11,0
1	12,9	12,4
0	14,6	14,2
–1	14,3	15,3
–2	12,1	13,2
–3	8,6	9,5
–4	5,3	5,5
–5	2,3	2,4
–6	0,9	0,8
–7	0,3	0,2
–8	0,1	0,0
–9	0,0	0,0
–10	0,0	0,0
–11	0,0	0,0
–12	0,0	0,0

Репрезентативная база данных:
Нижняя страта 29,6%,
Средняя страта 53,3%,
Верхняя страта 17,1%

Панельная база данных:
Нижняя страта 31,5%,
Средняя страта 52,9%,
Верхняя страта 15,5%

Приложение 3.3

Конфигурация моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на репрезентативной и панельной базах данных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г., %



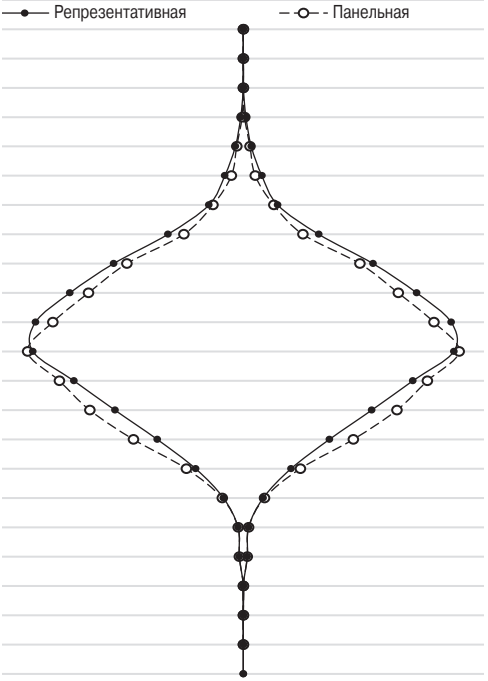
Значение ИЖШиР	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Репрезентативная	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Панельная
12	0,0	0,0
11	0,0	0,0
10	0,1	0,0
9	0,1	0,0
8	0,3	0,2
7	0,6	0,5
6	1,4	1,2
5	2,7	2,4
4	5,2	4,6
3	8,5	7,4
2	11,1	10,2
1	15,0	14,1
0	15,1	15,8
–1	14,0	15,3
–2	10,8	12,1
–3	7,9	9,1
–4	4,2	4,2
–5	1,9	2,1
–6	0,7	0,6
–7	0,2	0,2
–8	0,0	0,0
–9	0,1	0,0
–10	0,0	0,0
–11	0,1	0,0
–12	0,0	0,0

Репрезентативная база данных:
Нижняя страта 25,8%,
Средняя страта 55,4%,
Верхняя страта 18,8%

Панельная база данных:
Нижняя страта 28,4%,
Средняя страта 55,3%,
Верхняя страта 16,3%

Приложение 3.4

Конфигурация моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на репрезентативной и панельной базах данных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %



Значение ИЖШиР	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Репрезентативная	Доля имеющих соответствующий показатель ИЖШиР: Панельная
12	0,0	0,0
11	0,0	0,0
10	0,0	0,0
9	0,0	0,0
8	0,2	0,1
7	0,6	0,5
6	1,4	0,9
5	2,6	2,3
4	5,7	4,5
3	9,8	8,8
2	13,1	11,7
1	15,8	14,4
0	16,0	16,4
–1	12,8	13,9
–2	9,7	11,6
–3	6,5	8,3
–4	3,6	4,3
–5	1,5	1,6
–6	0,4	0,4
–7	0,3	0,3
–8	0,0	0,0
–9	0,0	0,0
–10	0,0	0,0
–11	0,0	0,0
–12	0,0	0,0

Репрезентативная база данных:
Нижняя страта 21,9%,
Средняя страта 57,6%,
Верхняя страта 20,5%

Панельная база данных:
Нижняя страта 26,5%,
Средняя страта 56,3%,
Верхняя страта 17,2%

Приложение 3.5

Сравнение панельной и репрезентативной выборок по базовым социально-демографическим срезам, россияне в возрасте 22 лет и старше*, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Показатель	Панельная выборка за период 2013–2018 гг., данные 2018 г.	Репрезентативная выборка, 2018 г.
Пол		
Мужской	39,5	45,1
Женский	60,5	54,9
Типы поселений		
Областные центры	36,0	41,1
Иные города	24,8	26,3
Поселки городского типа	7,9	6,9
Села	31,2	25,6
Возрастной состав		
22–30 лет	8,8	24,5
30–40 лет	16,2	17,7
40–50 лет	18,2	18,1
50–60 лет	20,0	18,5
Старше 60 лет	36,8	21,2

* Данная возрастная граница объясняется тем, что в панель, начиная с 2013 г., входили только совершеннолетние россияне, т.е. к 2018 г. минимальный возраст участника панели составлял 22 года.

Приложение 4.1.

Распространенность признаков позитивной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Число признаков позитивной привилегированности	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность
0	11,3	16,9	19,8	29,8
1	15,9	23,9	22,7	23,5
2	18,2	21,2	18,7	19,8
3	23,3	15,3	16,5	12,4
4	11,8	9,9	10,2	6,9
5	10,1	5,9	6,2	3,6
6	5,3	4,2	3,9	2,1
7	3,5	1,7	1,1	1,2
8	0,7	0,9	0,6	0,5
9	0	0,3	0,2	0,2
10	0	0	0,1	0,1
11	0	0	0	0
12	0	0	0	0

Приложение 4.2

Распространенность признаков негативной привилегированности среди россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Число признаков негативной привилегированности	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность
0	19,8	23,9	19,1	10,6
–1	28,6	28,3	26,0	21,0
–2	29,0	20,4	22,8	21,6
–3	12,4	14,8	14,9	20,1
–4	6,5	8,2	8,1	12,4
–5	2,5	3,7	4,4	8,2
–6	1,2	0,7	3,0	4,3
–7	0	0	1,0	1,5
–8	0	0	0,4	0,3
–9	0	0	0	0,2
–10	0	0	0,2	0
–11	0	0	0	0,1
–12	0	0	0	0

Приложение 4.3

Значение Индекса жизненных шансов и рисков для россиян из разных типов поселений, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

Значение интегрального Индекса	Столицы	Центры субъектов РФ	Районные центры	Сельская местность
10	0	0	0,1	0,1
9	0	0,1	0,1	0,2
8	0,5	0,3	0,2	0,3
7	2,5	1,3	0,8	0,5
6	1,2	2,2	3,0	0,6
5	6,7	4,4	2,2	2,1
4	8,3	5,4	5,8	3,0
3	11,1	8,5	8,7	4,9
2	13,6	13,0	11,0	9,1
1	12,0	13,7	12,8	9,1
0	18,0	15,3	14,3	13,1
–1	9,9	14,5	12,2	13,9
–2	9,4	10,5	11,7	14,3
–3	3,7	5,6	8,0	13,1
–4	1,6	3,5	3,9	7,7
–5	0,7	1,5	2,2	4,0
–6	0,9	0,3	1,8	2,5
–7	0	0	0,6	0,2
–8	0	0	0,2	0,2
–9	0	0	0	0
–10	0	0	0,2	0
–11	0	0	0	0,1

Приложение 5.1

Условные обозначения, используемые в главе 5

Экономические условия жизни	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	э_пп1
Наличие иной недвижимости	э_пп2
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	э_пп3
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	э_нп1
Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств	э_нп2
Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	э_нп3
Ситуация на работе	
Наличие ресурса влияния на работе	пс_пп1
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	пс_пп2
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	пс_пп3
Риски длительной безработицы	пс_нп1
Несоблюдение на работе законодательства	пс_нп2
Неблагоприятные условия занятости	пс_нп3
Возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала	
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	оз_пп1
Возможность использовать относительно лучшие, чем гарантируется государством, формы заботы о здоровье	оз_пп2
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	оз_пп3
Недоступность необходимого образования	оз_нп1
Вероятность значимого ухудшения здоровья	оз_нп2
Отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни	оз_нп3
Особенности потребления и досуга	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления	пд_пп1
Особая комфортность жилищных условий	пд_пп2
Хорошие возможности проведения отпуска	пд_пп3
Суженный стандарт предметного потребления	пд_нп1
Плохие жилищные условия	пд_нп2
Наличие пищевых депривацией	пд_нп3

Приложение 5.2

Апостериорные оценки стандартного отклонения вероятности классовой принадлежности

Классы	Стандартное отклонение вероятности	
	2015	2018
ВСК	0.013	0.010
ССК	0.010	0.016
НСК	0.018	0.017
НК в Э	0.014	0.014
НК вне Э	0.011	0.013

Приложение 5.3

Апостериорные оценки стандартного отклонения вероятности связи классов и признаков

	2015					
Классы	**э_пп1**	**э_пп2**	**э_пп3**	**э_нп1**	**э_нп2**	**э_нп3**
НК вне Э	0.003	0.009	0.007	0.010	0.011	0.013
НК в Э	0.005	0.015	0.008	0.019	0.011	0.023
НСК	0.006	0.019	0.010	0.014	0.008	0.019
ССК	0.014	0.025	0.016	0.011	0.012	0.020
ВСК	0.020	0.033	0.029	0.015	0.013	0.015
	пс_пп1	**пс_пп2**	**пс_пп3**	**пс_нп1**	**пс_нп2**	**пс_нп3**
НК вне Э	0.007	0.007	0.001	0.016	0.018	0.005
НК в Э	0.027	0.011	0.007	0.021	0.030	0.025
НСК	0.026	0.025	0.009	0.013	0.028	0.018
ССК	0.013	0.014	0.003	0.017	0.017	0.010
ВСК	0.021	0.037	0.016	0.015	0.029	0.023
	оз_пп1	**оз_пп2**	**оз_пп3**	**оз_нп1**	**оз_нп2**	**оз_нп3**
НК вне Э	0.009	0.011	0.004	0.020	0.013	0.019
НК в Э	0.020	0.016	0.018	0.024	0.013	0.030
НСК	0.020	0.016	0.029	0.022	0.010	0.014
ССК	0.023	0.021	0.011	0.021	0.014	0.019
ВСК	0.030	0.024	0.027	0.012	0.013	0.011

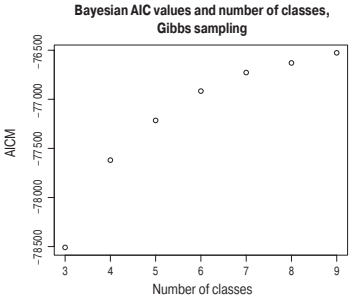
	п_пп1	**п_пп2**	**п_пп3**	**п_нп1**	**п_нп2**	**п_нп3**
НК вне Э	0.008	0.003	0.011	0.015	0.020	0.014
НК в Э	0.014	0.019	0.005	0.017	0.025	0.021
НСК	0.021	0.027	0.006	0.008	0.009	0.015
ССК	0.021	0.028	0.008	0.011	0.004	0.017
ВСК	0.039	0.032	0.010	0.004	0.003	0.016

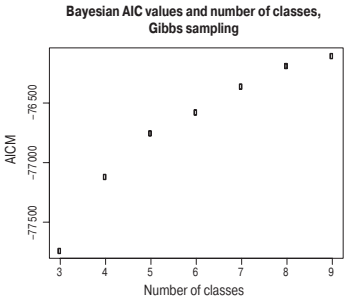
2018

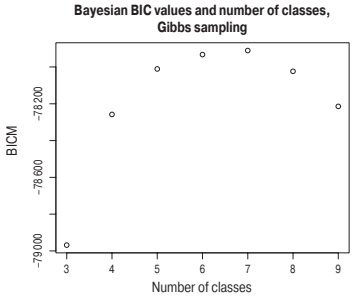
Классы	**э_пп1**	**э_пп2**	**э_пп3**	**э_нп1**	**э_нп2**	**э_нп3**
НК вне Э	0.002	0.014	0.008	0.012	0.012	0.011
НК в Э	0.007	0.014	0.006	0.021	0.010	0.024
НСК	0.007	0.013	0.007	0.012	0.008	0.011
ССК	0.013	0.028	0.020	0.011	0.012	0.018
ВСК	0.014	0.023	0.021	0.011	0.006	0.011
	пс_пп1	**пс_пп2**	**пс_пп3**	**пс_нп1**	**пс_нп2**	**пс_нп3**
НК вне Э	0.015	0.008	0.002	0.015	0.017	0.008
НК в Э	0.023	0.015	0.006	0.024	0.034	0.024
НСК	0.023	0.012	0.008	0.011	0.020	0.016
ССК	0.036	0.032	0.006	0.016	0.035	0.024
ВСК	0.026	0.029	0.014	0.013	0.024	0.021
	оз_пп1	**оз_пп2**	**оз_пп3**	**оз_нп1**	**оз_нп2**	**оз_нп3**
НК вне Э	0.009	0.014	0.006	0.022	0.017	0.028
НК в Э	0.018	0.017	0.021	0.027	0.016	0.030
НСК	0.017	0.016	0.025	0.019	0.013	0.007
ССК	0.026	0.025	0.029	0.023	0.017	0.024
ВСК	0.023	0.023	0.031	0.006	0.014	0.010
	п_пп1	**п_пп2**	**п_пп3**	**п_нп1**	**п_нп2**	**п_нп3**
НК вне Э	0.010	0.005	0.012	0.015	0.021	0.017
НК в Э	0.017	0.013	0.005	0.018	0.024	0.023
НСК	0.009	0.014	0.005	0.009	0.008	0.014
ССК	0.049	0.034	0.014	0.009	0.009	0.018
ВСК	0.034	0.026	0.012	0.007	0.006	0.011

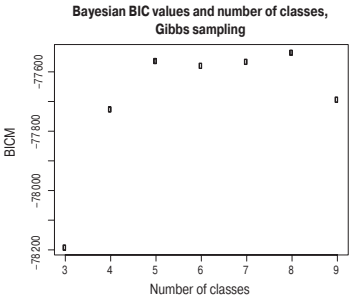
Критерии качества моделей социальной структуры с разным количеством классов, выделенных методом MCMC, 2015 и 2018 гг.

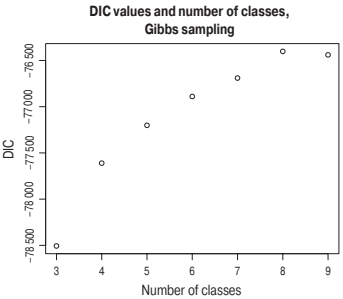
2015 г. **2018 г.**

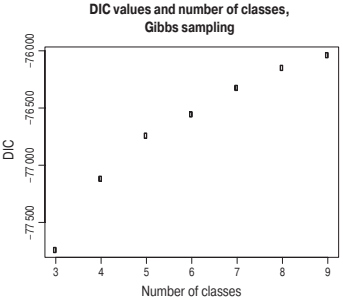












Примечание: для метода MCMC были рассчитаны аналоги стандартных информационных критериев для байесовских моделей – AICM и BICM, а также DIC. В соответствии с рекомендацией [White, Murphy, 2014], выбирается то количество классов, которое соответствует максимальному значению информационного критерия.

Приложение 5.4

Анализ устойчивости выделения классов с помощью кросс-валидации, метод MCMC

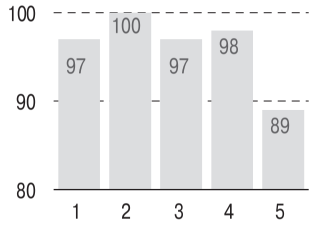
2015 г.

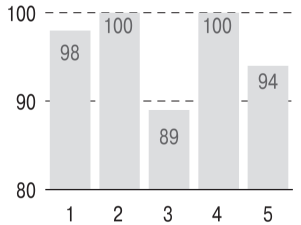
		Тестовая выборка				
		1	**2**	**3**	**4**	**5**
Полная выборка	**1**	111	0	0	1	5
	2	0	99	2	0	0
	3	2	0	77	0	0
	4	1	0	0	60	0
	5	0	0	0	0	42

2018 г.

		Тестовая выборка				
		1	**2**	**3**	**4**	**5**
Полная выборка	**1**	125	0	7	0	2
	2	0	80	2	0	0
	3	2	0	71	0	1
	4	1	0	0	62	0
	5	0	0	0	0	48

% корректно предсказанных случаев классовой принадлежности
(от числа респондентов в тестовой выборке):





Примечание: тестовая выборка 400 респондентов. Обучающая выборка 3600 респондентов. Полная выборка 4000 респондентов. Номера от 1 до 5 обозначают группы (классы), ранжированные в порядке убывания численности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авраамова Е.М. (2018). Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития / Е.М. Авраамова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Авраамова Е.М. (2006). О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // Общественные науки и современность. №. 3. С. 18–22.

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002а). Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (59). С. 13–17.

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002б). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. № 5. С. 24–34.

Адаптационные стратегии населения (2003) / Под ред. *Е.М. Авраамовой* СПб.

Аникин В.А. (2020). Социальные классы новой России: неравные и разные // Социологические исследования. № 2. С. 31–42.

Аникин В.А. (2019). Прекаризация среднего класса в новой России: о чем говорят результаты исследования гетерогенных средних слоев? // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 4. С. 39–54.

Аникин В.А. (2018а). Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 39–67.

Аникин В.А. (2018б). Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств // Вестник Института социологии. Т. 27. № 4. С. 44–63.

Аникин В.А. (2016). Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 203–232.

Аникин В.А. (2013). Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // Terra Economicus. Т. 11. № 2. С. 41–68.

Аникин В.А. (2009). Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994–2006 гг. (по материалам RLMS) // Мир России: Социология, этнология. Т. 18. № 3. С. 114–131.

Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2016). Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика. // Общество и экономика. № 1. С. 78–144.

Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014). Бедность в России на фоне других стран // Мир России. Социология. Этнология. Т. 23. № 4. С. 59–95.

Аткинсон Э. (2018). Неравенство: как с ним быть? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Бедность и бедные в современной России (2014) / Под ред. *М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой*. М.: Издательство «Весь Мир».

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография (1998). М. (Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги; Вып. 24).

Бурдье П. (2005). Социология социального пространства / В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Бурдье П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Герасимова С.Б. (2005). Стратегии выживания семей в условиях рыночной экономики // Изучение проблем бедности в России. М.: «Алекс». С. 190–206.

Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2014). Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 18. № 2. С. 216–248.

Голенкова З.Т. (2014). Избранные труды. М.: Новый хронограф.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (195). С. 47–57.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2016). Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: (понятие, структура, динамика развития) // Вестник Института социологии. № 18. С. 13–23.

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2012). Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы. Palmarium (academic publishing).

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2008). Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. № 7. С. 75–85.

Голиусова Ю.В. (2017). Прекариат в социальной структуре российского общества // Социальное пространство российских регионов / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН. С. 100–107.

Гордон Л.А. (2001). Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–21.

Гордон Л.А. (1994). Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. №. 8. С. 3–15.

Гордон Л., Терехин А., Бузилова Е. (1998). Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по

данным «Мониторинга экономических и социальных перемен») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 43–53.

Гордон Л.А., Терехин А.Т., Бузилова Е.В. (1997). Эмпирический многомерно-статистический анализ социальной структуры современного российского общества // Отчет о НИР № 97-06-80340 (Российский фонд фундаментальных исследований).

Готово ли российское общество к модернизации? (2010) / Под ред. *М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой*. М.: Издательство «Весь Мир».

Давыдова Н.М. (2003). Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. № 6. С. 88–96.

Данилова Е.Н., Ядов В.А. (2004). Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. № 10. С. 27–30.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа (2018) / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. *М.К. Горшков, В.В. Петухов*. М.: Издательство «Весь Мир».

Жвитиашвили А.Ш. (2015). Социально-классовая структура российского общества: тенденции развития // Власть. № 4. С. 64–69.

Заславская Т.И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. №. 3. С. 5–21.

Изменяющаяся Россия в зеркале социологии (2004) / Под ред. *М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой*. М.: Летний сад.

Ильин В.И. (2008). Модели классообразования в посткоммунистическом мире // Мир России. Т. 17. № 2. С. 3–21.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики) (2021). № 2.

Капелюшников Р.И. (2017). Неравенство: Как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.

Каравай А.В. (2021). Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 4. С. 42–60.

Каравай А.В. (2020а). Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX – начале XXI в. // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). С. 144–159.

Каравай А.В. (2020б). Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // Социологическая наука и социальная практика. С. 63–78.

Каравай А.В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. № 3. С. 128–145.

Каравай А.В. (2016). Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 1–15.

Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура // М.: ГУ ВШЭ.

Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.

Козырева П.М. (2013). Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф.

Козырева П.М. (2011). Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. № 6. С. 24–35.

Коленникова Н.Д. (2017). Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5 (141). С. 214–232.

Косова Л.Б. (2016). В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Т. 22. № 3–4. С. 43–52.

Куценко О.Д. (2000). Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. Харьков: Изд-во Харьковск. гос. ун-та им. В.Н. Каразина.

Лежнина Ю.П. (2019). Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 2. С. 207–222.

Лежнина Ю.П. (2011). Низший класс в России: роль социальной политики в замедлении процесса его формирования // Журнал исследований социальной политики. № 9. С. 455–472.

Лукьянова А.Л. (2010). Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 14. № 3. С. 326–348.

Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? (2008) / Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. № 5. М.: Институт социологии РАН.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. (2013). Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. № 7. С. 91–106.

Мареева С.В. (2018а). Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 365–385.

Мареева С.В. (2018б). Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. Т. 3. № 26. С. 101–120.

Мареева С.В., Тихонова Н.Е. (2016). Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: социология, этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Маршак А.Л. (2021). Социология социальной структуры общества: историческая ретроспектива // Гуманитарий Юга России. Т. 10. № 2. С. 12–26.

Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. Изд-во Института Гайдара.

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / *Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк*; под ред. доктора социологических наук *Н.Е. Тихоновой*. М.; СПб.: Нестор-История.

Модернизация социальной структуры российского общества (2008) / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН.

Наемный работник в современной России (2015) / Отв. ред. *З.Т. Голенкова*. М.: Новый хронограф.

Овчарова Л.Н. (2008). Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // Мир России: Социология, этнология. Т. 17. № 2. С. 41–68.

Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Формы и масштабы неблагополучия семей с детьми / Народонаселение современной России: риски и возможности. М.: Экономическое обозрение. С. 122–131.

Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 31. № 3. С. 170–185.

Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Пишняк А.И., Зубаревич Н.В., Горина Е.А., Бирюкова С.С., Нагерняк М.А., Калабихина И.Е., Ковалевский А.Р. (2011). Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: Детский фонд ООН – ЮНИСЕФ.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность (2013) / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь мир».

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А.Л. Дунаев, науч. ред. пер. А.Ю. Володин. М.: Ад Маргинем Пресс.

Попова И.П. (2017). Профессиональная карьера в сфере науки и технологий – к проблеме устойчивости // Социологические исследования. № 12. С. 124–134.

Попова И.П. (2016). Образование и преемственность российских инженеров: новые вызовы, старые проблемы // Alma mater (Вестник высшей школы). № 11. С. 3–8.

Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Коллективная монография (2013) / Под ред. В.А. Мансурова. М.: ИС РАН, РОС.

Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп: [монография] (2020) / В.А. Мансуров [и др.]; отв. ред. *В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова*; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН.

Радаев В.В. (2003). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–16.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. (1996). Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс.

Ромм М.В. (2002). Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая (2017) / *М.К. Горшков* [и др.]; под ред. *М.К. Горшкова, В.В. Петухова.* М.: Издательство «Весь Мир».

Российское общество и вызовы времени. Книга третья (2016а) / *М.К. Горшков* [и др.]; под ред. *Горшкова М.К.*, *Тихоновой Н.Е.* М.: Издательство «Весь Мир».

Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая (2016б) / *М.К. Горшков* [и др.]; под ред. *Горшкова М.К., Петухова В.В.* М.: Издательство «Весь Мир».

Российское общество и вызовы времени. Книга первая (2015а) / *М.К. Горшков* [и др.]; под ред. *Горшкова М.К.*, *Петухова В.В.*; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир».

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая (2015б) / *М.К.Горшков* [и др.]; отв. ред. *Горшков М.К.*, *Петухов В.В.* М.: Издательство «Весь Мир».

Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс (2004) / Под ред. *М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой*. М.: Наука.

Салмина А.А. (2007). Запрос россиян на сокращение неравенства и факторы его формирования в сравнении с другими европейскими странами // Власть. № 2. С. 27–37.

Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (2019) / *С.С. Бирюкова, Е.А. Горина, А.Р. Горяйнова* и др.; под ред. *Л.Н. Овчаровой*; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Слободенюк Е.Д. (2019а). Жизненные риски и низший класс в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 128. № 1–2. С. 43–54.

Слободенюк Е.Д. (2019б). Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 129. № 3–4. С. 85–96.

Соколов М.М. (2020). Описывают ли международные стратификационные схемы социальную структуру в России? № 8. С. 14–26.

Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе (2007) / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологи РАН.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект (2017) / Отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] (2019) / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. *В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко.* ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН.

Социальные неравенства и социальная политика в современной России (2008) / [Отв. ред. *М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова*]; Ин-т социологии РАН. М. : Наука.

Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований (2016) / Под ред. *М.К. Горшкова* и *Н.Е. Тихоновой*. М.: Издательство «Весь Мир».

Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. (2016). Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя (2018) / Отв. ред. *М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова*. М.: Издательство «Весь Мир».

Тихонов А.А. (2019). Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003–2018 гг. // Journal of Institutional Studies. Т. 11. № 3. С. 153–169.

Тихонова Н.Е. (2020). Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. № 1. С. 6–30.

Тихонова Н.Е. (2019а). «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. Т. 25. № 1. С. 27–47.

Тихонова Н.Е. (2019б). Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. № 2. С. 167–173.

Тихонова Н.Е. (2018а). Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.

Тихонова Н.Е. (2018б). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6 (410). С. 53–65.

Тихонова Н.Е. (2018в). Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. № 27. С. 11–43.

Тихонова Н.Е. (2017). Российское общество: «проклятие» социальной однородности или движение к классовой дифференциации? / В кн.: XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: *Е.Г. Ясин*. Кн. 1. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 9–17.

Тихонова Н.Е. (2015). «Русские горки» (изменения в социальной структуре России в посткоммунистический период) / В кн.: Четверть века после СССР: люди, общество, реформы. М.: Издательство Московского университета. Гл. 7. С. 200–233.

Тихонова Н.Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность. М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН.

Тихонова Н.Е. (2011). Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. № 5. С. 24–35.

Тихонова Н.Е. (2007а). Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН.

Тихонова Н.Е. (2007б). Социальная структура современной России // Свободная мысль. № 11. С. 43–62.

Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. № 9 (269). С. 28–39.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. (2018). Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5. С. 84–98.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. (2017а). Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 1–17.

Тихонова Н.Е., Каравай А.В. (2017б) Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. Социология. Этнология. 2017б. Т. 26. №. 3. С. 6–35.

Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. (2004). Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 120–130.

Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009). Средний класс: теория и реальность. М. : Альфа-М.

Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука.

Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

ФСГС РФ. (2021). Официальная статистика. «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода» (от 29.12.2021 г.). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723, дата обращения: 02.01.2022.

«Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (2021) / Под ред. *С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А Фаризовой* ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Черныш М.Ф. (2017). Информационные работники: профиль социальной группы // ИНТЕР. № 14. С. 31–44.

Черныш М.Ф. (2014). Цивилизационные основания общества и социальная структура // Социологический журнал. № 3. С. 6–32.

Черныш М.Ф. (2013). Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социологические исследования. № 8. С. 42–53.

Черныш М.Ф. (2010). Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. Вып. 9. М.: Новый Хронограф. С. 151–168.

Черныш М.Ф. (2008). Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН. С. 9–24.

Черныш М.Ф., Епихина Ю.Б., Попова И.П., Мастикова Н.С. (2014). Социальная группа юристов: мотивация вхождения в профессию и траектория мобильности. ИНАБ № 1. 2014. М.: Институт социологии РАН.

Шабанова М.А. (2001). Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. № 3. С. 78–104.

Шкаратан О.И. (2012). Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О.И. Шкаратан; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Шкаратан О.И., Ильин В.И. (2006). Социальная стратификация России и Восточной Европы. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2009). Энтропийный анализ как метод безгипотезного поиска реальных (гомогенных) социальных групп // Социологические исследования. № 2. С. 52–65.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2008). Российское неоэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 40–50.

Штомпка П. (2017). Справедливость [Гл.] / Пер. с пол. А.А. Зотов. Гл. Из кн.: Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. P. 232—250 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 381–399.

Alberti G., Bessa I., Hardy K., Trappmann V., Umney C. (2018). In, against and beyond precarity: Work in insecure times // Work, Employment and Society. 32 (3). PP. 447–457.

Alkire S., Seth S. (2013). Selecting a targeting method to identify BPL households in India // Social indicators research. Vol. 112. No. 2. PP. 417–446.

Allen K.R., Henderson A.C. (2016). Family theories: foundations and applications. John Wiley & Sons.

Andreß H.-J., Heien T. (2001). Four worlds of welfare state attitudes? A comparison of Germany, Norway, and the United States // European Sociological Review. 17 (4). PP. 337–356.

Anikin V.A. (2017). Russia in Post-Transition: New Frontiers // The Journal of Comparative Economic Studies. Vol. 12. PP. 79–100.

Anikin V.A, Lezhnina Y.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D., Tikhonova N.E. (2016). Income Stratification: Key Approaches and Application to Russia // NRU HSE. Series WP BRP / PSP «Public and Social Policy». No. 02/PSP/2016.

Anikin V.A., Lezhnina Y.P., Mareeva S.V., Tikhonova N.E. (2017). Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia / NRU HSE. Series WP BRP / «Sociology». No. 80/SOC/2017.

Arts W., Gelissen J. (2001). Welfare states, solidarity and justice principles: Does the type really matter? // Acta Sociologica. 44 (4). PP. 283–299.

Ashford S., Caza B., Reid E. (2018). From surviving to thriving in the gig economy: A research agenda for individuals in the new world of work // Research in Organizational Behavior. 38. PP. 23–41.

Bauman Z. (1994). Desert Spectacular. The Flaneur.–– 1st ed. Ed. by K. Tester. London: Routledge. PP. 138–157.

Baute S., Meuleman B., Abts K. (2018). Measuring Attitudes Towards Social Europe: A Multidimensional Approach // Social Indicators Research. 137 (1): 353–378.

Beck U. (2009). World at risk. Cambridge: Polity.

Becker G.S. (1981). A Treatise on the Family. Cambridge, Mass: Harvard Univ. Press.

Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy, Vol. 70. No. 5. Part 2. PP. 9–49.

Bengtson V.L., Allen K.R. (2009). The life course perspective applied to families over time / Sourcebook of family theories and methods. Springer, Boston, MA. PP. 469–504.

Berk R.A. (1980). The New Home Economics: An agenda for sociological research. In Women and Household Labor, ed. *S.F. Berk*, Beverly Hills. CA: Sage. PP. 113–148.

Best S. (2020). The Postmodern Turn In J. Scott (Ed.) The Emerald Guide to Zygmunt Bauman (PP. 75–90). Emerald Publishing Limited, Bingley.

Birkelund G.E., Goodman L.A., Rose D. (1996). The Latent Structure of Job Characteristics of Men and Women // American Sociological Review. Vol. 102. No. 1. PP. 80–113.

Blekesaune M. (2013). Economic strain and public support for redistribution: A comparative analysis of 28 European countries // Journal of Social Policy. 42 (1). PP. 57–72.

Blekesaune M., Quadagno J. (2003). Public Attitudes toward Welfare State Policies: A Comparative Analysis of 24 Nations // European Sociological Review. 19 (5). PP. 415–427.

Bourdieu P. (1991). Language and Symbolic Power. Trans. Gino Raymond and Matthew Adamson. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Bourdieu P. (1984). Distinction: A social critique of the judgement of taste. Harvard: Harvard University Press.

Bourdieu P. (1966). Condition de classe et position de classe // Archives européennes de sociologie. Vol. 7. No. 2. PP. 201–223.

Bourdieu P., Passeron J.C. (1990). Reproduction in education, society and culture. London: Sage. Vol. 4.

Busemeyer M.R., Goerres A., Weschle S. (2009). Attitudes towards redistributive spending in an era of demographic ageing: the rival pressures from age and income in 14 OECD countries. Journal of European Social Policy. 19 (3). PP. 195–212.

Breen R. (2005). Foundations of a neo-Weberian class analysis. Approaches to class analysis. Ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. PP. 31–50.

Brülle J., Gangl M., Levanon A., Saburov E. (2019). Changing labour market risks in the service economy: Low wages, part-time employment and the trend in working poverty risks in Germany // Journal of European Social Policy. 29 (1). PP. 115–129.

Castells M. (2000). Materials for an exploratory theory of the network society // British Journal of Sociology. Vol. 51. No. 1. PP. 5–24.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007). Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance // American sociological review. Vol. 72. No. 4. PP. 512–532.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004). Is there a status order in contemporary British society? Evidence from the occupational structure of friendship // European Sociological Review. Vol. 20. No. 5. PP. 383–401.

Chung H., Meuleman B. (2017). European parents' attitudes towards public childcare provision: the role of current provisions, interests and ideologies // European Societies. 19(1). PP. 49–68.

Coleman J.S. (1986). Social theory, social research, and a theory of action // American journal of Sociology. T. 91. №. 6. PP. 1309–1335.

Cook F.L., Barrett E.J. (1992). Support for the American Welfare State: The Views of Congress and the Public Columbia University Press, New York.

Cunha F., Heckman J.J., Schennach S.M. (2010). Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation // Econometrica. Vol. 78. No. 3. PP. 883–931.

Dahrendorf R. (1979). Life chances: approaches to social and political theory. Chicago: University of Chicago Press.

Daston L. (2008). Life, chance & life chances // Daedalus. Vol. 137. No. 1. PP. 5–14.

Deaton A. (2008). Income, health and wellbeing around the world: Evidence from the Gallup World Poll // The Journal of Economic Perspectives. Vol. 22. No. 2. P. 53.

Dempster A.P., Laird N.M., Rubin D.B. (1977). Maximum likelihood from incomplete data via the EM algorithm // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological). Vol. 39. No. 1. PP. 1–22.

Doellgast V., Lillie N., Pulignano V. (2018). From dualization to solidarity: Halting the cycle of precarity. Reconstructing solidarity: Labour unions, precarious work, and the politics of institutional change in Europe. Oxford. Oxford University Press. PP. 1–41.

Domanski H., Heyns B. (1995). Toward a Theory of the Role of the State in Market Transition: From Bargaining to Markets in Post-Communism // European Journal of Sociology (Archives Européennes de Sociologie). 36(2). PP. 317–351.

Duncan O.D. (1961). A socioeconomic index for all occupations. Occupations and Social Status. Ed. by A. Reiss. New York: Free Press.

EBRD. (2017). Transition Report 2016–2017. Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London.

Edlund J. (2006). Trust in the capability of the welfare state and general welfare state support: Sweden 1997–2002 // Acta Sociologica. 49 (4). PP. 395–417.

Edlund J. (1999). Trust in Government and Welfare Regimes: Attitudes to Redistribution and Financial Cheating in the USA and Norway // European Journal of Political Research. 35 (3). PP. 341–370.

Elder G.H.Jr., Caspi A. (1990). Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations / Studying Persons and Lives, ed. *A.I. Rabin, R.A. Zucher, S. Frank*, New York: Springe. PP. 201–247.

Eitzen D.S., Zinn M.B. (1989). The Reshaping of America: Social Consequences of the Changing Economy. Ed. by D. S. Eitzen, M.B. Zinn. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.

Erikson R., Goldthorpe J.H. (1992). The constant flux: A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press.

Evans G., Mills C. (1998). Identifying Class Structure: A Latent Class Analysis of the Criterion-Related and Construct Validity of the Goldthorpe Class Schema // European Sociological Review. Vol. 14. No. 1. PP. 87–106.

Fabian S., Dunn M., Sawyer S., Lehdonvirta V. (2020). Distancing Bonus or Downscaling Loss the Changing Livelihood of US Online Workers in Times of COVID-19 // Journal of Economic and Social Geography. 111 (3). PP. 561–573.

Fana M., Pérez S., Fernández-Macías E. (2020a). Employment impact of Covid-19 crisis: from short term effects to long terms prospects // Journal of Industrial and Business Economics. 47(3). PP. 391–410.

Fana M., Milasi S., Napierala J., Fernandez-Macias E., Vázquez I. (2020b). Telework, work organisation and job quality during the COVID-19 crisis: a qualitative study (No. 2020/11). JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology.

Finseraas H. (2009). Income inequality and demand for redistribution: A multilevel analysis of European public opinion // Scandinavian Political Studies. 32 (1). PP. 94–119.

Forma P. (1997). The rational legitimacy of the welfare state: Popular support for ten income transfer schemes in Finland // Policy and Politics. 25 (3). PP. 235–249.

Gelissen J. (2002). Worlds of Welfare, Worlds of Consent?: Public Opinion on the Welfare State. Publisher: Brill, N.H.E.J., N.V. Koninklijke, Boekhandel en Drukkerij.

Geman S., Geman D. (1984). Stochastic relaxation, Gibbs distributions, and the Bayesian restoration of image // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. No. 6. PP. 721–741.

Gershuny J. (2003). Changing times: Work and leisure in postindustrial society. Oxford University Press.

Giddens A. (1973). The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson.

Gimpelson V., Treisman D. (2018). Misperceiving Inequality // Economics and Politics. No. 30. PP. 27–54.

Goldthorpe J.H. (2002). Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's» Research Agenda» // Acta Sociologica. Vol. 45. No. 3. PP. 211–217.

Goldthorpe J.H., Llewellyn C., Payne C. (1987). Social mobility and class structure in modern Britain. – 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.

Goldthorpe J.H., McKnight A. (2006). The economic basis of social class. Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics. Ed. by S.L. Morgan, D.B. Grusky, G.S. Fields. California: Stanford University Press. PP. 109–137.

Gallie D., Felstead A., Green F., Inanc H. (2014). The quality of work in Britain over the economic crisis. International Review of Sociology. 24 (2). PP. 207–224.

Garcia K., Rodrigues L., Pereira L., Busse G., Irbe M., Almada M., Christensen C., Midão L., Dias I., Heery D., Hardy R., Quarta B., Poulain M., Bertram M., Karnikowski M., Costa E. (2021). Improving the digital skills of older adults in a COVID-19 pandemic environment // Educational Gerontology. 47 (5). PP. 196–206.

Groskind F. (1994). Ideological influences on public support for assistance to poor families // Social Work. 39 (1). PP. 81–89.

Grusky D. (2011). The Stories About Inequality That We Love to Tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press. PP. 1–13.

Grusky D. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. – 2nd ed. Ed. by D.B. Grusky. Boulder: Westview Press. PP. 1–51.

Grusky D., Weeden K. (2008). Are There Social Classes? An Empirical Test of the Sociologist's Favorite Concept // in D. Conley and A. Laureau (eds.) Social Class: How Does it Work? New York: Russell Sage Foundation. PP. 65–92.

Gundelach P. (1994). National value differences: modernization or institutionalization? // International Journal of Comparative Sociology. 35 (1–2). P. 37–58.

Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. (2016). An Economy for the 1%. How Privilege and Power in the Economy Drive Extreme Inequality and how This Can be Stopped. Oxfam Briefing Paper. Oxfam GB, Oxford, UK.

Hareven T.K. (1991). The history of the family and the complexity of social change // The American Historical Review. T. 96. No. 1. PP. 95–124.

Hasenfeld Y., RaVerty J.A. (1989). The Determinants of Public Attitudes Toward the Welfare State // Social Forces. 67. PP. 1027–1048.

Heckman J.J. (2006). Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children // Science. Vol. 312. No. 5782. PP. 1900–1902.

Heckman J.J. (2000). Policies to foster human capital // Research in Economics. Vol. 54. No. 1. P. 3–56.

Huizinga J. (1949). Homo Ludens: A study of the play-element in culture. Routledge.

Hurley J., Fernández-Macías E., Bisello M., Vacas C., Fana M. (2019). European Jobs Monitor 2019: Shifts in the employment structure at regional level. Eurofound and European Commission Joint Research Centre, Publications Office of the European Union, Luxembourg.

Isaeva A., Salahodjaev R. (2021). Correlates of life satisfaction inequality in Russia // Applied Research in Quality of Life. 16 (5). PP. 2251–2269.

Iversen T., Soskice D. (2001). An Asset Theory of Social Policy Preferences // American Political Science Review. 95 (4). PP. 875–93.

Jæger M.M. (2013). The effect of macroeconomic and social conditions on the demand for redistribution: A pseudo panel approach // Journal of European Social Policy. 23 (2). PP. 149–163.

Jæger M.M. (2006). Welfare regimes and attitudes towards redistribution: the regime hypothesis revisited // European Sociological Review. 22 (2). PP. 157–170.

Jiang X., Fang L., Lyons M. (2019). Is life satisfaction an antecedent to coping behaviors for adolescents? // Journal of youth and adolescence. 48 (11). PP. 2292–2306.

Joll C., McKenna C., McNabb R., Shorey J. (2018). Developments in labour market analysis. Routledge.

Johnson S., Robertson I., Cooper C. (2018). Well-being: Productivity and happiness at work. – 2nd ed. Gewerbestrasse: Springer.

Jonsson J., Grusky D., Di Carlo M., Pollak R., Brinton M. (2009). Microclass Mobility: Social Reproduction in Four Countries // American Journal of Sociology. Vol. 114. No. 4. PP. 977–1036.

Kaare S. (1965). Social Differentiation. New York: David McKay Company.

Kalleberg A.L. (2021). Precarious Lives: Filling the Gaps // Contemporary Sociology. 50 (2). PP. 114–118.

Kalleberg A.L. (2018). Precarious lives: Job insecurity and well-being in rich democracies. John Wiley & Sons.

Kalleberg A.L. (2011). Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s to 2000s. New York: Russell Sage Foundation.

Kalleberg A.L., Reskin B.F., Hudson K. (2000). Bad Jobs in America: Standard and Nonstandard Employment Relations and Job Quality in the United States // American Sociological Review. Vol. 65. PP. 256–278.

Kost D., Fieseler C., Wong S. (2020). Boundaryless careers in the gig economy: An oxymoron? // Human Resource Management Journal. 30 (1). PP. 100–113.

LaBriola J., Schneider D. (2020). Worker Power and Class Polarization in Intra-Year Work Hour Volatility // Social Forces. 98 (3). PP. 973–999.

Lezhnina Y. (2019). «Russians' Expectations from the State Social Policy as an Indicator of Their Risks and Opportunities» // The Journal of Comparative Economic Studies. Vol. 14.

Lipps O., Oesch D. (2018). The working class left behind? The class gap in life satisfaction in Germany and Switzerland over the last decades // European Societies. 20 (4). PP. 549–571.

Manning N., Tikhonova N. (Eds.). (2017). Poverty and social exclusion in the new Russia. – 2nd ed.: Routledge.

Mareeva S.V., Lezhnina Y.P. (2019). Income Stratification in Russia: What do Different Approaches Demonstrate? // Studies of Transition States and Societies. Vol. 11. No. 2. PP. 23–46.

Martin P. (2005). The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. No. 12. PP. 83—108.

Mason D.S. (1995). Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States // Slavic Review. 54 (2). PP. 385–406.

Mason D.S., Kluegel J., Wegener B. (1995). Social justice and political change: Public opinion in capitalist and post-communist states. New York: A. de Gruyter.

Mazziotta M., Pareto A. (2017). Measuring Well-Being Over Time: The Adjusted Mazziotta–Pareto Index Versus Other Non-compensatory Indices // Social Indicators Research. No. 1. PP. 1–10.

McDonough P. (1995). Identities, Ideologies and Interests: Democratization and the Culture of Mass Politics in Spain and Eastern Europe // The Journal of Politics. 57 (3). PP. 649–676.

McGovern P., Hill S., Mills C., White M. (2007). Market, Class and Employment. Oxford: Oxford University Press.

Mincer J. (1962). On-the-job training: Costs, returns, and some implications // The journal of political economy. No. 70 (5). PP. 50–79.

Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. Vol. 66. No. 4. PP. 281–302.

Mira M. (2021). New Model for Measuring Job Quality: Developing an European Intrinsic Job Quality Index (EIJQI) // Social Indicators Research. 155. PP. 625–645.

Moen P., Wethington E. (1992). The Concept of Family Adaptive Strategies // Annual Review of Sociology. T. 18. No. 1. PP. 233–251.

Narotzky S., Besnier N. (2014). Crisis, value, and hope: rethinking the economy // Current Anthropology. T. 55. No. S9. PP. S4–S16.

Noll H.-H. (2011). The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective // Social Indicators Research. Vol. 102. No. 1. PP. 111–116.

OECD. (2018). A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en.

OECD. (2017). OECD Skills Outlook 2017: Skills and global value chains. OECD Publishing, Paris.

OECD. (2016). Russian Federation. Education at a Glance: OECD Indicators. Ed. OECD Publishing, Paris.

Papadakis E., Bean C. (1993). Popular Support for the Welfare State: A Comparison between Institutional Regimes // Journal of Public Policy. PP. 227–254.

Parsons T. (1963). On the concept of influence // Public opinion quarterly. Vol. 27. No. 1. PP. 37–62.

Peillon M.A. (1996). Qualitative Comparative Analysis of Welfare State Legitimacy // Journal of European Social Policy. 6 (3). PP. 175–190.

Popova D., Pishniak A. (2016). Measuring individual material well-being using multidimensional indices: an application using the Gender and Generation Survey for Russia // Social Indicators Research. Vol. 125. No. 3. PP. 1–28.

Porter L.W, Steers R.M. (1973). Organizational, work, and personal factors in employee turnover and absenteeism. // Psychological Bulletin. 80. PP. 151–176.

Rani U., Dhir R. (2020). Platform work and the COVID-19 pandemic // The Indian Journal of Labour Economics. 63 (1). PP. 163–171

Rehm P. (2011). Social policy by popular demand // World Politics. 63 (2). PP. 271–299.

Robinson L., Cotten S., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Shulz J., Hale T., Stern, M. (2015). Digital inequalities and why they matter // Information, communication & society. 18 (5). PP. 569–582.

Rodrik D., Stantcheva S. (2021). Fixing capitalism's good jobs problem // Oxford Review of Economic Policy. 37 (4). PP. 824–837.

Rose D., Stavrova O. (2019). Does life satisfaction predict reemployment? Evidence form German panel data // Journal of Economic Psychology. 72. PP. 1–11.

Roy S., Orazem P. (2021). Active leisure, passive leisure and health // Economics & Human Biology. 43.

Sá M., Santos A., Serpa S., Miguel Ferreira C. (2021). Digitainability—Digital Competences Post-COVID-19 for a Sustainable Society // Sustainability. 13 (17). PP. 9564.

Salmina A. (2014). Social Attitudes towards Welfare Policies in Russia and Other European Countries // International Social Work. 57 (5). PP. 459–469.

Saraceno C. (1989). The concept of family strategy and its application to the family-work complex: some theoretical and methodological problems // Marriage & Family Review. T. 14. No. 1–2. PP. 2–18.

Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013). A new model of social class? Findings from the BBC's Great British Class Survey experiment. Sociology. Vol. 47. No. 2. PP. 219–250.

Savage M., Li C. (2021). Introduction to thematic series "New sociological perspectives on inequality" // Journal of Chinese Sociology. No. 8.

Simon H. (1991). Organizations and markets // Journal of economic perspectives. 5 (2). PP. 25–44.

Scott J. (2007). Power, Domination and Stratification: Towards a Conceptual Synthesis // Sociologia Problemas e Praticas. No. 55. PP. 25–39.

Scott J. (2002). Social class and stratification in late modernity // Acta Sociologica. Vol. 45. No. 1. P. 23–35.

Sen A. (1999). Development as freedom. Oxford: Oxford University Press.

Sen A. (1983). Development: Which way now? // The Economic Journal. Vol. 93. No. 372. PP. 745–762.

Seo H. (2021). 'Dual'labour market? Patterns of segmentation in European labour markets and the varieties of precariousness. Transfer: European Review of Labour and Research.

Schultz T. (1961). Investment in human capital // The American Economic Review. 51(1), 1–17.

Smith K. (2007). Operationalizing Max Weber's probability concept of class situation: the concept of social class // The British Journal of Sociology. Vol. 58. No. 1. PP. 87–104.

Sorensen A.B. (2000). Toward a sounder basis for class analysis // The American Journal of Sociology. Chicago. Vol. 105. No. 6. PP. 1523–1558.

Spreitzer G., Cameron L., Garrett L. (2017). Alternative work arrangements: Two images of the new world of work // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 4. PP. 473–499.

Staff J., Harris A., Sabates R., Briddell L. (2010). Uncertainty in early occupational aspirations: Role exploration or aimlessness? // Social forces. 89 (2). PP. 659–683.

Standing G. (2011). The precariat: The new dangerous class. London: A&C Black.

Steptoe A., Deaton A., Stone A. A. (2015). Subjective wellbeing, health, and ageing // The Lancet. Vol. 385. No. 9968. PP. 640–648.

Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. (2010). Mismeasuring our lives: Why GDP Doesn't add up. New York: The New Press.

Svallfors S. (2003). Welfare Regimes and Welfare Opinions: A Comparison of Eight Western Countries // Social Indicators Research. PP. 171–196.

Svallfors S. (1997). Worlds of Welfare and Attitudes to Redistribution: A Comparison of Eight Western Nations // European Sociological Review. 13 (3). PP. 283–304.

Taylor-Gooby P., Leruth B. (Eds.) (2018). Attitudes, Aspirations and Welfare: Social Policy Directions in Uncertain Times.Basinkstoke: Palgrave Macmillan.

Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. (2015). The Heterogeneous Character of Russian Poverty Through the Prism of the "Deprivation" and the "Absolute" Approaches // Sociological Research. Vol. 54. No. 1. PP. 20–40.

Tilly C. (1996). Half a Job: Bad and Good Part-Time Jobs in a Changing Labor Market. Philadelphia, PA: Temple University Press.

Trzebiński J., Cabański M., Czarnecka J. (2020). Reaction to the COVID-19 pandemic: the influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity // Journal of Loss and Trauma. 25 (6–7). PP. 544–557.

Tumin M.M. (1973). Patterns of Society: Identities, Roles, Resources. Boston, MA: Little, Brown.

Van Deursen A., Van Dijk J. (2014). Digital skills: Unlocking the information society. Springer.

Van Kempen E.T. (1994). The dual city and the poor: social polarisation, social segregation and life chances // Urban Studies. Vol. 31. No. 7. PP. 995–1015.

Van Oorschot W., Meuleman B. (2012). Does popular support for welfare states depend on their outcomes? In S. Svallfors (Ed.), Contested welfare states: Welfare attitudes in Europe and beyond. Stanford, CA: Stanford University Press. PP. 25–57.

Veenhoven R. (2005). Return of inequality in modern society? Test by dispersion of life-satisfaction across time and nations // Journal of Happiness Studies. 6 (4). PP. 457–487.

Vittersø J. (2011). Recreate or create? Leisure as an arena for recovery and change. In R. Biswas-Diener (Ed.). Positive psychology as social change (pp. 293–308). Springer, Dordrecht.

Vrasti W. (2021). Struggling with Precarity: From 'More Jobs' to Post-work Politics. In: R. Vij, T. Kazi, Wynne-Hughes E. (Eds.) Precarity and

International Relations. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan, Cham.

Wanous J.P., Poland T.D., Premack S.L., Davis K.S. (1992). The effects of met expectations on newcomer attitudes and behaviors: A review and meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 77 (3). PP. 288–297.

Warren T., Lyonette C. (2018). Good, Bad and Very Bad Part-time Jobs for Women? Re-examining the Importance of Occupational Class for Job Quality since the 'Great Recession' in Britain // Work, Employment and Society. 32 (4). PP. 747–767.

Watts G. (2020). COVID-19 and the digital divide in the UK // The Lancet Digital Health. 2 (8). PP. e395–e396.

Weber M. (1994). Class, Status, Party. Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Ed. by David B. Grusky. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press.

Weber M. (1978). Economy and society. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press.

Weeden K.A., Grusky D.B. (2005). The case for a new class map // American Journal of Sociology. Vol. 111. No. 1. PP. 141–212.

Weininger E.B. (2005). Pierre Bourdieu on social class and symbolic violence. Approaches to class analysis. Ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press.

White A., Murphy T.B. (2014). BayesLCA: An R package for Bayesian latent class analysis. Journal of Statistical Software. Vol. 61. No. 13. PP. 1–28.

Williams T., Hill M., Davies R. (1999). Attitudes to the Welfare State and the Response to Reform (A Report of Qualitative and Quantitive Research on Attitudes to the Welfare State and to Proposals for Reform / Research report (Great Britain. Dept. of Social Security). Corporate Document Services.

Williamson O. (1966). The mechanisms of governance. Oxford University Press.

World Bank (2018). Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle. Washington, DC: World Bank.

World Bank (2016). Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank.

Wright E.O. (2005a). Conclusion: If "class" is the answer, what is the question? Approaches to class analysis. Ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. PP. 180–192.

Wright E.O. (2005b). Foundations of a neo-Marxist Class Analysis. Approaches to class analysis. Ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press. PP. 4–30.

Wright E.O. (2000). Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sørensen's "Sounder Basis" // American Journal of Sociology. Vol. 105. No. 6. PP. 1559–1571.

Wright E.O. (1997). Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge Cambridge University Press.

Wright E.O. (1989a). A General Framework for the Analysis of Class Structure. The debate on classes. Ed. by E. O. Wright, others. New York: Verso. PP. 269–348.

Wright E. (1989b). Rethinking once again the concept of class structure // in E.O. Wright & others (Eds.), The Debate on Classes. New York: Verso.

Yoon Y., Chung H. (2016). New forms of dualization? Labour market segmentation patterns in the UK from the late 90s until the post-crisis in the late 2000s. // Social Indicators Research. 128 (2). PP. 609–631.

Zubarevich N., Safronov S. (2011). Regional Inequality in Large Post-Soviet Countries // Regional Research of Russia (RRR). Vol. 1. No. 1. PP. 15–26.

Zweig F. (1961). The worker in an affluent society: family life and industry. Free Press of Glencoe.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), "Poverty and Social Exclusion in the New Russia" (London, 2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографиях «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др. Автор глав в монографиях по результатам международных проектов ("Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective" (2013), "The Middle Income Group in China and Russia" (2021), "Life Expectations of the People" (2021)). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович – кандидат экономических наук, Ph.D. (Эссекс, социология), доцент Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы неравенства и социально-экономического развития, вопросы социальной стратификации новейшей России, профессиональная структура и человеческий капитал. Автор более 90 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, человеческий капитал профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 40 научных работ, в том числе статей в ведущих российских научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских и международных исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна – кандидат социологических наук, руководитель Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокуль-

турная динамика. Автор более 60 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “Life Expectations of the People: A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, зав. Центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальное неравенство, социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “The Middle Income Group in China and Russia» (2021), “Life Expectations of the People. A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Routledge Handbook of Russian Politics and Society” (2022) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Руководитель и участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и человеческого потенциала.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, социальное неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальное неравенство. Автор более 30 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

ОБЩЕСТВО НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура современной России

Под редакцией *Н.Е. Тихоновой*

Редактор: *В.А. Демьянович*
Корректор: *Е.Г. Волкова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать 04.2022
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж ... экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
http://www.vesmirbooks.ru
E-mail: info@vesmirbooks.ru
Тел. 8 (495) 632-47-04/06